

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3(1)

Киров
2012

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор О. Коробкова
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Внутских А. Ю., Ненашев М. И.</i> О некоторых альтернативах философской интерпретации антропного принципа	6
<i>Макаров С. П.</i> Основания достоверности у Вл. Соловьева и Э. Гуссерля	16
<i>Соловьев Е. В.</i> Этнос в социально-ролевой парадигме	23
<i>Хафунжева М. А.</i> Эпистемологический аспект телесности в творческом опыте	27

ИСТОРИЯ

Отечественная история

<i>Холмс Л.</i> Война и эвакуация 1941 г.: всё как всегда?	32
<i>Савосичев А. Ю.</i> Дьяки второй четверти XV в.: происхождение и социальные связи	42
<i>Калинина Д. А.</i> Система органов центрального управления Российской империи конца XIX – начала XX в.: теоретико-правовой и историографический аспекты	47
<i>Гринько К. М.</i> Духовно-просветительская деятельность архиепископа Фаддея (Успенского) в конце XIX – первом десятилетии XX в.	54
<i>Смирнова А. А.</i> Организация взаимодействия губернаторов, вице-губернаторов и правителей канцелярии в конце XIX – начале XX в. в Вятской губернии	58

Всеобщая история

<i>Животич А.</i> Сближение Югославии с Западом и международное положение Албании (1951–1953 гг.)	62
<i>Зырянова А. В.</i> Реакция Соединенных Штатов на политические изменения в Польше (1949–1952 гг.)	74

ПРАВО

<i>Шаклеин Н. И.</i> К вопросу о совершенствовании внутренней организации органов народного представительства в России	80
<i>Заболотских Е. М.</i> Об ответственности органов народного представительства муниципального уровня	83
<i>Комарова И. А.</i> К вопросу о степени самостоятельности избирательного права в системе права Российской Федерации	87
<i>Ижнина А. П.</i> Проблема определения пределов защиты в деятельности адвоката в досудебных стадиях уголовного процесса	91
<i>Редиккульцева Е. Н.</i> К вопросу о правовом регулировании установления и введения норм труда	94
<i>Николина Н. С.</i> Исторические аспекты проблемы института «предмет преступления» в российской науке уголовного права	97
<i>Урванцева Е. В.</i> К вопросу об административно-правовом статусе индивидуального предпринимателя	104

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Поздеев В. А.</i> Становление вятской школы поэзии в 60–70-х гг. XVIII в. (жанр оды в вятских рукописных сборниках)	109
<i>Чернова С. В.</i> Образ жизни – образ человека (на материале рассказа Ю. Казакова «Нестор и Кир»)	115

<i>Никола М. И.</i> Истоки женской повествовательной прозы в Англии («Откровения Божественной любви» Юлианы из Нориджа и «Книга Маджери» М. Кемп из Линна)	121
<i>Байкова О. В.</i> Немецкие островные диалекты Кировской области: особенности их функционирования в условиях межъ- и внутриязыкового взаимодействия	130

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЭСТЕТИКА

<i>Фадеева И. Е.</i> Концепт и дидактика: педагогические аспекты культурной антропологии	134
<i>Иванова А. В.</i> Сценическая реальность в аспекте философии возможного	140

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Ходырева Е. А.</i> Проблемы и перспективы взаимодействия вуза и работодателей в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования	143
<i>Данюшенков В. С.</i> Индивидуализация лабораторных работ по физике	148
<i>Куклина С. С.</i> Автономия как результат сформированности учебно-познавательной компетенции у изучающих иностранный язык	151
<i>Ковров В. В.</i> Психологическая безопасность детей, находящихся в трудной жизненной ситуации в образовательной среде школы: опыт эмпирического исследования	156
<i>Мосунова А. А.</i> Актуальные вопросы психологии чтения художественной литературы	162

ПЕРСОНАЛИИ

К 100-летию Варздата Сумбатовича Арутюняна	172
<i>Сведения об авторах</i>	173
<i>Information about authors</i>	176

CONTENTS

- Vnitskikh A. Y., Nenashev M. I.* About some alternatives of anthropic principle's philosophical interpretation
- Makarov S. P.* Based on reliability, Vl. Soloviev and E. Husserl
- Solovjev E. V.* Ethnos in social-role paradigm
- Kharunzbeva M. A.* Epistemological aspect of corporality in the creative experience
- Holmes Larry E.* War and Evacuation in 1941: Business as Usual?
- Savosichev A. Yu.* Dyaki the second quarter of the XV century: origin and social communication
- Kalinina D. A.* The system of central control of the Russian Empire in the late XIX – early XX century: Theoretical, legal and historiographic aspect
- Grinko K. M.* The Spiritually-enlightening activities of the Archbishop Faddey (Uspensky) from the late nineteenth to the first decade of the twentieth century
- Smirnova A. A.* Organization of interaction between governors, vice-governors and chiefs of the offices at the end of XIX – early XX centuries in the Vyatka Province
- Zhivotich A.* Yugoslav rapprochement with the West and the international position of Albania (1951–1953)
- Zyryanova A. V.* Reaction of United States to political changes in Poland (1949–1952)
- Shaklein N. I.* To question on improving the internal organization of the body of popular representation in Russia
- Zabolotskikh E. M.* On the responsibility of the body of popular representation of the municipal level
- Komarova I. A.* To question on the degree of independence of the electoral law in the legal system of the Russian Federation
- Izbnina L. P.* Problem of definition of limits of protection in activity of the lawyer in prejudicial stages of criminal trial
- Redikultseva E. N.* To the question on legal regulation establishments and introductions of norms of work
- Nikolina N. S.* Historical aspects of a problem of institute «crime subject» in the Russian science of criminal law
- Urvanceva E. V.* To the question about administrative responsibility of individual businessman
- Pozdeev V. A.* Becoming Vyatka school of poetry in the 60's and 70's of the eighteenth century (genre of odes in Vyatka manuscript collections)
- Chernova S. V.* A mode of life – an image of the person (on the material of the story by Y. Kazakov «Nestor and Kir»)
- Nikola M. I.* The Beginnings of Women's Narrative Prose in England (“Revelations of Divine Love” by Julian of Norwich and “The Book of Margery” by Margery Kemp of Lynn)
- Baykova O. V.* German island dialects in the Kirov region – their functioning in the conditions of language interaction
- Fadeeva I. E.* Concept and Didactics: Pedagogical aspects of cultural anthropology
- Ivanova A. V.* Theatrical reality in terms of the philosophy of the possible
- Khodyreva E. A.* Problems and prospects of interaction of higher education institution and employers in the conditions of realization of Federal state educational standards of higher education
- Danyushenkov V. S.* Individualization of laboratory works in physics
- Kuklina S. S.* Autonomy as a Result of Formation of Cognitive Competence in Foreign Language Learners
- Kovrov V. V.* The Role of School Environment in Psychological Safety of Children in Difficult Life Situation: the empirical study
- Mosunova L. A.* Current issues in psychology of readingfiction

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 141.1

А. Ю. Внутских, М. И. Ненашев

О НЕКОТОРЫХ АЛЬТЕРНАТИВАХ ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТРОПНОГО ПРИНЦИПА*

В этой статье, имеющей дискуссионный характер, обсуждаются два альтернативных подхода к философской интерпретации антропного принципа. Согласно первому человек возникает в «мультиверсе» физических вселенных как закономерный по содержанию результат глобальной эволюции природы, хотя по форме это случайный феномен. Согласно второму появление человека является только случайным отклонением («клинамен») от пути природной эволюции – законы природы лишь не запрещают появление «наблюдателя».

Two alternatives of anthropic principle's philosophical interpretation are discussed in this debatable article. According to first interpretation, the human arises as obligate result of nature's global evolution in *multiverse* of physical Universes in fact, although the human is accidental phenomenon in form. According to second interpretation, the human arising is accidental deviation (*clinamen*) from nature's evolution line – nature's laws don't prohibit arising of *observer* only.

Ключевые слова: антропный принцип, случайность и необходимость в появлении человека.

Keywords: anthropic principle, chance and necessity in arising of human.

Поводом для написания данной статьи послужило независимое опубликование ее соавторами работ, затрагивающих проблематику так называемого «антропного принципа» [1]. Выяснилось, что наши интерпретации данного принципа существенно отличаются друг от друга – при этом мы согласны в том, что философское осмысление этого принципа имеет важное значение. Так возникла идея написания совместной статьи в форме полемического диалога, направленного на прояснение наших позиций с использованием развернутой аргументации. Насколько это у нас получилось – судить читателю.

* Вклад А. Ю. Внутских в создание статьи поддержан грантом ЕЗН Минобрнауки «Философия как инновационный фактор науки и образования» № 1.13.11.

Структура данной работы соответствует указанным целям. Первая часть написана А. Ю. Внутских и содержит анализ статьи М. И. Ненашева «Антропный принцип и проблема наблюдателя» – в чем-то поддерживающий идеи ее автора, а в чем-то критический. Вторая часть статьи принадлежит М. И. Ненашеву. Затем соавторы высказывают мнение по поводу изложенных позиций друг друга в виде ответных реплик.

Михаил Иванович!

В заключение своей интересной по форме и глубокой по содержанию статьи Вы делаете следующий вывод: «...появление человека (наблюдателя) ни в коей мере не является необходимым звеном природной эволюции. А это заставляет скептически относиться к присутствию в словосочетании “антропный космологический принцип” слова “антропный”. Тем не менее можно согласиться с формулировкой сильной версии Картера, правда, с некоторым уточнением: Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции *все же* допускалось существование наблюдателей» [2].

Каким образом Вы приходите к данному заключению?

В первую очередь, в полном соответствии с системой фактов современного естествознания, Вы признаете, что константы Вселенной обеспечивают возможность существования устойчивых, причем все более сложных материальных систем: планетных, атомных, квантовых и, в конечном счете, биологических. Однако далее Вы подчеркиваете, что «...свойства объектов неживой материи и поведение живых существ, за исключением человека, определяются их строением, или структурой, соотношением элементов и частей. И только человек *в своем собственно человеческом поведении* (выделено Вами. – А. В.) не определяется особенностями своего телесного строения» [3]. Под собственно человеческим поведением Вы понимаете прямохождение, которое развивается в контексте системы табу и само является ее элементом (перемещение на четырех конечностях начинает табуироваться); в частности, речь идет о запрете инцеста и введении соответствующих брачных правил, запрете употреблять определенные виды животных и растений в пищу

и т. д. Все эти явления биологически совершенно нецелесообразны, они поставили формирующихся людей на грань выживания – «тем не менее, что-то заставляло их ходить прямо *вопреки требованиям естественного отбора*» (выделено Вами. – А. В.) [4].

Соответственно, «человек не может быть понят как закономерный и неизбежный результат эволюции живого вещества и Вселенной в целом. Могут возникнуть лишь предпосылки в виде существ телесно достаточно сложно организованных... Но сами по себе эти предпосылки в виде устойчивых структур даже чрезвычайно сложного уровня еще не достаточны... для возникновения существ, способных к собственно человеческому поведению» [5]. Поэтому «появление человека есть дело *случая*» [6]. Исходя из этого Вы констатируете, что «несколько миллионов лет назад спонтанно начался процесс формирования новой реальности, потому что некий фрагмент Вселенной отклонился самопроизвольно – клинамен – от линии глобальной эволюции» [7]. Именно поэтому говорить о собственно *антропном* принципе не приходится: ведь человек есть не что иное как некая аберрация, спонтанный «разрыв» в последовательности закономерной природной эволюции, который начинает свою историю именно тогда, когда ставит под вопрос собственное биологическое существование (и продолжает он ее, между прочим, тем же самым – достаточно вспомнить об арсеналах оружия массового уничтожения и антропогенном экологическом кризисе).

На наш взгляд, в этих положениях много верного. Вместе с тем данная интерпретация эволюции природы, появления человека и антропоного принципа представляется нам в целом ошибочной. Начнем с того, что и в современной эволюционной космологии, базирующейся на представлениях об *инфляции* (экспоненциально быстром «раздувании» вселенной, которое предшествовало Большому Взрыву), и в концепции *струн* (претендующей на роль наиболее фундаментальной теории элементарных частиц) именно антропная аргументация становится важнейшим, ключевым элементом – в свете этих концепций «антропное мировоззрение неизбежно» [8].

Почему? Согласно данной картине мира, Вселенная (т. е. вся существующая физическая материя) представляет собой *мультиверс «островных» вселенных*, которые возникают и расширяются (каждая со своим завершением инфляции – т. е. со своим Большим Взрывом) в «океане» инфлирующего ложного вакуума. Таким образом, инфляция – это процесс, «который остановился в наших окрестностях, но продолжается в других частях Вселенной, заставляя ее расширяться в бешеном темпе, постоянно выметывая

новые островные вселенные, подобные нашей» [9]. «Островные» вселенные рождаются как пузырьки пространственно-временной «пены», и за счет квантовых эффектов физические свойства в них могут различаться радикально (возможны варианты с другими значениями физических констант, и более того – с иными типами вакуумов, существующих элементарных частиц, иным количеством измерений пространства). Так, по приблизительной оценке, энергетический ландшафт теории струн содержит 10^{500} различных вакуумов. Лишь немногие из них пригодны для жизни – но «гуголы вакуумов будут иметь космологическую постоянную в антропно приемлемом интервале», и потому создатель теории струн Л. Сасскинд вполне обоснованно называет энергетический ландшафт теории струн «*антропным ландшафтом*» [10].

В свою очередь, каждая «островная» вселенная также представляет собой *мультиверс*, поскольку является совокупностью так называемых «*О-регионов*»; наблюдать другие такие регионы непосредственно мы не можем, поскольку они находятся на расстоянии, превышающем расстояние, которое свет прошел после Большого Взрыва. Каждый такой регион представляет собой сферу с диаметром до 80 млрд световых лет (поскольку время распространения света от самых далеких наблюдаемых галактик составляет порядка 13–15 млрд лет, причем все это время удаление самих этих галактик продолжается) и может характеризоваться колоссальным (но конечным!) числом возможных состояний материи – 10^{90} . Соответственно, число возможных историй «*О-региона*», подобного нашему, составляет еще большее (но опять-таки конечное) число – 10^{150} [11].

Разумеется, как и большинство «островных» вселенных, далеко не все «*О-регионы*» населены. Например, центральные части больших «островов», которые вышли из состояния ложного вакуума раньше, темны и пустынные – звездообразование здесь давно закончилось и жизнь исчезла; звездообразование и жизнь находятся ближе к «периферии» каждого расширяющегося острова. Но для нашей темы принципиально важно то, что исходя из концепции «мультиверса в мультиверсе» (Большой Вселенной как множества островных вселенных, состоящих из множества *О-регионов*), поддержанной крупнейшими космологами современности, *наблюдатели в нем, в том числе и разумные, обязательно присутствуют*. Более того, по мнению ряда исследователей, возможно существование «клонов» обитаемых «*О-регионов*» (в силу упомянутой конечности возможных состояний материи в них), в которых обстоятельства жизни разумных наблюдателей отличаются в минимальной степени – либо не различаются вовсе.

Это уже не просто антропный принцип (причем в сильной формулировке) – это *«принцип заурядности разумных наблюдателей во Вселенной»*. В связи с этим А. Виленкин проследивает историю наших представлений о месте человека в мире следующим образом. «В представлениях древних... люди были центром Вселенной... Наш уход с авансцены начался с трудов Коперника... И все же нас грела мысль, что на Земле есть нечто совершенно особенное – что... человеческая цивилизация... уникальна во всей Вселенной. Теперь мы лишились и этой последней претензии на уникальность... По бесконечным просторам космоса разбросано бесчисленное множество идентичных цивилизаций» [12].

Таким образом, Вы безусловно правы в том смысле, что из-за квантовых эффектов появление наблюдателя в *конкретном* регионе *конкретной* «островной» вселенной объективно случайно. Однако сказанное о новейших достижениях физики отнюдь не способствует принятию идеи сугубой случайности человека в *Большой Вселенной в целом* (в «мультиверсе мультиверсов»). Скорее, здесь окажется более приемлемой во многом компромиссная концепция *иерархии возможностей*, предложенная в свое время О. А. Баргом и в настоящее время разрабатываемая нами [13]. Согласно ей реализация общих возможностей – в том числе возможности появления наблюдателя в Большой Вселенной – *необходима* (уровень эволюционного «номогенеза»); однако эти сравнительно немногочисленные общие возможности воплощаются в единичных вещах объективно *случайным образом*, т. е. при случайной реализации каких-то элементов из практически бесконечного множества особенных и единичных возможностей (уровень эволюционного «тихогенеза»). Таким образом, для каждого «О-региона» и каждой «островной» вселенной выполняется слабая версия антропного космологического принципа (констатирующий лишь факт – возможно случайный – совпадения фундаментальных физических констант), а для Большой Вселенной или «мультиверса мультиверсов» появление наблюдателя необходимо, и выполняется сильная версия антропного космологического принципа в формулировке Б. Картера [14]. Любопытно, что концепция иерархии возможностей настаивает на избыточности, «вырожденности» многообразия единичных возможностей, фактически дублирующих друга (через какую конкретно единичную возможность будет реализована необходимая общая, совершенно непринципиально). Это положение в целом также соответствует предположению космологов о существовании «клонов» обитаемых «О-регионов» (конечно, если допустить отсутствие вещественно-энергетических ограничений на «фронтальную» реализацию таких «клонов»).

Но далее Вы, Михаил Иванович, ставите очень важный вопрос – о *необходимости или случайности появления человека в ходе земной биологической эволюции* – фактически, вопрос об *антропном принципе в биологии*. По видимости, утверждение о закономерном переходе от биологического к социальному представляет собой нонсенс, поскольку он, как кажется, направлен *против* создающего биологическую целесообразность естественного отбора. И с этим также можно отчасти согласиться – достаточно вспомнить о многочисленных физиологических проблемах, связанных с формирующимся прямохождением.

Однако нас сразу должны насторожить два обстоятельства. Во-первых, по данным этологов, современные шимпанзе способны иногда к достаточно длительному прямохождению, широко используют и модифицируют природные орудия и обладают высокоразвитой психикой [15]. Во-вторых, передвижение на нижних конечностях формировалось в эволюции рептилий, птиц и млекопитающих независимо и неоднократно; тенденция к развитию ЦНС (цефализация), ВНД и элементов орудийной деятельности также может быть прослежена в самых разных подразделениях органического мира. Такого рода «параллелизмы» – явный признак некой общей возможности биологической эволюции, которая в итоге обязательно будет реализована. Через осознание таких параллелизмов и многочисленных ограничений (организационных, экологических, генетических), которые «канализируют» развитие жизни, современная биология вплотную подошла к выводу, что «эволюция – это процесс в целом закономерный и predeterminedный, но в деталях и частностях случайный» [16]; на наш взгляд, это высказывание очень хорошо соотносится с идеей иерархии возможностей развития, которое в общих чертах является процессом направленным. Длинный перечень параллелизмов связан с каждым крупным этапом биологической эволюции. Например, эукариоты достигали многоклеточного уровня организации как минимум 24 раза в разных эволюционных ветвях [17]; на основании подобных параллелизмов биологи говорят об «артроподизации», «тетраподизации», «орнитизации», «маммализации» (направленности на появление членистоногих, амфибий, птиц, млекопитающих соответственно), «ангиоспермизации» (направленности на появление покрытосеменных растений), и, наконец, о *гоминизации* [18].

Однако можно сказать, что все эти факты и теории говорят лишь о закономерном формировании *биологических предпосылок* возникновения человека – но не самого человека как такового. Вернемся к Вашему основному возражению: можно ли считать закономерным результатом биологической эволюции существо, которое своим

поведением *отрицает* биологическую целесообразность? На наш взгляд, да, можно. Но только в случае, если рассматривать это отрицание как *диалектическое*. Одним из первых идеи такого рода высказал известный отечественный антрополог Б. Ф. Поршневу [19], а затем, в контексте конкретно-всеобщей диалектики, их развивал О. А. Барг [20]. Зная о Вашем справедливо негативном отношении к догматизированной форме диалектики [21], хотелось бы уточнить, что в данном случае речь идет о диалектике *конкретно-всеобщего* плана, включающей не только предельно общую характеристику развития, но и сжатое описание особенного – конкретных этапов мирового процесса, вытекающих один из другого как следствие «диалога» более сложного и более простого.

Для понимания произошедшего с нашими далекими предками следует, прежде всего, определить сущность жизни, которая, собственно, и подвергалась указанному диалектическому отрицанию в ходе формирования человека. По мнению О. А. Барга, жизнь можно коротко определить как «*высокоорганизованный субстрат, способный к... внутреннему активному ограничению собственной пространственной редупликации*» (выделено О. А. Баргом. – А. В.), что можно рассматривать в качестве конкретизации тезиса о сущности жизни как *самосохранения* [22].

Цепочка рассуждений здесь такова. Система фактов химических наук свидетельствует, что сущностной тенденцией химической материи является синтез, связанный с катализом; каталитический акт, основанный на функционировании слабых неполновалентных связей, в свою очередь можно рассматривать как диалектическое отрицание собственно физических взаимодействий [23]. Высшими выражениями такого синтеза и одновременно пределом самостоятельной химической эволюции являются рост и пространственная редупликация, т. е. размножение химической основы живого – открытой каталитической системы (ОКС), по А. П. Руденко [24]. Собственно *живыми* размножающиеся ОКС становятся только когда начинают регулировать свой рост и численность. Так, уже у бактерий появляются эффективные механизмы регуляции численности в условиях ограниченности ресурсов среды – это, собственно, и делает их совокупности популяциями; в многоклеточном организме деление клеток находится под еще более жестким контролем; в экосистемах благодаря пищевым цепочкам и механизмам обратной связи численность и репродуктивный потенциал каждого вида также эффективно регулируются. В ходе эволюции внутривидовые механизмы самоограничения редупликации становились все более совершенными, а затем выно-

сились на межвидовой уровень, что и подталкивало живое к усложнению [25].

Соответственно, высшим выражением и одновременно пределом самостоятельной биологической эволюции должно было стать появление какого-то сверхэффективного «оружия» – механизма ограничения редупликации особей как своего вида, так и организмов других видов. Согласно Б. Ф. Поршневу и О. А. Баргу, у непосредственных предков человека на основе высоко развитой ВНД в качестве такого механизма начала функционировать сигнальная интердикция, или *суггестия*. Соответствующие сигналы тормозили биологически целесообразные импульсы первой сигнальной системы других организмов и навязывали им биологически нецелесообразные действия – например, тормозили оборонительную активность приманиваемой жертвы. Но еще важнее то, что под прессом естественного отбора наши предки должны были формировать способность противодействия подобным сигналам со стороны других гоминид путем *блокировки собственной первой сигнальной системы и осуществления биологически нецелесообразной активности*, которая *отрицала суггестию как наиболее развитый биологический механизм ограничения редупликации*. Развитие такого «животного наоборота», по Поршневу [26], привело к формированию *второй сигнальной системы и абстрактного мышления*.

На наш взгляд, это в целом правильная схема, однако она нуждается в дополнении: инстинктивная орудийная деятельность, ставшая главной адаптивной стратегией ряда гоминид («животный труд», по К. Марксу), могла быть не менее эффективным ограничителем редупликации – особенно в связи с развитой суггестией. Действительно, палеоантропологический материал свидетельствует о росте смертности в ряду австралопитеки – «человек умелый» с 35 до 73% (она снижается только у питекантропов), причем на многих останках есть следы умерщвления и каннибализма [27]. По-видимому, с определенного момента животная орудийная деятельность стала биологически нецелесообразной, поскольку оставаясь малопродуктивной вследствие инстинктивного характера и примитивности орудий, она уже начала препятствовать выживанию собственного вида. Единственным способом преодоления противоречия между биологическим и формирующимся социальным в этой ситуации оказалось *диалектическое отрицание «животного труда*». Это подразумевало выход производства за пределы наличной ситуации, за рамки приспособления, выгодного лишь данной особи. Таким образом, абстрактное мышление позволило овладеть всеобщей связью, сущностью вещей теоретически, а труд, ставший уже *человеческим*

феноменом, позволил овладеть ею практически. В итоге человек стал человеком через *отрицание* биологического, но одновременно *продолжил главные тенденции биологической эволюции*: усложнение, рост пластичности и освоение все новых экологических ниш, рост продолжительности жизни, снижение уровня смертности и, как следствие, – рождаемости [28]. Правда, реализовываться эти тенденции человеком стали уже не биологическими, а социокультурными средствами. В этом смысле представляется очень интересным Ваше замечание о *системе табу*, следствием которой, по-видимому, могла быть и *регуляция численности первобытных племен*.

В целом, сказанное в этой части статьи, на наш взгляд, позволяет утверждать, что тот «*антропный уклон*» в современном естествознании, о котором не без оснований говорит американский философ Ник Бостром [29], неслучаен. Как, по-видимому, неслучаен в Большой Вселенной и сам человек. Точнее, его появление – это «*неслучайная случайность*»: предопределенная на уровне общих возможностей эволюции, но на уровне единичных возможностей всегда зависящая от случайного стечения обстоятельств в данном месте и в данное время.

Примечания

1. *Ненашев М. И.* Антропный принцип и проблема наблюдателя // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 64–74; *Внутских А. Ю.* «Глобальный антропный принцип» современного естествознания и интерпретация смысла человеческого бытия // Вестник Пермского университета. 2012. № 1. С. 4–9. Сер. «Философия. Психология. Социология».
2. *Ненашев М. И.* Указ. соч. С. 73.
3. Там же. С. 67.
4. Там же. С. 69.
5. Там же. С. 68.
6. Там же. С. 70.
7. Там же. С. 73.
8. *Виленкин А.* Мир многих миров: Физики в поисках параллельных вселенных. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 217.
9. Там же. С. 112.
10. Там же. С. 216.
11. Там же. С. 145, 150.
12. Там же. С. 158.
13. *Барз О. А.* Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. С. 79–84; *Внутских А. Ю.* Парадокс отбора и его возможное решение // Вестник Пермского университета. 2011. № 3. С. 5–11. Сер. «Философия. Социология. Психология».
14. *Внутских А. Ю.* Парадокс отбора и его возможное решение // Вестник Пермского университета. 2011. № 3. С. 5–11. Сер. «Философия. Социология. Психология».
15. *Ладыгина-Котс Н. Н.* Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе). М., 1959. URL: http://www.kohts.ru/ladygina-kohts_n.n./kodvo/html/index.html (дата обращения 25.07.2012.); *Sockol M., Raichblen D. A. & Pontzer H.* Chimpanzee locomotor energetics and the origin of human bipedalism

// Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. Vol. 104. № 30. P. 12265–12269.

16. *Марков А. В.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель: CORPUS, 2012. С. 361.
17. Там же. С. 227.
18. *Markov A. V.* Parallelisms during major evolutionary transitions. 2010. URL: <http://evolbiol.ru/paral/paral.htm> (дата обращения 26.07.2012).
19. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
20. *Барз О. А.* Указ соч. С. 213–218.
21. Круглый стол «Александр Герцен и судьбы России» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1.
22. *Барз О. А.* Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. С. 157.
23. Там же. С. 46.
24. *Руденко А. П.* Самоорганизация и прогрессивная эволюция в природных процессах в аспекте концепции эволюционного катализа // Российский химический журнал. 1995. № 2. С. 55–71.
25. *Барз О. А.* Живое в едином мировом процессе. С. 114–115, 196.
26. *Поршнев Б. Ф.* Указ. соч. С. 371.
27. *Вишняцкий Л. Б.* Человек в лабиринте эволюции. М.: Весь мир, 2004. С. 70; *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. С. 76–77, 252–253.
28. *Марков А. В.* Указ. соч. С. 361–364.
29. *Bostrom N.* Anthropic Bias. N. Y.: Routeledge, 2002.

Александр Юрьевич!

Мне хотелось бы начать с уточнения главной мысли того фрагмента моей статьи, который Вы процитировали в самом начале. Эта мысль состоит в следующем: появление человека не является необходимым звеном природной эволюции, оно лишь допускается, или, по-другому, не исключается параметрами Вселенной. Хотел бы уточнить также, что понимается в моей статье под собственно человеческим поведением. Я ссылаюсь на Декарта, согласно которому общим для машины и животного является то, что их действия определяются особым расположением органов, причем это расположение берется в самом общем смысле: структура мозга, физиология, определенность генотипа и т. д. Человеческая же деятельность универсальна, а это было бы невозможным, если бы она зависела от определенного расположения органов. Наоборот, «расположение органов» должно быть таким, чтобы обеспечивать возможность универсальной человеческой деятельности [1].

Универсальный характер человеческой деятельности в отличие от деятельности животного подчеркивает также Маркс. В «Экономико-философских рукописях 1844 года» он пишет:

«Оно (животное. – М. Н.) производит одно-сторонне, тогда как человек производит универ-

сально...; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты» [2].

Очевидна переключка с мыслью Декарта, хотя Маркс ориентируется в этом фрагменте, скорее, на Фейербаха и Гегеля. Но это говорит лишь о том, что речь идет о сквозной идее европейской классической философии.

Вы пишете, что под собственно человеческим поведением я понимаю прямохождение, которое развивается в контексте системы табу и само является ее элементом, а также запрет инцеста и введение соответствующих брачных правил, запрет употреблять определенные виды животных и растений в пищу и т. д. На самом деле эти запреты имели целью разрушение инстинктивного животного поведения, и вот они позволили открыться возможности собственно человеческой – универсальной – деятельности по меркам любого внешнего предмета и по законам красоты.

Ведь очевидно, что бобры строят плотины, а пчелы – соты, потому что различно их внутреннее строение (генетическая программа и т. п.). А вот одни рабочие строят дома, а другие варят сталь – не потому что у них различные генетические программы.

Так как свойства живой и косной материи определяются именно внутренним строением соответствующих единиц, а человеческое поведение им не определяется, то отсюда вытекает, что появление человека нельзя понять как необходимый, пусть даже высший этап природной эволюции. В этом смысле появление человека случайно, причем случайность мной понимается в данном случае не как дополнение или проявление необходимости, но в смысле клинамен Эпикура, т. е. спонтанного отклонения (не абберрация!) от траектории чисто природной эволюции, включая сюда и эволюцию живого вещества.

Когда цитируют сильную версию Картера, то истолковывают ее в том смысле, что параметры Вселенной должны быть таковы, чтобы человек необходимо появился в ходе природной эволюции. И тогда возникает масса вопросов. Но они отпадают, если мы обратим внимание на то, что у Картера на самом деле говорится, что эти параметры должны *допускать* существование наблюдателей. То есть всего лишь не исключать их существование.

В слабой версии антропного принципа Картера говорится о том, что наше положение во Все-

ленной должно быть *совместимо* с нашим существованием как наблюдателей. Совместимо, т. е. снова идет речь о том, что существование наблюдателей не должно противоречить их положению во Вселенной.

Важно, что у Картера не идет речь о необходимом появлении наблюдателей. Или о том, что без наблюдателей Вселенная была бы неполной.

И по сути дела все, что говорится и пишется об антропном принципе, позволяет лишь сделать вывод, что параметры Вселенной подлажены друг под друга таким образом, чтобы могла возникнуть, а затем развиться до самых сложных форм углеродная жизнь. А в чем же состоит критерий развитости этих форм?

Тейяр де Шарден в «Феномене человека» пишет, что эволюция живого выражается во все большей дифференциации и усложнении нервного вещества, которое выражается, в частности, через увеличение размеров мозга. Но очевидно, что просто из усложнения нервного вещества и структуры мозга не обязательно вытекает универсальная деятельность в соответствии с меркой внешнего предмета и по законам красоты.

Итак, можно говорить лишь о том, что устройство природы не противоречит возможности появления разумной живой формы. И это весьма тривиальный вывод: конечно же, не противоречит, иначе разумные вещества не появились бы. И некому было бы писать эту статью.

Теперь я хотел бы сконцентрироваться на идеях Вашей статьи, опубликованной в Вестнике Пермского университета. В ней говорится о том, что традиционно различаются естественные и гуманитарные науки. Первые призваны *объяснять* происходящее посредством выявления причинно-следственных связей в массивах однородных, повторяющихся явлений. Поэтому положения естественных наук далеки от внутреннего человеческого смысла.

Вы пишете: «...положения естественных наук, обычно понимаемые как теоретические конструкции, достаточно далеки от внутреннего человеческого смысла. Свет с длиной волны 760–780 нм при определенных условиях способен дать красивейший закат. Но какой смысл в красоте заката, который никто не наблюдает? Ценности и смысл в мир привносит только человек» [3]. Гуманитарные же науки направлены на *понимание* смысла уникальных событий, предмет этих наук «включает в себя человека, его сознание и выступает как текст, имеющий собственно человеческий смысл» [4].

Это различие естественных и гуманитарных наук, продолжаете Вы, нуждается в такой интерпретации, которая показала бы тем не менее их неразрывную связь в отношении осознания действительного смысла человеческого бытия. Для

обоснования существования такой неразрывной связи Вы и обращаетесь к антропному принципу, выдвигая тезис, что во второй половине XX – начале XXI в. происходит процесс «очеловечивания» *естествознания* на базе общего для всех естественных наук *глобального антропного принципа* [5].

Конечный Ваш вывод состоит в том, что «в целом закономерно порождающая человека природа содержит объективные основания для ценностного отношения человека к миру и собственно для возникновения человеческого смысла» [6].

Теперь я останавлиюсь на том, что, как мне кажется, может быть предметом критического рассмотрения. Начну с конечного вывода. В нем можно различить два тезиса. Первый: природа в целом закономерно порождает человека. Второй: природа содержит объективные основания для ценностного отношения человека к миру и собственно для возникновения человеческого смысла.

Второе положение мне представляется тривиальным. Дело в том, что природа, по определению, является объективным основанием *всего*, что происходит в мире. Потому что, если бы ее не было, то ничего бы не существовало. Но если *всего*, то значит и «ценностного отношения человека к миру», так как последнее в любом случае входит в то, что мы обозначаем всеобъемлющим словом «все». Очевидно, что второй тезис является истинным независимо от истинности или ложности первого тезиса. Устройство природы должно быть таким, чтобы оказалось возможным «ценностное отношение человека к миру». Хотя бы потому, что это отношение является эмпирическим фактом.

А вот первое положение нетривиально. Кант сказал бы даже, что это положение является синтетическим суждением. Потому что замена его на противоположное не приводит к логическому противоречию. В самом деле, противоположное суждение выглядело бы следующим образом: появление человека не заложено в законы, по которым развивается природа. И вот если бы в самом определении законов природы присутствовали такие понятия, как ценности, смысл, сознание, то тогда это суждение противоречило бы самому себе. Но как раз присутствие, хотя бы в неявной форме, этих понятий в определении природы необходимо доказать.

Обратимся к собственно Вашему доказательству. Оно опирается на сильную версию антропного принципа и положения Д. Кенъон, Г. Стейнман и Д. Хаксли.

В Вашей статье сильная версия антропного принципа звучит так: значения фундаментальных констант Вселенной должны быть таковы, чтобы на определенном этапе своей эволюции она могла породить разумного наблюдателя. Обратим

внимание на то, что и в этой формулировке отсутствует мысль о *необходимости* порождения разумного наблюдателя. Константы должны быть такими, чтобы Вселенная *могла* породить разумного наблюдателя. И снова получается, что константы Вселенной всего лишь не должны исключать появления разумного наблюдателя. А не так, что наблюдатель должен появиться *необходимым образом*.

Далее Вы ссылаетесь на работы Д. Кенъон, Г. Стейнман и Д. Хаксли, которые пишут о наличии во Вселенной направленного развития к все более сложным формам углеродной жизни. И вот в ходе этого развития случилось так, что появляется разумное существо. Но снова нет речи о том, что в самом определении углеродной жизни заложено появление существа, которое способно привнести в мир такие понятия, как ценности, смысл, сознание. Здесь повторяется та же история, что и с определением природы, в которое, как говорилось уже выше, тоже не заложены эти понятия.

Остается лишь эмпирический факт появления человека в ходе развития природы в целом и в ходе развития углеродной жизни. Но очевидно, что сам по себе факт наличия чего-либо еще не означает его необходимости. В свое время Кант отмечал, что «хотя мы из опыта и узнаем, что объект обладает теми или иными свойствами, но мы не узнаем при этом, что он не может быть иным» [7].

Итак, важно подчеркнуть следующее. Мы оба с Вами признаем случайность появления разумного наблюдателя в ходе природной эволюции. Но различие состоит в том, что для Вас случайное, или возможное, есть форма проявления необходимости.

Вы пишете: «Однако свойства Метагалактики (наблюдаемой Вселенной), значения фундаментальных физических констант таковы, что появление разумного наблюдателя где-нибудь во Вселенной оказывается в целом достаточно вероятным процессом, хотя, разумеется, не на каждой планете это происходит (здесь мы видим известное диалектическое дополнение необходимости случайностью)» [8].

Но что значит «достаточно вероятный процесс»? Это выражение, если брать чисто логическую сторону дела, все равно не означает сто процентной вероятности и, следовательно, необходимости. Значит все же речь идет лишь о вероятности, или случайности.

Однако Вы пишете о диалектическом дополнении необходимости случайностью. То есть для Вас случайность есть проявление необходимости (известная диалектическая формула), и в таком случае получается, что именно потому, что появление разумного наблюдателя вероятно, то есть

случайно, оно является необходимым. В опоре на эту диалектическую формулу состоит Ваше действительное обоснование необходимости появления разумного наблюдателя.

Я же исхожу из эпикуровского понимания случайности как клинамен, то есть чистой спонтанности, исключающей необходимость.

Это не означает, что я отрицаю формулу «случайность есть форма проявления необходимости». Просто есть ситуации, где эта формула работает, например, «в массивах однородных, повторяющихся явлений» [9], а есть ситуации, где уместно понятие клинамен. В случае с появлением разумного наблюдателя, с моей точки зрения, уместно понятие клинамен.

Получается интересная вещь. Факты, на основе которых сформулированы антропный принцип, принципы биохимического предопределения (Д. Кенyon и Г. Стейнман) и неограниченного прогресса за счет накопления универсальных приспособлений (Д. Хаксли), говорят о вероятности и, следовательно, все-таки случайности появления разумного наблюдателя. Но эти факты не говорят в пользу того, какое понимание случайности подходит для рассмотрения особенностей возникновения разумного наблюдателя.

Это означает, что оба понимания случайности (по Гегелю и по Эпикуру) не выступают выводами из фактов, например, из открытия, что константы Вселенной должны быть такими, чтобы сделать возможным возникновение углеродной жизни и развитие ее до чрезвычайно сложных форм. Эти понимания являются *метафизическими допущениями*, позволяющими по-разному интерпретировать одни и те же факты. Или, если говорить куновским языком, они являются различными парадигмами. Парадигмы же не вытекают напрямую из фактов, но *принимаются*.

Означает ли это, что наше с вами «выяснение отношений» не имеет смысла: каждый исходит из своей парадигмы, и оба по-своему правы? Разумеется, можно и так сказать.

Но если все же принять парадигму эпикуровской спонтанности, тогда последует нетривиальный вывод, что человечество, или другая форма разумной жизни (где-нибудь в другом уголке Вселенной), появляются не в силу каких-либо законов природы, а создают себя, так сказать, на свой страх и риск. Эти формы жизни сами себя вводят (можно сказать, втаскивают) в существование посредством запретов на естественное, то есть природное поведение, и в результате становятся фактом жизни Вселенной.

Но если они *сами* вводят себя в существование, то никакие необходимые законы природы не гарантируют их возникновение и затем сохранение на каждом витке истории. История должна каждый раз продлеваться актом воли и

способностью этих существ находить единственно правильное решение тех проблем, которые сами же порождают. Здесь уместна аналогия с отдельной личностью, несущей ответственность, вопреки всем объективным законам психологии, анатомии и физиологии, за свою удавшуюся или не удавшуюся жизнь и сложившуюся судьбу [10].

Теперь я хотел бы опять вернуться к началу Вашей статьи. Вы пишете, что различие между естественными и гуманитарными науками необходимо интерпретировать так, чтобы «раскрыть существо неразрывной... связи естественных и социально-гуманитарных наук в отношении осознания действительного смысла человеческого бытия» [11], несмотря на то что первые науки «достаточно далеки от внутреннего человеческого смысла», а вторые «направлены на *понимание* смысла уникальных событий». С другой стороны, Вы подчеркиваете, что «ценности и смысл в мир привносит только человек». Это «только» должно означать признание, что само по себе закономерное движение к все более сложным и совершенным формам углеродной жизни отнюдь не сопровождается все возрастающей способностью привнесения соответствующими существами ценностей и смысла в мир. Либо есть привнесение ценностей и смысла, и тогда речь идет о любой другой форме жизни, пусть как угодно развитой и продвинутой, но тогда отсутствует искомое привнесение.

Но в таком случае каким же образом можно предполагать существование *неразрывной* связи между естественными и гуманитарными науками? Тут тоже должно действовать правило «либо – либо».

Моя позиция состоит в том, что сама способность привносить в мир ценности и смысл *производится* в процессе разрушения инстинктивных форм поведения, эта способность является таким же артефактом, как очаг, поэзия, человеческая любовь, совесть, членораздельная речь. Но если эта способность является артефактом, тогда не может быть неразрывной связи между естественными и гуманитарными науками, как не может быть неразрывной связи между глиной, из которой изготавливаются кирпичи, и очагом, созданным из этих кирпичей. Хотя, разумеется, очаг создается с учетом необходимых законов природы – равновесия, центра тяжести, химических и физических свойств глины, воздуха...

Примечания

1. В чем состоит особенность такого расположения – с этим должны разбираться биологи, анатомы, физиологи и т. д. Здесь допустима аналогия с рукой (орудие орудий, по Аристотелю). Какие особенности анатомического строения руки обеспечивают любую деятельность, вплоть до исполнения «Аппассионаты» Бетховена? – Очень интересный научный вопрос.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 93–94.

3. Внутских А. Ю. «Глобальный антропный принцип» современного естествознания и интерпретация смысла человеческого бытия // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (9). С. 4. Сер. «Философия. Психология. Социология».

4. Там же.

5. Там же. С. 5.

6. Там же.

7. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Изд-во «ЧОРО», 1994. С. 41–42.

8. Внутских А. Ю. Указ. соч. С. 5–6.

9. См.: Там же. С. 4.

10. Можно даже рискнуть сравнить человечество с Мюнхгаузеном, который держит себя за косичку над болотом естественных и необходимых законов психологии, физиологии, социологии и пр. (усталость, трусость, эгоизм, властолюбие, классовые и клановые интересы...).

11. Внутских А. Ю. Указ. соч. С. 4.

Михаил Иванович!

Да, конечно, специфическая человеческая деятельность как более сложное – мышление, труд, общение – не может определяться более простыми биологическими элементами человеческого тела. Но подобным образом дело обстоит и с природными объектами. Например, специфические свойства живого организма, как мы попытались показать в первой части нашей совместной статьи, не могут определяться только его физико-химическими элементами (активность которых направлена на синтез). Живое становится живым, только когда начинает управлять химическим синтезом с помощью «надхимических» (собственно биологических) механизмов. Подобным образом и формирование специфической человеческой деятельности следует рассматривать в качестве *диалектического снятия* ряда «доведенных до предела» природных тенденций – и в этом смысле появление человека, обладающего такой деятельностью, оказывается необходимым, хотя и опосредованным массой случайностей в конкретном месте и в конкретное время. Повторимся: человек стал человеком через *отрицание* биологического, но одновременно *продолжил главные тенденции биологической эволюции*: усложнение, рост пластичности и освоение все новых экологических ниш, рост продолжительности жизни, снижение уровня смертности и рождаемости. Ни один собственно биологический вид в силу приспособительного образа жизни, не универсального характера жизнедеятельности к такому продолжению оказался не способен.

Человек продолжил эволюцию природы недоступным ей самой способом – образно выражаясь, «за этим он ей и был нужен» (идея не новая, из нее исходили, например, все русские космисты). И именно в этом, на наш взгляд, состоит *злу-*

бинный смысл антропного принципа, отражающего объективную направленность природного процесса на появление познающего и преобразующего существа. И, разумеется, продолжая развитие природы, человек делает это уже не биологическими средствами (они к моменту появления человека были в основном исчерпаны), а средствами социокультурными. Если представить человека как существо «чисто социальное», то он, разумеется, окажется не выводимым из эволюции природы, будет представляться как спонтанное отклонение от пути природной эволюции. Но факты современных наук о человеке свидетельствуют, что это *интегральное существо*, включающее как более сложное – собственно социальное, так и более простое – природные основы этого социального. И каждый шаг в развитии социального, по-видимому, «дублируется» определенными изменениями этих основ [1].

Далее, мне сложно согласиться с Вашим замечанием о тривиальности утверждения о том, что природа содержит объективные основания для ценностного отношения человека к миру (подчеркну – *основания*, а не сами ценности и не сам смысл!). Анализируя выводы моей статьи, Вы отмечаете, что «устройство природы должно быть таким, чтобы оказалось возможным ценностное отношение человека к миру». Так давайте же зададимся вопросом – каково это устройство? Например, мир, в котором человечество лишь случайная (и потому обреченная на исчезновение) флуктуация, мир, в котором человек только возможен, но не необходим, мир в этом смысле «бесчеловечный» – можно наделить ценностью и смыслом? На мой взгляд, нет. К счастью, система фактов современных частных наук, о которой я достаточно подробно говорю в обеих статьях и к которой философия не должна быть глуха, свидетельствует, что наш мир не таков, что он «чреват» человеком и в этом отношении содержит объективные, природные основания человеческих качеств, человеческих ценностей, смысла, красоты. Это обстоятельство, как мне представляется, и отражается сильным антропным принципом.

Отмечу также наше расхождение в понимании вероятности. Это важно, поскольку антропные аргументы обычно апеллируют к высокой или малой вероятности появления наблюдателя, а Вы связываете вероятность главным образом со случайностью. На наш взгляд, это не совсем верно. Уже в XX в. проявилась тенденция к переходу от частотной интерпретации вероятности (именно согласно ей развитие оказывается последовательностью абсурдно маловероятных событий) к диспозиционной, которая представляет собой попытку объяснить вероятностно-статистические законы тенденциями самих материальных сис-

тем – например в работах М. Бунге и К. Поппера [2]. По-видимому, адекватное понимание вероятности предполагает диалектическую связь необходимого и случайного, возможного и действительного. Здесь мы вновь предлагаем обратиться к компромиссной идее иерархии возможностей, которая именно увязывает, а не противопоставляет эти универсальные стороны реальности. На уровне реализации общей возможности мирового процесса возникновение наблюдателя является необходимым – но одновременно оно представляет собой случайный выбор одной из множества единичных возможностей, которые и репрезентируют общую.

В заключение остановлюсь на Вашем замечании о том, что мы представляем разные философские парадигмы (в смысле Т. Куна). Наверное, это правда. Но в замечательной концепции Куна, на мой взгляд, есть «слабое звено»: положение о сугубой «изолированности» разных парадигм, отрицание момента синтеза различных представлений, кумулятивного момента в развитии нашего понимания мира и человека. Принцип соответствия различных теорий, по Н. Бору, на мой взгляд, в этом отношении ближе к истине. И мне хотелось бы выразить искреннюю признательность Вам, Михаил Иванович, за Ваш вклад в нашу совместную попытку «наведения мостов» между столь различными точками зрения на антропный принцип. Думается, что такое движение вполне созвучно духу современной науки – науки по сути своей междисциплинарной и межпарадигмальной.

Примечания

1. Внутских А. Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. С. 216–247.

2. Бунге М. Четыре концепции вероятности // Вопросы философии. 1979. № 8. С. 81–95; Поппер К. Интерпретация вероятности: вероятность как предрасположенность // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 416–433.

Александр Юрьевич!

Я попробую ответить, останавливаясь на конкретных пунктах нашей дискуссии.

1. Вы апеллируете к понятию диалектического снятия и одновременно ссылаетесь на Карла Поппера, который очень сдержанно относился к диалектике вообще и к диалектическому снятию в частности. См., например, его работу «Что такое диалектика» [1].

2. Также апеллируете к «попытке» М. Бунге и К. Поппера (тоже очень разные, если не сказать более, фигуры) объяснить вероятностно-статистические законы тенденциями самих материальных систем. Мне представляется, что исполь-

зование аргументов, которые носят гипотетический характер, уязвимо для критики. Это же касается апелляции к концепциям мультиверса, теории струн и, скорее всего, к концепции *иерархии возможностей*.

Например, как вообще можно доказать *реальное* существование «островных» вселенных? Для этого нужно поставить эксперимент или по крайней мере соотнести то, существование чего пытаетесь доказать, с наблюдением. Но наблюдение и эксперимент предполагают взаимодействие с объектом, которое в свою очередь предполагает сосуществование наблюдателя и объекта наблюдения в общем пространстве. А общность пространства означает, что так называемая другая «островная» вселенная должна входить в качестве части в нашу вселенную.

Или все же речь идет о принципиально ненаблюдаемых и тогда действительно *других* вселенных? В таком случае их существование мы можем лишь постулировать, чтобы хотя бы психологически снять недоумение относительно того, как получилось, что наша вселенная обладает такими уникальными параметрами, которые обеспечили возникновение и развитие все более сложных форм углеродной жизни.

Мне вообще представляется, что, следуя «бритве Оккама», обоснование свойств нашей вселенной необходимо строить без приплюсовывания бесконечного числа других вселенных [2]. Есть замечательная статья А. П. Климеца «Почему пространство трехмерно?», в которой чисто математически доказывается, что выбор трехмерного пространства (которое является необходимым условием существования устойчивых систем) из всех других возможностей при формировании наблюдаемой Метагалактики был предрешен тем, что любая физическая система стремится реализоваться в состоянии с наименьшей энергией, и что вселенных с другими размерностями не должно быть в силу их энергетической невыгодности [3].

3. Вы приравниваете мой тезис о том, что человек не является необходимой частью мира, к положению, что человечество есть обреченная на исчезновение флуктуация. Но человечество не является флуктуацией. Поведение флуктуации обеспечивается чисто природными законами, например, чем она более длительна, тем менее вероятна. Возьмем простую ситуацию: при подкидывании монеты серия из десяти решек, выпавших подряд, в 128 раз менее вероятна, чем серия из выпавших подряд трех решек (это можно точно посчитать).

Но человеческая история не есть природный процесс, а значит, не есть и флуктуация. История длится, пока у самого человечества хватает сил и способностей отвечать на ее вызовы. На-

пример, у современного человечества может хватить, но может и не хватить мужества выскочить из принципа «кто кого». И вот если этого мужества не хватит, то XXII век не наступит, а если хватит, то наступит. Это зависит только от самого человечества. Никакие естественные законы психологии, социологии и теории вероятности не определяют за само человечество, сколько времени будет длиться его собственная история.

В целом наша дискуссия показывает, что не всегда в споре рождается окончательная истина. В нашем случае спор лишь прояснил альтернативный характер наших позиций. А это означает, что эти позиции по крайней мере соответствуют попперовскому принципу фальсификации.

Примечания

1. Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.

2. Я уж не говорю о том, что каждое серьезное открытие, например, подтверждение реального существования так называемых темной материи и темной энергии, ставит под вопрос сложившуюся на сегодня систему научных фактов, на которую Вы ссылаетесь. В том числе поставит под вопрос вполне возможно и гипотезу мультиверса.

3. См.: URL: <http://aklimets.narod.ru>

УДК 1(091):165.4

С. П. Макаров

ОСНОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ У ВЛ. СОЛОВЬЕВА И Э. ГУССЕРЛЯ

Автор указывает на сходство проблемного поля гносеологии Гуссерля и позднего Соловьева, и показывает, как идеи мыслителей дополняют друг друга. Делается вывод о том, что В. Соловьев в отдельных моментах достигает большей глубины раскрытия проблем познания, нежели Э. Гуссерль.

The author points out the similarity of the problem field of epistemology of Husserl and the late V. Soloviev, and also shows how the ideas of thinkers complement each other. As a result, the article concludes that Soloviev reaches a greater depth of knowledge of disclosure issues, rather than Husserl.

Ключевые слова: Гуссерль, Соловьев, феноменология, редукция, деконструкция, сознание, истина, интуиция истины.

Keywords: Husserl, Soloviev, phenomenology, reduction, deconstruction, consciousness, truth, intuition of the truth.

В некоторых исследованиях, посвященных поздней философии Вл. Соловьева (1853–1900), можно встретить указания на ее значительное родство с феноменологией Э. Гуссерля (1859–1938). Об этом, например, говорит А. В. Гулыга во вступительной статье к собранию сочинений

философа: «Не может быть никаких сомнений в том, что философия Соловьева – особенно в период с 1892 по 1899 г. – достигла выводов, которые предвосхитили почти весь методологический инструментарий немецкой феноменологии» [1]. На связь идей позднего Соловьева и Гуссерля в феноменологическом анализе сознания указывает М. И. Ненашев [2].

Все же не будет преувеличением сказать, что тема сходства двух философов, затрагиваемая многими, осталась не рассмотренной в развернутом виде, что, несомненно, является большим упущением. Причиной этому, на наш взгляд, является их крайнее различие в языке, терминологическом аппарате, но, с другой стороны, как мы покажем, их очень сближает общее проблемное поле – стремление раскрыть *основания достоверности сознания и/или знания*. Эта отдельная, но ключевая проблема может послужить точкой опоры для сравнения внешне столь непохожих теорий познания, и, в конечном итоге, – решения их общих целей.

Первое, что бросается в глаза при внимательном знакомстве и сопоставлении творчества философов, – это общность мотивации и определяющей цели их построений, общность видения основной проблемы современного знания. В наиболее общем и понятном для нас виде ее обозначил Э. Гуссерль: «Духовная нужда нашего времени стала поистине нестерпима. Если б только теоретическая неясность относительно смысла исследованных науками о природе и духе “действительностей” тревожила наш покой, а именно то, насколько ими познается бытие в своем конечном смысле, что такое это “абсолютное” бытие и познаваемо ли оно вообще? Но ведь нет; мы терпим крайнюю *жизненную* нужду, такую нужду, которая распространяется на всю нашу жизнь. Каждый момент жизни есть точка зрения, всякая точка зрения подчиняется какому-либо должествованию, какому-либо суждению о значимости или незначимости согласно предполагаемым нормам абсолютного значения. Пока эти нормы были неприкосновенны, пока они не были нарушены и высмеяны скепсисом, до тех пор единственным жизненным вопросом был вопрос о том, как лучше всего будет соответствовать им. Но как же быть теперь, когда все нормы вместе и каждая в отдельности оспариваются или эмпирически искажаются и когда они лишены их идеального значения?» [3]. Здесь, уже при постановке проблемы, становятся очевидны языковые различия двух философов: абстрактные «нормы абсолютного значения» Гуссерля для Соловьева более конкретны. В «Теоретической философии» он связывает проблему познания (истины) с проблемой познания *истинного добра*, утверждая «коренное единство между добром и

истиною <...> Если добро, как таковое, непременно должно быть истинным, то ясно, что истина по существу не может быть чем-то противоречащим и чуждым добру» [4]. В «Теоретической философии» Соловьев спокойно говорит о все возрастающей необходимости «не только принимать, но и понимать нравственные нормы» [5], но в работе того же времени – «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» – он подробно и с пафосом говорит о причинах этой необходимости. Он выступает против того, что мы бы назвали *светским гуманизмом*, который (и в то время и сейчас) внешне опирается на христианские нормы, но в то же время отрекается от Откровения в лице Иисуса Христа. Перефразируя Гуссерля, можно сказать: происходит эмпирическое искажение христианства, которое лишает нравственные нормы их идеального смысла. Это учение проповедует, что «истина» «держится сама на себе, и, если известное историческое лицо с нею согласно, то тем лучше для него, но это никак еще не может дать ему значение высшего авторитета» [6].

Из сказанного очевидно, что и для Соловьева, и для Гуссерля мотивом теоретических исканий является «жизненная нужда» в нормах, определяющих жизнь человека, которые мы не можем понимать иначе как нравственные нормы.

Таким образом, оба философа видят угрозу «нормам абсолютного значения», тому, что казалось непререкаемым прежде, что стало подвергаться сомнению и критике. Однако очевидно, что они видят эту угрозу по-разному, что, естественно, отражается на их конкретных теоретических построениях.

Начать сравнение будет целесообразно с более известной и разработанной теории познания Э. Гуссерля.

«Первым методологическим принципом» Гуссерль называет *очевидность* знания, как достижение опыта самого сущего, как оно есть, «так-сущего» [7]. Но каким образом мы можем достигнуть такого знания и быть достаточно уверенными в нем? Толчком для понимания и достижения очевидности Гуссерль называет открытие его учителем Ф. Brentano принципа *интенциональности сознания*, открытие феномена *направленности сознания* на какой-либо предмет, того, что сознание всегда *сознание-о*. Подлинной очевидности возможно достичь, по Гуссерлю, очистив сознание от его естественной установки на предмет, создав новую – феноменологическую установку на «чистый феномен». Говоря иначе, феноменологическая установка подразумевает анализ самой связи сознания с предметом, вне зависимости от каких-либо качественных характеристик предмета, в результате чего может быть раскрыт тот самый «механизм» очевидности,

который по своему раскрытию должен служить оценке истинного знания, должен рационально восстановить для «наук о духе» «нормы абсолютного значения».

Проложенная таким образом теоретическая платформа для начала своего функционирования должна все же иметь перед собой некоторый первичный опыт, поскольку сознание немислимо иначе как сознание-о. Таким первичным опытом для Гуссерля является *восприятие*. И действительно, если очевидность для него тождественна непосредственной данности предмета, то сознание должно быть абсолютно пассивным чистым восприятием [8].

Как замечает П. П. Гайденко, «здесь мы видим важнейшую черту феноменологии – своеобразный ее эмпиризм, отличающийся как от эмпиризма XVII–XVIII вв., так и от рационализма, в том числе и картезианского. В отличие от Бекона, Локка, Юма, Гуссерль апеллирует не к чувственной эмпирии внешнего и внутреннего мира, а стремится очистить непосредственный опыт именно от чувственной его формы, но при этом оставить его *опытом* – в виде чистых феноменов сознания» [9]. То противоречие, которое хочет вскрыть здесь Гайденко, не вполне очевидно, потому что редукция, казалось бы, снимает естественную установку, и в направленности на «чистый феномен», который дан нам как «чистая сущность», превращается в нечто подобное математике, для которой не важно, что стоит за ее единицами и числами.

На самом деле такая «математическая» трактовка сознания и его структуры – это также элемент естественной установки (чего, естественно, нет у Гуссерля). В действительности же в феноменологической установке «чистые сущности» нельзя уравнивать между собой, и если феноменология стремится, несмотря ни на что, остаться опытом, ей приходится иметь дело с совершенно различными (в объеме, уровне и качестве) «сущностями», которые, кроме того, даны в живом *потоке сознания*.

Поток сознания в данном случае не подразумевает смену предметов восприятия, а имеет в виду *восприятие*, или *усмотрение*, различных сторон одного и того же предмета, имеющее смысл проникновения к его само-сущности: «Каждая фаза восприятия была лишь одной стороной предмета, полагаемого в восприятии. Это содержащееся во всяком сознании “сверх-себя-полагание” должно быть рассмотрено как его сущностный момент» [10]. Гуссерль считает, что «раскрытие потенциальностей, *имплицитно содержащихся* в актуальных переживаниях», *истолковывает* и *проясняет* полагаемый в сознании предметный смысл, что в конечном итоге позволяет понять, «как и при помощи каких способов

осознания в имманентной жизни сознания, в его непрерывном потоке, могут осознаваться устойчивые и неизменные предметные единства и, в особенности, как происходит это удивительное *конституирование* тождественных предметов для каждой предметной категории» [11].

Таким образом, становится очевидным, что феноменология, желая быть опытом (и наукой), несмотря на редукцию, остается неразрывно связана именно с эмпирическим опытом, что во многом определяет противоречивое развитие гуссерлевой феноменологии.

Следующей важнейшей (и даже ключевой) составляющей феноменологической теории познания является определение качества и роли в ней познающего субъекта. Естественно, что, как и все прочее, эмпирический субъект, должен быть подвергнут редукции, но редукция эта особого рода, и она выводит нас в новое предметное поле феноменологии: «Бытию мира в качестве самого по себе более первичного бытия предшествует бытие чистого *ego* и его *cogitations*. Естественная почва бытия по своей бытийной значимости вторична, она всегда предполагает трансцендентальную; и поскольку именно к ней приводит нас фундаментальный феноменологический метод трансцендентального *эпохе*, он носит название трансцендентально-феноменологической редукции» [12].

Нужно заметить, что важнейшей задачей Гуссерля на протяжении всей его деятельности было различение трансцендентального Я и Я психологического, эмпирического, что, как считает Гайдено, ему не удалось, не смотря на его настоятельное и осознанное стремление освободиться от психологизма [13].

В подтверждение этого мы находим явное противоречие средств Гуссерля в экспликации познания целям и основному методу (очевидности, аподиктической достоверности) феноменологии. С одной стороны, объективный мир получает именно от трансцендентального Я «весь свой смысл и бытийную значимость» [14]. С другой стороны, Гуссерлем утверждается необходимость конституции «другого *ego*», которую невозможно понимать иначе как *приведение ego к очевидности*. По видимому, этот методологический шаг является продолжением представления Гуссерля о «механизме» вскрытия очевидности всякого предмета посредством охвата его потенциальных восприятий, тех «горизонтов» данного, которые недоступны актуально. Но одно дело – если мы говорим об обратной стороне монеты, или дома, но совсем другое – если мы говорим о возможности достоверным образом доказать существование внутреннего мира «другого» Я, как конституирующего свой «объективный мир», который, в то же время, и в первую очередь, – мой объективный мир (!).

Достоверность «другого» достигается, по Гуссерлю, путем «аналогизирующей аппрезентации» [15]: конституированный моим трансцендентальным *ego* объективный мир он называет «первопорядковой сферой», в которую, в первую очередь, входит мой внутренний мир и моя телесность. «Первопорядковая сфера» или «первопорядковый мир», по мысли Гуссерля, создают определенный базис интенциональности, на основании которого (по аналогии) можно «представить со-присутствие чего-либо, что тем не менее само не присутствует и никогда не может достичь само-присутствия. Речь, следовательно, идет о своего рода приведении-в-со-присутствие, (*Mit-gegenwartig-machens*), о некоей аппрезентации» [16]. «Аппрезентация» – это восприятие со-присутствия других объектов. Отсюда Гуссерль выводит действительное существование «другого» как сущего: «живое тело», данное нам в аппрезентации, проявляет себя именно как живое «в своем меняющемся, но всегда согласованном *поведении*». Проявляя, таким образом, свою физическую сторону, «другой», по мнению Гуссерля, аппрезентативно указывает на существование в нем психики, которая должна проявиться в «изначальном опыте» [17].

Существование «другого», в том числе и как конституирующего свой мир трансцендентального *ego*, утверждается, таким образом, с той же достоверностью, как и существование моего трансцендентального *ego*. Так, Гуссерль приходит к *монадической* структуре конституирования «объективного мира как *идеи*» отдельными монадами (*ego*), в составе интерсубъективного «сообщества монад»: «Объективный мир как *идея*, как идеальный коррелят интерсубъективного, т. е. интерсубъективно обобщенного опыта, который идеально может быть осуществлен и осуществляется в непрерывной согласованности, существенно связан с интерсубъективностью, которая сама конституирована в идеальной бесконечной открытости и отдельные субъекты которой наделены взаимно соответствующими и согласующимися конститутивными системами. Поэтому конституция объективного мира существенным образом заключает в себе гармонию монад» [18].

Нетрудно видеть, что весь комплекс понятий, касающийся интерсубъективности (монада, гармония монад, *идея* мира как коррелят интерсубъективного), цементируется утверждением достоверности существования «другого» как сущего, поскольку без него мир представлял бы собой субъективную иллюзию. Однако само это утверждение заслуживает вполне оправданной критики: М. А. Киссель пишет, что такой ход мысли может быть оправдан только в повседневном познании, без осмысления самого акта познания. «Действительно, “аналогизирующая аппрезента-

ция” тематизирует наши обычные интенции в контексте коммуникаций с другими людьми. Но обладает ли этот акт “аподиктической достоверностью”, которая, по определению, должна быть присуща “сущностному пониманию в сфере трансцендентального опыта”? – ни в коей мере, по-моему» [19].

Построенное таким образом доказательство основополагающего факта достоверности – достоверности «другого» – определено указывает, что феноменология Гуссерля так и не смогла полностью освободиться от психологизма. Он и сам косвенным образом признавал это, работая одновременно над трансцендентальной феноменологией и феноменологической психологией, которые не просто параллельны, но постоянно переплетаются в его работах. «То, что делает психологическую и трансцендентальную сферу опыта параллельными, – пишет Гуссерль, – есть *тождественность их значимости*, то, что отличает их, есть просто *смена установки*; при этом ясно, что психологическая и трансцендентальная феноменологии будут также параллельными» [20]. Основателю феноменологии не удастся опереть свою теорию сознания исключительно на данные его редукции: «познание – это нечто большее чем “прямой чувственный опыт”, что оно необходимо сопровождается комплексом дополнительных умозаключений и толкований, связывающих этот опыт воедино. Это означает, что категории внутреннего и внешнего опыта суть *дискурсивные концепты*» [21], то есть существуют только при условии уже существующего рассудка.

Причиной сохранения психологизма в трансцендентальной феноменологии, как и феноменологической психологии Гуссерля, Гайденко считает то обстоятельство, что она «именно в *сознании* имеет все те элементы, которые конституируют его структуру; и та и другая отрицают возможность получать какие бы то ни было конституирующие моменты – значения, смыслы – извне. При этом не важно, как трактовать это “извне”: натуралистически – как эмпирический (физический) мир или сверхэмпирически – онтологически как бытие» [22]. Гуссерль одинаково игнорирует возможность объяснения и обоснования сознания как на физике (физиологии), так и на метафизике (теологии). Поэтому феноменология, пишет Гайденко, есть не что иное, как «*дескриптивная психология, возведенная в ранг онтологии*» [23]. Такой итог развития гуссерлевой феноменологии вполне логично, на наш взгляд, вытекает из его стремления к «научности» своего метода, которая непреодолимо «тянула» его к идеалу натуралистичной классической очевидности.

Все указанные выше противоречия феноменологии Гуссерля ее основной цели – достижению

«аподиктической достоверности» – венчаются лежащей в ее глубине *временностью*: «Ведь для Гуссерля *историчность* Пра-Я есть последняя реальность, далее ни к чему не сводимая» [24].

В последней – напечатанной уже после смерти философа – работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», постановка проблемы познания, изменения в которой нарастали с течением лет, уже совершенно отличается от первоначальной (периода «Логических исследований» и «Философии как строгой науки»). В этой последней работе для Гуссерля становится ясным, что наше познание изначально обусловлено некоторым объективно существующим «жизненным миром», а вопрос познания должен состоять в определении, «в каком отношении тот или иной объект, донаучно, а затем и научно истинный, состоит ко всему тому субъективному, которое всюду выражает себя в том, что заранее предлежит нам как само собой разумеющееся» [25]. Он утверждает, что это, в том числе тот исторический мир, который всегда «уже» дан человеку, как ученому, так и философу, который он раньше признавал изменчивым, а следовательно, не истинным. Такого рода изменения позиции философа вполне понятны, если вспомнить, что единственным источником конституирования сознания является само же сознание (о чем мы говорили выше), не могущее в такой основанности-на-самом-себе «оторваться» от опыта (так как без направленности на какой-либо опыт оно немислимо) в обычном, эмпирическом, натуральном (свойственном «жизненному миру» современного человека) его понимании.

Таким образом, критика Гуссерля на соответствие его феноменологии ее первоначальным методологическим принципам, которые он сам до самого последнего времени не подвергал сомнению, имеет под собой веские основания. Однако сами эти первоначальные принципы оказались не поколеблены в своей принадлежности к истине сознания, несмотря на то что их не удалось реализовать. И даже сам философ изменяет их явно вынужденно, так и не сумев подойти к видимой цели с имевшимся методологическим багажом.

Но и в так сложившемся виде феноменология Гуссерля ценна именно тем, что поставила проблему *последних оснований сознания* (постоянно присутствующих элементов), а кроме того, дополнила собой понятие психологического, вскрыв его внутренние структуры, недоступные натуралистической экспериментальной психологии до него.

В позднем периоде творчества Вл. Соловьева «Теоретическая философия», к сожалению, выступает единственной теоретической работой, которая дает нам пример размышлений, близких

феноменологии. Однако все те моменты, о которых мы говорили выше применительно к Гуссерлю, присутствуют в ней.

Феномен интенциональности сознания играет у Соловьева и у Гуссерля одинаковую роль несомненно истинного основания, отправной точки рассуждения об истинном познании. Однако опыт неразрывной связи сознания с его предметом, *сознания-о* интерпретируется и как бы продолжается ими по-разному: Гуссерля интересует сам «механизм» этой связи сознания и предмета, в котором, по его мнению, происходит образование смысла и значения; феноменология возвращается внутри этой связи, пытаясь прояснить «механизм» образования смыслов. Соловьев же оставляет эту достоверность обязательной связи сознания и его предмета нетронутой, просто как факт, в котором далее невозможно что-либо анализировать. Все его дальнейшее рассуждение исходит из этого факта, а не углубляется в него. В конечном итоге это позволяет Соловьеву сохранить первоначальную установку на *достоверность* знания, в то время как *очевидность* Гуссерля (внутри связи сознания со своим предметом) должна опираться на опыт *восприятия*, что значит – снова разделять субъект и объект. Немецкий философ вынужден углубляться во множество уровней восприятия (актуального, потенциального) в надежде достигнуть уровня единого предмета [26], что, впрочем, всегда остается для него надеждой, нигде в его работах не реализованной.

Обращаясь к субъекту, Гуссерль берет его редуцированным, как трансцендентальное его, но бесспорно существующим, что позволило бы его, с точки зрения Соловьева, упрекнуть, вслед за Декартом, в поспешности выводов. Еще меньшей очевидностью или достоверностью может обладать для Соловьева утверждение существования «другого», если и собственный субъект, или субъект вообще не может быть еще утверждаем как истинно существующий.

Достоверность существования «другого» Гуссерль выводит из некоторого опосредованного знания – «согласованности его поведения», что, по его мнению, свидетельствует о наличии у него психики, – которое, в конечном итоге, опирается на предданую «гармонию монад», или субъектов, в интерсубъективном единстве [27]. Подобный образ мысли мы встречаем у Соловьева в его ранних работах, в которых предданое «всеединство» выступало понятийным фундаментом, или точкой опоры, но само по себе всегда оказывалось вне всяких определений. В поздних работах Вл. Соловьев стремится не принимать реальности чего-либо без достаточных оснований.

Как мы видим в «Теоретической философии», сознание у Соловьева не просто констатация

«видения» предмета, но нечто большее – *разум*, который становится возможным благодаря «прорыву» от самодостоверности сознания-о к констатации такой достоверности для всех случаев. Мысль о том, что «все непосредственно сознаваемые фактические состояния безусловно достоверны, как такие <...> выходит за пределы всякой наличности – дан факт, означающий нечто большее всякого факта. <...> Формальное знание данной мысли (ее всеобщность) неотделимо от самого факта этой мысли» [28]. Иными словами, все факты достоверны как феномены сознания, независимо от того, сон это, галлюцинация, бред или т. п. *А в самом факте психической наличности дана возможность выхода за рамки психической наличности, а следовательно, возможность мыслить о не находящемся в наличности, что соответствует разуму, или, по крайней мере, логической возможности разума.* Таким образом, разум, по Соловьеву, возможен, с привнесением чего-то не данного в самой психической наличности, но как бы коренящегося в ней – это «логика».

Здесь у философа появляется некоторая двойственность в разворачивании истинных оснований знания: психологическая наличность факта представляет собой «материю», а логический процесс – есть сам акт мышления [29]. При этом из контекста целого рассуждения Соловьева очевидно, что это только аналитическое их разделение, чего на самом деле нет. Таким образом, вскрывается акт мышления, исходящий из достоверности наличного состояния сознания и приводящий философа к (объяснению) *возможности разума*.

Но и «возможность мышления», сформулированная выше, не означает достоверности существования субъекта мышления. У Соловьева не субъект «конституирует» действительное мышление, но оно (мышление), как безусловная форма, должно иметь для себя безусловное содержание, которым является Истина. Иными словами, мышление, возникнув, уже не может удовлетвориться феноменологической достоверностью (простым наличием), но самим своим существованием как «логики» стремится к разделению осознаваемого на достоверное и не достоверное. Проблемой и одновременно целью здесь становится некий общий критерий – Истина. Истина, таким образом, – это в полном смысле метафизическая инстанция, с неопределенными свойствами существования, но вполне работающая. *Замысел* же сознания познавать истину определяет собой действительный смысл (конституирует) и мышления, и субъекта.

Однако Соловьеву, на наш взгляд, недостает убедительности в этом изложении теории познания, дело в том, что отсутствует четкость в пока-

зании одномоментности в связи элементов истинного познания в деле познания истины, деятельностного характера осуществления действительного познания. Очевидно, что эксплицированные им этапы рассуждения об истинном познании являются раздельными только в аналитическом рассуждении, но на самом деле, в действительном познании, они являются составными имплицитными частями единого акта познания.

Истина является тем единственным, что, по мнению Соловьева, способно придать действительность и знанию, и субъекту познания. Последний не имеет достоверного существования, если полностью определяется случайным и изменчивым содержанием своего эмпирического Я, но способен достичь (в познании) действительного своего существования только в отношении к Истине.

Так, в теории Соловьева появляется ключевой момент (которого не хватало Гуссерлю) – опора на внутреннюю феноменологическую достоверность как форму, которая требует действительного, истинного содержания. «Кто думает о самой истине, тот, конечно, не думает тут о своем я – не в том смысле, чтобы он *терял* самосознание, а в том, напротив, что он *приобретает* для своего пустого я новое и притом самое лучшее – безусловное содержание, хотя сперва лишь в замысле, в предварении. Уже в акте решения познавать саму истину мыслящее я становится формой истины – формой как бы в зародыше. Но уже и в зародыше своей познаваемости сама безусловная истина обладает своим отличительным качеством, она ни в коем случае не может представлять собою чего-нибудь частичного, ограниченного и обособленного. Зародыш самой истины есть зародыш ее *всецельности*, и внутренний рост этого зародыша может быть только развитием истинной *всецельности*» [30].

Происходит формирование мышления в том виде, который мы знаем. Можно представить его в линейном виде: феноменологическая достоверность «всего» – форма, которая требует истинного содержания; таким образом, происходит определенная «настройка», изменение в сознании человека, которая начинает отличать его от сознания, например, животного: к восприятию и реакции в сознании человека добавляется еще и оценка (проекция истины на реальность, апелляция к истине).

Но Истина, как абсолютная цель познания, характеризуется необъективируемостью, невозможностью ее восприятия, что позволяет нам назвать эту составляющую акта познания чисто интуитивной, или интуитивной в собственном смысле. До него сознание, как человеческое, как мышление, – не существует.

Основная ценность этих данных заключается в формировании завершенной теоретической модели ненатуралистического познания. В своем *практическом срезе эта модель имеет основным постулатом то, что важнейшим элементом в познании является не чувственно данное, а тот образ истины, который формирует то или иное сознание.*

Таким образом, единственным, что, говоря языком Гуссерля, конституирует познание, а вместе с тем и «нормы абсолютного значения», является у Соловьева Истина. Только через нее человек как субъект познания может «высветить» свое действительное постоянное содержание, которое, в свою очередь, придает ясный и устойчивый смысл предметам его сознания. Из этого мы можем заключить, что В. Соловьев достигает больших глубин в деконструкции (редукции) познавательного акта и самого субъекта познания, нежели основатель феноменологии – Э. Гуссерль.

Однако, как сказал сам Соловьев в конце «Теоретической философии», ее результату принадлежит только «отвлеченно-логическое значение» [31]. Такой вывод он делает, вероятно, потому, что осознает лишь методологическое, философско-умозрительное значение итогов своей деконструкции.

Пользуясь призывом Гуссерля – «К самим предметам!», мы можем теперь утверждать, что это только половина пути – намеченная в феноменологии. Действительно, необходимо было отказать от «историчности» мышления, различных других «мифов» и мнимостей, чтобы увидеть некоторое единство мира в сознании. Но это дало нам не «сами предметы», а предметы в соотношениях «жизненного мира», как правильно заключил Гуссерль в последних работах. Однако преданный «жизненный мир» может включить в себя только интересубъективность, которая зияющей пропастью отделена у него от действительного субъекта. Что же говорить о познании, а тем более о творческой активности этого недоказанного субъекта? О его самостоятельности не может идти и речи, так что и «нормы абсолютного значения» оказываются справедливыми лишенными идеальности, поскольку, по Гуссерлю, получается, что они – порождение интересубъективности как части преданного «жизненного мира».

Соловьев же изначально ищет истину и истинное добро, поскольку, как он не раз заявляет, отдельные предметы, как бы мы их не теоретизировали, – это всего лишь частности, к тому же обусловленные (историческим «жизненным миром»). Потребность же в добре и познании истины не предметна, а добро – это вечная цель и мечта человечества. Истина, таким образом, или

идея Истины, является не эмпирическим, интуитивным критерием, прикладываемым к феноменальным данным сознания и «логике» (данным *разума*), в результате чего возникает достоверность (прежде всего как внутренняя).

Практическое обоснование того, в чем заключается истина, как Истина в лице Христа, которая дает возможность существованию *истинного добра*, Вл. Соловьев производит в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (особенно в заключительном третьем разговоре). Она посвящена непосредственно проблеме добра и написана в художественной форме, поэтому разбор ее здесь в контексте теории познания неоправданно усложнил бы наше изложение.

Итак, мы можем сделать два окончательных вывода:

1. Интуиция истины Соловьева является тем постоянным и необходимым элементом мышления, который не мог найти Гуссерль. Она, с одной стороны, выступает актом субъекта свободного от обусловленности intersубъективными структурами, с другой – позволяет сознанию осмысленно оценивать intersубъективные структуры на основании принципиальной отличной от их логики трансценденции (к истине). Таким образом, интуиция в виде необъективируемой деятельности сознания (поскольку истину нельзя представить конкретно) является важнейшей предпосылкой достоверности познания – обыденного, научного, философского и религиозного.

2. Для научного понимания важно констатировать взаимодополняющий характер двух моделей гносеологии: у Гуссерля есть все составляющие метода (ясно видится необходимость нового подхода, четко сформулирована цель, построен действенный метод), но нет положительного результата, отвечающего поставленной цели; у Соловьева нет гуссерлевской методологической четкости, но есть положительный результат, вполне соотносящийся с целями феноменологии.

Примечания

1. Цит. по: Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 46. См. также: Вопросы философии. 1982. № 6. С. 90.
2. Ненашев М. И. Поздний Соловьев: перемена в понимании природы зла и безусловной достоверности // Соловьевские исследования: периодический сб. науч. тр. Вып. 18. Иваново: Иванов. гос. энергетич. ун-т, 2008. С. 106–107.
3. Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. С. 235.
4. Соловьев В. С. Указ. соч. Т. 1. С. 759.
5. Там же. С. 758.
6. Соловьев В. С. Указ. соч. Т. 2. М., 1988. С. 639.
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2001. С. 66.
8. Там же. С. 95–96.
9. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 120.
10. Гуссерль Э. Указ. соч. С. 117.
11. Там же. С. 120.
12. Там же. С. 78.
13. Гайденок П. П. Указ. соч. С. 121.
14. Гуссерль Э. Указ. соч. С. 85.
15. Там же. С. 215, 219, 223.
16. Там же. С. 214.
17. Там же. С. 223.
18. Там же. С. 212.
19. Киссель М. А. Гегель и Гуссерль // Логос. 1991. № 1. С. 65.
20. Гуссерль Э. Феноменология // Логос. 1991. № 1. С. 17.
21. Трунов Г. Д. Где проходит граница между «внутренним» и «внешним» опытом? // Вестник Пермского университета. Сер. «Философия. Психология. Социология». 2011. Вып. 1 (5). С. 18.
22. Гайденок П. П. Указ. соч. С. 124.
23. Там же. С. 124.
24. Там же. С. 125.
25. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. С. 154.
26. Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 120.
27. Там же. С. 212.
28. Соловьев В. С. Указ. соч. Т. 1. С. 801.
29. Там же. С. 805.
30. Там же. С. 822.
31. Там же. С. 830.

УДК 316.34

Е. В. Соловьев

ЭТНОС В СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОЙ ПАРАДИГМЕ

В статье рассматривается проблема изучения этнической структуры общества и структур отдельных этносов как комплексного сочетания позиций индивидов в этнической структуре, их самоидентификации с данными позициями и исполнения конвенциональных ролей. Подобный подход позволяет детальнее описать строение этносоциума и положение этномаргинальных групп в нем.

In article the problem of studying of ethnic structure of a society and structures of separate ethnoses as complex combination of positions of individual in ethnic structure, their self-identification with the given positions and executions of conventional roles is considered. The similar approach allows to describe more detailed a structure of ethnosociety and position of ethnomarginal groups in it.

Ключевые слова: этническое происхождение, «этническая роль», «этническое поведение», этнический статус.

Keywords: ethnic lineage, "ethnic role", "ethnic behavior", ethnic status.

В условиях этнического ренессанса, переплетающегося с процессом глобализации, активного вовлечения представителей различных этносов в единое социальное пространство, актуальным становится вопрос о том, какую этническую общность человек считает своей и относит ли себя к какому-либо этносу вообще, какие культурные ценности ему следует разделять, какой язык ему ближе.

Вопрос о принадлежности индивида к тому или иному этносу напрямую связан с интерпретацией самого понятия «этнос». А оно сегодня по-прежнему является дискуссионным. Аксиомой в современном обществоведении является положение о том, что человек одновременно включен в состав многих социальных общностей. Принадлежность к ряду из них не вызывает сомнений и дискуссий: пол, возраст, образование, профессия, доход и множество других признаков отчетливо формируют «свои» структурные образования. Но этничность относится к числу тех, которые не имеют такой ярко выраженной очевидности.

К сегодняшнему дню насчитываются сотни различных дефиниций понятия «этнос». Однако, несмотря на некоторые вариативные различия в наборе этноинтегрирующих и этнодифференцирующих признаков, сторонники примордиалистской концепции понимания этноса (к числу которых относит себя и автор) выделяют следующие из них: единство происхождения (первоначальное родство), территории, культуры, языка,

элементов быта, хозяйственные (позднее экономические, отличающиеся уже формализованным характером) связи, этноним, самосознание (представления о культуре, языке, историческом прошлом народа, психологический склад характера, темперамент, но, в первую очередь, осознание общности происхождения, самоидентификация именно с данным, а не с другим этносом).

Основные этнообразующие признаки, таким образом, пронизывают всю обозримую историю человечества. Племена, возникшие на родовой основе, унаследовали практически все родовые признаки за исключением кровного родства, поскольку представляли собой уже совокупность нескольких родов. Народности, в свою очередь унаследовали племенные признаки, но не слепо копируя их, а трансформировав в соответствии с новыми историческими условиями.

Развитие цивилизации, «породившее» народности, в дальнейшем «стерло» (и продолжает «стирать») их с этнической карты мира. Если в 1959 г. из 880 народов мира, учтенных в этнографической литературе, более двух третей пребывало в форме «донациональных общностей», преимущественно народностей, племенных объединений, этнических групп [1], то в современном мире более 90% населения составляют нации [2]. «Из постоянно переходящего из поколения в поколение взаимодействия, – полагает А. Г. Агаев, – возникла и качественно новая духовная сила – национальное самосознание... Народы, таким образом, становились субъектами национальной жизни, национальных процессов и движений и связей постольку, поскольку они обрели устойчивое национальное бытие» [3]. Однако взаимодействие происходило не только «внутри» этнонациональных образований, сплачивая их, но и между различными этнонациями, формируя надэтнические характеристики общностей.

Чем больших успехов достигали народы в развитии культуры и цивилизации, тем большей становилась их потребность в общении друг с другом, в обмене опытом. Интенсивное расселение представителей различных наций по миру и, тем более, современная глобализация преуменьшили или вовсе исключили роль некоторых «классических» этнонациональных признаков. Так, территориальное единство сегодня уже не столь актуально, как в предыдущие эпохи, когда представители племен и народностей жили компактно, и культурные, языковые, хозяйственные контакты имели по преимуществу непосредственный характер, что обеспечивало групповую интеграцию. Ценности модернистской и традиционалистской культур, разделяемые разными группами представителей одного и того же этноса, существенно преуменьшили значение культурного

единства представителей различных наций. Экономический аспект глобализации интегрирует национальные экономики и девальвирует этноинтегрирующее и этнодифференцирующее значение хозяйственно-экономического критерия. На первый план среди этнообразующих признаков нации выходят сегодня, таким образом, происхождение, самоидентификация, связанное с ней знание родного национального языка и практическое его использование.

Новые реалии, безусловно, должны найти и уже находят адекватное отражение в теоретических моделях общественного устройства, в том числе и в моделях этнической структуры общества и структуры этноса. Интенсификация социальных процессов в современном обществе закономерно ведет к тому, что этнические «пласты», традиционно рассматривавшиеся в общественных науках как элементы этнической структуры общества, начали ощутимо перемешиваться. Однако традиционная парадигма этнической структуры общества и структуры этноса учитывает лишь позиционирование человека по отношению к другим людям в рамках заданной схемы. Установившееся представление об этнической структуре, построенное по альтернативному принципу: либо индивид – представитель данного этноса, либо – другого, существенно искажает реальное положение вещей, в значительной мере игнорируя их перемешивание. В эту схему, например, как-то неявно вписываются маргинальные слои, находящиеся на «стыке» этносов. На словах существование этнических маргиналов признают все и вся, но в документах, практических разработках и во многих научных моделях для них не находится места. Примером тому служат переписи населения, фиксирующие этническую принадлежность человека в соответствии с традиционными взглядами на этническое устройство общества. Такая схема, на первый взгляд, упрощает формирование и реализацию национальной политики, процесс принятия управленческих решений, но одновременно и создает массу проблем конфликтного характера.

Не учитывает традиционная схема и то обстоятельство, что степень маргинальности индивидов, относящихся к этническим маргиналам, также может существенно различаться. Формальное отнесение многих и многих людей к тому или иному этносу не соответствует их фактическому положению в этносоциуме, их самоидентификации, культурным, языковым характеристикам и т. д., их реальному поведению. Ситуация требует по-новому взглянуть на сложившееся в этнической жизни общества положение и по возможности более детально зафиксировать качественное своеобразие социально-этнической структуры для анализа современной ситуации,

отслеживания тенденций ее изменения и построения прогнозных моделей.

На смену «позиционной» схеме этничности должна прийти другая, более адекватно отражающая социальные инновации. На наш взгляд, в качестве таковой может выступить «статусная» модель этнической структуры, базирующаяся на ролевой теории личности, основы которой были заложены в XX в. в трудах социологов Дж. Мид, Р. Линтона, Т. Парсонса, Р. Мертона, социального психолога Т. Шибутани и др.

Общими критериями выделения социальных групп являются, как известно, род занятий, уровень и структура доходов, место в системе властных отношений общества, уровень образования и т. д. Каждый из них качественно характеризует социальное положение этих групп в структуре общества и делит его на сегменты.

В свою очередь, сами эти группы внутренне не аморфны и обладают определенным «набором» социальных позиций. В современной социологической литературе социальная позиция чаще всего понимается как «общественное положение людей, с которым связаны их определенные права и обязанности, не зависящие от их индивидуально-личностных свойств» [4]. Однако социальная позиция – это еще не статус.

Каждой социальной позиции соответствует определенный набор прав и обязанностей – так называемый ролевой набор, предписанная позицией («конвенциональная», по терминологии Т. Шибутани) роль. Одновременно с этим в структуре социальной роли выделяются два аспекта: ролевое ожидание и ролевое исполнение. Ролевые ожидания наряду с социальным положением, которое их определяет, являются функциональным и атрибутивным (аскриптивным) элементами социального статуса. Ролевое же исполнение представляет собой степень выполнения ролевых ожиданий, деятельность индивида по реализации экспектаций. Исполнение роли заключается в том, «чтобы исполнять обязанности, которые налагаются ролью, и осуществлять свои права по отношению к другим» [5].

С учетом этих замечаний понятие «статус» становится объемнее, чем это излагают многие существующие теории, и включает в свою структуру следующие тесно взаимосвязанные элементы, отражающие его атрибутивный, нормативный и оценочный аспекты: 1) место индивида в социальной структуре, 2) набор требований, предъявляемых этим местом, и 3) самооценку индивидом этого места и принятие – непринятие им различных составляющих этого набора.

Мы сознательно выносим функциональный аспект – поведение человека – за границы понятия «статус», однако этот аспект тесно связан с последним, так как является своего рода пока-

зателем степени соответствия индивида или группы социальному статусу. Статус – это в первую очередь элемент социально-ролевой структуры общества, «формально-структурная характеристика субъекта» [6]. Поведение же отражает *соответствие* статусу, не будучи, тем не менее, непосредственным элементом структуры самого статуса. Суть подобной интерпретации социального статуса – отражение объективной связи социальной позиции, которую занимает индивид в социальной структуре, с его поведением, которое диктуется этой позицией, с одной стороны, и проходит «внутреннюю цензуру» – с другой. Поэтому и рассматривать проблему социального статуса в отрыве от функциональной составляющей – поведения, – по меньшей мере, некорректно. Иными словами, мы рассматриваем социальный статус вместе с главным показателем соответствия ему.

Будучи структурным элементом социального статуса, этнический статус, в свою очередь, также имеет собственную сложную структуру. И если общая процедура исследования положения индивидов в социальной сфере подразумевает выяснение позиций, которые они в ней занимают, и ролей, этими позициями определяемых, то процедура исследования этнического статуса предполагает изучение их позиций в этнической сфере, освоения и исполнения ими этнических ролей.

Применительно к понятию «этничность» статусный подход позволяет рассматривать как минимум два основных измерения этнического статуса. Первое из них – этническое происхождение (позиция в этнической структуре общества), предписанный, полученный «по наследству» аспект этнического статуса. Позиция в этнической структуре предьявляет к человеку, ее занимающему, определенные языковые, культурные, возможно, религиозные и прочие требования «представителя» определенного этноса – этнический ролевой набор. Второе измерение – самоидентификация с данной позицией, местом в этнической структуре общества (принятие – неприятие предписанной «этнической роли» в целом или различных ее аспектов). И, наконец, нельзя сбрасывать со счетов тесно связанный с ними поведенческий аспект – исполнение – неисполнение конвенциональной роли представителя определенного этноса.

Однако в отличие от многих других составляющих генерального социального статуса индивида этнический статус обладает своей спецификой. В подавляющем большинстве социальных статусов, которыми обладают индивиды, «фундаментом» является атрибутивное измерение (социальная позиция, принадлежность к группе), определяющее самоидентификацию с позицией

и группой, и поведение – функциональное исполнение конвенциональной роли. Так, прежде чем идентифицировать себя с социальной группой «студенты», признаваться таковым другими и «играть» роль студента (посещать занятия, сдавать сессию и т. д.), индивид должен поступить в высшее учебное заведение, стать студентом формально, т. е. «занять» социальную позицию.

Именно по такой схеме исключительно определялся статус в традиционном обществе, где уровень социальной мобильности был ничтожен, а личность была неразрывно связана с ее статусом. Происхождение определяло практически всю жизнь человека: сын раба, за редчайшими исключениями, на всю жизнь оставался рабом, сын правителя автоматически становился наследником престола, сын представителя той или иной этнической общности получал «по наследству» не только этническое происхождение родителей, а весь этностатусный набор.

Сегодня личность и статус все более расходятся, у человека появилась возможность свободно выбирать свою идентичность, в том числе и этническую.

Переосмысливая проблематику социально-групповой идентификации к пониманию современных реалий, В. А. Ядов и Е. Н. Данилова отмечают, что в относительно стабильных социальных условиях социальные идентификации подвержены прямому воздействию определенной нормативной, институциональной системы. В современных же высокодинамичных обществах они утрачивают прежнюю определенность и ставят человека в ситуацию непростого, но самостоятельного выбора [7].

Подобную мысль, но уже в приложении к этнической проблематике, выдвигает и А. Г. Агаев: «Индивиды одновременно национальны и общечеловечны. Каждый индивид есть человек, представитель рода человеческого, а затем “национальный человек”. Это доказывается и тем, что при определенных условиях индивид может терять одни национальные черты и приобретать другие, но от этой перемены национальности он не перестает оставаться человеком... В этом смысле национальность выступает *приобретаемой чертой* (курсив наш. – Е. С.) человека» [8].

Речь идет о том, что в этническом статусе все большее значение начинает приобретать психологическое измерение – самоидентификация. Повсеместно мы встречаем примеры этнической самоидентификации и ролевого исполнения, никоим образом не связанные с атрибутивным измерением статуса – этническим происхождением. Уже само занятие определенной этнической социальной позиции или отказ от нее представляет собой результат осознанного представления о соответствующем этническом поведении:

владение языком и его использование в речевой практике, следование определенным культурным, религиозным нормам и пр. И лишь затем речь заходит об исполнении социальной роли, заданной социальными ожиданиями.

Подобная ситуация затрагивает не только людей, родившихся и выросших в семьях, где родители принадлежат к разным этносам. С жесткой необходимостью такого выбора сталкивается любой человек, оказавшийся в иноэтнической социальной среде. Человек, оказавшийся в ситуации этнического «выбора», не просто примеряет на себя этническую роль в своем воображении, находясь на определенной социальной позиции в этносоциуме. Напротив, он выбирает свое место в этнической структуре, отталкиваясь от своей оценки диктуемой этой позицией роли. Человек не изменяет ролевое поведение, определенное позицией, как это представляется в теории социальных ролей Дж. Мида. Человек выбирает позицию, оценивая предписанную ей роль. И здесь нам более реальным представляется функциональный подход Р. Линтона, рассматривавшего роли как сущностно предписанные и неизменяемые ожидания, выраженные в социальных нормах. Примеряя ту или иную этническую роль, мы выбираем ту или иную этническую позицию, связанную с ней. Однако еще раз напомним о необходимости обязательного учета и *этнического происхождения* человека. В противном случае общество может прийти к абсурду, когда каждый может называть себя представителем любого этноса или, если смотреть на проблему шире, вообще любой социальной общности, группы лишь по собственной прихоти, чаще всего, основываясь на оценке их статуса в социуме.

В современной этносоциологии процессам, происходящим в сфере действия основных этноинтегрирующих и этнодифференцирующих признаков, уделяется сегодня самое пристальное внимание. Однако изучение этих процессов нередко ведется дифференцировано: одни специалисты концентрируют свое внимание на аскриптивной составляющей – этническом происхождении, другие – на идентичности, третьих более всего интересует деятельностный, поведенческий аспект. Анализ взаимодействия этих составляю-

щих если и осуществляется, то, как правило, «парно»: либо аскриптивный аспект соотносят с идентичностью, либо идентичность с поведением. Социально-ролевой подход позволяет осуществить подобный анализ комплексно, что продиктовано самой структурой социального статуса, объединяющего все три изучаемых аспекта.

В то же время и коллеги, изучающие этнический статус дифференцированно по основным этнообразующим признакам, единодушно констатируют (каждый в своем аспекте) развал статичной, «позиционной» структуры этносоциума по всем трем составляющим: происхождению, идентичности, поведению. Следовательно, этот развал необходимо должен затронуть и системную организацию этих признаков – этнический статус.

Ситуация выглядит достаточно сложной и динамичной, причем темпы динамических изменений стремительно нарастают. В этих условиях изучение этничности и этнических процессов «сквозь призму» этнического статуса приобретает, на наш взгляд, важное методологическое значение. Комплексно изучая статус человека в этносоциуме, возможно получить такое же комплексное представление не только о степени его включенности в этнонациональное образование (на личностном уровне), но и определить степень сплоченности этноса, способность и внутреннюю готовность этноса к «выживанию» в изменяющихся социальных условиях и изучить его реальную деятельность, направленную на достижение этой цели.

Примечания

1. Агаев А. Г. Националогия: философия национальной экзистенции. Махачкала, 1992. С. 52.
2. Социология: курс лекций / под ред. А. В. Миронова, В. В. Панферовой, В. М. Утенкова. М., 1996. С. 111.
3. Агаев А. Г. Указ. соч. С. 55.
4. Краткий словарь по социологии. М., 1989. С. 233.
5. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 45.
6. Волков Ю. Г. Социология / под общ. ред. В. И. Добренькова. Ростов н/Д, 2005. С. 226.
7. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социол. исслед. 2004. № 10. С. 27.
8. Агаев А. Г. Указ. соч. С. 56.

УДК 165.6

М. А. Харунжева

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕЛЕСНОСТИ В ТВОРЧЕСКОМ ОПЫТЕ

Статья посвящена современным исследованиям проблематики телесности в философии, ее роли в познании и творческом опыте человека.

The article is devoted to contemporary research of corporality in philosophy, its part in the knowledge and the creative experience.

Ключевые слова: теория познания, телесность, эмпирический образ.

Keywords: theory of knowledge, corporality, empirical image.

Проблема телесности долгое время оставалась на периферии философских исследований. Главное внимание всегда уделяется когнитивным возможностям человека, мышлению, сознанию. Ряд современных исследований предлагают не выносить телесность за скобки эпистемологического анализа, а рассматривать тело как внешнюю сторону ментального, как способ его воплощения в жизнь.

Последние исследования, посвященные созданию искусственного интеллекта, дают возможность смоделировать ряд аспектов познавательной деятельности, однако результаты далеки от того, что можно назвать живым и многогранным человеческим разумом. Бессознательное, творческое, телесный опыт фактически исключаются при рассмотрении мыслительных стратегий. Однако включение категории телесного в вопросы познавательной активности человека может расширить их понимание.

Рассматривая данную проблематику, И. А. Бескова предлагает мыслительный эксперимент, который объясняет рассмотрение телесного и сознательного в качестве единого целого, при этом ум и тело можно трактовать как разные проявления этого целого [1]. Еще А. Эйнштейн предлагал выходить за рамки проблемы и смотреть на нее со стороны. Только в таком случае можно реально создать наиболее полное описание ситуации, здесь возникает возможность увидеть новые аспекты, которые не видны в рамках самой рассматриваемой системы. Мысленный эксперимент, предложенный Бесковой, продолжает эту традицию и заключается в следующем. Представим себе существование ряда измерений, в одном из которых существует человек и привычный, сопредельный ему мир. Другой мир – это реальность наблюдателя, которого автор имену-

ет Савитаром, как божество в ведийской мифологии. При этом сам человек и его мир будут выступать как миры знаний Савитара, идеальные миры, которые он конструирует в своем сознании в целях самопознания и развития. То есть живущие в человеческом мире люди для Савитара – возможные варианты его существования. Человек обладает подобной способностью создавать идеальные миры в своем сознании, в них он раскрывает возможность самых разных своих поступков и в итоге выбирает один, который воплощает в реальной жизни. Тогда вся реальная жизнь человека будет рассматриваться как идеальный мир Савитара. Когда человеку снятся сны, многие уверены, что сон является какое-то время частью их существования, то есть человек вовлекается и проживает всю эту ситуацию телесно. Так же и с представлениями Савитара, что для него – иллюзия и возможность, для человеческого существования – реальность, которую люди переживают телесно и когнитивно. В современных исследованиях часто предлагается целостный подход к проблеме «тела-сознания» в отличие от кантовского противопоставления «тела-машины» и мыслящего субъекта.

Вопросы, касающиеся телесного опыта, широко освещены в работах Д. Г. Трунова, который использует феноменологический метод для рассмотрения вопросов телесности и телесного опыта. Он подчеркивает, что «телесность – фундамент эмпирического “Я”, условие его целостности и, одновременно – его значимая содержательная часть» [2]. В первую очередь он очерчивает значения слов «тело» и «телесность». Если «тело» соотносится с физическим объектом, он может быть живым или нет, то «телесность» – это феноменальный опыт телесного самобытия. Однако в телесном не редуцируется физическая сторона, напротив, она включается в систему смыслов человека. При феноменологическом подходе телесное может расширять свои естественные границы на другие объекты, которыми могут быть инструменты (мастерское владение хирургом скальпелем или художником кистью, инструмент будто является продолжением руки), протезы или искусственные части тела, а также фантомные ощущения (нередко в литературе можно встретить исследования фантомных болей, сохраняющихся у людей после ампутации конечностей).

Понятие тела используется в рамках естественной установки, в которой опыт познающего сознания принимается в виде непосредственного фактического бытия. В данном подходе тело – это объект окружающего мира (тело – вещь, сознание – свойство вещи). В феноменологической же установке тело является феноменом, а сознание – актом, постигающим этот феномен.

Однако и в естественной и в феноменологической установках тело и сознание признаются разными сторонами одного целого. В естественной установке тело может рассматриваться вещью, функционирующей по законам физики, химии, медицины, биологии и т. д. Однако в непосредственном сознании-восприятии тела человек имеет дело с феноменальными качествами.

В истории философии сложилась традиция разделения опыта на внутренний и внешний. Древние мыслители предложили делить всю жизнедеятельность на явленное и внутреннее, а затем на телесное, душевное и духовное. Августин разделяет чувственность на «внутреннее чувство», которое оценивает вещи по принципу: удовольствие или боль они приносят организму, и результаты внешних телесных чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса). Однако Августин отказывает телесности в познавательной возможности. Согласно Августину познает лишь ум, который оценивает результаты чувственности [3]. Представители философии жизни акцентировали внимание на богатой цельности жизненного опыта, которую нельзя разделять.

По мнению Ф. Ницше, отделение чувств от мыслей не проясняет всю структуру опыта, например, боль является и интеллектуальным процессом, в котором находит свое выражение суждение «вредно», суммирующее долгий опыт, и потрясением мозгового очага нервной системы. Это делает боль феноменом целостного опыта, в котором теряют смысл разделения, в том числе понятия внутреннего и внешнего [4].

В феноменологической традиции разделение опыта на внешний и внутренний отведено «естественному подходу», с точки зрения феноменологической установки граница между ними весьма условна. Д. Г. Трунов подчеркивает, что «разделение на внутренний и внешний опыт происходит не столько в процессе развития человека как психофизиологического организма, сколько в процессе познания себя с помощью тех дискурсивных средств, которые предоставляет ему культура» [5]. С рождения человек живет в синкретичном мире, в котором внешнее воспринимается через внутреннее. У детей и примитивных народов часто можно заметить отождествление чувств и объектов. В нашем быденном языке также сохраняются подобные примеры: «вкусный фрукт», «неприятный запах» и т. д. При формировании представления о внешнем и внутреннем опыте человек начинает обрисовывать границы, их разделяющие. При этом телесность в этом разделении может участвовать по-разному. Аскетические практики, к примеру, воспринимают тело как чуждое внутреннему опыту, к которому будут относиться лишь душевные проявления. Подобную картину мы можем увидеть у Платона, который

рассматривает тело как временную «темницу души». Иногда дихотомия «внутреннее – внешнее» может проявляться у человека в виде «свое – чужое», вследствие чего может возникать отчуждение собственного тела или его части (опухоли или больного органа). Однако возможен и обратный вариант, когда человек идентифицирует часть внешнего мира со своим внутренним. Это могут быть не только инструменты или искусственные части тела, но и другие люди (руководитель группы может ощущать включенность каждого члена команды в его внутренний мир, то же самое может происходить в сплоченной семье).

Рассматривая вопросы определения уровней или состояний тела, современные философы предлагают свои классификации состояний телесности. В. А. Подорога вводит понятия порогов становления образов тела. Согласно его точке зрения, существует единое динамическое поле чувственных образов, а тело – один из этих образов, но через него проходит изменение и становление этого поля. Для описания данной точки зрения можно использовать метафору экрана, через который проходит «всемирное становление», видоизменяя его. Подорога предлагает более точный термин – «порог», который соотносится с представлением о становлении как о потоке: «Тело есть порог, то, что задерживает в себе определенное внешнее воздействие, чтобы тут же изменить свое положение в реакции на это воздействие» [6]. Среди «порогов» он выделяет тело-объект, тело-«мое тело» и тело-аффект.

Тело-объект рассматривается таковым, когда в нем будут отсутствовать жизненные силы, объектом тело может быть только для стороннего, внешнего наблюдателя. Но это невозможно для человека по отношению к собственному телу. Живое тело будет существовать до того момента, пока не попадет в «объективирующий дискурс», иначе говоря, набор необходимых высказываний, устанавливающих правила ограниченного существования тела. Дискурс может быть физическим, биологическим, лингвистическим, анатомическим и др., только для них необходимо некоторое идеальное состояние тела, которое не имеет ничего общего с целостными переживаниями телесного опыта.

Порог «мое тело» представляет собой некое противопоставление тела, которое ощущает человек своим, тело-плоть, и чужих тел. То есть в этом случае прослеживается связь между внутренними переживаниями тела и его опытом. При этом «мое тело» воспринимается, даже если оно встречается во внешних репрезентациях: мы узнаем себя в зеркальном отражении, на фото, на рисунке художника. Именно через ощущение собственного тела проходит граница разделения мира на внутренний и внешний.

Стоит отметить важность этой «границы», обладающей, с одной стороны, полярными, с другой – близкими, функциями разделения и объединения внутреннего и внешнего. Неслучайно, анализируя феномен телесности, многие мыслители обращают пристальное внимание на тактильное восприятие. У Поля Валери мы можем встретить такое выражение: «Кожа – это самое глубокое в человеке» [7]. Она самая близкая к внешнему миру, она и отделяет нас от него, являясь защитным покровом, и одновременно является средством для тактильного, сверхчувствительного его освоения. В. А. Подорога отмечает, что у Ф. М. Достоевского мы можем найти яркие образы персонажей, у которых подменяются или стираются границы внутреннего – внешнего. У него человек «пре-ступивший» – это образ человека «без кожи», лишенный самообладания и ощущения собственного уникального, индивидуального тела. На примере Раскольникова можно увидеть, как его маленькая комнатенка, подобная шкафу, выполняет роль скорлупы, в которой он существует.

Тело-аффект можно также назвать «телом без кожи», оно рассматривается как равное собственному состоянию человека, или некое отчуждение тела в момент переживания. То есть в момент осознания тела-аффекта материальное тело кажется чужим (в момент нервного потрясения, психического заболевания, галлюцинации).

Выделяя пороги становления образов тела, Подорога подчеркивает возможность мысленного трансцендирования, объединения их в тело мыслимое, единое.

Системное, холистическое представление о теле человека широко распространено в духовных практиках. Одна из первостепенных задач в таких практиках – овладение собственным телом. Уже простая физическая работа требует навыков управления телом, а спорт, гимнастика, танец развивает их. В практиках йоги большое внимание уделяется психическим основам управления телом. Практика йоги основана на представлении о том, что каждая клетка тела человека представляет собой маленькую жизнь и действует самостоятельно, инстинктивно «сознавая», что необходимо для ее существования. Клетки, объединенные в органы, начинают действовать как единое целое и обладают уже общим «мышлением». Части же единого организма (органы) могут подвергаться разумному управлению через телесные и психические практики.

Вопрос телесной вовлеченности в духовные практики можно отметить в различных религиозных представлениях. К примеру, принимая во внимание существование трансцендентально существующих духов, в традициях шаманизма есть особые ритуалы (камлание), когда телесно-духов-

ная целостность шамана является проводником между миром духов и миром людей. Пляски, ритмичные удары в бубен, а иногда и использование галлюциногенных веществ способствуют телесной вовлеченности шамана в особое состояние сознания.

Значение телесного опыта в искусстве нельзя недооценивать. Ощущения, телесные проявления занимают важное место в театральном, цирковом, драматическом искусстве, танце, перформансе. В изобразительном искусстве особую роль играют дистантные формы восприятия, визуального постижения мира. Когда мы имеем дело с чувственным опытом, выраженным в произведениях искусства, он, как правило, не является спонтанным и рождающимся в момент акта творчества. Чтобы воплотить опыт в виде художественного образа, музыкального произведения, актерской игры, человек осваивает эти переживания в реальной жизни или в процессе вживания в роль, а затем уже использует его в свободном творчестве. И. А. Бескова предлагает следующую схему для представления осознания человеком сферы чувственного опыта: опыт – познание – освоение – свободное творчество [8]. Если продолжить аналогию с актерской игрой, то следует отметить, что в данном случае действия человека можно представить в двух плоскостях: персонажа, в которого воплощается актер, и вдохновителя, наблюдателя, который следит за достоверностью выполнения творческого замысла. Однако рефлексия в такой ситуации не всегда уместна: четко анализируя свое поведение на сцене, актер рискует потерять естественность воплощения образа, он перестанет быть «актером», а будет лишь грамотным «чтецом».

В творческом процессе, например в музыке или живописи, важной особенностью будет то, что развивая какие-то физические, телесные данные, такие, как четкость выполнения операций при игре на музыкальном инструменте, умение быстро выделить и изобразить форму предмета («набить руку»), человек опытным путем развивает и более сложные способности: чувство композиции, гармонии, цвета. Грамотный музыкант, не прибегая к анализу, заметит фальшивые ноты в исполнении даже того произведения, которого он никогда не слышал. Точно так же одного взгляда на этюд достаточно художнику для определения правильности композиции и четкости рисунка. Иногда это внутреннее чувство настолько развито, что художник может множество раз переписывать картину, добиваясь нужного состояния гармонии.

Важность современных неязыковых коммуникаций в рамках культуры перформанса отмечает О. А. Штайн [9]. Исследователь подчеркивает, что новые формы коммуникации, которые способны

преодолеть языковые, этнические, национальные традиции, проявляются в том, что их речевые средства ограничиваются, тогда как художественные, визуальные приобретают значимое преимущество. Культуру перформанса О. А. Штайн трактует достаточно широко – как акцентирующую внимание на визуальном аспекте коммуникации. В этом ключе тело приобретает специфическое значение, оно подвергается изменению, модификации, является полем практической трансформации, континуально сменяющихся телесных практик.

Исследования, проводимые Х. У. Гумбрехтом, также направлены на реабилитацию чувственного, телесного познания. В работе «Производство присутствия» он предлагает использовать понятие «присутствие» для разработки проблематики телесности в культуре и искусстве. «Присутствие» (в англ. «presense») он рассматривает как «не временное, а пространственное отношение к миру и его предметам» [10]. До чего-то «присутствующего» можно дотронуться рукой, а оно, в свою очередь, может оказывать воздействие на человеческое тело. Поскольку основной концепт Гумбрехта вынесен в название, то стоит также уточнить понятие «производство», которое употребляется в его изначальном смысле – *producere* – выдвигание предмета в пространстве. «Производство присутствия» – события и процессы, которые вызывают или усиливают воздействие «присутствующего» объекта на человеческое тело. Все предметы, которые «присутствуют», являются элементами вещественного мира.

В аспекте формирования образа, являющегося единицей опыта, мы используем термины чувственного знака и рационального значения [11]. Знаки формируются на уровне ощущений и восприятий, значение – на уровне представления. Работа с образами исключительно на понятийном уровне невозможна. В свою очередь, Гумбрехт отмечает, что культурные традиции могут складываться неоднородно. Вводя понятия «культуры значения» и «культуры присутствия», он выделяет особенности, которые характеризуют их. Если в культуре значения господствующим самоопределением является дух, а человек представляет себя в эксцентрическом положении относительно мира, который состоит из материальных объектов, то в культуре присутствия главным средством самоопределения является тело, а вещественный мир обладает внутренним смыслом, а не просто смыслом, сообщаемым ему при толковании, человек является частью этого мира (бытие-в-мире пространственное и физическое). Гумбрехт подчеркивает, что для восприятия культуры уровень «значения» недостаточен, он должен взаимодействовать с уровнем присутствия.

Культура присутствия, которую разъясняет в своей работе Гумбрехт, выглядит гармоничной,

целостной. Человек оказывается включенным в окружающий мир, является его частью, преодолевает его чуждость. Отрицание телесности, акцент на рассудочное постижение мира, напротив, увеличивают разрыв в связке человека с миром. Культуру значения можно сравнить с парламентскими дебатами: они могут проходить и без фактического участия оппонентов. Фактически это лишь столкновение интеллектов. А культура присутствия подобна евхаристии, которая делает физически присутствующим тело божье как центральный элемент некой ситуации прошлого.

В искусстве эстетическое переживание, по Гумбрехту, – это один из элементов возможности почувствовать «присутствие» прекрасного. Он определяет эстетическое переживание как чувства «момента интенсивности», который характеризуется мобилизацией наших чувственных, познавательных способностей (восторг от первых нот звучания классической музыки, восприятия картины). Для создания момента интенсивности нет никакого строгого логического, рационального рецепта, оно выходит за рамки повседневности. Гумбрехт не отождествляет эстетическое ощущение (*Erleben*) с эстетическим опытом (*Erfahrung*), так как ощущение подразумевает чисто физическое восприятие, тогда как опыт следует за ним уже как результат актов толкования мира. Он не объединяет две эти позиции в рамках только эстетического опыта, однако апеллирует к ситуативной структуре эстетического переживания, в рамках которого оно происходит. Он подчеркивает, что главным элементом этой структуры будет являться дистанция между эстетическим переживанием и миром повседневности. Эстетическое переживание имеет «островное» положение (термин Бахтина) среди повседневности, она несоизмерима с включением в институциональные нормы и не может быть подвержена теоретической аргументации. То есть в переполненном значениями, коннотациями, объяснениями мире мы теряем феномены и впечатления присутствия.

Тело часто рассматривается исследователями как элемент культуры, оно занято во всех формах искусства, а также само по себе может быть произведением (начиная с изображения, портрета, заканчивая современными культурными феноменами, такими, как перформанс, когда сам автор или модель непосредственно участвуют в представлении художественного произведения). Анализируя жизнь и поведение архаических сообществ, К. Леви-Стросс отмечал, что даже на первоначальном этапе формирования культуры у примитивных народов уже существует традиция изменения собственного тела, они наносили на него татуировки, рисунки, аппликации. Изначально они

не имели культурного значения, а, скорее, напоминали мимикрию у животных и были продиктованы необходимостью в защите. Но в дальнейшем движения тела, его украшение, изменение, использование масок приобретают все большую символичность. Чем более развита цивилизация, тем больше табу, культурных ограничений; телесные знаки обретают сложную иерархию. Постепенно движения, мимика, жесты стали приобретать самое разное толкование, значение и смысл. Многие отмечают, что один и тот же знак или жест в различных культурах может приобретать разное рациональное значение. В период Ренессанса толкование символической природы жестов, движений соотносилось с изучением и развитием физиогномики, анатомии и т. д. Знаки, которые выражают телесные ощущения боли, радости, как раз похожи у многих культур, так как имеют скорее анатомическое, физиологическое происхождение. Например, Леонардо да Винчи отмечал: «Картины или написанные фигуры должны быть сделаны так, чтобы их зрители могли с легкостью распознавать состояние их души по их позе. И если тебе предстоит сделать порядочного человека, сделай так, чтобы движения его были спутниками хороших слов...» [12] Художественный образ, передаваемый мастером, воспринимался как знак, наполненный содержанием.

Итак, в современных исследованиях проблема телесности становится актуальной наравне с рассмотрением когнитивных способностей человека. Телесность фиксирует присутствие челове-

ка в мире, его включенность в него. Особое значение проблема тела приобретает в искусстве, это и тонкий механизм передачи художественного образа (театр, балет), и элемент культуры, наделенный символами, и в некоторых современных представлениях – знак, образ.

Примечания

1. Бескова И. А. Тело как инструмент познания // Телесность как эпистемологический феномен. М.: ИФРАН, 2009. С. 14–30.
2. Трунов Д. Г. Феноменология самопознания: вопросы самобытия. Пермь, 2011. С. 62.
3. Августин Аврелий. О свободе воли // Антология средневековой мысли (Теология и философия Европейского средневековья): в 2 т. Т. 1. СПб., 2001. С. 31–43.
4. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей М., 1994. С. 222–223.
5. Трунов Д. Г. Указ. соч. С. 49.
6. Подорога В. А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1995. С. 15.
7. Valery P. Oeuvres. P., 1960. P. 215.
8. Бескова И. А. Указ. соч. С. 160.
9. Штайн О. А. Культура перформанса и телесные практики современного человека // Социально-антропологические проблемы информационного общества: материалы всерос. науч.-практ. конф. (18–19 декабря 2009 г.). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 58–61.
10. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 58.
11. Юлов В. Ф. Познание как единство опыта и мышления. Киров, 2011. С. 60.
12. Винчи Л. да. Избранные произведения. М., 2000. С. 356.

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 94(470)"1941"

А. Холмс

ВОЙНА И ЭВАКУАЦИЯ 1941 г.: ВСЁ КАК ВСЕГДА? [1]

В статье рассмотрена история Кировского государственного педагогического института (ныне – ВятГГУ) в годы Великой Отечественной войны. Основное внимание автор уделит проблеме взаимоотношений вуза с Наркоматом лесной промышленности СССР, вывезенным из Москвы и размещённым в корпусах КГПИ. Также проанализирован процесс эвакуации КГПИ в Яранск и последствия принятия данного решения.

This article examines the history of Kirov's State Pedagogical Institute (now the Viatka State Humanities University) during the Great Patriotic War. The author directs his primary attention to the problematic relationship between the Institute and the USSR's Commissariat of Forest Industry, the latter transferred from Moscow and housed in the Pedagogical Institute's main buildings. The article also analyzes the Pedagogical Institute's evacuation to Jaransk and the consequences of the decision to send it there.

Ключевые слова: Кировский государственный педагогический институт, Великая Отечественная война, эвакуация.

Keywords: Kirov's State Pedagogical Institute, the Great Patriotic War (World War II), evacuation.

Истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, – все истребилось с земли.

Бытие 7.23

Война!

22 июня 1941 г., в воскресенье, германские войска вторглись на советскую территорию. На следующий день, 23 июня, более 40 тысяч человек по окончании рабочей смены устремились на площадь Революции города Кирова, пребывая в строгом и одновременно торжественном настроении. «Среди моря лозунгов и знамён», как сообщалось в главной областной газете «Кировская правда», первый секретарь областного и городского комитетов партии Владимир Васильевич Лукьянов и другие руководители призвали

город и область к оружию. Развивая свою метафору, «Кировская правда» сообщила о том, что «море рук» единогласно проголосовало за то, чтобы поднять производительность труда, защитить советскую Родину и уничтожить врага [2].

Владимир Васильевич Лукьянов,
первый секретарь областного и городского
комитета партии в 1940–1947 гг.
(использовано с разрешения Государственного
архива социально-политической истории
Кировской области)

Большинство собравшихся полагало, что война будет короткой и победоносной, как многократно заявляло Советское правительство на случай открытия боевых действий. Осознание того, что грядёт, ещё не пришло. В годы войны почти 600 тысяч кировчан, одна треть населения области, проходили службу в вооружённых силах, из них 258 тысяч (43%) погибли [3]. Оставшиеся в тылу работали на заводах и фабриках по двенадцать и более часов за смену и сутками напролёт с редкими перерывами на отдых – в колхозах. Часть промышленных рабочих проживала в землянках вплоть до 1943 г., многие другие оставались в бараках-временках в течение всей войны и после её окончания. Некоторые жители области, даже те из них, кто на протяжении всей войны не покидал её пределов, считают, что им пришлось пройти через столь ужасные испыта-

ния, что и спустя годы они отказываются говорить на эту тему во время ежегодных торжеств, посвященных Великой советской Победе. «Войну вспоминать не хочется, – призналась годы спустя в интервью Клавдия Андреевна Суслова, фельдшер на одной из Кировских фабрик, – даже кино смотреть не могу, уж очень тяжело на сердце» [4].

Стремительное продвижение германских войск вглубь советской территории вызвало массовую эвакуацию населения, предприятий и правительственных учреждений на восток. Частью этого процесса стало перемещение из Москвы в середине 1941 г. более двадцати народных комиссариатов [5] и большого количества других центральных административных органов [6]. Вошедшие в их число Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), Народный комиссариат лесной промышленности (Наркомлес) СССР, так же, как и аналогичное ведомство в системе Российской республики [7], были отправлены в город Киров. Советским правительством также были выведены в Киров несколько административных органов, находящихся непосредственно под юрисдикцией Совнаркома СССР, компетенция которых относилась к деятельности Комиссариатов лесной промышленности: Главное управление лесоохраны и лесонасаждений (Главлесохрана) и Главное управление по сбыту продукции лесозаготовительной и лесопильно-деревообрабатывающей промышленности (Главлесосбыт). К середине осени более трёх тысяч сотрудников двух комиссариатов лесной промышленности, входящих в их состав административных органов, а также более семи тысяч членов их семей, общим числом свыше десяти тысяч человек, нагрянули в Киров – город, население которого накануне войны насчитывало всего лишь около 144 тысяч жителей. Существенное, но гораздо меньшее количество сотрудников и членов их семей, имеющих отношение к Наркомпросу – около одной тысячи семисот человек, – также эвакуировалось в Киров. По меньшей мере десять заводов, находившихся в ведении комиссариатов лесной промышленности, производившие спички, мебель, фанеру и пиломатериалы, переместились в Кировскую область. Всего в регион эвакуировались свыше четверти миллиона человек, что составляло около 10% от её населения накануне войны, и свыше пятидесяти шести тысяч – только в областной центр. Их появление дало толчок к началу яростной борьбы за имеющиеся на тот момент в наличии помещения, в водовороте которой с неизбежностью оказался и Педагогический институт.

Кроме того, Кировская область приняла и особую категорию эвакуированных – получивших ранение солдат. Такое случалось и прежде.

Во время Первой мировой войны в Вятской губернии были расквартированы сорок военных госпиталей, в которых лечились три тысячи пациентов [8]. Их количество в Великую Отечественную войну превзошло эти цифры. В среднем с конца 1941 до середины 1944 г. в области функционировало от пятидесяти пяти до шестидесяти пяти госпиталей, где ухаживали за тридцатью пятью – сорока тысячами военнослужащих [9].

Борьба за помещения

Два больших здания Педагогического института были лакомым куском для эвакуированных, подыскивающих места для служебных помещений и квартир. Как и все объекты системы образования, они, казалось, почти пустовали, по крайней мере, во время летних месяцев. Школы давно считались законным объектом нападения. Их захват в Кирове для использования в неучебных целях осуществлялся в тот момент с грандиозным размахом, что явилось результатом не только чрезвычайных обстоятельств, вызванных началом войны, но и особенностями предвоенного планирования. В период с 1936 по 1939 г. пять новых городских школ были построены с учётом того, чтобы обеспечить их быстрое перепрофилирование в военные госпитали [10]. К 8 июля, лишь две недели спустя после начала военных действий, в Кирове уже было четыре военных госпиталя, каждый из которых занимал школьные здания. Два госпиталя завладели частично либо целиком тремя школами каждый. К осени большинство городских школ оказались выселены из своих помещений, которые стали использоваться в качестве госпиталей, общежитий для рабочих и армейских призывных пунктов. К примеру, 19 ноября 1941 г. сразу в шестнадцати школах разместились военные госпитали. Школы же, в свою очередь, перевели в конторские помещения, клубы, театры и прочие неподходящие для этой цели строения, заставив их работать в три и даже четыре смены, последняя из которых, между тем, заканчивалась ночью – в 23 либо даже в 24 часа [11].

В начале ноября 1941 г., на Седьмой сессии Кировского областного совета [12] Нарком просвещения Владимир Петрович Потёмкин решительно высказался против, как он заявил, «захвата и разграбления школьных зданий и имущества». «Слишком часто, – говорил он, – в случае нужды в помещениях, прежде всего в военных целях, местные власти действуют по пути наименьшего сопротивления и приносят в жертву школы». В подражание их аргументации Потёмкин саркастически заметил: «Школьные здания – лучше, чем любые другие, и их использование не приводит к выселению граждан из их личных квартир». Потёмкин добавил также, что

в Кировской области военные заняли триста шестьдесят школ. Не признавая факта использования его комиссариатом нескольких объектов системы образования под рабочие и жилые помещения, он отметил, что в самом городе Кирове огромное количество школ могло бы быть освобождено и возвращено прежним владельцам.

Наркомпрос внёс данное предложение на рассмотрение правительством страны [13], но обращение Потёмкина услышано не было. Месяц спустя двадцать шесть из тридцати четырёх школ города Кирова уступили по одному или более своих строений [14]. Задолго до этого оба здания Педагогического института постигла та же участь.

29 июня 1941 г. Совнарком СССР распорядился эвакуировать Наркомлес в Киров [15]. Кировскому областному Совету 2 июля было предписано разместить данный комиссариат в здании Педагогического института, расположенном по улице Ленина, 111, а для самого института подыскать любое другое место в городе [16]. В тот же самый день областной Совет полностью оправдал ожидания Москвы. Он выделил Наркомлесу и Главному управлению лесоохраны и лесонасаждений строение по ул. Ленина. Наркомлесу для устройства работников и членов их семей была передана также и большая часть общежития Педагогического института, расположенного по улице Свободы, 122 [17].

Переживая бурю

Кировский областной Совет 2 июля в целях высвобождения места для Наркомпроса, Наркомлеса и других эвакуированных организаций объявил о закрытии тридцати пяти организаций и учреждений и переводе тридцати девяти других из города в сельские районы [18]. Хотя и потеряв два свои главных здания, Педагогический институт не входил в число организаций, которые планировались для отправки в сельскую местность или ликвидации. Напротив, региональные власти предприняли усилия, для того чтобы сохранить институт в областном центре. Этим же самым днём областной Совет зарезервировал десять – двенадцать комнат на втором этаже корпуса по ул. Ленина, 111, с тем чтобы институт мог хранить там своё оборудование и библиотечные фонды, а также проводить осенью занятия. Институту, кроме того, был предоставлен отдельный вход в здание. Областным Советом была также создана собственная комиссия по размещению эвакуированных учреждений с целью подыскания дополнительных площадей в городе для института и «других перемещённых учебных заведений» [школ] [19].

На данную комиссию возлагалась трудная задача. На 1940/41 учебный год в институт были

зачислены 1398 студентов очного отделения и приняты на работу девяносто восемь преподавателей [20]. Безусловно, местные власти, надеясь на лучшее, рассчитывали на то, что к сентябрю всё каким-то образом встанет на свои места, а война будет короткой. Наркомлес СССР, который только начал эвакуацию, не нагрянет со всеми своими многочисленными работниками, а волна эвакуированных отхлынет назад. На это рассчитывало не только правительство области. Многие из эвакуированных определённо полагали, что их пребывание в Кирове будет недолгим. Мало кто из прибывших в Киров в то лето сотрудников Наркомпроса привез с собой зимние вещи, намереваясь вернуться в Москву до наступления холодов [21].

На волне столь оптимистичных ожиданий отношения между Педагогическим институтом и Наркомлесом оставались дружественными. 15 июля институт и Наркомлес сформировали комиссию, в которую вошёл заместитель директора по хозяйственной части для надзора за временной передачей комиссариату части институтских строений и их имущества, включая стулья, столы, лампы, занавески, часы, бюсты, ведра и швабры [22]. Институт шёл на сотрудничество в этом вопросе, оставляя при этом за собой право пользования поименованными предметами в приближающемся учебном году и надеясь восстановить исключительное обладание ими в ближайшем будущем. Эти чаяния не были безосновательными. К концу июля Наркоматы лесной промышленности СССР и Российской республики, Главлесохрана, Главлесосбыт отправили в эвакуацию около 2816, 675, 360 и 450 своих сотрудников и членов их семей соответственно – несомненно, большое количество людей, что фактически стало лишь началом тех событий, которым суждено было произойти [23].

Педагогический институт продолжал функционировать в расчете на то, что он останется в Кирове на период осенне-зимнего семестра. 25 июня в главной областной газете «Кировская правда» [24] было объявлено о начале очередного этапа приёма студентов. Четырьмя днями позже парторганизация института призвала начать ремонт учебного корпуса, с тем чтобы старшие курсы могли приступить к занятиям с 1 августа [25]. Областные и центральные органы власти также полагали, что Педагогический институт останется на своём месте. Когда же в конце июля Наркомлес выселил нескольких институтских преподавателей, проживавших в зданиях по ул. Ленина и Свободы, областной Совет уведомил Комиссариат, что тот в своих действиях поторопился. Преподаватели смогли оставаться на своих местах до поступления от Совета дальнейших инструкций [26]. Облсове-

том 29 июля был разработан план разрешения остростоящего вопроса о дальнейшем использовании корпусов Педагогического института. Смысл его состоял в том, чтобы перевести некоторых сотрудников Наркомлеса в близлежащие сельские районы, где они смогли бы обосноваться в школах, освобождённых конторских помещениях либо потеснить жителей квартир и частных колхозных домовладений [27]. Тем временем 26 июля Наркомпрос включил Кировский учительский институт иностранных языков с его примерно двумястами студентами в состав Педагогического института на правах факультета соответствующего профиля. Комиссариат распорядился по поводу того, чтобы новообразованный факультет приступил к занятиям со своими старшими курсами (вторым и третьим) с 1 августа, а со свеженабранным – с 1 сентября [28]. Недели позже, 5 августа, Совнарком Российской республики одобрил недавний указ Наркомпроса и санкционировал размещение факультета иностранных языков именно в здании по ул. Ленина, 111 [29]. Учитывая то, что обеспечение учебными площадями не являлось непреодолимой проблемой, 26 августа Наркомпрос сохранил общую квоту института для поступающих в двести десять единиц, несколько снизив это количество для учительского института – со ста восьмидесяти до ста пятидесяти. Это решение, тем не менее, сократило норму мест для нового факультета иностранных языков со ста восьмидесяти до девяноста [30].

Хотя и в стесненных условиях, занятия на факультете начались 7 августа, 20 августа – у старших курсов и у остальных – 1 октября. Учёба осуществлялась в три смены с восьми утра и почти до полуночи в двенадцати аудиториях здания по ул. Ленина, 111, а также по вечерам в помещениях, занимаемых администрацией области, и других учреждениях [31]. Рассчитывая и в дальнейшем использовать принадлежащие своему вузу помещения, партийная организация института в начале октября обсудила меры по обеспечению зданий по ул. Ленина и Свободы теплом и электричеством, а студентов во втором из указанных корпусов – кроватями и постельными принадлежностями [32].

Эвакуация

Этого не должно было случиться. Ход военных действий разрушил самые светлые намерения Облсовета и коллектива Педагогического института. В то время как германская армия, неумолимо продвигаясь вперёд, стала угрожать главным городам страны – Ленинграду и Москве, – ускорился процесс эвакуации предприятий и организаций на восток. Наркомлес СССР

1 октября 1941 г. проинформировал Советское правительство о том, что большое количество его сотрудников и членов их семей находятся на пути в Киров. Комиссариатом 17 октября издано распоряжение, касающееся всех его сотрудников, за исключением небольшой части руководящего состава, руководителей филиалов, членов их семей, выехать из Москвы в Киров [33]. К концу месяца к месту назначения прибыли около десяти тысяч работников и членов семей двух комиссариатов лесной промышленности и их главков [34]. Из них только около шести с половиной тысяч человек относились к Наркомлесу СССР [35]. При таком количестве персонала, собранного в Кирове, Наркомлес уже не мог себе позволить мириться с присутствием кого бы то ни было, кроме своих работников, в зданиях по ул. Ленина и Свободы. К этому времени Комиссариат и его главки без предварительного согласования с районным Советом заняли и другие здания в Молотовском районе города, в том самом, где находился Педагогический институт. В одном из случаев Наркомлес захватил строение, первоначально предназначенное для предприятия, эвакуированного из Московской области – Коломенского машиностроительного завода [36].

Бюро партийной организации Педагогического института 11 октября определило повестку своего очередного заседания, назначенного на 14-е число текущего месяца. На обсуждение выносились задачи, стоящие перед институтом в военный период [37]. Однако вместо этого директор Института Филипп Селиверстович Орешков сообщил встревоженной аудитории о том, что на следующий день он намерен известить общее собрание преподавателей и студентов о предписании областных властей перевести институт в Яранск. Окончателюность этого решения была осмыслена ещё не в полной мере, и Георгий Андреевич Бушмелев, заведующий кафедрой экономической географии, высказался по поводу того, что если институту надлежит переместиться, то переезжать надо не в столь изолированную от центра местность, а в ту, что ближе к главным речным транспортным путям. В этом качестве он предложил Уржум, расположенный в ста девяноста пяти километрах к югу от Кирова [38]. В этот же день, либо днём позже, Орешков созвал своих деканов, чтобы донести до них новость, которая, по воспоминаниям Анастасия Васильевича Эммульского, декана исторического факультета, «ошеломила нас» [39]. Один из преподавателей – Василий Михайлович Дьяконов – позднее с явным оттенком горечи вспоминал: «Не было возможности ставить на обсуждение вопрос о целесообразности такого перемещения» [40].

Филипп Селиверстович Орешков,
директор Педагогического института в 1938–1943 гг.
(использовано с разрешения
Кировской областной научной библиотеки
им. А. И. Герцена)

Официально о принятом решении было объявлено 15 октября, когда исполком Облсовета отдал распоряжение о переводе Педагогического института и двадцати девяти других организаций из областного центра в отдалённые сельские районы [41]. На освобождение рабочих и жилых помещений отводилось три дня. К числу указанных тридцати организаций, кроме Педагогического института, относились областной отдел образования, направляемый в Халтурин (ныне Орлов) за семьдесят семь километров к западу от Кирова, областная прокуратура и суд – в Молотовск (ныне Нолинск), в ста тридцати километрах на юг.

Вопреки этому администрация и преподаватели Педагогического института, сотрудники кировских партийных и государственных органов полагали, что каким-то образом институт сможет вскоре возвратиться. Когда 15 октября Облсовет принял решение о переводе из Кирова собственно региональных структур, им были приняты отчаянные меры в целях высвобождения рабочих и жилых помещений в областном центре. В Совнарком СССР Облсоветом был направлен запрос на предмет получения разрешения об отправке в сельские районы шести недавно эвакуированных в город центральных управленческих ведомств. Планировалось направить Наркомпрос в Уржум, Наркомлес Российской республики – в посёлок Кай в двухстах девяноста километрах к северо-востоку от Кирова и Главлесосбыт совместно с другими главками Наркомлеса СССР – в иные населённые пункты, названия которых не указывались [42]. Москва резко положила конец этим причудливым мечтаньям. Николай Михайлович Шверник, председатель Совета по эвакуации в Москве, структуры, напрямую подчинённой главному на тот период руководящему органу страны – Государственному комитету по обороне, направил телеграмму, отказывающую Кирову в праве перемещать находящиеся там центральные ведомства [43].

«Кировская правда» 17 октября опубликовала торжественную статью о прошлом и будущем Педагогического института, не упомянув ни слова о его перемещении [44]. Тем временем студенты и персонал в лихорадочной спешке занимались сбором своих и институтских вещей. Работа заняла не три отведённых Исполкомом дня, а пять, и 20 октября студенты и преподаватели (к числу первых относились преимущественно девушки) погрузили багаж в железнодорожные вагоны, чтобы отправиться к первому пункту их путешествия – Котельничу, в ста двадцати четырёх километрах к юго-западу от Кирова. Поездка оказалась намного сложнее, чем кто-либо ожидал. В 1919 г. путешествие в Яранск заняло у Института девять дней [45]. В июне 1941 г. Котельничский учительский институт перебрался в этот город за семь дней с минимальными потерями материалов и оборудования [46]. Путешествие, которое в этот раз пришлось пережить Педагогическому институту, оказалось гораздо более трудным и длительным. По пути в Котельнич происходили значительные задержки, вызванные остановками железнодорожного состава на каждом разъездном пути. Требовалось уступить дорогу направляющимся на Запад в сторону фронта эшелонам с войсками, а также двигающимся в противоположном направлении поездам с ранеными, эвакуируемыми предприятиями и их работниками. В Котельниче преподаватели и студенты перегрузили багаж в запрежжённые лошадыми повозки. Началась более короткая, но самая тяжёлая часть путешествия длиной девяносто восемь километров строго на юг в сторону Яранска. Перемещаясь пешком и в повозках, караван медленно продвигался вперёд по грунтовым дорогам, ставшим вследствие осенних осадков практически непроходимыми из-за грязи и слякоти (то, с чем пришлось столкнуться германским войскам, намного западнее этих мест). Устав от ходьбы, студенты и преподаватели забирались передохнуть в телеги. При езде по кочкам и ухабам люди и багаж постоянно падали на землю. Когда лошади или повозки выходили из строя, груз оставляли в ближайшей деревне либо просто сбрасывали в сторону. Через две недели после отправления из Котельнича измотанная и грязная институтская процессия достигла Яранска. Занятия начались 3 ноября, как только отряд студентов, вернувшись по своим недавним следам, смог забрать все оставленные по дороге вещи, которые удалось отыскать, а также некоторых отставших. Отдельные же повозки продолжали прибывать в течение ещё нескольких недель. Годом позже две коробки институтских документов обнаружались в Туже, посёлке, расположенном в двух третях пути по дороге из Котельнича в Яранск [47].

Значительное количество вещей и многие работники так никогда и не попали в Яранск. Спешка и дорожные тяготы вынудили институт оставить 85% своих библиотечных фондов и 90% лабораторного имущества [48]. Более четырехсот студентов, существенно больше половины от числа поступивших в институт той осенью, не считая убивших в связи с призывом на военную службу и недостатком жилья в Кирове, отказались выезжать в Яранск. К 4 ноября 1941 г. из семисот двадцати двух человек, изначально поступивших в Институт осенью, оставался лишь триста сорок один. Большое количество студентов выбыло в течение первого года высылки. Относительно немногие оказались следующей осенью в своих первоначальных учебных группах, так как количество мест для зачисления в институт по основной программе снизилось до трёхсот шестидесяти [49].

В Яранске Педагогический институт занял два больших здания, ранее принадлежавших местному Педагогическому училищу, располагавшиеся по ул. Карла Маркса, 14 и 16. Их площади использовали как служебные помещения и аудитории для проведения организованных в две смены занятий. Для учебных целей институту были предоставлены также четыре комнаты в городском дворце культуры и шесть строений, где поселилась большая часть студентов. Приобретение институтом указанных зданий, как мы увидим далее, привело к обострению дефицита служебных и жилых помещений в Яранске и стало при-

чиной конфликта с местными властями. И всё же условия в новом пристанище института едва ли можно было сравнить с той относительной широтой пространств, которой он располагал в Кирове.

Братья по несчастью

Несмотря ни на что Педагогический институт выжил, хотя не всем его собратьям так повезло. В конце 1941 г. Наркомпрос запросил разрешения у Советского правительства закрыть двадцать шесть педагогических и учительских институтов, оставив только сто четырнадцать из них. Кировский педагогический институт попал в число тех, которые решено было сохранить. Нарком просвещения Потёмкин пояснил, что вузы, предназначенные для ликвидации, либо находились в зонах, которым непосредственно угрожала оккупация германскими войсками, либо их материальная база была занята другими организациями [50]. В конце 1942 г. из шестидесяти восьми педагогических институтов, находившихся перед началом войны в ведении Наркомпроса, оставалось только пятьдесят два [51]. Многие сохранившиеся учебные заведения были эвакуированы на восток. Яранск приютил несколько техникумов из Полтавской области, включённых в состав Яранского сельскохозяйственного техникума в сентябре 1941 г. [52]

Другие высшие учебные заведения, которым всё же удалось уцелеть, потеряли, по крайней мере, на некоторое время, свои здания и в опре-

Здания № 14 и 16 по ул. Карла Маркса
(использовано с разрешения Яранского районного архива)

делённой форме подверглись высылке. Уже в декабре 1941 г. Кировский педагогический институт стал одним из семидесяти двух высших учебных заведений и техникумов, чьё недвижимое имущество оказалось занято эвакуированными организациями [53]. К началу 1943 г. Костромской текстильный институт пять раз переезжал из одного непригодного для него здания в другое и готовился к ещё одному переезду. Высшие педагогические учебные заведения в Новосибирске, Омске, Барнауле и Саранске в числе других были высланы в населённые пункты областного подчинения [54].

Другим выжившим вузам пришлось совершить путешествия на гораздо большие расстояния, чем то, которое проделал Кировский педагогический институт. Для некоторых из них конечный пункт эвакуации находился в Кировской области. В 1941 г. Брянский лесохозяйственный институт, находившийся в Орловской области, эвакуировался в Советск. В середине июля 1942 г. Воронежский педагогический институт переехал в Уржум. Эвакуация была такой спешной и плохо организованной, что многие студенты в суматохе потерялись [55].

Несколько московских высших учебных заведений также переместились в Кировскую область. Как только германская армия стала непосредственно угрожать столице, Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР представил 12 октября 1941 г. в Совет по эвакуации план, разработанный ещё 21 августа по отправке из Москвы сорока восьми вузов с двумя тысячами двумястами девяноста девятью сотрудниками и шестью тысячами восьмьюстами девяноста семью членами их семей. Для этой цели требовались в общей сложности триста шестьдесят железнодорожных вагонов [56]. Не все из этих вузов в действительности выехали из города, но многим это пришлось пережить, в том числе Технологическому институту им. Кагановича, находившемуся в ведении Комиссариата лёгкой промышленности. Во второй половине октября он обосновался в Кировском кожевенно-обувном техникуме. Однако в конце года, в целях освобождения места для госпиталя, его временно вытеснили на лестничные площадки занимаемого здания [57], а 25 декабря отправили в глубь области, в Уржум [58]. До этого, 15 октября, Совет по эвакуации распорядился перевести Московский государственный педагогический институт им. Ленина в Малмыж, городок в двухстах девяноста четырёх километрах к югу от Кирова, с населением восемь тысяч человек. Там он должен был разместиться в зданиях местного учительского техникума и средней школы. В то же самое время Московский областной педагогический институт был также отправлен в Малмыж [59].

Как и в случае с Кировским педагогическим институтом, перевод этих вузов в Кировскую область был внезапным и вряд ли вызвал у кого-либо большую радость. Многие студенты отказались от поездки. Из более чем одной тысячи четырехсот пятидесяти студентов, зачисленных в Московский технологический институт им. Кагановича перед его эвакуацией, только двести посещали занятия весной 1942 г. [60] Многие студенты и преподаватели обоих направленных в Малмыж московских педагогических институтов отказались оправиться в путь. К месту назначения приехали столь немногие, что два вуза временно объединились. В 1943 г. тридцать членов преподавательского коллектива этого гибридного учебного заведения проводили занятия только лишь для трёхсот студентов [61].

Те студенты и преподаватели, которые решились переехать в Кировскую область, могли вскоре пожалеть о принятом ими решении. Эвакуированные в Уржум и Малмыж учебные заведения не располагали в полной мере необходимой материально-технической базой для проведения лекционных и лабораторных занятий, имели в своём распоряжении маленькую библиотеку, не могли обеспечить подачу требуемого количества топлива для учебных, спальных помещений и мест проживания преподавателей, не сумели организовать получение в достаточном количестве и приемлемого качества продуктов питания для своих столовых и так и не смогли добыть необходимую мебель, кровати и постельные принадлежности для студентов. Технологический институт им. Кагановича в Уржуме, к примеру, испытывал недостаток к химреактивам, лабораторном оборудовании и керосиновых лампах – последние были остро необходимы как источник освещения по причине частого отсутствия электричества. Даже в тех случаях, когда преподаватели и студенты сами заготавливали дрова в близлежащих лесах, у института не хватало средств, чтобы их вывезти. В 1942 г. столовая Брянского лесохозяйственного института предлагала студентам ежедневно лишь одно блюдо – как правило, суп. С 23 по 25 мая пища там вообще не готовилась [62].

На собрании партийной организации Московского областного педагогического института 16 марта 1943 г. серьёзное внимание было обращено на вопрос о скудном и не соответствующем разумным нормам питании в столовой как студентов, так и преподавательского состава. Данная проблема не была снята, несмотря на прозвучавшие накануне этого в Малмыже заверения со стороны представителя областного комитета партии Льва Соломоновича Гордона разрешить ситуацию, а также на поступившие в местные партийные и советские органы распоряжения

заняться этим вопросом [63]. К началу лета сложившееся положение так и не улучшилось [64].

Даже те вузы в Кирове, которые не были эвакуированы в сельские районы, вряд ли что-то для себя выиграли. Институт повышения квалификации учителей едва смог выжить. В середине 1941 г. Облсовет передал принадлежавший ему учебный корпус по ул. Свободы (дом № 124) Наркомлесу СССР, а позднее – госпиталю № 2010 [65]. Большое количество институтской мебели и другого имущества, общей стоимостью 127 тыс. рублей, было отдано Наркомпросу. Почти все библиотечные фонды, 9 тыс. книг из имевшихся 11 тыс., были отправлены в Институт школ Наркомпроса (эвакуировался в находящийся поблизости Молотовск [66]), местные школы и областной отдел образования. Большая часть этого имущества оказалась утраченной и к прежним владельцам не вернулась [67]. За годы войны институту пришлось переезжать из одного здания в другое. В конце 1943 г. он занял две плохо отапливаемые комнаты в Государственной публичной библиотеке им. А. И. Герцена. Когда в начале 1944 г. печи в них перестали работать, институт продолжил функционировать в тех крохотных уголках и на свободных столах, которые удалось отыскать в рабочих помещениях областного отдела народного образования. Вернуться в своё здание получилось только в октябре 1944 г. Тогда институт получил лишь восемь комнат, поскольку люди, не имеющие к нему отношения, продолжали проживать в трёх других [68].

Вятскому зоотехническо-ветеринарному институту повезло чуть больше. Хотя он оставался в Кирове, большая часть принадлежавших ему зданий была переоборудована под общежития для рабочих эвакуированных оборонных предприятий. Учебному заведению оставили одно-единственное здание по ул. Октябрьской, где разместились его учебные классы, помещения для отдыха и столовая. В условиях такого ограничения рабочего пространства у института не оставалось иного выбора, как прекратить приём новых студентов в течение двух лет подряд. В середине 1945 г., теперь уже переименованный в Кировский сельскохозяйственный институт, он вернул несколько, но не все свои здания, одно из которых было занято педагогическим институтом, вернувшимся к тому времени в Киров [69].

Заключение

Иностранные захватчики уничтожали не только имущество советского государства, гражданское население и военнослужащих, они разрушили мифы о нерушимости советских границ и мощи советских вооружённых сил. Нападение врага быстро погасило восторженные настроения, с которыми многие жители Кирова и их соотечественники в других населённых пунктах СССР встретили новость о нача-

ле войны. Несмотря на это власти города Кирова и области, студенты и преподаватели Педагогического института сохраняли оптимизм, даже когда противник осадил Ленинград и дошёл до Москвы. Этот настрой оставался неизменным и в тех обстоятельствах, когда множество людей, предприятий и учебных заведений эвакуировались в их город, а Наркомлес занял большую часть двух главных корпусов института. Они верили в то, что волна эвакуации вскоре схлынет, люди начнут возвращаться по домам, а институт останется в областном центре.

Первоначально как Исполком Областного совета, так и администрация Педагогического института были исполнены желания выполнить распоряжения центра и расквартировать Наркомлес. Когда же количество прибывших в Киров работников Комиссариата выросло сверх всякой меры и его действия в погоне за помещениями обрели большую агрессивность, местные власти и институт поменяли отношение к московскому монстру. Облсовет решительнее всех ринулся на защиту института. Даже в тот момент, когда не было другого выбора и оставалось только упаковывать вещи и отправляться в Яранск, в Совете надеялись освободить областной центр от крупных масс эвакуированных, структур центрального подчинения и, быть может, вернуть институт назад.

Тем временем в Педагогическом институте, несомненно, находили мало утешения в том, что положение других высших учебных заведений, порою, оказывалось ещё хуже. Выдержав переезд в Яранск, преподаватели и студенты могли бы рассчитывать на то, что раз уж они разместились на новом месте, то жизнь и учёба там примет резкий поворот к лучшему. Вскоре им пришлось убедиться в обратном.

Примечания

1. Перевод с англ. К. И. Токарева; Новая книга американского историка с названием «Война, эвакуация и реализация власти: Центр, периферия и Кировский педагогический институт, 1941–1952 гг.» написана на родном языке автора – английском – и изначально ориентирована преимущественно на англоговорящую аудиторию, на что читатель обратит внимание с первых строк предлагаемого отрывка. Переводчик приложил максимум усилий, для того чтобы сохранить оригинальный стиль и колорит повествования, с тем чтобы отечественный исследователь мог почувствовать особенности восприятия автором-иностранцем и нашим современником наиболее драматичных страниц истории нашего вуза – периода эвакуации и работы в тяжелейшее для страны военное время (*примечание переводчика*). Книга опубликована Lexington Books («Лексингтон Книги») в Ланхам Мэриленд (Lanham, Maryland) в 2012 г.
2. Кировская правда. 1941. 24 июня. С. 1.
3. Великая Победа и Вятский край. 1941–1945 гг. Киров: Экспресс, 2005. С. 6.
4. *Бердинских В.* Народ на войне. Киров: Киров. обл. тип., 1996. С. 244.

5. Центральные органы исполнительной власти в СССР с 1946 г. реорганизованы в министерства (*примечание переводчика*)

6. В октябре значительная часть аппарата Совнаркомов Российской Республики и СССР, Центрального Комитета коммунистической партии отправилась из Москвы в Куйбышев (до 1935 г. и после 1990 г. – Самара), расположенный примерно в 500 милях к юго-западу от столицы.

7. Здесь и далее имеется в виду РСФСР (*примечание переводчика*).

8. Казаковцев С. В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны / дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2007. С. 145–148, 184–185.

9. Доклад в Кировскую комиссию партийного контроля, сентябрь 1941 г. // Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. 1291. Оп. 1. Д. 11. Л. 33; Отчёт из Отдела госпиталей от 1 июня 1942 г. в Областной комитет партии // ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 73. Л. 126; Доклад в Областной комитет партии, июль 1944 г. // ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 60. Л. 188.

10. См. соответствующую корректировку планов 1936 г. по строительству школ: Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2333. Оп. 1. Д. 77. Л. 3. Эта информация в отчёте Областного отдела народного образования от 6 января 1941 г.: ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 3. Д. 350. Л. 3. Речь идёт об общеобразовательных школах № 7, 11, 12, 17 и 22.

11. О ситуации в июле см. информацию, представленную инспектором в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Кировской области: ГАСПИ КО. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2. Один из госпиталей занял школу № 3, другой – школу № 7, третий – школы № 1, 12 и 22, четвёртый – школы № 6, 15 и 17. О ситуации в ноябре см. отчёт Кировского городского отдела народного образования: ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 614. Л. 57. Были заняты шесть неполных и десять средних общеобразовательных школ. Об организации смен в школах г. Кирова см. инспекторский доклад в Кировский областной комитет партии, сентябрь 1941 г.: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 128. Л. 137.

12. Здесь и далее имеется в виду Исполнительный комитет Кировского областного совета депутатов трудящихся (Облсполком) (*примечание переводчика*).

13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3539. Л. 10–11.

14. Торопкин А. И. Общеобразовательные школы Кировской области в годы Великой Отечественной войны // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1989. С. 104.

15. Перечень организаций, подлежащих эвакуации в Киров // ГАСПИ КО. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

16. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 13. Л. 157.

17. Там же. Д. 18. Л. 116.

18. Там же. Л. 116–117. Копия: ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–3.

19. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 18. Л. 116–117; Эммаусский А. В. Эвакуация института в Яранск // Вятский государственный гуманитарный университет 1914–2004 гг. Киров, 2004. С. 107.

20. Полвека в пути: Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, 1918–1968 гг. Киров: Обл. тип., 1970. С. 367–368. В общее число поступивших входят студенты Учительского

института, являвшегося частью Педагогического института, без учёта поступивших на заочное отделение.

21. Воспоминания сотрудницы Наркомпроса: Стыцко В. Наркомпрос в годы войны // Народное образование. 1995. № 4. С. 18.

22. Письмо Заручевского в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Кировской области, февраль 1945 // ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 1062. Л. 123; см. также черновик совместного письма Обкома партии и Облсполкома А. Н. Косыгину (май 1945 г.): ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 1059. Л. 59.

23. Данные Совета по эвакуации при Совнарком СССР // ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 44. Л. 117, 139; а также партийной организации Главлесосбыта: ГАСПИ КО. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

24. Кировская правда. 1941. 25 июня. С. 4.

25. ГАСПИ КО. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 283. Л. 59. Институт взаимодействовал с Наркомлесом по вопросам обеспечения противопожарной безопасности здания по ул. Ленина, 111 и подготовки бомбуубежищ; см. решения институтской парторганизации от 18 августа 1941 г.: ГАСПИ КО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 165. Л. 33.

26. Письмо заместителя председателя Исполкома облсовета Рязина в Управление делами Наркомлеса от 24 июля // ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

27. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 16. Л. 131. Определённой части сотрудников комиссариата также было предписано переехать и разместиться в квартирах, уже используемых жителями г. Кирова.

28. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3538. Л. 5.

29. Там же. Д. 2657. Л. 44.

30. Там же. Д. 2692. Л. 143, 145, 148.

31. Данные получены из ежегодного отчёта Педагогического института за 1941/42 учебный год: ГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Д. 873. Л. 83; Дьяконов В. И. Кировский педагогический институт им. В. И. Ленина в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). ГАКО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 11. Л. 161об.

32. См. протоколы заседаний партийной организации и заседаний её бюро от 3–14 октября // ГАСПИ КО. Ф. 1177. Оп. 2. Д. 41. Л. 79–79об.; а также Ф. 27. Оп. 1. Д. 166. Л. 55.

33. О событиях, относимых к 1 октября, см. сведения, предоставленные Наркомом лесной промышленности СССР М. И. Салтыковым заместителю председателя Совнаркома СССР Косыгину: ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 56. Л. 9, 19; по поводу 17 октября – приказы Наркомлеса: Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7637. Оп. 1. Д. 242. Л. 74.

34. Наркоматы лесной промышленности СССР и РСФСР (*примечания переводчика*).

35. Данные Совета по эвакуации при Совнарком СССР // ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 44. Л. 107, 117, 139, 215; Д. 46. Л. 97; Д. 56. Л. 9; а также Д. 453. Л. 13, 98. Также см. данные из Кировского облсовета: ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 21. Л. 22, 44; Д. 231, Л. 28, 40–41; из Наркомлеса СССР: РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 242. Л. 78–79.

36. Сведения предоставлены предприятием, октябрь 1941 г. См.: 1941 год в истории Кировской области: сб. документов. Киров, 2011. С. 188.

37. ГАСПИ КО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 166. Л. 55.

38. Там же. Д. 165. Л. 39об. Бушмелеву также хотелось поехать домой. Он был родом из Уржума, там же проживала и его семья.

39. По воспоминаниям А. В. Эммаусского. С. 108.

40. Дьяконов В. М. Указ. соч. Л. 162об.
41. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 17. Л. 39–40.
42. Там же. Оп. 1. Д. 17. Л. 40.
43. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 46. Л. 69. 16 июля Шверник заменил Лазаря Моисеевича Кагановича на посту председателя Совета.
44. Кировская правда. 1941. 17 окт. С. 3.
45. Очерк об истории института Елены Ивановны Кирюхиной, преподавателя истории, работавшей в институте с 1949 по 1999 г. // ГАКО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 72, Л. 288. В 1919 г. Институт отправился из Вятки 8 апреля и прибыл к месту назначения 16 апреля.
46. См. обсуждение переезда на заседании парторганизации Учительского института, 11 августа 1941 г.: ГАСПИ КО. Ф. 1177. Оп. 2. Д. 41. Л. 66, 70.
47. Подробный, полный драматизма отчёт о переезде см.: Дьяконов В. И. Факультет русского языка и литературы в годы ВОВ // ГАКО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 76. Л. 149. См. также отчёт Эммаусского «Эвакуация» (с. 108–109), воспоминания Г. Попова в альбоме музея Вятского государственного гуманитарного университета «В эвакуации в Яранске». Страницы альбома не пронумерованы, записи не датированы. Об обнаружении документов в Туже см.: Дьяконов В. И. Кировский педагогический институт им. В. И. Ленина ... Л. 163об.
48. См. отчёт директора института Областному комитету партии, 4 сентября 1944 г. // ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 168. Л. 67. В Яранск были доставлены лишь около 15 500 томов из более чем 103 000 имевшихся в библиотеке.
49. «Полвека в пути». С. 129, 368. В июне 1942 г. директор института Орешков сообщил в Облсовет об отчислении 40% студентов: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 4189. Л. 8об. Учительскому институту повезло немного больше, хотя ему и пришлось испытать резкое снижение количества лиц, зачисленных для обучения осенью 1941 г.: в учебные аудитории вошли лишь 170 студентов, по сравнению с 343 принятыми годом ранее. Осенью 1942 г. в нём обучались 315 человек, в число которых вошли студенты Котельничского учительского института, ранее эвакуированного в Яранск и влившегося в учительский институт Педагогического института. К сожалению, «Полвека в пути» не содержит сведений о половом составе оставшихся студентов. Однако нет сомнения в том, что студенческий коллектив стал почти исключительно женским.
50. Запрос Косыгина // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25. Д. 3420. Л. 9, 14–16.
51. Сведения из отчёта отдела по высшим учебным педагогическим заведениям Всесоюзного комитета высших учебных заведений Совнаркома СССР, конец ноября 1942 г. // ГАРФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 63. Л. 15–16.
52. ГАСПИ КО. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 72. Л. 155.
53. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 52. Л. 24–28; Кировский педагогический институт указан в списке на л. 27. В список также был включён Кировский ветеринарный институт: л. 27.
54. О Костромском институте см. служебную записку председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совнарком СССР Сергея Васильевича Кафтана заместителю председателя Совнаркома СССР Розалии Самойловне Землячко от 16 марта 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 1051. Л. 2, а также данные в отчёте Отдела высших педагогических учебных заведений во Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совнарком СССР, конец ноября 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.
55. О Брянском институте см. данные, предоставленные Главным управлением лесоохраны и лесонасаждений во Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при Совнарком СССР // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 1337. Л. 101. О Воронежском институте см. его отчёт по итогам первой половины 1942/43 учебного года // ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 180. Л. 55.
56. План, представленный Кафтановым председателю Совета по эвакуации Швернику: ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 52. Л. 45–49.
57. См. письмо директора института в Исполком облсовета, направленное в январе 1942 г.: ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 679. Л. 68.
58. Эвакуационные планы // ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 52. Л. 45; данные о прибытии в Уржум на заседание Бюро уржумского районного комитета партии, 3 февраля 1942 г. // ГАСПИ КО. Ф. 2051. Оп. 2. Д. 24. Л. 24. 3 августа 1943 г. Совнарком СССР приказал Институту вернуться в Москву для начала 1943/44 учебного года: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 1060. Л. 95, 209 (то же в ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 693. Л. 208).
59. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 15. Л. 72–72об; а также указание Наркомпроса от 28 ноября 1941 г.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2693. Л. 4.
60. См. данные, предоставленные институтом: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 173. Л. 134–135; а также инспектором Обкома партии: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 154. Л. 53.
61. См. приказы Наркомпроса от 2 февраля 1942 г. // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2814. Л. 1. От эвакуации отказалось так много студентов Педагогического института им. Ленина, что вуз продолжил свою работу в Москве. В феврале 1942 г. в столице посещали занятия 625 студентов: Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. 1872–1972 гг. М.: Изд-во МГПИ, 1972. С. 185. По статданным 1943 г., см. отчёт Московского облсовета в Совнарком СССР, 9 февраля 1943 г., также доклад профсоюзного комитета института в мае 1943 г.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 1060. Л. 6, 46.
62. Относительно пребывания Московского областного педагогического института в Малмыже см. отчёты за 1942 г. из Малмыжского районного комитета партии, отдела пропаганды и агитации Областного партийного комитета и собственно института: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 173. Л. 88, 163–166, 174. Также отчёт директора института, Молодых от 13 августа 1942 г.: ГАСПИ КО. Ф. 739. Оп. 12. Д. 21. Л. 74–77. Также в отношении Областного педагогического института: замечания и жалобы, зарегистрированные на заседаниях партийной организации института в период с 7 января 1942 г. до 12 января 1943 г.: ГАСПИ КО. Ф. 739. Оп. 12. Д. 21, Л. 49–98; с 26 января 1943 г. до 14 августа 1943 г.: в ГАСПИ КО. Ф. 739. Оп. 13. Д. 15. Л. 24–74. Отчёты инспекторов Обкома, Уржумского райкома партии в отношении Технологического института им. Кагановича, а также отчёты самого института за 1942 г.: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 154. Л. 51–53; Д. 173. Л. 51. 134–141. Отчёт инспектора Обкома партии в отношении Брянского института в начале 1942 г.: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 173. Л. 30–31 и отчёт института за 1942 г.: Там же. Л. 114, 125.
63. ГАСПИ КО. Ф. 739. Оп. 13. Д. 15. Л. 38об.

64. 15 июня 1943 г. студенты пожаловались по поводу того, что столовая оказалась не способна обеспечить приготовление минимально гарантированного объёма пищи: ГАСПИ КО. Ф. 739. Оп. 13. Д. 15. Л. 64.

65. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 5. Д. 18. Л. 116 и Р-2169. Оп. 5. Д. 16. Л. 105.

66. Ныне город Нолинск (*примечание переводчика*).

67. См. отчёт инспектора отдела школ областного комитета партии, декабрь 1944 г.: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 168. Л. 135.

68. О судьбе института в годы войны см. отчёт инспектора отдела школ областного комитета партии, декабрь 1944 г.: ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 168. Л. 135–136; а также сведения, предоставленные Областным советом и областным комитетом партии: ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 808. Л. 147–149; ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 166. Л. 40; Д. 168. Л. 136.

69. Пономарёв В. Ф. Вятская государственная сельскохозяйственная академия: История и современность. Киров: Триада-плюс, 2005. С. 20, 42–43, 45, 50, 52–53; Справка Евгения Александровича Мишина, заместителя председателя Кировского Облсовета в адрес Косыгина, председателя Совнаркома РСФСР, сентябрь 1945 г. // ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 957. Л. 366.

УДК 94(47).042-286

А. Ю. Савосичев

ДЬЯКИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV в.: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

В статье рассматривается проблема социального статуса дьяков в сословной структуре русского общества второй четверти XV столетия. Проанализированы социальное происхождение и брачно-семейные связи дьяков. Выявлено, что в рассматриваемый период развивается процесс превращения дьяков из несвободных слуг в служилых людей, значительная часть которых происходила из рядов детей боярских.

The article considers the problem of the social status of diakov in the class structure of the Russian society of the second quarter of XV century. Analyzed the social origin and marriage and family relations dyakov. It is revealed that in the period under review, the times-the progressing process of transformation of dyakov of the non-free servants in serving people, a significant part of which came from the ranks of the children of boyars-ing.

Ключевые слова: дьяки, социальный статус, сословная структура, государственная служба.

Keywords: clerks and their helpers, social status, estate structure the state service.

Вторая четверть – середина XV в. были важным этапом в становлении Русского централизованного государства. Одним из факторов укрепления власти великих князей Московских было

формирование аппарата государственного управления. Ключевыми фигурами здесь становились государевы дьяки.

Известно 14 дьяков Василия II. Это *Аникей* [1], *Василий Беда* [2], *Илья Безстуж* [3], *Степан Бородатый (Ростовец)* [4], *Иван Давыдов* [5], *Иван Колудар Владимирович Ирежский* [6], *Алексей Полуктов* [7], *Иван Поповка* [8], *Путило* [9], *Иван Ростовец* [10], *Иван Скорик* [11], *Алексей Стромиллов* [12], *Терентий* [13] и *Андрей Ярлык* [14].

К этому же периоду относится первое упоминание о представителях нижнего этажа столичной канцелярии. Великокняжеский подьячий *Ушак* писал акт, датируемый примерно 1425–1440 гг. [15] В той же роли выступили *Никула* (1453 г.) [16], *Демех Трегубов* (1432–1445 гг.) [17] и *Семен Дичко* (1461–1464 гг.) [18]. Сюда же следует, видимо, отнести *Ивана Неронова* и *Тертигора*. В актах они названы просто подьячими без указания на принадлежность к великокняжеской канцелярии [19]. Самым знаменитым из подьячих Василия Темного был *Василий Беда*, участвовавший в весьма деликатной миссии по отравлению Дмитрия Шемяки и пожалованный за верную службу в дьяки. Всего получается семь подьячих.

Тот факт, что подьячие появляются на страницах документов позднее дьяков, сам по себе, конечно, не свидетельствует о более позднем возникновении самого института подьячих. Всякие сомнения, на наш взгляд, рассеивает сочетание этого факта с информацией великокняжеских духовных, где никакие подьячие не упоминаются, только дьяки. Институт великокняжеских дьяков существовал уже в первой половине XIV в. Подьячие великого князя появляются только во второй четверти XV столетия. Думается, что подьячих породили те же процессы, что в своё время вызвали появления дьяков. Расширение территории Московского великого княжения не могло не усложнять системы управления государством, а следовательно, и управленческого аппарата. Дьяку неизбежно должен был понадобиться помощник в лице подьячего.

Рассмотрение проблемы происхождения дьяков второй четверти XV в. начнём с дьяков великокняжеской канцелярии. *Василий Иванович Беда*. Александр (Алехно) Федосеевич Белеутов в своем завещании (явлено митрополиту Филиппу 2 июня 1472 г.) называет *Василия Ивановича* братом [20]. Несовпадение отчества указывает на то, что Александр и Василий были двоюродными братьями. Обращение к родословию Белеутовых показывает, что ни одного *Василия Ивановича* среди двоюродных братьев Александра Федосеевича нет [21]. Осторожное предположение А. А. Зимина о тождестве дьяка *Василия* и *Василия Ивановича Клушина Белеутова* следует

отвести, так как сам исследователь справедливо указывает, что тот был племянником Александра Федосеевича, а не братом [22]. Совпадение имени-отчества ничего не значит при чрезвычайной распространенности в то время имен Иван и Василий. Остаются два возможных вывода. Великокняжеский дьяк Василий Иванович либо был сыном тетки Александра Федосеевича Белеутова, сестры его отца Федосея Александровича, либо двоюродным братом по материнской линии, сыном сестры или брата матери, жены Федосея Александровича. Скорее всего, верен второй вариант. Отец дьяка, учитывая социальный статус дьяков в первой половине XV в., вряд ли был знатным человеком. Сложно предположить, что боярин выдал за него свою дочь. Невеста могла быть в социальном отношении ниже жениха, но не наоборот.

Александр Федосеевич происходил из старинной аристократической фамилии. Дед нашего героя Александр Андреевич Белеут был боярином Василия I. Старший из четырех сыновей Александра, Федосей, отец Алехна Белеутова, еще в молодости отъехал в Литву, где и погиб. С. Б. Веселовский относит эти события к первой четверти XV столетия [23]. Отъезд навсегда испортил карьеру всем потомкам Федосея Александровича.

О братьях Федосея Романа, Федоре и Григории, дядях Алехна Белеутова, мы знаем немного. Родословцы утверждают, что первые двое были боярами великого князя Василия Васильевича. С. Б. Веселовский писал, что это «весьма вероятно, но нуждается, конечно, в подтверждении показаниями актов» [24]. В отношении Романа таких показаний до сих пор не найдено, как и вообще каких бы то ни было биографических сведений, кроме указанных в родословцах. По поводу Федора родословцы, видимо, точны. В 1462 г. Федор Михайлович Челядня и Федор Александрович Белеутов ездили с посольством в Новгород [25]. Именование по отчеству «с вичем», наравне с несомненным боярином Федором Челядней, с высокой долей вероятности указывает на боярство и самого Федора Александровича Белеутова. Более о его служебных назначениях упоминаний нет. Трижды Федор проходит в источниках как частное лицо – послух в двух актах в Московском уезде и в духовной своего племянника [26]. Его земельные владения располагались в Волоцком уезде [27]. О младшем из братьев – Григории – каких-либо дополнительных данных найти не удалось.

Александр Федосеевич и его младший брат Михаил в Литве не прижились и примерно во второй четверти XV столетия вернулись на родину [28]. Об Александре мы имеем три упоминания. Дважды – в 1440–1445 гг. и в 1468–

1462 гг. – он выступил послухом в актах в Рузском и Дмитровском уездах, а около 1472 г. составил духовную [29]. Жена и дети Алехна получили в наследство обширную вотчину в Дмитровском уезде [30].

В 1485–1490 г. иммунитетную грамоту на вотчину в волости Хорвач Тверского уезда получил Михаил Белеутов [31]. Судя по времени, это достаточно глухое упоминание относится к младшему брату Алехна Белеутова. Тверская земля вплотную примыкала к Волоцкому, Рузскому и Дмитровскому уездам, где располагалось основное ядро вотчин Белеутовых.

Двоюродные братья Александра Федосеевича Иван Клуша и Андрей упоминаются в источниках лишь один раз в уже упомянутой выше духовной 1472 г. У Григория Александровича Белеутова было четыре сына – Иван, Константин, Вельямин и Тимофей. Двое последних носили прозвище Кляпик [32]. Иван, кроме как в родословцах, не упоминается. Константин и Вельямин известны только по духовной Алехна Белеутова. Тимофей Григорьевич в 1490–1500/01 гг. участвовал в судебном разбирательстве по земельному спору в Берендееве стану Дмитровского уезда [33].

Какие-либо служебные назначения этого поколения Белеутовых неизвестны, что косвенно свидетельствует о том, что никаких высоких чинов и ответственных должностей они не стяжали. Вотчины их располагались в Дмитровском уезде и в Твери.

Таким образом, двоюродный брат Василия Беды отчеством был добр. Александр Федосеевич происходил из аристократической фамилии. Его дед и дядя бывали в боярах. Однако ни сам Александр, ни другие представители его поколения карьеры не сделали. То есть применительно ко второй половине XV в. Белеутовы представляли собой измельчавшую аристократическую фамилию, потерявшую свое положение в рядах знати и, скорее всего, опустившуюся в рядовой состав Государева Двора [34]. Даже если брак родителей Василия Беды и был откровенным мезальянсом, мы смело можем отнести государева дьяка Василия Ивановича к числу выходцев из дворян.

Колудар *Ирежский*. Отец дьяка Владимир Иванович был угличским землевладельцем [35]. Это единственный известный факт его биографии. О матери дьяка мы не имеем никакой информации, кроме имени. Сын Ивана Владимировича Борис тоже никаких следов в источниках не оставил. Дьяк, его родители и сын не были единственными представителями рода Ирежских. Применительно ко второй половине XV в. известен Александр Гаврилович Ирежский, вотчинник Бежецкого Верха [36]. В первой половине

XVI столетия жили вдова Александра Евфимия, его сыновья Елизарий и Иван, невестка (жена Елизария) Варвара Григорьевна. Они упоминаются в источниках почти исключительно как частные лица, бежецкие вотчинники и послухи в бежецких же актах [37]. В 1530/31 г. послухом в акте в Солигаличском уезде выступил Дмитрий Борисович Ирежский [38]. Из служебных назначений Ирежских этого периода известно только одно. В 1515/16 г. Елизарий Ирежский по указу вел. кн. Василия Ивановича произвел земельный разъезд в Бежецком Верхе [39].

Дозорная книга церковных приходов Бежецкого Верха, датированная примерно серединой 70-х гг. XVI в., фиксирует в Городецком уезде с. Иреш [40]. Это, вне всякого сомнения, родовое гнездо Ирежских. Можно предполагать, что в первой половине XV в. Ирежские были либо мелкими неслужильными вотчинниками, либо детьми боярскими. Представители первой из этих двух категорий населения встречаются редко. Более вероятным является дворянское происхождение Ирежских.

Иван *Поповка*. Упоминается источниками единственный раз, как вкладчик Кириллова-Белозерского монастыря. Оформляя дарение обители своей вотчины, он отмечает: «Что есмь был дал зятю своему Данилу Башмаку» [41]. С. Б. Веселовский пояснил, что в данном акте имеется в виду Данила Васильевич Башмак из рода Протасия. Зять — это муж дочери или сестры Ивана Поповки, а часть деревень Чепринского села, в таком случае, была дана Данилу в приданое.

Потомки Протасия были одним из древнейших аристократических родов. Со временем Протасьевичи сильно размножились и служебная карьера разных ветвей рода складывалась неодинаково.

Данила Башмак относился к младшей линии рода, пошедшей от Юрия Грунки. То обстоятельство, что Башмаковы «повелись» от Юрия Грунки, зафиксировано «Государевым родословцем». Однако поколенной росписи Башмаковых нет ни в родословных книгах редакции 43-й главы, ни в родословцах редакции 43-й главы с приписными [42]. Данила Башмак и его потомки есть только в родословцах редакций начала XVII в. и Патриаршей.

Зять дьяка Ивана Поповки, судя по этим источникам, приходился Юрию Грунке праправнуком. Дед Данилы Башмака Федор Пьяница, его отец, родные и двоюродные дядья известны только по родословцам. Непохоже, чтобы наш герой был «отечеством добр». Понятна в связи с этим причина, по которой разрядные дьяки середины XVI в., составители «Государева родословца», не стали утруждать себя реконструкцией генеалогии Башмаковых.

Из биографии самого Данилы Васильевича нам известно три факта. В 1446/47 г. он прибыл в качестве гонца в литовский Мстиславль, где собрались верные свергнутому Василию Темному вассалы. Данила привез весть об освобождении великого князя из заточения и передаче ему в удел Вологды [43]. В 1450–1467 гг. он выступил послухом в купчей Петра Игнатьевича Морозова в Кинеле Переславского уезда [44]. В 1462–1470-х гг. произвел размежевание земель великого князя и Троице-Сергиева монастыря в том же стану того же уезда [45]. Всё это службы рядового сына боярского.

Старший из троюродных братьев Данилы Башмака Василий Федорович Вельяминов перешел на службу в удел кн. Юрия Васильевича и занял там высокое положение. 4 июля 1472 г. он командовал полком своего сюзерена в сражении на р. Шелони [46]. Как боярин кн. Юрия сидел у его духовной в том же году [47]. Младший брат Василия Иван Аксак известен в ок. 1480–1500-х гг. как послух в купчей в Дмитровском уезде [48]. Другой брат, тоже Федор иными источниками, кроме родословцев не упоминается.

Федор Алексеевич Великого Вельяминов дважды — в 1450–1467 и ок. 1468–1472 гг. — выступает в роли послуха в Кинеле Переславского уезда и Ижевском стану Дмитровского уезда соответственно [49]. В начале XVI в. он участвовал в посольстве в Данию [50].

Младшие троюродные братья нашего героя — Андрей Шарап и Иван Щадра Соловцовы — известны только по родословцам. Исключение составляет Иван Истленье. Ок. 1448 г. он выступил послухом в данной Игнатия Васильевича Минина в Звенигородском уезде [51].

Таким образом, Данила Башмак, зять дьяка Ивана Поповки, был представителем захудалой ветви потомков Протасия. Представители её либо ушли на службу в удел, либо слились с рядовой массой детей боярских. Служба последних соответствовала как дворовой, так и городовой.

Великокняжеский дьяк Иван Поповка, выдавший свою дочь или сестру за мелкого провинциального сына боярского, видимо, был под стать своему зятю. Можно уверенно предполагать в дьяке выходца из дворянской среды.

Социальные связи дьяков прослеживаются в двух случаях, применительно к Василию Беде и Ивану Поповке. Оба случая разобраны выше. Родственники этих приказных деятелей — представители измельчавшей до положения рядовых дворян аристократии. В духовной Андрея Ярлыка мимоходом упоминается его племянник Илейка. Кроме имени о нем ничего не известно. То же самое можно сказать и о зяте дьяка Степана Бородатого Иване Дмитриевиче. Попытка Ю. Г. Алексеева отождествить его с дьяком Ива-

ном Ростовцем интересна, но не совсем удачна. К сожалению, автор не привел никаких доказательств своей гипотезы [52]. Одного совпадения столь распространенных имен недостаточно. Тот же малопродуктивный метод использовал и С. В. Стрельников [53].

Только в четырех случаях из 14 у нас есть конкретная информация о детях дьяков (Степан Бородатый, Алексей Полуектов, Алексей Стромилло и Иван Владимирович Ирежский). Если о Борисе Ивановиче и Илье Степановиче мы не знаем ничего, кроме имени, то карьера потомков Алексея Стромиллова демонстрирует яркий пример социального роста, благодаря дьяческой службе. Столь же примечательна фигура Романа Алексея. Здесь мы имеем первый пример наследования дьяческой службы в пределах одной семьи.

Всего, таким образом, из 14 дьяков вел. кн. Василия Васильевича социальное происхождение может быть более или менее точно определено у четверых. Это Василий Беда, Колудар Ирежский и Иван Поповка, выходцы из дворянской среды, и Алексей Стромиллов – из духовенства. Трое из 14 – это 21,4%; 1 – 7,1%. Остальные 10 человек попадают в категорию лиц, чье социальное происхождение установлению не поддается.

В эту категорию попадает и Алексей Полуектов. Его основная служба пришлась на правление Ивана III, но уже при вел. кн. Василии Васильевиче Алексей был весьма приближенным к трону человеком. Ермолинская летопись, повествуя о ликвидации независимости Ярославского княжества, отмечает, что старому великому князю советовал лишить тамошних князей их вотчин дьяк Алексей Полуектович [54]. Видимо, это обстоятельство и натолкнуло А. А. Зимина на вывод о происхождении Алексея из числа ярославских вотчинников. Других оснований для такого предположения не видно. Но эти основания весьма не прочны, так как мотивы поведения нашего героя доподлинно неизвестны. Столь же неосторожно на основании одного гипотетического положения строить новое и считать дворовых детей боярских-ярославцев Грязного и Алешу Федоровичей Алексея Полуектовых внуками дьяка [55].

Следует отвести и гипотезу С. В. Стрельникова, полагавшего, что отцом Алексея Полуектова мог быть дьяк Полиект, упомянутый в ростовском соборном синодике. В перечне родственников дьяка из текста синодика нет никакого Алексея. Сыном Полуекта там прямо назван некий Феодор. Совпадения имени одного дьяка с отчеством другого явно недостаточно. Не добавляет ясности и то обстоятельство, что оба персонажа связаны с Ростовом. Ведь биография Алексея Полуектова складывалась не только в Ростове.

Слово «дьяк» в контексте источника явно означает младшего священнослужителя. Так что нельзя говорить о трех поколениях дьяков [56].

Сыном Алексея Полуектовича, видимо, был дьяк Ивана III Роман Алексеев. Это предположение выдвинул Ю. Г. Алексеев, и звучит оно весьма убедительно. Тот факт, что у Алексея был сын Роман, бесспорен. Здесь мы имеем прямое указание источников. Известно, что дьяк владел вотчиной в Ростове и имел какие-то личные связи с ростовскими землевладельцами. В Ростове же были имения и у Романа Алексея [57]. Сыновей Романа и внуков Алексея Полуектова звали Юрий, Иван и Борис и фамилия-дедечество их была Алексеевы, а не Полуектовы [58].

Те великокняжеские дьяки, чье социальное происхождение не поддается определению, по всей видимости, в основном были людьми простыми. Какая-то часть из них – это слуги-министериалы. Холопское происхождение можно полагать у Терентия, Путила, Аникея. Они, как и дьяки предшествующих эпох, именуются односложно, календарным или некалендарным именем. Возможно, из той же среды происходил и Андрей Ярлык. Его подпись на духовной Есипа Дмитриевича Акинфова, явленной митрополиту Ионе 5 марта 1459 г., сделана на уйгурском или монгольском языке [59]. Применительно к исследуемой эпохе, в России это языки скорее экзотические. Как мог попасть к нам их носитель? Возможно, был куплен на невольничьем рынке.

В Иване и Степане Ростовах можно предполагать посадских, выходцев из Ростова. Если последнее в принципе можно считать фактом (связи Степана с Ростовом подтверждаются документально), то первое, конечно, гипотеза. Прозвания, указывающие на место происхождения, характерны для представителей разных социальных групп.

При всей условности наших арифметических выкладок, можно уверенно сделать некоторые выводы. Во-первых, со второй четверти XV в. наблюдается процесс проникновения в среду великокняжеских дьяков выходцев из дворянской среды. Во-вторых, служба в дьяках начинает играть роль своего рода «социального лифта», благодаря которому талантливый выходец из простонародья мог попасть в число служилых людей по отчеству. В-третьих, можно заметить пока еще слабую тенденцию к превращению дьячества в наследственную профессию.

Все эти процессы, судя по всему, были вызваны дальнейшим усложнением задач государственного управления и ростом значения письменного делопроизводства в функционировании аппарата власти. Дьяческая служба постепенно переставала быть чисто хозяйственным занятием. Великокняжеские дьяки уже не только «ведали

прибытки», но и приобретали реальную власть. Дворянство начинало ощущать притяжение этой власти. Первыми отреагировали представители его низших прослоек, которым традиционная дворянская служба давала немного шансов достичь карьерных свершений и материального благосостояния.

Примечания

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 392.
2. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 520; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. Вып. 87. С. 225–226.
3. *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 48.
4. Там же. С. 451; *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 228.
5. АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 446.
6. *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 253.
7. Там же. С. 19, 420–421; *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 261–262.
8. *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 424.
9. *Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 374.
10. АСЭИ. Т. 3. № 49.
11. АСЭИ. Т. 2. № 346.
12. *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 498.
13. АСЭИ. Т. 2. № 444.
14. АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 326; Т. 2. № 93, 354, 359, 361, 373; Т. 3. № 40, 44, 100, 479; *Кашианов С. М.* Указ. соч. С. 362; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 57.
15. *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 533; АСЭИ. Т. 1. № 51.
16. АСЭИ. Т. 2. № 353.
17. *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 521.
18. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее – АФЗХ). М., 1951. Ч. 1. № 287.
19. АСЭИ. Т. 1. № 389; *Назаров В. Д.* Акты XV века из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. № 4 // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998.
20. АСЭИ. Т. 3. № 67.
21. Родословная книга по трем спискам, с предисловием и азбучным указателем // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 101.
22. *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 225.
23. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 293.
24. Там же. С. 295.
25. *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. М., 1998. С. 187.
26. АСЭИ. Т. 1. № 167; АФЗХ. Ч. 1. № 29.
27. *Чернов С. З.* Указ. соч. С. 182–188.
28. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 294.
29. АСЭИ. Т. 1. № 379; Т. 2. № 346; Т. 3. № 67; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 294.
30. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 294–295.
31. *Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. № 260 // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8.
32. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 295.
33. АСЭИ. Т. 2. № 406.
34. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 295.
35. АСЭИ. Т. 1. № 229.
36. Там же. № 281.
37. АСЭИ. Т. 1. № 644, 645; Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее – АРГ) М., 1975. № 1, 47, 110, 162, 180, 193, 247; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 153–154.
38. РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 532. Л. 1057об.
39. АРГ. № 144.
40. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2001. Т. 3. С. 209.
41. АСЭИ. Т. 2. № 89.
42. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. II. С. 21; Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 103.
43. *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России в XV в. М., 1991. С. 118; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРА). М., 2000. Т. XII. С. 72.
44. АСЭИ. Т. 1. № 241.
45. Там же. № 328.
46. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 228; ПСРА. М., 2004. Т. XXIII. С. 159.
47. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 228; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 160; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 68.
48. АСЭИ. Т. 1. № 546.
49. Там же. № 241, 380.
50. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 228.
51. АФЗХ. Ч. 1. № 95.
52. *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 161–162.
53. *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 121.
54. ПСРА. Т. XXIII. С. 158.
55. *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. Вып. 87. С. 261–262.
56. *Стрельников С. В.* Указ. соч. С. 121.
57. *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 161–162, 182.
58. Там же. С. 202.
59. АСЭИ. Т. 3. № 100.

УДК 94(470):342.6

Д. А. Калинина

**СИСТЕМА ОРГАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ***

На основе анализа российского законодательства конца XIX – начала XX в. и оценки исследований дореволюционных ученых в статье сделана попытка воссоздания общей картины сложившейся в России системы центральных законодательных, законосовещательных и исполнительных институтов государственной власти.

Based on the analysis of the Russian legislation late XIX – early XX century, then valuation of scientists' research in the pre-revolutionary paper, in the article there is an attempt to recreate the general picture of the current system of central legislative, law-advisory and executive institutions of government in Russia.

Ключевые слова: система органов центрального управления, императорская власть, законодательные органы власти, совещательные органы власти, исполнительные органы власти, Россия конца XIX – начала XX в.

Keywords: central government, the imperial government, legislative bodies of power, law-advisory branches of power, executive authorities, the Russia of the late XIX – early XX century.

В позднеимперский период истории России система высших органов государственного управления подвергалась серьезным модификациям, которые являлись ответом на требования времени. Изменение статуса сословных групп, внешне-политические перипетии, общественно-политические, макроэкономические процессы порождали трансформирование системы государственного аппарата.

Наиболее устойчивым институтом российского государственного строя была императорская власть. Царь обладал неограниченными правами в области законотворчества, исполнительной и судебной практики вплоть до 1905 г.

Исполнительная власть в условиях абсолютной монархии подразделялась на верховную, которую осуществлял непосредственно император, и представительную, реализуемую министерствами и ведомствами. Среди российских правоведов Н. А. Захарова, А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова, Н. И. Лазаревского, В. М. Устинова, Л. А. Тихомирова и других развернулось широ-

кое обсуждение проблемы соотношения неограниченных правомочий монарха и существования институтов исполнительной власти. Наряду с крайними утверждениями о полноте власти императора, несмотря на наличие ограничительно-го законодательства и государственных учреждений, или об исключительно формальных, представительских компетенциях монарха наиболее убедительным является умозаключение о распределении властных функций и непосредственном участии главы государства в исполнительной власти при исключительных обстоятельствах. Император напрямую действовал в случае «неправильного применения закона или в случае необходимости разрешить те или другие затруднения в администрации, когда эти затруднения не могли быть устранены силою существующих законов» [1]. В последнем случае монарх разъяснял смысл принятых законов, разрешал все изменения в ранее принятых постановлениях правительства, утвержденных им ранее. Хотя в современной государственной практике перечисленные действия главы государства не являются экстраординарными, в конце XIX – начале XX в. законы Российской империи подобные действия не регламентировали, а, следовательно, оставляли их на усмотрение императора. Профессор П. Е. Казанский в дополнение к выводам А. Д. Градовского отмечал, что российский монарх осуществляет верховный контроль за правильным исполнением законов, ему принадлежит «служебное верховенство» в отношении всех государственных учреждений и служащих, которые «действуют именем государя» [2].

В рамках исполнительной власти император имел право составлять и утверждать акты, способствующие правильному исполнению законов [3]. В целом верховная исполнительная власть в том объеме, в каком она была у российского монарха, позволяла контролировать точность осуществления законов всеми центральными и местными учреждениями, она была всеохватной и практически неограниченной вплоть до падения самодержавия.

Важнейшей компетенцией верховной власти государя являлось законотворчество. Вплоть до 1906 г. император имел право принимать нормативные акты любой юридической силы, действующие в пределах Российской империи в отношении всех подданных. Правомочия законодательной инициативы помимо монарха были у Государственного совета, Совета министров, Комитета министров, экспертиза законопроектов находилась в руках уже названных верховных органов власти, однако окончательное решение о принятии или отклонении того или иного проекта будущей нормы права принадлежало исключительно главе государства. Российский монарх,

* Статья напечатана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 12-11-43004

руководствуясь любыми причинами и не имея необходимости отчитываться за свои действия, мог подписать законопроект или отправить на доработку, в позднеимперский период часто практиковалось откладывание разработанной нормы «под сукно» на неопределенный срок и, как правило, без повторного обращения к ней. Не отмечая существенных недостатков предложенной модели нормы права, т. е. признавая ее состоявшейся, император отсрочивал ее подписание, тем самым останавливая все дальнейшие разработки конкретной проблемы. Отсутствие нужды обосновывать откладывание законопроекта давало удобный способ избегать опасных или неактуальных, по мнению верховной власти, решений. Временные рамки рассмотрения и подписания законопроекта также не оговаривались законодательством, следовательно, на полном усмотрении императора находилось решение вопросов о времени разбора проекта нормы права и о причинах его принятия, отклонения или откладывания.

Изменения в правообразующей компетенции российского государя произошли в результате реформы государственного строя 1905–1906 гг., правовой основой которой стали Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы от 1906 г. Из верховной власти монарха была выведена часть законодательных полномочий и передана Государственной думе и Государственному совету. Так, в Основных государственных законах от 1906 г. было прописано, что император осуществляет законодательную власть «в единении» с Государственным советом и Думой [4]. Теперь монарх лишился права единолично принимать все нормативно-правовые акты, имеющие юридическую силу закона, он сохранил право издавать подзаконные акты в виде высочайших указов.

В связи с разделением законодательной власти на две составляющие среди дореволюционных исследователей выделились противоположные точки зрения. Ряд авторов начала XX в., в числе которых В. М. Грибовский, В. В. Ивановский, признавали, что император сохранил лишь часть правообразующих компетенций [5]. Другая группа вместе с Л. А. Тихомировым, К. Н. Пасхаловым признавала сохранение за государем всей полноты законодательных правомочий, так как «закон есть выражение воли верховной власти» [6]. Со временем возобладала первая точка зрения, которая звучала в большинстве исследований, посвященных анализу государственной власти.

Ограничения правообразующей деятельности государя коснулись только гражданской, экономической областей, сферы правосудия, общественной безопасности. Во всех остальных облас-

тях высочайший указ обладал высшей юридической силой. По мнению многих исследователей, это свидетельствовало о том, что Россия в начале XX в. еще только становилась на путь конституционной монархии. Например, профессор С. А. Котляревский высказался, что «установление общих норм предоставляется русской Государственной думе и Государственному совету в меньшем объеме, чем это, обычно, имеет место при конституционном строе относительно законодательных органов» [7]. Помимо этого в Основных государственных законах отдельно прописывались исключительные prerogatives российского монарха: определение направления развития внешней политики, объявление войны и подписание мира, заключение международных договоров, верховное руководство армией и флотом, объявление местностей империи на военном и чрезвычайном положении и т. д. [8] В законодательстве отмечалось также единоличное право российского монарха быть инициатором всех изменений, вносимых в Основные законы, а также в случаях прекращения сессии Государственной думы издавать чрезвычайные указы, имеющие юридическую силу закона. В результате правообразующие полномочия императора, хотя и были ограничены в 1905–1906 гг., все же давали широкий простор для независимых решений, определяющих направление развития страны.

Верховная судебная власть императора выражалась в том, что любое судебное решение выносилось от имени государя, который также обладал исключительным правом помилования и смягчения наказания. Только монарх мог инициировать судебное разбирательство в отношении высших государственных чиновников, в число которых входили члены Государственного совета и Государственной думы, председатель Совета министров, министры, наместники, генерал-губернаторы [9], что свидетельствовало о подотчетности этих должностных лиц только главе государства. Если учесть огромное влияние российского монарха на изменения состава высшей судебной инстанции – Сената – и возможность вывести любое судебное разбирательство из некассационных департаментов Сената в Особое присутствие Государственного совета, можно сделать вывод о широчайших возможностях императора по мере необходимости оказывать влияние на любое судебное решение. Несмотря на изменения в государственном устройстве, верховная судебная власть монарха сохранилась в прежнем объеме вплоть до 1917 г.

В связи с многократным усложнением социально-экономических, общественно-политических, международных политических и экономических процессов император в конце XIX – начале XX в. опирался на обширный аппарат госу-

дарственных учреждений, разделенный на две части: органы высшего и подчиненного управления. Основным отличием между этими группами организаций являлась подотчетность Правительствующему сенату. Неподконтрольными Сенату были Совет министров, Государственный совет, Государственная дума, Собственная Его Императорского Величества канцелярия, Совет государственной обороны, Военный совет и т. д. Все они были выведены из-под контроля Сената особыми постановлениями и должны были способствовать осуществлению верховной власти монарха. За подчиненными Сенату ведомствами, в числе которых были министерства и весь аппарат местного управления, признавались меньшие властные полномочия, они реализовывали взаимодействие с главой государства опосредованно. Подобное разграничение государственных учреждений было предложено в начале XX в. группой правоведов во главе с А. Д. Градовским, Н. А. Захаровым, Н. М. Коркуновым и являлось приоритетным длительное время. Современные исследователи преимущественно подразделяют аппарат управления на центральный, носящий общероссийский характер, и местный, проводящий государственную политику в отдельных местностях [10].

К центральным учреждениям в рассматриваемый период относились Совет министров, обладающий совещательными полномочиями, Государственный совет, изначально законосовещательный орган, который в период первой российской революции был наделен функциями верхней палаты парламента, с 1906 г. Государственная дума, имеющая правообразующие компетенции, Правительствующий сенат как высшая судебная инстанция, Святейший синод, ведавший церковными делами, и министерства, исполняющие принятые законы и подзаконные акты и контролирующие их реализацию на местах. Однако непосредственное взаимодействие с местными органами власти осуществляли министерства, и в первую очередь министерство внутренних дел, доводя до губерний узаконенные пути развития государства и наблюдая за их неукоснительным соблюдением.

Все вопросы, разрешаемые императором путем подписания высочайшего повеления, проходили предварительную обработку в Канцелярии Его Императорского Величества. В рассматриваемый период Канцелярия утратила свои прежние экстраординарные компетенции, связанные с работой третьего отделения по проведению политического сыска, которые перешли в Министерство внутренних дел, а второе отделение в 1882 г. преобразовано в кодификационный отдел при Государственном совете. Основной функцией Канцелярии в конце XIX – начале XX в. явля-

лось делопроизводство по всем бумагам, поступающим на имя российского монарха. В компетенцию личной императорской канцелярии были отнесены дела по исполнению поручений монарха, изготовлению высочайших указов, представление отчетов губернаторов и т. д. В целом, работа Канцелярии носила вспомогательных характер и не относилась к числу высших государственных учреждений, по своему статусу она приравнивалась к министерству, находящемуся на особом положении.

Государственный совет, образованный в 1810 г., до 1906 г. являлся законосовещательным органом власти, в его компетенцию входило создание новых или доработка законопроектов, их экспертиза, а также выражение собственной позиции по любому вопросу по требованию монарха. В конце XIX в. многие исследователи высказывались о бесполезности этого учреждения в связи с появлением дублирующих функций Государственного совета Комитета министров и Совета министров [11]. Однако А. Д. Градовский, ссылаясь на теорию Л. Штейна [12], озвучил мысль, что в России, как и в любой крупной монархии, необходим совещательный орган, не связанный с законодательной, исполнительной и судебной властью, что повышает степень объективности выносимых суждений [13].

В позднеимперский период любой законопроект обязан был пройти экспертизу Государственного совета, лишь после этого он поступал на подпись императору, только монарх имел право изъять будущую норму права из рассмотрения Госсовета [14]. Помимо текущих правовых тем здесь рассматривались проекты введения чрезвычайного или военного положения в той или иной части страны, решения о войне и мире и иные внешнеполитические резолюции, проекты распоряжений Сената и министерств, все финансовые вопросы, которые должен был утверждать император. В целом у данного ведомства был обширнейший спектр проблем, требующих авторитетного заключения, а следовательно, существование Государственного совета было оправдано.

В годы первой российской революции высочайшим манифестом были внесены изменения в государственный строй России, что стало причиной реформирования Госсовета, который наравне с Государственной думой получил законодательные полномочия [15]. Все проекты норм права, одобренные Думой, проходили обязательное рассмотрение членами Совета. Государственный совет получил также право законодательной инициативы в любой сфере, не вошедшей в основные государственные законы. Кроме того, Совет имел право требовать разъяснений у представителей Совета министров по вопросам, связанным с рассматри-

ваемым законопроектом, за исключением случаев, когда разглашение той или иной информации противоречит государственным интересам и по поводу незаконности действий чиновников и ведомств, входящих в систему исполнительной власти [16]. Государственный совет мог обращаться с Наказом с целью усовершенствования процесса правообразования. В состав Совета для более квалифицированного рассмотрения ряда конкретных вопросов входили два департамента, особое присутствие об отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев и особое присутствие для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на определения департаментов Правительствующего сената, а также канцелярия, ведавшая делопроизводством. В итоге реорганизации Государственный совет представлял собой слаженную систему подразделений, выборных и назначенных членов Совета, чиновников, которые достаточно успешно выполняли функцию разбора законопроектов в той весьма ограниченной сфере, которая была предоставлена в начале XX в. императором. В своей деятельности Государственный совет активно взаимодействовал с главой государства, министерствами и Думой, которая выполняла обязанности нижней палаты парламента.

Государственная дума, введенная в число органов власти Манифестом в 1905 г. и впервые созданная в 1906 г., обладала полномочиями, дублирующими функции Государственного совета, с единственной разницей в том, что Дума рассматривала законопроект первой инстанцией, а Совет мог рассматривать только те проекты норм права, которые были одобрены Думой. Круг вопросов, в пределах которого избранные депутаты могли обсуждать проекты законов, был определен Учреждением о Государственной думе и не мог быть изменен депутатами, так как ст. 107 Основных государственных законов лишала законодательные органы власти права вносить изменения в Основные законы, а ст. 109 при определении круга дел, подведомственных Думе и Совету, делала отсылку к их официальным учреждениям, т. е. образующим документам. На этом основании, при попытке Государственной думы расширить свои полномочия, член Государственного совета П. Н. Дурново отмечал: «Мы, члены Государственного совета, занимающие места на правой стороне этого зала, не можем одобрить распространительных толкований Основных законов в сторону расширения компетенций и полномочий законодательных учреждений. В данном случае, по нашему убеждению, закон точно указывает путь, по которому мы должны идти. Всякое уклонение с этого пути мы считаем сознательной или бессознательной попыткой использовать кажущуюся неясность закона в целях вмешательства законодательных учреждений

и непринадлежащую нам область» [17]. Как и Государственный совет, Дума обладала правом законодательной инициативы с некоторыми ограничениями, правом интерpellации и возможностью обращаться за разъяснениями к министрам и товарищам министров, издавать Наказ в целях улучшения процесса законотворчества.

Помимо ограничения основных полномочий Государственная дума была поставлена в прямую зависимость от императора и административных сил, что свидетельствовало об отсутствии принципа независимости законодательной власти. Российский монарх имел право распустить Думу, причем он практически не был стеснен необходимостью объяснять свои действия, подобная возможность создавала благоприятные условия для корректировки деятельности депутатов. Не сформировалось еще и понятие депутатской неприкосновенности, любой народный избранник мог быть подвергнут судебному преследованию на тех же основаниях, что и любой чиновник, у Думы спрашивали согласие только в случае лишения свободы одного из депутатов [18]. Данная практика вызвала дискуссию среди правоведов начала XX в. Ряд исследователей, в числе которых были В. В. Ивановский, С. А. Котляревский и Н. И. Лазаревский, довольно резко высказывались по поводу отсутствия независимости правообразующих органов власти. Так, В. В. Ивановский отмечал, что «этот порядок предания народных представителей суду, вместо гарантии от судебного преследования, устанавливает зависимость членов законодательного учреждения от администрации, чем нарушается та самостоятельность парламента, которая составляет его жизненную силу и политический смысл» [19]. Другая часть исследователей говорила о правомерности и даже необходимости сохранения общих оснований судебного преследования депутатов, видя в этом возможность избежать произвола представителей законодательной власти. Например, П. Е. Казанский высказал мысль о том, что «привлечение членов законодательных установлений к судебной ответственности за преступления по должности не только не противоречит “самому существу Государственной Думы”, но, наоборот, совершенно согласно с общей конструкцией русского народного представительства, как особого учреждения с определенными возложенными на него обязанностями, и с общим юридическим положением членов его» [20]. Однако, несмотря на существенное стеснение свободы действий законодательных учреждений, новые органы власти заняли стержневое положение в государственном аппарате.

В целом, реализуя свои правообразующие полномочия, император, Государственный совет и Государственная дума формировали и видоиз-

меняли законодательный массив, на основании которого действовали остальные центральные и местные органы власти.

Помимо Государственного совета совещательными полномочиями обладали Комитет министров, существовавший до 1906 г., и Совет министров, являющийся в начале XX в. прототипом современного правительства. С момента появления первых министерств в государственном аппарате был сформирован Комитет министров, целью которого в первую очередь было решение межведомственных вопросов. Разграничение полномочий между двумя действующими совещательными органами определялось следующей формулой: особо важные дела рассматривались в Государственном совете, а все остальные текущие дела – в Совете министров. В разные периоды истории компетенция Комитета министров менялась в зависимости от условий развития государства. В конце XIX в. это учреждение рассматривало все дела, которые превышали власть отдельного министра, или не могли быть разрешены в рамках действующего законодательства, либо специально были переданы императором ему на рассмотрение. С одной стороны, существование узкого по составу совещательного органа власти естественно для абсолютной монархии и традиционно для России, с другой – такое учреждение было вызвано усложнением системы государственного управления и необходимостью дополнительной опоры для монарха при разрешении текущих вопросов. Образование различных межведомственных органов, обладающих совещательной властью, объяснялось попытками главы государства устранить разобщенность управления, несогласованность правительственных мероприятий, однако все попытки заканчивались неудачей. По мнению правоведа В. М. Гессена, провал намерений императора усовершенствовать управленческую практику был связан с отсутствием «института визирата» или поста премьер-министра [21].

В 1861 г. было сформировано новое совещательное учреждение – Совет министров, которое состояло из глав министерств и близких к ним по компетенции ведомств, секретаря Государственного совета и иных лиц, назначенных монархом. Под формальным председательством императора проходило заслушивание докладов о всех первоначальных инициативах органов исполнительной власти во избежание дублирования разрабатываемых проблем и общей осведомленности о делах каждого из входящих в Совет учреждений. Изначально компетенция Совета министров не имела четко установленных рамок, единственным критерием отбора обсуждаемых вопросов было разрешение главы государства. Отсутствие строго оговоренных функций, нео-

пределенное положение в системе подчиненности делали Совет министров практически бесполезным элементом института управления. Так, большинство исследователей начала XX в. отказывали ему даже в статусе учреждения, например, Н. М. Коркунов сделал вывод о том, что Совет – это «факультативная форма министерского доклада», В. М. Грибовский, в свою очередь, называл Совет министров «особой формой министерских докладов монарху в присутствии других министров» [22]. Обладая исключительно совещательными полномочиями, данный государственный орган не смог повысить согласованность действий разрастающегося аппарата исполнительной власти.

19 октября 1905 г. Совет министров был реорганизован и превратился в полноценное правительство. Реформированное учреждение получило статус постоянно действующего с четко очерченным кругом полномочий и частичной самостоятельностью в их осуществлении. Ведению нового Совета министров подлежали предварительное рассмотрение всех законопроектов, поступающих от министерств и ведомств на рассмотрение Государственной думе или императору, все предложения об изменении общего министерского устройства, крупные кадровые вопросы в рамках исполнительной власти, доклады на имя императора, имеющие межведомственный характер, все проекты законов, поступающие на рассмотрение монарха между созывами Думы, и т. д. [23] Благодаря обширным функциям Совет министров смог уже фактически объединить работу всех учреждений исполнительной власти, что повысило согласованность действий, а следовательно, и эффективность системы государственного управления. После реорганизации в Совете был введен пост председателя – им становился назначенный монархом «министр без портфеля», т. е. высший чиновник, не отвечающий ни за одно министерство или ведомство и имеющий право участвовать в делах любого из них. Глава Совета министров назначался и снимался с должности исключительно решением монарха, в этом проявлялась прямая зависимость от государя премьер-министра в частности и всего Совета в целом. Создание поста председателя Совета министров или премьер-министра завершило общую модернизацию исполнительной власти на общеевропейских началах, которые сочетались с сохранением сильной власти российского императора.

Деятельность высших институтов государственной власти была направлена на формирование общего пути развития России как одной из ведущих мировых держав, своевременно и верно отвечающих на требования времени. Император, Государственный совет и Государственная

дума при содействии совещательных органов власти принимали нормативно-правовые акты, которые вносили изменения в социально-экономическое и общественно-политическое устройство государства. В свою очередь задача по организации и техническим моментам воплощения закона или высочайшего повеления в жизнь ложилась на аппарат исполнительной власти, куда входили министерства и сходные с ними по статусу и компетенциям ведомства.

Министерства, образованные в 1802 г., относились к центральным государственным учреждениям, однако они имели меньшие по сравнению с вышеперечисленными органами властные полномочия и находились под контролем Правительствующего сената. На этих основаниях министерства в конце XIX – начале XX в. причислялись к организациям подчиненного управления. Хотя цепь подчиненности была довольно коротка: работа всех министерств и близких им ведомств координировалась Комитетом министров, а позднее, уже более основательно, – Советом министров, последние в свою очередь были подотчетны российскому монарху, однако аппарат исполнительной власти напрямую с императором практически не взаимодействовал.

Суть министерских полномочий, а также пределы действия были установлены в общем наказе министерствам, где данные учреждения названы проводниками решений высшей власти во всех сферах управления [24], что изначально определило отраслевой принцип их устройства. Отраслевой принцип организации исполнительной власти признавался российскими правоведами наиболее подходящим и естественным для России, которая всегда довлела к централизации аппарата управления. Эффективность данного способа устройства министерств и ведомств А. Д. Градовский объяснял необходимостью достижения единообразия в способах осуществления какой-либо задачи, а также создания системы прямой ответственности административных учреждений [25]. Выполнение этих задач возможно было при унифицированном применении законов в каждой отдельной сфере жизни государства, что стало осуществимым благодаря появлению единого ответственного лица, контролирующего правильное исполнение норм права. Министр в рамках вверенной ему отрасли обязан был устранять все неправильные толкования законов, разъяснять все затруднения в применении закона, пресекать злоупотребления полномочиями или преступные бездействия среди подконтрольных ему чиновников [26].

Главы министерств как представители верховной власти в качестве участников Комитета министров, Совета министров призваны воплощать в жизнь решения вышестоящих государственных институтов, помимо этого министры обладали кон-

тролирующими функциями в отношении нижестоящих чиновников центральных и местных органов управления, благодаря чему достигалось единообразие в процессе реализации властных решений.

Еще одной крупной прерогативой министерств являлось право законодательной инициативы. До 1884 г. любой подданный империи мог обратиться с прошением на имя монарха с проектом правовой нормы, однако с реорганизацией комиссии по прошениям возможность предложить главе государства новый законопроект была исключена и такое право сосредоточилось в ведении правительственного аппарата. Вопрос о том, кому именно принадлежит законодательная инициатива, вызвал дискуссию среди российских правоведов. Большинство исследователей на основе действующего законодательства утверждали, что право предлагать проекты норм права принадлежит исключительно монарху [27]. Объяснялось это тем, что любое представление министра могло быть внесено на рассмотрение только с разрешения императора [28]. А. Д. Градовский поддерживал данное мнение, полагая, что это необходимый атрибут неограниченной монархии, каковой была Российская империя. В противовес мнению большинства высказывался Н. М. Коркунов, который, ссылаясь на ст. 49 Основных законов, настаивал на том, что законодательная инициатива принадлежала еще и Сенату и Синоду, причем без необходимости получения высочайшего на то разрешения [29]. Но, несмотря на особую точку зрения Н. М. Коркунова, подавляющая масса правоведов осталась на прежних позициях. Право законодательной инициативы распространялось на министров и глав ведомств не напрямую, а через обсуждение Совета министров, только после одобрения которого проект поступал на рассмотрение Государственной думы.

С образованием законодательных органов власти в Российской государственной системе возникла необходимость выстраивать систему подчиненности между парламентом и органами исполнительной власти по одному из двух путей: парламентскому и дуалистическому. Парламентская модель взаимодействия предполагала полную подконтрольность правительства парламенту, дуалистическая – подчиненные монарху министерства и ведомства противостоят законодательным учреждениям, в результате в противоборстве устанавливается равновесие сил. В России, по мнению правоведов, отношения Государственной думы и правительства строились на дуалистических началах. С одной стороны, главы министерств назначались и снимались с должности решением императора, Совет министров, управляя действиями всех центральных органов исполнительной власти, подчинялся монарху, а не парламенту, с другой стороны, Государственная дума контроли-

рвала деятельность министерств и ведомств с помощью запросов и интерpellаций. Складывание подобной дуалистической системы свидетельствовало о постепенном переходе Российской империи в число ограниченных монархий.

В конце XIX – начале XX в. в число центральных органов исполнительной власти входило десять министерств: министерство внутренних дел, народного просвещения, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, юстиции, иностранных дел, военное, морское, императорского двора. Также приравнивались по статусу к министерствам главное управление землеустройства и земледелия, главное управление государственного коннозаводства и государственный контроль. Во главе министерства стоял министр, который опирался на помощников или товарищей министра, которые могли исполнять функции главы министерства в особых случаях. Министр обязан был действовать в рамках действующего законодательства и в пределах возложенной на него компетенции, однако в экстраординарных обстоятельствах он имел право выйти за установленные рамки, если считал, что для защиты и поддержания интересов государства требуются незамедлительные шаги. В таком случае глава министерства должен был отчитаться Правительствующему сенату о причинах, побудивших его на подобный поступок [30]. Основные властные полномочия министра заключаются в праве издавать подзаконные акты в виде распоряжений, направленных на уточнение законов.

Все министерства подразделялись на департаменты, во главе с директорами, главные управления, которые по статусу находились выше департаментов и обычно возглавлялись товарищами министра. Департаменты делились на отделения, отделения – на столы. Для согласования действий, распределения поручений, а также внутреннего контроля при каждом департаменте создавалось общее присутствие из начальников отделений под председательством директора. В целях рассмотрения наиболее важных дел в министерстве создавался совет министра под председательством главы министерства, куда входили товарищи министра, директора департаментов и иные лица, назначенные императором. Некоторые министерства для наиболее квалифицированного исполнения возложенных на них обязанностей имели в своем составе особые установления: технические, ученые комитеты, коллегии и т. п. Последние имеют особое значение, так как в их состав включались чиновники из нескольких министерств для решения межведомственной задачи. Если при рассмотрении проблемы представитель другого министерства был не согласен с общей резолюцией и его поддерживал глава его ведомства, то вопрос рассматривался двумя министрами, а при отсут-

ствии компромиссного решения он обсуждался Советом министров. В целом особенности структуры и компетенции министерств определялись конкретной отраслью, в пределах которой оно действовало.

В итоге проведенного теоретико-правового анализа структуры и компетенций институтов и учреждений, входящих в систему высшего и центрального управления, можно представить общую картину процесса воплощения в жизнь законов, высочайших повелений и иных подзаконных актов. Мы можем проследить установленный и единообразный алгоритм действий по перепоручению определенных задач по ведомствам согласно сложившейся служебной иерархии, а также осуществлению контроля среди центральных общероссийских и верховных учреждений. Сложившаяся на протяжении длительного времени разветвленная система органов управления была связана воедино подчиненностью, взаимными правами и обязанностями, которые побуждали к активному взаимодействию на всех уровнях власти в целях успешного развития государства. Историографический анализ позволил выявить пробелы в нормативно-правовой базе центральных учреждений, а также неточности, двусмысленности в законах, которые порождали несовершенство системы управления Российской империи конца XIX – начала XX в.

Примечания

1. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. I. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1875. С. 150–151.
2. Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Тип. «Техник», 1913. С. 214.
3. Свод основных государственных законов. 1906 г. Ст. 11 // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. I. СПб.: Рус. кн. тов. «Деятель», 1912. С. 1.
4. Там же. Ст. 7. С. 1.
5. Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Тип. «Техник», 1912. 268 с.; Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань: Унив. тип., 1913. 365 с.
6. Тихомиров А. А. Монархическая государственность М.: Унив. тип, 1905. С. 215–216.; Пасхалов К. Н. Погрешности обновления 17 октября 1905 г. государственного строя и попытка их устранения. М.: Печатня А. Снегиревой, 1910. 70 с.
7. Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. С. 37.
8. Свод основных государственных законов. 1906 г. Ст. 12–23 // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. I. С. 1.
9. Учреждение Государственного совета. 1906 г. Ст. 95 // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. I. С. 36.

К. М. Гринько

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИЕПИСКОПА ФАДДЕЯ (УСПЕНСКОГО) В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XX в.

Духовно-просветительская деятельность известного архипастыря Фаддея (Успенского) является важной составляющей общественного служения Русской православной церкви. В статье рассматривается отношение архиепископа Фаддея к проблеме выбора пути исторического развития России в начале XX в. и его педагогическое наследие.

The Spiritually-educational activities of the famous Archbishop Faddey (Uspensky) is an important part of the public devotion of Russian Orthodox Church. The article considers the attitude of Archbishop Faddey to the problem of the way choosing of the historical development in Russia in the early XXth century and His pedagogical ancestry.

Ключевые слова: Русская православная церковь, архиепископ Фаддей (Успенский), педагогика, просвещение, «Записки по дидактике».

Keywords: The Russian Orthodox Church, Archbishop Faddey (Uspensky), pedagogy, education, "Didactic notes".

Священномученик архиепископ Фаддей, в миру Иван Васильевич Успенский, был канонизирован Архиерейским Собором Русской православной церкви в 1997 г. На протяжении всей своей жизни он сочетал преподавательскую и административную деятельность с подвигом монаха-аскета. Особое внимание в своей просветительской деятельности, направленной на борьбу с духовно-нравственным разложением общества, архиепископ Фаддей уделял интеллигенции: студентам духовных школ, слушателям религиозно-нравственных чтений, учителям церковно-приходских и земских школ.

Согласно биографическим справкам, составленным администрацией Московской духовной академии, И. В. Успенский родился 12 ноября 1872 г. в селе Наруксово Лукьяновского уезда Нижегородской области в семье Василия Ивановича Успенского, пресвитера Мариинской институтской церкви в Нижнем Новгороде [1]. Однако, по воспоминаниям известного астраханского юриста А. И. Кузнецова, близко знавшего высокопреосвященного Фаддея, он родился в 1874 г. в городе Васильсурске Нижегородской губернии, обучался в Нижегородском духовном училище, а затем окончил Нижегородскую духовную семинарию в 1896 г. [2]

После окончания Нижегородской семинарии Иван Успенский продолжил обучение в Москов-

10. См. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений России. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.; *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.; и др.

11. *Моль Р.* Энциклопедия государственных наук. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1868. 591 с.; *Блунчли И. К.* История общего государственного строя и политики с XVII в. до настоящего времени. СПб.: Изд-во О. И. Бакста, 1874. 597 с.

12. *Штейн А.* Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии. СПб.: Изд-во А. С. Гьеролифова, 1874. 612 с.

13. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. С. 29.

14. Высочайшее повеление от 23 января 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XXVI. Отд. 1. 1851 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1852. 753 с.

15. Свод основных государственных законов. 1906 г. Ст. 106. // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. 1. С. 8.

16. Учреждение Государственного совета. 1906 г. Ст. 36, 44. // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. 1. С. 32–33.

17. Отчет Государственного совета. Сессия IV. С. 1349.

18. Учреждение Государственной думы. 1908 г. Ст. 22, 16 // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. 1. С. 42–43.

19. *Ивановский В. В.* Учебник государственного права. С. 170.

20. *Казанский П. Е.* Власть всероссийского императора ... С. 219.

21. *Гессен В. М.* Основы конституционного права. Петроград: Изд-е юрид. кн. склада «Право»: Типо-лит. тов. А. Ф. Маркс, 1918. С. 160.

22. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. С. 246.; *Грибовский В. М.* Государственное устройство и управление Российской Империи ... С. 62.

23. Учреждение Совета министров. 1906 г. // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. 1. С. 102–106.

24. Учреждения министерств. 1892 г. Ст. 152–153. // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. 1. С. 171.

25. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. С. 121.

26. Там же. С. 122.

27. См. *Алексеев А. С.* Русское государственное право. М.: Тип. о-ва распространения полезных книг, 1897. С. 201; *Соколовский В. В.* Краткий учебник русского государственного права. Одесса: Тип. Новорос. император. ун-та, 1890. С. 70; *Романович-Славатинский Н. Н.* Система русского государственного права. Т. 1. М., 1886. С. 191; *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. С. 12; и др.

28. Учреждения министерств. 1892 г. Ст. 162 // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. 1. С. 172.

29. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. С. 122.

30. Учреждения министерств. 1892 г. Ст. 158. // Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. Т. 1. С. 171.

ской духовной академии, ректором которой на тот момент состоял архимандрит Антоний (Храповицкий). Успешно окончив академию со степенью кандидата богословия, он был оставлен профессорским стипендиатом для подготовки к замещению преподавательских кафедр [3]. Кроме того, Советом МДА ему была присуждена премия протоиерея Орлова «за лучшие успехи в сочинении проповедей» [4].

13 августа 1897 г. Иван Успенский был пострижен в монашество в церкви Гефсиманского скита с наречением ему имени Фаддей. Позже, 24 августа, монах Фаддей был рукоположен в сан иеродиакона, а 21 сентября того же года – в сан иеромонаха [5]. После пострига и рукоположения Определением Святейшего синода от 12–16 ноября 1897 г. [6] иеромонах Фаддей был назначен в Смоленскую духовную семинарию на должность преподавателя философских наук: логики, психологии, дидактики, а также начальных основ и краткой истории философии. Через год, 19 ноября 1898 г., молодой иеромонах становится инспектором Минской духовной академии, в ведение которого входило решение вопросов преимущественно дисциплинарного характера, параллельно исполняя обязанности учителя Священного Писания.

Резолюцией епископа Минского Симеона от 31 декабря 1898 г. иеромонах Фаддей был назначен членом Минского епархиального училищного совета, а постановлением от 4 июня 1899 г. – преподавателем Закона Божия и церковнославянского языка на временных педагогических курсах для учителей церковно-приходских школ. Эту должность он занимал с 21 июня по 3 августа 1899 г. [7]

14 июня 1899 г. иеромонах Фаддей стал ректором Минской духовной семинарии, а также председателем Минского епархиального училищного совета. При этом он преподавал методику по Закону Божию, церковно-славянскую грамоту и дидактику на временных педагогических курсах для учителей церковно-приходских школ и школ грамоты Минской епархии [8]. Ему на тот момент было всего 28 лет.

Приоритет «черного клобука» приводил к назначению на вакантные должности в духовные школы молодых ученых-монахов, что часто вызывало естественное недовольство со стороны их более опытных коллег. Именно это обернулось для иеромонаха Фаддея переводом на новое место служения с понижением в должности. Указом Святейшего синода от 27 июля 1900 г. 28-летний иеромонах был снят с должности ректора Минской семинарии и переведен простым преподавателем в Уфимскую семинарию [9].

С сентября 1901 по март 1902 г. отец Фаддей состоял надзирателем Уфимской семинарии, поз-

же Определением Святейшего синода от 5 марта 1902 г. иеромонах Фаддей был назначен на должность инспектора. В это время он завершил свою работу над магистерской диссертацией «Единство книг пророка Исаии» и успешно защитил ее в МДА, а 6 ноября 1901 г. был утвержден в степени магистра богословия [10]. Через четыре месяца, 15 марта 1902 г., иеромонах Фаддей был хиротонисан в сан архимандрита [11].

По поручению Уфимского епархиального училищного совета с 13 июня по 15 июля 1901 г. на летних педагогических курсах для учителей церковно-приходских школ архимандрит Фаддей преподавал общую дидактику и методику славянского языка [12]. При открытии курсов архимандрит Фаддей обратился к слушателям с приветственным словом, в котором, указав на духовное состояние русского общества и особенно интеллигенции, являвшейся, по его словам, таковой лишь по своему названию, призвал будущих учителей церковно-приходских школ положить в основу просветительства православную веру. В условиях религиозного индифферентизма русского общества конца XIX – начала XX в., отступления большинства представителей интеллигенции от Церкви умы многих людей привлекали учения Ницше, Толстого и Маркса. Волна «этой разнузданной мысли и воли» интеллигенции, иногда только по имени, все чаще вселяла сомнения в умы простого народа, который «по преданию и привычке крепко держался веры» [13].

От интеллигенции, по мнению архимандрита Фаддея, исходит развращение мысли и воли русского народа, следствием чего является усвоение им атеистических тенденций, так как именно интеллигенция является законодателем интеллектуальной моды и задает тон духовного поиска. Атеизм же ставит в тупик движение интеллигентской мысли, рождает ощущение безвыходности из современного печального порядка вещей. Главную задачу просвещения народа архимандрит Фаддей видел в том, чтобы весь разнородный материал, из которого духовно создается человек, направить на формирование в воспитанниках духовно-нравственного стержня.

В рассматриваемый исторический период, в условиях неуклонной секуляризации, наблюдалось вытеснение церковно-приходских школ школами земскими. Поэтому отцу Фаддею приходилось преподавать на курсах повышения квалификации не только будущим учителям церковно-приходских школ, но и тем, кто собирается связать свою преподавательскую деятельность с земством. Ежегодное преподавание на летних педагогических курсах в Минске и Уфе с 1899 по 1902 г. позволило собрать колоссальный материал, который впоследствии послужил основой для составления методики обучения Закону Бо-

жьюму и славянскому языку учителей церковно-приходских школ. Этот самый известный труд архимандрита Фаддея под названием «Записки по дидактике» был опубликован в 1902 г. в Уфе. Книга представляет собой справочник, в котором представлена структура занятий и методические указания по их проведению. Необходимо отметить, что до архимандрита Фаддея этого не делал никто. Обучение в церковно-приходской школе проходило в соответствии с теми познаниями, которые обучающие получили в семинарии, а женщины – в женских духовных училищах, без всякой системы.

Таким образом, архимандритом Фаддеем впервые была выстроена единая модель преподавания. Базой курса, согласно этому методическому пособию для учителей, было преподавание основ христианской веры, на которую накладывается преподавание иных дисциплин, таких, как русский язык, арифметика, природоведение, экспериментальная психология, сельское хозяйство и гигиена. Он разрабатывал и вводил новые приемы дидактики, методики, чтобы облегчить и преподавательский, и ученический труд, сократить время, необходимое для усвоения предметов. Особое значение в деле народного просвещения он отводил роли святоотеческого наследия, подвижнических писаний святых отцов.

Что касается преподавания в церковно-приходских школах, численность которых неуклонно сокращалась год от года, то совершенно очевидно, что архимандрит Фаддей не склонен был сводить его исключительно к усвоению учениками знания богословских дисциплин. Он лишь подчеркивал целесообразность построения светского знания на духовной основе. Таким образом, он предпринимал попытки оздоровления если не всего общества, то той его части, которая не утратила связи с Церковью.

Указом Синода от 8 января 1903 г. архимандрит Фаддей был переведен в Олонецкую епархию. С принятием на себя административных обязанностей и работы редактора неофициальной части печатного органа Олонецкой епархии «Олонецких епархиальных ведомостей» он также совмещал преподавательскую деятельность в семинарии и на летних курсах повышения квалификации. В числе других он участвовал в воскресных религиозно-нравственных чтениях, которые проводились в корпусе Александровского братства и Петрозаводской тюрьме. Кроме того, архимандрит Фаддей, как того требует священнический сан, часто служил и составлял проповеди, которые ныне опубликованы отдельным сборником [14].

В марте 1903 г. о. Фаддей провел цикл бесед, посвященных духовному развитию личности и событиям библейской истории, сопровождающих-

ся нравственными поучениями. Первое выступление архимандрита Фаддея состоялось 2 марта и привлекло огромное число слушателей [15].

Религиозно-нравственные беседы, проводимые им в марте-апреле того же года в Братском Назарьевском корпусе, были отмечены большим стечением народа [16]. Как он сам об этом писал, «находили живой отклик в сердцах многих слушателей и удерживали внимание собравшихся в постоянном напряжении в течение 2 часов, несмотря на многочисленность слушателей и установившуюся духоту в помещении» [17]. 10 апреля протоиерей А. П. Надеждин отмечал в Олонецких ведомостях, что на этой неделе было устроено дополнительное чтение, по инициативе самих слушателей, которых собралось довольно много, и «среди них было немало интеллигенции» [18]. Даже когда не благоприятствовала погода или в городе проводились народные гуляния и собравшихся было меньше обычного, их численность была около полутора-двух сотен человек [19].

Архимандрит Фаддей указывал на взаимоисключающий характер социалистических теорий и христианского учения, на утопичность целей социализма, на невозможность добиться равенства и, тем более, счастья людей посредством простого обобществления материальных благ и их перераспределения. Ведь не отсутствие имущества делает человека неспособным к счастью, а поврежденная грехом человеческая природа. В противном случае – не было бы несчастных среди богатых людей. Архимандрит Фаддей указывает на невозможность равенства между людьми: «Нельзя поровну поделить молодости, здоровья, способностей, ума, чувства, усердия, чистоты совести, семейного счастья и прочего» [20]. «Христианство учит, что перед Богом драгоценна каждая душа человеческая, каждая отдельная личность... а социализм говорит, что каждый человек – ничто, он имеет значение только в той кучке людей, в которой он поставлен и в которой он будет пользоваться равной долей указанного ему труда и указанной части пищи, одежды, жилища. При таком условии ясно, что нет у человека и свободы: как рабочая сила он будет приставлен к своему делу и обратится в машину, а его свобода – в неволю и рабство; как рабочий скот он получит свое место у стойла и свой корм». Равенство от такого рода свободы архимандрит Фаддей сравнивает с равенством «мертвых на кладбище», а свободу – со свободой лошадей на конном заводе... Счастье социалистов, по его мнению, «годно только для животных, но не для людей» [21]. Причина этого видится в отрицании духовно-религиозной составляющей, акценте на физические потребности человека.

Архимандрит Фаддей уверен, что с отрицанием Бога и религии утрачивается критерий исти-

ны; упразднение понятий души и греха приводит к утрате критерия справедливости. На первый план выходят критерии, тесно связанные с физическим восприятием «приятно» и «выгодно». Отвергая душу и нравственность, социализм делает ставку на насилие и принуждение как достижение поставленной цели (равенства и свободы), что в корне противоречит христианскому учению о любви. Будущий священномученик пророчески указывает на то, что насильственные меры, направленные на уничтожение основ государственности, и принудительное насаждение равенства и свободы приведут к «болезни общества».

31 мая 1906 г. состоялся очередной выпуск в Олонецкой духовной семинарии. В своем обращении архимандрит Фаддей задает выпускникам вопрос: «Что может в настоящее время объединить людей, разделившихся на почти противоположные друг другу партии, может, благо общества?» Его ответ сводится к тому, что слово «блага» понимается различными людьми по-разному. Он говорит о том, что блага могут быть земные и небесные, естественные (свойственные как человеку, так и животным) и духовные. Но сколько бы не стремился человек объединить понятия о благе для достижения посредством этого всеобщего равенства, братства и свободы, он никогда «не сможет найти всеобщего блага вне Христа, источника всех благ» [22].

Несмотря на тенденцию к тому, что все больше людей являлись христианами формально, о. Фаддей считал единственным способом предохранить себя от «порабощающего свободу влияния духа века сего» – сохранить живую веру и не стыдиться исповедовать христианство в предстоящей общественной деятельности.

4 ноября 1908 г. Учебный комитет при Святейшем Синоде признал ректора Олонецкой духовной семинарии архимандрита Фаддея «достойным награждения орденом Св. Владимира IV степени» [23]. После шестилетнего служения в Олонецкой епархии архимандрит Фаддей по Высочайшему Указу от 5 декабря 1908 г. был рукоположен вторым викарным епископом Вольнской епархии [24].

Епископская хиротония завершила этап его жизни, связанный с наиболее тесным взаимодействием с образовательной средой. Епископское служение открывало другие горизонты, давало иные возможности, но вместе с тем накладывало и целый ряд серьезных обязательств.

В тот период, когда происходило вытеснение церковно-приходских школ земскими, а учителя церковно-приходских школ утрачивали понимание возложенных на них церковью задач, духовная школа, по мнению епископа Фаддея, должна

оставаться прежде всего церковной и способствовать формированию тех духовных качеств воспитанников, которые в конечном итоге будут определяющими при жизненном выборе в смутный период истории. Епископ Фаддей стремился показать, что «прогрессивный путь социализма», который буквально навязывался молодому поколению, не является на самом деле таковым.

Епископ Фаддей не искал личной славы, просветительская деятельность заключалась для него прежде всего в подъеме духовного уровня русского народа и была делом всей жизни. Именно этим он руководствовался в своем служении, показывая пример истинной христианской жизни. По его словам, «проводимые беседы и уроки диктовались испытаниями жизни, бывшими в разных местах моего служения... я был исполнен переживаний о том, что унижается слава Церкви» [25]. Священномученик Фаддей был уверен, что христианство способно соединить в себе главные цели педагогики: гуманистический подход и всестороннее развитие личности.

Примечания

1. ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5240. Л. 06, 09.
2. Архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский). Воспоминания А. И. Кузнецова // Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. М., 2007. С. 354.
3. Богословский вестник. 1896. Август. С. 202.
4. Богословский вестник. 1898. Октябрь. С. 216.
5. Формулярный список о службе преподавателя Уфимской Духовной семинарии, магистра богословия иеромонаха Фаддея, составленный в ноябре 1901 года // РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849. Л. 04.
6. Там же.
7. Там же. Л. 05–06.
8. Там же. Л. 06–07.
9. Там же. Л. 08.
10. Богословский вестник. 1901. Сентябрь. С. 18.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849. Л. 18.
12. Там же. Л. 08.
13. *Священномученик Фаддей (Успенский; 1872–1937)*, архиепископ Тверской. Творения: в 2 кн. Кн. II. Записки по дидактике. Тверь, 2002. С. 270.
14. Там же. Кн. I. Проповеди.
15. Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 6. С. 210.
16. Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 7. С. 247.
17. Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 8. С. 291.
18. Там же. С. 293.
19. Олонецкие епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 342.
20. Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 14. С. 535.
21. Там же. С. 536.
22. Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 12. С. 483.
23. РГИА. Ф. 802. Оп. 10–1908. Д. 341. Л. 01.
24. РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849. Л. 26.
25. Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 16. С. 367.

А. А. Смирнова

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГУБЕРНАТОРОВ, ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРОВ
И ПРАВИТЕЛЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ***

В статье рассматриваются разграничения полномочий и особенности взаимодействия губернаторов, вице-губернаторов и правителей канцелярии в конце XIX – начале XX в. в управленческой системе Вятской губернии.

The article deals with the division of powers, and peculiarities of interaction between governors, vice-governors, and the chiefs of the offices in the late XIX – early XX centuries in the management system of the Vyatka province.

Ключевые слова: губернатор, Вятка, чиновник, управление.

Keywords: governor, Vyatka, official, management.

На современном этапе развития системы государственного управления в России функционирует институт губернаторства, поэтому исследование опыта организации взаимодействия высшего чиновничества в провинции в начале XX в. является актуальным.

Эффективное развитие губернии зависело от слаженной работы чиновнического аппарата губернаторского корпуса, который играл главную роль в управлении губернией. Исследование организации взаимодействия чиновников позволяет выявить особенности формальных и неформальных отношений между ними. Особый интерес представляют взаимоотношения между губернатором и вице-губернатором, а также правителем канцелярии губернатора.

В целом, проблема взаимоотношений чиновников провинциальных губерний интересовала многих исследователей. Причины конфликтов губернаторов с подчиненными подробно проанализированы в работе А. С. Минакова [1], кроме того, автором рассматриваются меры, применяемые центральным руководством для повышения эффективности совместной работы чиновников. Нестабильным взаимоотношениям между губернатором и вице-губернатором посвящена статья С. В. Любичанковского, в которой анализируется конфликт С. Д. Горчакова и А. Ф. Шидловского [2]. В рамках проблемы взаимоотношения вла-

сти и общества В. Е. Мусихин анализирует негативные отношения губернатора С. Д. Горчакова с бывшим правителем канцелярии П. Н. Шкляевым [3]. Рассматривая управленческую деятельность вице-губернатора В. А. Ратькова-Рожнова, Д. Н. Шилов, ссылаясь на мемуары вице-губернатора, отражает его взаимоотношения с губернаторами [4].

Губернатор был «ключевой фигурой в структуре губернской системы административного управления» [5], обладал большим количеством прав и обязанностей и играл решающую роль практически во всех губернских делах. Ближайшие помощники руководителя губернии, такие, как вице-губернатор, правитель канцелярии губернатора, также обладали большой властью в системе государственного управления губернией. Поэтому взаимоотношения между этими чиновниками оказывали влияние на качественное функционирование губернаторского корпуса.

«Общее учреждение губернное» подробно разъясняло полномочия губернатора и вице-губернатора, разграничивало их деятельность и отражало варианты замещения губернатора вице-губернатором. Губернатор тесно сотрудничал с вице-губернатором, который должен был «иметь ближайший и непосредственный надзор по всем частям губернского правления, наблюдая вообще за делопроизводством, благоустройством и порядком в целом в правлении и, в особенности, в канцелярии присутствия» [6]. Если губернатор по какой-то причине не управлял губернией, например, по причине отпуска, то вице-губернатор исполнял обязанности губернатора и подписывал все необходимые документы как «Исправляющий должность». Вице-губернатор был вторым человеком в управлении губернией на всех собраниях и заседаниях. Он должен был присутствовать «по мере возможности» во всех губернских комитетах, комиссиях и учреждениях, состоящих под председательством губернатора. В случае отсутствия губернатора в губернском центре, если он официально не передал полномочия, то вице-губернатор подписывал документы «За губернатора». Помимо этого вице-губернатор мог, при необходимости, осуществлять «частное обозрение городских и уездных управлений, донося каждый раз о командировке вице-губернатора Министру внутренних дел» [7].

Таким образом, можно отметить законодательно закрепленную связку высшего управления губернией, в которой вице-губернатору отводилась роль помощника, советника, а при случаях, закрепленных законодательством, – и исполнителя функций губернатора.

На протяжении 36 лет (1881–1917) в Вятской губернии сменилось 12 губернаторов и 11 вице-губернаторов.

* Статья напечатана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 12-11-43004

Губернаторы Вятской губернии (1881–1917) [8]

ФИО	Годы руководства
Тройницкий Николай Александрович	1876–1882
Волков Аполлон Николаевич	1882–1887
Анисьин Алексей Федорович	1887–1894
Трепов Федор Федорович	1894–1896
Клингенберг Николай Михайлович	1896–1901
Хомутов Павел Федорович	1901–1904
Левченко Александр Григорьевич	1904–1906
Горчаков Сергей Дмитриевич	1906–1909
Камышанский Петр Константинович	1909–1910
Страховский Иван Михайлович	1910–1914
Чернявский Андрей Гаврилович	1914–1915
Руднев Николай Андреевич	1916–1917

Вице-губернаторы Вятской губернии (1881–1917) [9]

ФИО	Годы руководства
Ратьков-Рожнов Всеволод Александрович	1879–1895
Новосельский Николай Николаевич	1895–1902
Миркович Владимир Михайлович	1902–1904
Миркович Петр Михайлович	1904–1905
Комаровский Виктор Владимирович	1905–1906
Шидловский Александр Федорович	1906–1907
Григорьев Дмитрий Дмитриевич	1907–1910
Дьяченко Сергей Сергеевич	1910–1913
Ден фон Виктор Эдуардович	1913–1914
Тизенгаузен бар. Дмитрий Орестович	1914–1915
Кандидов Павел Петрович	1915–1917

Довольно часто вице-губернаторы становились губернаторами. Так, в Вятку с должности вице-губернатора из 12 губернаторов пришли 6 чиновников, 4 перешли управлять губернией с поста губернатора, и 2 чиновника перешли управлять губернией с другой должности.

То есть из 12 чиновников только у 4 был опыт работы в должности губернатора: у А. Ф. Анисьина был опыт руководства Томской губернией, у Н. М. Клингенберга – Ковенской, у И. М. Страховского – Тургайской, у А. Г. Чернявского – Тифлисской губернией [10].

Половина из указанных губернаторов были назначены управлять губернией с должности вице-губернатора, что являлось должностным вертикальным «лифтом» карьеры государственного управленца. Поэтому «вице-губернаторский пост был для чиновника не менее желанным, чем губернаторский, поскольку с него порой открывалась дорога на вершину бюрократического Олимпа... чиновник, прослуживший на вице-губернаторском посту, приобретал ценный управленческий опыт, дававший ему возможность продолжения карьеры» [11].

Вице-губернатор при губернаторе был его помощником, советником и зачастую главным рабочим механизмом в системе управления гу-

бернией, так как губернатор часто командировался в различные местности как на территории губернии, так и на территории всей Российской империи. К примеру, «В. А. Ратьков-Рожнов, за время пребывания на посту вятского вице-губернатора 36 раз принимал губернаторские полномочия и в общей сложности руководил губернией 2 года и 8 месяцев» [12].

На практике взаимоотношения между губернаторами и вице-губернаторами были различны и колебались от полного единодушия до абсолютного непонимания.

«Вновь назначенный губернатор, как правило, получал вице-губернатора в “наследство” от своего предшественника. После приезда нового начальника следовал период “срабатывания”. Нередко уже с момента приезда у губернатора со своим “вицем” обнаруживалось полное единодушие» [13].

Так, продуктивное сотрудничество было между губернатором А. Ф. Анисьиным и вице-губернатором В. А. Ратьковым-Рожновым.

А. Ф. Анисьин был третьим главным администратором в губернии при В. А. Ратькове-Рожнове [14]. После четырех лет совместной работы А. Ф. Анисьин ходатайствовал об увеличении содержания вице-губернатора. В письме к П. Н. Дурново от 07 июля 1891 г. губернатор указывал на необходимость увеличения жалования: «Очевидно, что вице-губернаторский оклад в 3000 руб. в год – слишком мал для обеспечения приличной жизни, тогда как в губернии управляющие палатами и другими казенными частями могут избежать необходимых для вице-губернаторов расходов, что многими и делается, а между тем все они получают содержание выше вице-губернатора. Например: управляющий казенной палаты получает с добавочными 3500 в год, управляющий государственным имуществом – 3440 в год, управляющий контрольной палатой – 4000 в год и управляющий акцизными сборами – 4500, такое же содержание – 4500 получает и председатель окружного суда» [15].

Помимо обоснования необходимости увеличения жалования А. Ф. Анисьин указывал и на то, что увеличение жалования можно произвести и без ассигнования из государственного казначейства, за счет сокращения штата в губернском правлении: «С некоторого времени делопроизводство в губернских правлениях настолько упростилось и сократилось, что можно без малейшего труда для дела упразднить две штатные должности: одну делопроизводителем – с окладом в 750 руб., и одну помощника делопроизводителя – с содержанием в 400 руб. От этого образуется по каждой губернии сбережение в 1150 руб., которые могут быть назначены в дополнительное содержание вице-губернатору» [16].

Данный пример свидетельствует о хороших взаимоотношениях внутри административно-управленческого аппарата губернии. «Одновременно с этим взаимное понимание и поддержка губернатора и вице-губернатора создавали положительный микроклимат для работы всей администрации губернии» [17], однако нередко отношения между губернатором и вице-губернатором не складывались.

Новый губернатор при назначении на должность вливался в управленческую жизнь губернии со своими нормами и правилами, т. е. со своим «уставом», а высший управленческий аппарат губернии привык взаимодействовать на определенных, сложившихся условиях, годами сформированных установках. Отдельные структурные единицы управленческого аппарата губернии начинали перестраиваться, что приводило иногда к кардинальным кадровым перестановкам.

В рассматриваемый период дольше всех на своей должности находился В. А. Ратьков-Рожнов. За 16 лет его работы сменилось четыре губернатора: Н. А. Тройницкий, А. Н. Волков, А. Ф. Анисьин, Ф. Ф. Трепов, об их деятельности вице-губернатор не всегда отзывался положительно.

Так, про губернатора Н. А. Тройницкого в своих мемуарах В. А. Ратьков-Рожнов писал: «Мне пришлось в Вятке служить последовательно с двумя губернаторами, из которых один попал на эту должность на 32 году жизни, совершенно не подготовленным к этой серьезной и ответственной должности, поэтому, имея за собой мало опыта и много уверенности, он высоко мнил о своих достоинствах, в действительности же был потешен в своей представительной роли» [18].

Следующего губернатора А. Н. Волкова вице-губернатор критиковал за равнодушное отношение к своим должностным обязанностям и отсутствие желания плодотворной управленческой деятельности: «...а другой, напротив того, был назначен почти в престарелом возрасте и если и имел 60 с небольшим лет, то от прежней бурной жизни представлялся человеком совсем отжившим, для которого полный покой казался целесообразным всякой деятельности» [19].

В итоге вице-губернатор приходит к выводу, что оба управленца не внесли положительный вклад в развитие губернии: «Оба они были переведены в другие губернии, не принесли никакой пользы Вятской губернии, хотя оба перед выездом из губернии городским общественным управлением были избраны в почетные граждане г. Вятки» [20].

Доходило и до открытого конфликта, когда уже не могло получиться конструктивного диалога между губернатором и вице-губернатором.

К примеру, во время работы губернатора С. Д. Горчакова у него произошел конфликт с

вице-губернатором А. Ф. Шидловским. Губернатор уехал из Вятки на три дня на охоту и не передал на это время управление губернией вице-губернатору, чем было вызвано замешательство среди губернской администрации, особенно при получении извещения из Петербурга об объявлении Сарапульского уезда на положении чрезвычайной охраны [21]. Губернатор написал П. А. Столыпину, что уезжал не на три, а на два праздничных дня, и что имение, куда он уезжал, было соединено с городом телефоном. Губернатор в своем письме обвинил вице-губернатора в авторстве статьи, а вице-губернатор, в свою очередь посчитал это оскорблением. В итоге вице-губернатор был переведен в другую губернию.

В данной ситуации открытого конфликта губернатора и вице-губернатора МВД встало на сторону губернатора, что было обычной практикой и в других губерниях: «МВД, являясь верховным арбитром в спорах губернаторов и вице-губернаторов, преимущественно поддерживало честь и репутацию первых лиц губернии. Вице-губернатор редко мог рассчитывать на помощь, даже если конфликт выносился на суд общественности» [22].

Таким образом, взаимоотношения между губернаторами и вице-губернаторами были противоречивыми. На практике довольно часто вице-губернаторы оставались в вторых ролях, слабо участвуя в управленческой деятельности, что могло стать причиной открытого конфликта, который сопровождался ротацией кадров или отстранением вице-губернатора от определенных рычагов управления в губернии.

Довольно значимой фигурой, приближенной к губернатору, был правитель канцелярии, который отвечал за ведение делопроизводства. Кроме того, он обладал правом надзора за канцелярией, проверял порядок финансовой отчетности, следил за сохранностью имущества [23].

От грамотной работы правителя канцелярии зависело довольно многое. «Если удавалось найти грамотного и расторопного правителя, вся делопроизводственная машина работала четко, а губернатору лишь оставалось подписывать подаваемые бумаги и отдавать распоряжения о составлении новых. Если же правитель не справлялся со своими обязанностями или выполнял их плохо, губернатор рисковал быть буквально погребенным под огромной бумажной массой» [24].

Примером полного взаимопонимания могут служить отношения между правителем канцелярии и губернатором А. Н. Волковым, которые описывал вице-губернатор В. А. Ратьков-Рожнов: «...он всецело отдался привезенному им с собою правителю канцелярии, к которому питал полное доверие по прежней совместной службе в

Рязани. В Вятке четырехлетнее управление этого сановника так и слыло по фамилии правителя канцелярии, а не губернатора, и, благодаря мирному настроению нравов и ровной деятельности, все обошлось благополучно» [25].

Но не всегда отношения между губернатором и правителем канцелярии были доверительными. Именно такая ситуация возникла во время работы губернатора С. Д. Горчакова и правителя канцелярии П. Н. Шкляева.

С. Д. Горчаков был жестким управленцем, чем вызывал недовольство общественности, которое вылилось в оппозицию среди местной интеллигенции. «Общее руководство кампанией по смещению губернатора возглавил председатель губернской Земской управы Иван Александрович Сухов, а план действий оппозиции принадлежал бывшему правителю канцелярии вятского губернатора Павлу Николаевичу Шкляеву» [26]. Губернатор, чувствуя недовольство общественности, признал недействительными выборы в Вятскую городскую думу, когда оппозиция добилась избрания городским головой Павла Николаевича Шкляева. В ответ П. Н. Шкляев, пользуясь дружескими отношениями с бывшими губернаторами, выступал с прошением о досрочном кадровом решении в отношении губернатора [27].

Большую роль в развитии Вятской губернии играла согласованная деятельность регионального руководителя и его ближайших помощников. Микроклимат и межличностные отношения внутри замкнутой управленческой структуры оказывали влияние на всю систему управления губернией. Многие губернаторы срабатывались со своими ближайшими помощниками и совместными усилиями трудились на благо губернии, но были и примеры негативного взаимоотношения, что приводило к снижению эффективности управления региона.

Примечания

1. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губернии Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орел: «Орлик», 2011. 488 с.
2. Любичанковский С. В. «Смущение в центре губернской твердой власти обостряется». Документы Госархива Кировской области о конфликте вятского губернатора С. Д. Горчакова с вице-губернатором А. Ф. Шидловским. 1907 // Отечественные архивы. 2007. № 2. С. 102–114.
3. Мусихин В. Е. Вятский губернатор Сергей Дмитриевич Горчаков // Из истории Вятского края: К пя-

тилетию кафедры краеведения ВГПУ: сб. науч. ст. Киров: Изд-во ВГПУ, 1997. С. 37–52.

4. Шилов Д. Н. Вятский вице-губернатор В. А. Ратьков-Рожнов и его мемуары // Краеведение в развитии провинциальной культуры России: материалы второй науч. конф. Киров, 2009.

5. Старков Д. А. Губернаторы в системе местного управления и их вклад в решение продовольственного вопроса в Российской империи в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10. 2008. № 1. С. 65.

6. Учреждение губернских правлений. Ст. 480. Отд. I. Общее учреждение губернского // Свод законов Российской империи. Т. II / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. С. 58.

7. Там же. С. 59.

8. ГАКО. Ф. 583. Оп. 80. Д. 480ц. Л. 61; Ф. 582. Оп. 40. Д. 55. Л. 55; Ф. 582. Оп. 138. Д. 2000ц. Л. 14; Ф. 582. Оп. 142. Д. 312. Л. 75; Ф. 583. Оп. 603. Д. 855; Ф. 583. Оп. 603. Д. 8680ц. Л. 7; Ф. 582. Оп. 151. Д. 1440ц. Л. 4; Губернии Российской империи: История и руководители. 1708–1917 / ред.-сост. Ю. Н. Морук. М., 2003. С. 97–98, 412.

9. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 846. Л. 1; Ф. 583. Оп. 603. Д. 662. Л. 80б; Ф. 583. Оп. 603. Д. 801. Л. 3; Губернии Российской империи: История и руководители. 1708–1917. С. 97–98, 412.

10. ГАКО. Ф. 583. Оп. 80. Д. 480ц. Л. 61; Ф. 582. Оп. 138. Д. 2000ц. Л. 1; Ф. 582. Оп. 151. Д. 1440ц. Л. 1; нии Российской империи: История и руководители. 1708–1917. С. 426.

11. Минаков А. С. Указ. соч. С. 318.

12. Трушков С. А. Персональные характеристики вятских вице-губернаторов второй половины XIX – начала XX вв. // Научные труды Вятского социально-экономического института: ежегодник. Киров: Изд-во ВСЭИ, 2003. С. 197.

13. Минаков А. С. Указ. соч. С. 305.

14. ГАКО. Ф. 583. Оп. 80. Д. 480ц. С. 50; ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 580. С. 2.

15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 99. Д. 84. С. 1.

16. Там же. С. 1.

17. Минаков А. С. Указ. соч. С. 318.

18. Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 212.

19. Там же. С. 213.

20. Там же. С. 213.

21. Любичанковский С. В. Указ. соч. С. 105.

22. Минаков А. С. Указ. соч. С. 315.

23. О канцелярии и чиновниках, состоящих при губернаторах. Ст. 435. Отд. IV. Общее учреждение губернского // Свод законов Российской империи. Т. II / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. С. 49.

24. Минаков А. С. «Я – хозяин губернии». Повседневная жизнь губернаторов в XIX – начале XX века // Родина. 2009. № 1. С. 101.

25. Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 214.

26. Мусихин В. Е. Указ. соч. С. 42.

27. Там же.

Всеобщая история

УДК 94(497.1)"1951/1953"

А. Животич

СБЛИЖЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ С ЗАПАДОМ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АЛБАНИИ (1951–1953 гг.)*

В статье выявляется место албанского вопроса в отношениях Югославии с западными странами, анализируются усилия Белграда по сближению с Западом, характеризуется албанская политика ФНРЮ в 1951–1953 гг.

The article reveals the place of Albanian issue in relations between Yugoslavia and Western countries, analyzes Belgrade's efforts for rapprochement with the West, characterized Albanian policy of FPRY in 1951–1953.

Ключевые слова: Югославия, Албания, страны Запада, международные отношения, советско-югославский конфликт, Балканы.

Keywords: Yugoslavia, Albania, Western countries, international relations, the Soviet-Yugoslav split, the Balkans.

После конфликта с СССР и странами Коминформа Югославия оказалась в трудном положении. Так как ранее её экономика была ориентирована на торговлю со странами восточного блока, одностороннее расторжение торговых соглашений или отказ от продления срока их действия странами народной демократии нанесли весомый урон югославской экономике, которая с трудом восстанавливалась после войны. К тому же сельское хозяйство пострадало от засухи, что грозило стране голодом. В это же время вдоль югославских границ концентрировались вооруженные силы Советского Союза и его восточноевропейских сателлитов. Экономически ослабленная страна столкнулась с угрозой вооруженной агрессии.

При таких обстоятельствах югославское правительство стремилось найти решение, которое позволило бы стране предотвратить экономический коллапс и успешно защититься от любого вооружённого вторжения. После длительных дипломатических переговоров в 1950 и 1951 гг. Югославии удалось подписать ряд экономических и военных соглашений с Соединёнными Штатами, Великобританией и Францией, которые помогли ей преодолеть экономический кризис,

повысить уровень жизни населения страны, оснастить армию современным вооружением и позволили надеяться на помощь со стороны НАТО и США [1].

Конфликт Югославии с Коминформом и вынужденное расширение связей с западным миром оказали значительное влияние на отношения между западными государствами и Албанией. Убедившись в серьёзности конфликта между Югославией и странами народной демократии, а также в свёртывании югославского присутствия в Албании, Соединённые Штаты и Великобритания, которые с 1946 г. не имели регулярных дипломатических отношений с этой страной, начали пересматривать своё отношение к региону. Италия, имевшая традиционные интересы в Албании, окрепнув в экономическом и военном отношении и освободившись от статуса проигравшей во Второй мировой войне, вновь активизировала свою политику. Франция, единственная из западных стран имевшая дипломатические отношения с Албанией, стремилась в новой ситуации не только защитить свои интересы в этой стране, но и выступить в качестве своего рода западного форпоста. Греция после окончания Гражданской войны и поражения Демократической армии, теперь уже как часть западного блока, начала выступать в отношении Албании с совершенно новых позиций [2].

С началом югославско-албанского конфликта первой извлечь выгоду попыталась Италия. После нескольких лет неприсутствия в Албании итальянцы посчитали этот конфликт хорошей возможностью для восстановления своих прежних позиций. Экономическое сотрудничество Албании со странами Восточного блока вследствие территориальной удалённости, отсутствия прямых транспортных путей и слабых экономических интересов восточноевропейских стран не приносило ожидаемого результата. Сложная экономическая ситуация в Албании вынудила её руководителя Энвера Ходжу весной 1949 г. пойти на восстановление дипломатических отношений с Италией как основы для складывания более тесного экономического сотрудничества. Восстановив отношения с Албанией, итальянская сторона сохраняла осторожность, продолжая изучать глубину конфликта между Югославией и Албанией и влияние Советского Союза в этой стране.

Югославский посол в Риме Младен Ивекович [3], стремясь разобраться в сложившейся ситуации, вскоре выяснил, что главная цель повторно-го установления отношений – албанский эконо-

* Перевод с сербского А. А. Костина.

мический интерес, особенно использование итальянского нефтеочистительного завода в Бари, который и раньше перерабатывал албанскую нефть, имевшую специфический химический состав и которую не каждый нефтеперерабатывающий завод мог очистить [4]. Албанскую заинтересованность в использовании итальянского нефтеперерабатывающего завода в Бари в разговоре с югославским посланником в Тиране Якшом Петричем подтвердил французский посол в Албании Жак Шартье [5].

Складывалось впечатление, что итальянцы пытаются вернуть утраченные позиции в Албании, но подходят к этому с осторожностью и сдержанностью. Они не спешили открывать дипломатические миссии и не требовали репатриации своих граждан, которые во время Второй мировой войны оказались в Албании [6]. В то же время албанцы спешили подписать торговые соглашения с Италией [7]. Итальянцы, наоборот, затягивали заключение торговых соглашений, подписанных лишь в июне 1950 г. в строгом секрете [8]. Ни албанская, ни итальянская стороны не объявляли о достигнутых договоренностях, прежде чем они вступят в силу, видимо, опасаясь реакции своих союзников. Узнав об этом, посол Ивекович немедленно оповестил югославское министерство иностранных дел. Во время разногласий с Италией из-за Триеста югославское правительство опасалось возможного повторного итальянского проникновения на Балканы, которое препятствовало укреплению югославских позиций на Адриатике, ослабляло возможность восстановления влияния в Албании и затрудняло усилия по решению вопроса о Триесте в пользу Югославии.

На территории Италии жили представители многочисленной албанской антикоммунистической эмиграции. Осознав остроту конфликта между Югославией и Албанией, британская разведка собрала убедительные доказательства того, что Белград не будет вмешиваться в албанские дела в случае возникновения беспорядков. Это могло ухудшить внешнеполитические позиции Югославии и привести к столкновению с западными странами, с которыми югославы стремились развивать отношения для получения экономической и военной помощи. После этого англичане приступили к подготовке албанских эмигрантов в Италии, которые в удобное время должны были поднять восстание в Албании и свергнуть режим Ходжи [9]. Под руководством британского полковника Ф. Маклина, который часть войны провёл в Албании, в августе 1949 г. был сформирован «Комитет свободной Албании», в котором видное место заняли Абас Купи, Саит Круезию, Зеф Пали, Нуца Хоти и Хасан Дости [10]. Югославская дипломатия быстро узнала о создании

этого комитета и его задачах через свое посольство в Вашингтоне [11] и сообщила об этом посланнику в Тиране Петричу, чтобы содействовать делу укрепления югославских позиций в Албании [12]. Между тем, хотя комитет собрал самых радикальных представителей албанской антикоммунистической эмиграции, он так и не смог активно и эффективно противодействовать режиму Ходжи.

Конкретную информацию о подготовке албанской эмиграции к свержению Энвера Ходжи югославская дипломатия получила от своего посланника в Ливане Лазаря Лилича. На территории Сирии сразу после окончания Второй мировой войны оказались 125 албанских политических эмигрантов, среди которых многие по происхождению были из Македонии, Косово и Метохии. Среди албанцев, эмигрировавших из Югославии, особенно выделялся бывший народный депутат от Югославского радикального союза и председатель злокучанской общины Адем Души (Мармулаку) из села Душевице в Источком уезде [13]. С середины 1949 г. он установил контакт с югославским посланником в Бейруте Лазарем Лиличем [14], пытаясь через него получить разрешение на переправку группы албанских иммигрантов с Ближнего Востока через югославскую территорию в Албанию для свержения режима Ходжи. Более того, Души предложил за деньги свои услуги в качестве разведчика.

Лилич, в соответствии с инструкциями из Белграда о возможных международных последствиях в связи с конфликтом со странами Коминформа, не допустил таких политических комбинаций, но использовал контакт с Души для получения подробной информации о ситуации, принципах организации и численности албанских эмигрантов на Ближнем Востоке, которые в основной массе являлись бывшими членами 21-й Дивизии СС Скандербег [15]. Лилич узнал, что отряды албанских эмигрантов готовятся в лагере Фермо в Италии и что туда ещё должны прибыть добровольцы из Аргентины [16]. Летом 1950 г. он получил информацию, что идея переправки больших вооружённых отрядов в Албанию полностью отвергнута [17].

Также югославское правительство имело в своем распоряжении достоверную информацию о десантировании с американских военных баз в Греции небольших групп парашютистов, которые были взяты в плен албанскими вооруженными силами [18]. Кроме того, весной 1952 г. югославское посольство в Софии получило непроверенную информацию о готовящемся восстании в Албании, за которым стояли англичане [19].

Французское правительство после установления дипломатических отношений между Римом и Тираной попыталось выяснить степень серьез-

ности югославо-албанского конфликта. В разговоре с югославским послом Якшом Петричем французский посол в Тиране Жак Шартье пытался получить как можно больше информации о том, насколько сложны отношения между Югославией и Албанией, существуют ли проблемы в функционировании югославской миссии, находятся ли югославские дипломаты под наблюдением албанских органов безопасности и создают ли албанцы проблемы для снабжения югославской миссии [20]. Понимая намерения Шартье, Петрич дал общие ответы, не позволяющие собеседнику выяснить югославское видение характера отношений между Белградом и Тираной. Тем не менее Шартье, ссылаясь на то, что Петрич приехал в Албанию в то время, когда эта страна не имела посланника в Югославии, настойчиво пытался выяснить, имело ли место сближение между Тираной и Белградом и урегулирование их взаимного конфликта [21]. Очевидно, что французская дипломатия не имела достаточных данных для определения глубины конфликта между Югославией и Албанией и степени возможности нормализации их отношений, а также позиций других западных держав в регионе.

Невозможность положиться на югославскую военную помощь на случай греческих провокаций, равно как и советское удаление от участия в греческих делах, вынудили Албанию совершить дипломатический демарш попыткой интернационализации своей пограничной проблемы с Грецией. Совершенно неожиданно 12 мая 1950 г. заместитель министра иностранных дел Албании Кочи Ташко обратился к генеральному секретарю Организации Объединенных Наций Тригве Ли с жалобой на греческие вооруженные провокации и с просьбой защиты албанских территорий [22]. Албанская сторона утверждала, что только в период с 27 марта по 24 апреля того же года было зафиксировано девять нарушений албанского воздушного пространства со стороны Греции и два пограничных инцидента [23].

Одновременно с этим в выступлениях албанского партийного руководства и газетных публикациях началась широкая кампания против Греции и Югославии. Говорилось об американском плане создания оси Белград – Афины в качестве нового центра силы на Балканах, о прямом американском вмешательстве во внутренние дела Греции, с намеком на замену правительства Вензелоса кабинетом Пластираса. Утверждалось, что американцы, повлиявшие на смену власти в этой стране, постепенно подготовили почву для строительства железной дороги, которая соединит Грецию и Югославию, укрепляют связи между ними, увеличивают своё влияние в Югославии и инициируют вооруженные провокации в отношении Албании и Болгарии, чтобы якобы спрово-

воцировать новую войну на Балканах [24]. Это была специфическая форма реакции на югославское сближение с западным миром.

С другой стороны, у общественности пытались сформировать убеждение в наличии у Албании внешней угрозы, что должно было стать важным аргументом на переговорах с советскими представителями с целью получения дополнительной экономической и военной помощи. Кроме того, систематическое создание у местной общественности уверенности в постоянной внешней угрозе было одним из способов поддержания внутренней сплоченности и выживания режима Ходжи вплоть до его смерти в 1985 г.

В отличие от такой албанской позиции, помощник югославского министра иностранных дел Алеш Беблер [25] в разговоре с британским послом в Югославии Чарльзом Пиком 18 августа 1949 г., за несколько месяцев до появления албанского обращения в ООН, высказал югославскую позицию, принципиально отличавшуюся от албанских обвинений [26]. По этому поводу Пик сообщил Беблеру, что правительства Великобритании и США не одобрили бы вторжения греческих войск в Албанию, о чём они уже оповестили греческое правительство и получили от него удовлетворительный ответ, но при этом он также заявил, что греческие войска при выполнении задачи зачистки местности от партизан не в состоянии избежать случайного столкновения с албанскими войсками в пограничной зоне, поскольку албанские войска оказывают помощь партизанскому движению в Греции и часто пересекают границу, и поэтому в Греции много пленных албанских солдат [27]. На прямой вопрос о югославских намерениях в отношении этой страны Беблер ответил, что Югославия хочет, чтобы в Тиране было правительство, дружественное Белграду, но Югославия не помышляет о военном вмешательстве в эту страну [28]. Он сказал, что Югославия уважает суверенитет Албании не только потому, что она уважает Устав Организации Объединенных Наций, но и потому, что она считает, что это неразумно, как было бы неразумно и для Греции вторгнуться в Албанию, потому что это может усугубить ситуацию в регионе [29].

По вопросу югославского отношения к Албании англичане занимали двойственную позицию. С одной стороны, они пытались предотвратить любую возможную югославскую акцию в Албании, но с другой – стремились создать у югославских дипломатов впечатление, что Югославия может воспрепятствовать вооруженной опасности, исходящей от Албании. Британский посол в Бухаресте Ф. Робертс [30] в разговоре с его югославским коллегой Йовановичем 14 декабря 1949 г. отметил, что Советы построили в Албании большие морские и воздушные базы,

которые могут быть использованы против Югославии [31]. Югославский посол не выразил удивления, но ответил, что Белград не располагает такой информацией, зная при этом, что враждебность албанской политики в отношении Югославии является результатом советских установок и что военные сооружения, если они есть на самом деле, направлены также против Англии и западных союзников [32].

Великобритания, пытаясь предотвратить югославское вторжение в Албанию, стремилась убедить Белград в существовании военной угрозы с албанской территории, определяя Югославию как союзницу западного мира. Английский посол Чарльз Пик считал переломным для Югославии 1949 г., когда она стала постепенно сближаться с западным лагерем, испытывая сильное политическое, экономическое и военное давление с Востока [33]. Он полагал, что в кампании против Югославии, осуществлении пограничных инцидентов и выпадов против югославских дипломатов особенно отличились албанские власти. По его мнению, расторжение Югославией Договора о дружбе и сотрудничестве с Албанией свидетельствовало о серьёзности конфликта [34]. Кроме того, Пик был твёрдо уверен, что югославское правительство не намерено свергать режим Ходжи, что он падёт из-за серьёзных экономических и политических затруднений, и что Югославия настроена против любой формы внешнего воздействия для свержения албанского правительства [35]. Уверенность в этом сложилась у Пика в результате контактов с Иосипом Брозом Тито и другими югославскими государственными деятелями [36]. Британское убеждение, что Югославия не имеет агрессивных намерений по отношению к Албании, оказало большое влияние на развитие отношений между Белградом и западным миром, что в то время имело для Югославии жизненно важное значение, учитывая её крайне сложное экономическое положение и военную угрозу её границам.

В своем следующем ежегодном докладе Пик отметил, что в течение 1950 г. Югославия оказалась в остром конфликте со странами Информбюро, отношения с Албанией очень сложные (это подтверждалось тем, что обе страны временно закрыли свои дипломатические представительства в Тиране и Белграде, словно находились на грани столкновения), что Югославия терпела сильное притиснение с Востока, из чего проистекала необходимость пойти ей навстречу и помочь выдержать блокаду [37]. Пик свидетельствует и о крайне напряженной ситуации на югославо-албанской границе, отмечая, что албанцы лидируют в устройстве вооруженных провокаций против Югославии, а тон их антиюгославской кампании самый агрессивный из всех советских са-

теллитов [38]. Он снова подчеркнул, что Югославия не проявляет захватнических намерений по отношению к Албании, выдерживает сильное давление с Востока, и необходимо предоставить ей необходимую экономическую и военную помощь для преодоления глубокого кризиса, вызванного конфликтом с СССР и его сателлитами [39].

Американская сторона довольно осторожно, с позиций стороннего наблюдателя следила за международным положением Албании. В течение 1949 г. американская дипломатия сосредоточилась на сборе данных по Албании и её отношений с Югославией, а также на выявлении возможности свержения режима Ходжи [40]. В Париже начались неофициальные переговоры об установлении албанско-американских отношений, но они были быстро прерваны из-за крайне неуступчивой албанской позиции [41]. Американцы были уверены, что Югославия имеет особые интересы в Албании, отличающиеся от греческих и итальянских, и поэтому будет осуществлять на своей территории подготовку албанской эмиграции для борьбы с правительством Ходжи. При этом, по оценкам американской дипломатии, югославы не имели намерений использовать свои вооружённые силы для вторжения в Албанию [42]. В Вашингтоне считали, что Соединенные Штаты должны действовать в отношении Албании в координации с Францией и Великобританией, помогать оппозиционным силам в Албании, предотвратить военное вмешательство Югославии и Греции и использование албанской территории в качестве базы для совершения агрессивных действий против Югославии и Греции, настаивать на сохранении албанской независимости, а также добиваться нормализации отношений между Грецией и Албанией [43].

В течение следующего года главной целью американской дипломатии было свержение режима Ходжи без военного участия в этом деле соседей Албании ради сохранения её независимости, что, помимо других причин, было следствием американской уверенности в том, что нарушение достигнутого в годы войны межсоюзнического соглашения о сохранении албанского государства негативно повлияет на сохранение стабильности во всём балканском регионе, равно как и на отношения между двумя противостоящими военно-политическими блоками. Иосип Броз Тито был озабочен возможностью греческого вторжения в Албанию. В одной из своих бесед с американским послом в Белграде К. Кэнноном, еще раз подчеркнув необходимость сохранения албанского государства, Броз призвал США повлиять на правительство Греции не делать этого, поскольку это взорвёт все Балканы, а в самой Албании ослабит оппозицию, окрепшую из-за недовольства насе-

ления сложной экономической ситуацией [44]. Это не означало, что Броз обращался к США за посредничеством, тем самым он косвенно показывал американской стороне, что ни один важный вопрос на Балканах не может быть решён без консультации Югославии.

Хотя американцы давно были заинтересованы в свержении режима Ходжи, они, в конечном счете, не хотели греческого вмешательства, которое, безусловно, привело бы к серьезным последствиям. Именно поэтому через греческого посла в Вашингтоне Афинам были представлены все возможные последствия таких действий и дан совет и в дальнейшем воздерживаться от военного вторжения [45]. На тот момент американцы не считали возможным вторжение греческих сил в Албанию, потому что это угрожало созданию союза между Югославией и Грецией как опоры американской политики на Балканах для сопротивления Советскому Союзу. Такая акция потенциально могла подтолкнуть СССР к совершению агрессии против Югославии и вооружённому вмешательству для защиты правительства Ходжи, что давало Москве выход к Адриатике [46].

Гипотетически, даже если бы было достигнуто югославско-греческое соглашение о разделе сфер интересов в Албании, это вызвало бы сильную итальянскую реакцию. В таких условиях американцам выгоднее всего было сохранить нынешнюю ситуацию в Албании, что полностью соответствовало югославской политике по албанскому вопросу. По сути, Вашингтон оказался в парадоксальной ситуации: он способствовал сохранению коммунистического режима Ходжи, с которым находился в конфликте. Такая позиция США временно дала югославскому правительству возможность восстановить силы и сфокусироваться на итальянских и греческих действиях в отношении Албании, которые, в чём югославы становились всё более уверены, не имели достаточной американской поддержки. С другой стороны, югославская сторона по-прежнему опасалась изменения позиции США, чему имелись единичные и непроверенные признаки.

В начале 1950 г. среди американской общественности стала распространяться информация о возможности политического переворота в Албании и о том, что будто бы албанские оппозиционеры Гани бег Круезию и Баряктари переправились из Югославии на север Албании и готовят местных албанцев к восстанию [47]. Комментарий американской прессы и дипломатов был сведен к тому, что изоляция страны и сложная экономическая ситуация в ней убедили Советы в нереальности своих планов по советизации страны, и поэтому их военные эксперты постепенно уезжают из Албании и задержались только на острове Сазан, что Советы не имеют

никакой уверенности в Ходже и Шеху [48]. Тем не менее было отмечено, что Советы могли бы использовать Албанию и её территорию в будущем конфликте в качестве плацдарма и опорной позиции, так как это была самая западная точка советского присутствия в Европе, особенно в бассейне Средиземного моря, и, следовательно, Албании, хотя и небольшой и слабо развитой экономически, отводилась существенная роль в планах СССР и стран Информбюро. Американские газеты утверждали, что единственным препятствием на пути восстания против режима Ходжи было соперничество между Грецией, Италией и Югославией [49]. Центральное разведывательное управление в октябре 1952 г., по-видимому, на основе оперативных разведанных, собранных в течение последних двух лет, считало, что в Албании пересекаются и противостоят интересы Греции, Италии и Югославии, что режим Ходжи слаб и растёт внутреннее сопротивление режиму, а также то, что Югославия пытается использовать албанских иммигрантов с целью свержения албанского правительства. Очевидно, что американская разведка не имела точных сведений непосредственно из первых рук, что в Югославии не было никакой организованной группы албанских иммигрантов, способных свергнуть режим Ходжи, и не предпринималось никаких серьезных акций в самой Албании, направленных на свержение правительства и смену режима в этой стране [50].

О стратегическом значении Албании и её роли в возможном общем конфликте с Советским Союзом и его сателлитами, а также о югославской политике в отношении этой страны с представителями американского высшего военного командования беседовал начальник югославского Генштаба генерал-лейтенант Коча Попович в ходе 12 заседаний, состоявшихся в мае и июне 1951 г. в Вашингтоне. На первом заседании 17 мая Коса Попович представил данные об укреплении советских вооруженных сил и ее сателлитов – соседей Югославии, и что Югославия ожидает их совместной атаки. В связи с этим он упомянул и об укреплении албанских вооруженных сил, с чем американские генералы согласились [51].

На втором заседании, 18 мая, при обсуждении возможной модели югославской защиты от нападения советских сателлитов, американские представители предположили, что югославские силы в случае нападения Советов и их сателлитов на Югославию совершат сконцентрированный удар по Албании, уничтожат большинство албанских вооруженных сил, а оставшихся загонят в карман на юге Албании [52]. Предполагалось, что это послужит выполнению нескольких целей: югославские войска смогут укрепить свои передние позиции на границе с Болгарией, откроют ещё одну

линию снабжения западных союзников в Македонии, а Советы лишатся возможности использовать албанские порты для снабжения албанских войск [53]. Попович согласился с американской оценкой важности албанского побережья Адриатического моря и указал, что существуют две возможности использования Советами албанской территории: применение порта Влера в качестве военно-морской базы для подводных лодок и создание большой авиабазы на территории Албании. Он подчеркнул, что югославский Генеральный штаб не располагает информацией о строительстве таких баз, но рассказал, что югославский флот незадолго до его отъезда в Вашингтон заметил одну подводную лодку в районе о. Вис, запросил её по американскому сигнальному коду о принадлежности к западным силам. Было установлено, что она им не принадлежит, поэтому возникло подозрение, что в албанских территориальных водах находятся советские подводные лодки [54]. Американские генералы поинтересовались югославским мнением относительно целесообразности строительства Советами и их союзниками воздушных баз в Албании, на что Попович ответил, что Советы создают их по политическим причинам и из-за большой эффективности [55]. Американскую сторону интересовала и югославская оценка албанской способности заминировать Адриатическое море, что оказалось для югославской стороны полной неожиданностью, но Попович сказал, что Албания, по югославским сведениям, не имеет на вооружении морских мин, а также что югославский Генеральный штаб будет отслеживать албанские позиции в Средиземном море в связи с возможностью минирования Адриатического моря [56].

Во время третьего заседания, 19 мая, снова рассматривался албанский вопрос, особенно политический аспект проблемы относительно возможной реакции Греции и Италии. Американские представители подчеркнули югославской стороне, что между странами, имеющими союзнические отношения, недопустим конфликт из-за Албании [57]. Попович избежал прямого ответа, сказав, что этот вопрос не обсуждался перед его отъездом в Вашингтон. Он также отметил, что вопрос не обсуждался и с греческими представителями. Американских представителей интересовала оценка Поповичем надежности и стабильности режима Ходжи [58]. Он ответил, что и забрасывание групп диверсантов, и формирование партизанских сил из оппозиционеров не дадут результатов, потому что все эти силы в случае войны будут сражаться на одной стороне, защищая независимость Албании. Глава американской делегации генерал Эдельман поинтересовался, как бы Югославия отнеслась к нейтральной позиции Албании в случае войны, на что Попович отве-

тил, что это будет только тактический нейтралитет, чтобы обеспечить достаточное время для мобилизации, концентрации и стратегического развертывания албанских вооруженных сил или для оказания давления на Югославию в рамках агрессии других стран [59]. В любом случае, Попович выразил югославскую убежденность в необходимости сохранить независимость Албании и в подходящее время убедить албанское население проявить политическую волю и осуществить смену режима в стране, что обеспечит и изменение её внешнеполитической позиции [60].

В ходе продолжавшихся почти целый месяц югославско-американских военных переговоров в Вашингтоне рассматривались исключительно важные вопросы, связанные с американской военной помощью Югославии, и разрабатывались стратегические варианты защиты Югославии в случае объединённого нападения на неё Советского Союза и его восточноевропейских сателлитов. Всеми участниками констатировалась исключительная важность Албании как страны, которая географически изолирована от других советских союзников, слаба в военном отношении, но представляет огромный интерес для советских военно-морских и воздушных сил, которые создают угрозу для снабжения Югославии западными странами. Кроме того, Албания имела особое значение, так как своей слабостью высвобождала значительные югославские вооруженные силы, которые были крайне необходимы на границе с Болгарией. В связи с этим югославские представители заявили о необходимости сохранения независимости Албании, чтобы в будущем исключить потенциальный источник новых конфликтов на Балканах.

Албания была главной темой седьмого совещания 24 мая. Американские генералы выразили уверенность, что Советы укрепляют Албанию в военном отношении [61]. Генерал Попович согласился с этим, подчеркнув, что отношения между Советским Союзом и Албанией отличаются от отношений, которые Советы имеют с остальными сателлитами. В случае военного конфликта необходимо удержать Албанию в нейтральном положении или действовать в нужный момент – прежде чем этот нейтралитет затруднит югославское вторжение в Албанию или сменится выступлением Албании на стороне Советского Союза, что американцы считали более опасным, чем просто вступление Албании в войну [62]. Обе стороны признали опасность возможного использования Советами албанских портов в качестве базы для своего флота, который в возможном военном конфликте будет стремиться сорвать поставки в Югославию по морю, и согласились, что Советы будут защищать эти порты весьма активно [63].

Югославской дипломатии удалось по своим каналам разведки узнать, что на саммите стран НАТО, который состоялся в начале 1952 г. в Лиссабоне, обсуждалось геостратегическое положение Албании, а также были проанализированы югославская политика в отношении этой страны и возможность эмигрантских групп в ближайшем будущем свергнуть режим Ходжи. Затем переговоры между греческим и итальянским премьер-министрами Венизелосом и Де Гаспери были продолжены в Риме [64]. Удалось узнать, что итальянское правительство требовало от своих союзников по НАТО признать интересы Италии в Албании на том основании, что итальянские претензии не создают угрозу независимости этой страны, равно как и югославским и греческим интересам [65]. Тот же источник свидетельствовал, что политика США была основана на использовании слабости режима Ходжи, координации действий всех эмигрантских групп против Ходжи и совместного выступления западных держав по этому вопросу. В то же время американцы считали, что Югославия не сможет принять участие в этом начинании, равно как и не сможет создать проблем при реализации этой идеи западными союзниками.

Итальянцы считали и публично заявляли, что единственным препятствием для свержения режима Ходжи является Югославия, и что в случае возникновения беспорядков в Албании Югославия пойдёт на всё, чтобы получить максимальную выгоду [66]. Согласно их утверждениям, югославы на своей территории организовали мощные силы албанских эмигрантов, которые в случае возникновения в Албании беспорядков готовы к военному вмешательству наряду с подразделениями югославской армии. Поэтому итальянцы требовали от американцев предупредить югославов о возможных последствиях такой политики в Албании, которая нацелена на присоединение Албании к Югославии, постоянно повторяя, что их целью является не потеря албанского суверенитета, а превращение Албании, как самой слабо развитой экономической зоны в районе, в рынок для своих товаров и капиталов [67].

В то же время переговоры Де Гаспери и Венизелоса не дали серьезных результатов, потому что основной итальянский тезис заключался в том, что Греции, в частности, угрожает опасность, если Албания станет частью Югославии, с чем греки не согласились. Тем не менее стороны были едины во мнении, что режим Ходжи держится на бесосновательных утверждениях о греческой и югославской вооруженной угрозе албанской независимости. Греки выразили готовность отказаться от своих требований присоединения Северного Эпира, если итальянцы и югославы откажутся от любых попыток установить в Албании свою политическую монополию [68].

Таким образом, сближение Югославии с западным миром неожиданно актуализировало вопрос об Албании, территориально изолированной от остальной части Восточного блока, полностью экономически зависимой от внешней помощи и крайне неустойчивой политически. Началась своего рода политическая игра, целью которой было утверждение своего доминирования в Албании посредством свержения режима Ходжи в качестве предварительного условия отрыва страны от Советского Союза. Тем не менее при таких обстоятельствах западные державы не могли с уверенностью предугадать советское поведение в случае подобного развития событий.

Подготовив почву для раздела сфер интересов в Албании после свержения режима Ходжи, Греция и Италия, после долгих переговоров и торга, под давлением американцев всё-таки заключили неформальное соглашение, которое не имело непосредственной целью раздел сфер влияния в Албании, но было направлено против возможного восстановления югославского влияния в этой стране, о чём югославское министерство иностранных дел узнало от своего посольства в Афинах [69]. Греция стремилась скрыть это от Югославии. Греческий посол в Белграде в разговоре с Лео Матесом [70] 30 апреля 1952 г. настаивал на том, что общий интерес Греции и Югославии в Албании заключается в недопущении иностранного вмешательства, поскольку это пойдёт на пользу Советскому Союзу и поставит Югославию и Грецию в незавидное положение, но раз Албания не может быть экономически независимой, необходимо взять её под опеку Организации Объединенных Наций [71]. Матес вновь озвучил югославскую позицию о необходимости сохранения независимости Албании, но посол Греции остался при своём [72].

Однако, следуя американскому совету, греческие представители, находившиеся в контакте с их югославскими коллегами, изменили свою позицию и начали говорить о необходимости сохранения албанской независимости. Югославский посол в Афинах Йованович во время беседы с греческим послом Варвутисом 2 мая 1952 г. заявил о понимании греческих национальных чувств в отношении Северного Эпира, но подчеркнул, что в интересах обеих стран независимая и стабильная Албания, однако в случае общего конфликта со странами Коминформа Югославия и Греция должны принять решение о своём отношении к Албании и о том, как сделать так, чтобы в этом конфликте Албания не являлась противником, а была союзником [73].

Югославская дипломатия через посольство в Афинах регулярно получала информацию об итальянских интригах вокруг югославской политики в Греции. Итальянцы распространяли ложную

информацию о том, что вражда между Югославией и Советским Союзом – просто трюк, что Югославия в удобный момент захватит Эгейскую Македонию и Салоники, аннексирует Албанию и будет угрожать существованию Греции [74]. Итальянцы не имели в этом особого успеха, но посол в Афинах Йованович полагал, что Италия может достичь компромисса с Грецией в отношении Албании. Он считал, что опека Организации Объединенных Наций над Албанией устраивала и Грецию и Италию, и что она может быть поддержана США [75].

В связи с этим активизировалось сотрудничество между албанскими комитетами в Греции и Италии. Согласно югославской информации, в первые дни после смерти Сталина Греция стала концентрировать свои вооруженные силы на границе с Албанией. У югославской дипломатии сложилось впечатление, что греческое и итальянское правительства считали, что в Албании у них не было достаточно сильного влияния, и поэтому опасались укрепления проюгославских сил в этой стране после ожидаемого падения режима Ходжи [76]. Точно так же в Югославии считали, что если Греция опасается укрепления итальянского влияния в Албании, которое традиционно было сильнее греческого, то это должно породить у греков понимание того, что они не смогут присоединить Северный Эпир в случае падения режима Ходжи, и что их влияние в независимой Албании будет незначительным, поэтому они вовсе не стремятся к падению режима Ходжи [77]. Тем не менее югославское посольство в Афинах считало, что в случае падения правительства Ходжи греки попытаются с американской помощью присоединить Северный Эпир [78].

С другой стороны, в ходе контактов со своими югославскими коллегами британские дипломаты пытались определить направление югославской политики в Албании. В беседе с югославским представителем в Вене Вучиничем английские дипломаты Качча и Томпсон пытались разузнать югославское отношение к Ходжи и выяснить, каким образом югославские дипломаты информированы об итальянской политике в Албании. У Вучинича возникло впечатление, что албанский вопрос привлёк почти такое же внимание британских дипломатов, как и триестинский [79]. Неожиданно для всех присутствующих итальянский посол в Вене, не пытаясь скрыть свой интерес, напрямую начал расспрашивать о югославской позиции в отношении Албании.

Английская позиция и югославская политика по отношению к Албании были совершенно ясны и очевидны. Обе стороны считали, что эта страна имеет большое военное значение для Советского Союза и поэтому не следует вмешиваться в её внутренние дела, а в случае общего конф-

ликта Албанию будет легко нейтрализовать с помощью греческих и югославских войск. Англичане отметили, что в случае внутренних перемен в Албании необходимо согласование действий с правительствами Греции, Югославии и Италии, к заинтересованности которых в этой стране они относятся с пониманием, что особенно важно для сохранения союзнических отношений [80]. Об английской политике в Албании югославский посол в Великобритании Владимир Велебит [81] 26 мая в Лондоне говорил с влиятельным консервативным политиком Джулианом Эмери, хорошо знающим Балканы и являющимся одним из разработчиков балканской политики Англии [82]. Он пояснил, что Великобритания признаёт интересы Италии в Албании не потому, что хочет этого, а потому, что они обоснованы. Эмери считал, что необходимо заранее подготовить будущее албанское правительство из представителей албанской эмиграции в Италии и умеренных албанских эмигрантов в Югославии. Он отметил, что Великобритания желает, чтобы новое албанское правительство было в дружеских отношениях с Югославией, Грецией и, в меньшей степени, с Италией. Эмери подчеркнул, что это убеждение разделяют американские и французские власти [83].

Британское правительство признавало объективную заинтересованность Италии в Албании, но опасалось усиления итальянского влияния в этой стране и Средиземноморском регионе, а также возможного восстановления её бывших имперских устремлений. Кроме того, англичане не хотели усиления итальянского присутствия, потому что это могло дестабилизировать достигнутое равновесие на Балканах и нарушить межсоюзнические договорённости периода Второй мировой войны, которые гарантировали независимость албанского государства. С другой стороны, Лондон считал, что Албания как страна, слабая в военном отношении и лежащая наискосок между Югославией и Грецией, в случае некоего общего конфликта не сможет сыграть значительную военную роль на Балканах и в Средиземноморском бассейне. Проблема усиления итальянского влияния в Албании была поднята и Иосипом Брозом Тито в разговоре с Уинстоном Черчиллем, состоявшемся 17 марта 1953 г. в Лондоне. Броз подтвердил югославскую приверженность сохранению албанской независимости, что было поддержано Черчиллем. Оба государственных лидера сошлись во мнении, что Албания не имеет большого военного значения для Советов и их блока, кроме вопроса о военно-морской базе на острове Сассен [84].

Французское правительство также стремилось выяснить югославскую реакцию в случае внутренних беспорядков в Албании. В течение 1949 г.

французы располагали недостоверной информацией, согласно которой югославское правительство на своей территории организует албанских эмигрантов для совершения военной акции с целью свержения правительства Ходжи [85]. Французский сенатор Хамон пытался от советника югославского посольства в Париже Славолуба Петровича Деро получить информацию о том, возможен ли раздел Албании между Югославией и Италией. Петрович прямо ответил, что игра некоторых западных держав не только не приносит пользы, а, наоборот, содействует агрессивной политике Советского Союза на Балканах, и поэтому Югославия не желает участвовать в этом деле [86]. Бросается в глаза разведывательный характер французского интереса к албанской политике Югославии, обусловленный тем, что югославское отношение к возможным беспорядкам в Албании не было известно французской дипломатии. В Бонне немецкие политики и члены дипломатического корпуса открыто интересовались у югославских дипломатов ситуацией и событиями в Албании, находятся ли в Албании советские войска или только военные советники, строятся ли военно-морские базы, есть ли там в настоящее время советский флот и активна ли в Албании эмиграция, вернувшаяся из Италии [87].

В итоге, в связи с повышенным интересом западных дипломатов к югославской позиции по Албании заместитель министра иностранных дел Лео Матес 31 мая 1952 г. отправил инструкции для всех югославских дипломатических миссий. Всем югославским дипломатам предписывалось собирать информацию об этом вопросе и ничем не выдавать особого югославского интереса, во всех подходящих случаях озвучивать югославскую позицию о необходимости уважения и поддержания албанской независимости [88]. Югославская дипломатия имела в своем распоряжении информацию, что Италия предложила НАТО в случае войны взять на себя защиту албанской территории, к чему, согласно югославским источникам, никто в НАТО серьезно не отнёсся [89].

Летом 1953 г. во французских дипломатических кругах и общественности распространились слухи о возможной югославской военной акции в Албании [90]. Посол Югославии в Париже Серж Прица [91], пытаясь определить источник этих слухов, пришёл к выводу, что за ними стоит Италия, что итальянские дипломаты запустили эту «газетную утку» французским журналистам, обвиняя Югославию в разжигании беспорядков в Албании для создания повода к скорому военному вмешательству [92]. Это была одна из интриг итальянской дипломатии, направленная на компрометацию югославской политики в Албании и устранение Югославии в случае актуализации

албанского вопроса. Югославское правительство быстро отреагировало опровержением слухов о предполагаемой концентрации югославских войск на албанской границе [93]. Параллельно с этим югославским средствам массовой информации было предписано проявлять осторожность при публикации информации об Албании. Югославская дипломатия считала, что эти сенсационные новости о югославских захватнических намерениях, благодаря хронически трудной внутренней ситуации в Албании и смерти Сталина, распространялись итальянцами больше, чем вести о скором падении режима Ходжи, и что это вызвало недоверие западных держав к Югославии, о которой итальянцы стремились создать образ страны, стремящейся к укреплению своих внешнеполитических позиций в целях завоевания и дестабилизации региона [94].

Итальянская дипломатия использовала ряд различных дипломатических методов и процедур, направленных на устранение Югославии и создание максимально благоприятных условий для их собственных действий на территории Албании в случае нарушения внутреннего порядка и падения режима Ходжи. В самой Италии выражали обеспокоенность тем, что развитие ситуации в Албании будет на руку Югославии, что сделает бесполезными все итальянские комбинации по отношению к этой стране. Итальянцы считали, что их позиции в Албании слабы из-за сближения Греции и Югославии и проюгославской ориентации албанской оппозиции. Поэтому итальянское правительство было готово получить американские гарантии сохранения существующего состояния в Албании, чтобы не нарушить сложившееся в бассейне Средиземного моря равновесие сил [95]. В связи с этим итальянское правительство стремилось заручиться поддержкой греческого правительства. Генерал Марас во время своего визита в Афины пытался создать у греков убеждение, что Югославия не станет вторгаться в Албанию, потому что боится реакции Советов, равно как и реакции западных стран, и потому готовит на своей территории новое албанское правительство и ждёт удобного момента, чтобы вмешаться во внутренние события в этой стране [96]. Италия пыталась заручиться греческой поддержкой, но ей это не удалось, так как греческое правительство не хотело разрушать только что созданный альянс с Югославией.

В финской прессе также появились спекуляции о якобы существующих югославских устремлениях в отношении Албании. Будто бы Афины и Белград договорились, что Северный Эпир отойдёт Греции, а северная часть Албании присоединится к Югославии в качестве 7-й югославской республики, и Иосип Броз Тито во время его визита в Великобританию искал британского со-

гласия [97]. Доступные архивные источники не подтверждают таких намерений Югославии.

Весной 1953 г. в западной прессе появилась серия статей о якобы начавшемся в Албании вооруженном восстании против режима Ходжи, что у общественности вызвало противоречивую реакцию. Новости о предполагаемых действиях партизан в Албании были изучены с особой тщательностью дипломатическим корпусом. Было сочтено, что в этой ситуации Советы могли бы послать войска в Албанию, чтобы очистить её территорию от вооружённой оппозиции и тем самым получить возможность укрепить свои позиции в этой стране и, что особенно важно, на Адриатике. Предположили, что вместе с тем и сами Советы могли массировать слухи о вооруженном восстании в Албании, чтобы воспользоваться ситуацией для расширения там своего военного присутствия [98].

Югославский конфликт со странами Коминформа, особенно с Албанией, и, можно с уверенностью говорить, вынужденный поворот Югославии в сторону западных держав оказали сильное влияние на геостратегическое положение Албании. Западные державы, которые после 1946 г. почти полностью потеряли свои позиции в Албании, стремились восстановить своё влияние на этой территории. Более того, в Албании перекрещивались и сталкивались интересы Югославии, Греции и Италии, которые, каждая по-своему, стремились обезопасить там свои интересы. На пути к достижению всеми заинтересованными сторонами своих целей находился режим Ходжи, который, несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране, сохранил власть благодаря возможной внешней опасности для страны. Хотя Албания была географически отрезана от Советского Союза и его восточноевропейских союзников, для западных держав существовал ряд проблем, связанных с их опасением, что какие-либо действия против Албании могут вызвать жёсткую советскую реакцию. Тщательно изучив все международные обстоятельства, расстановку сил, влияние, политический и военный потенциал каждой из заинтересованных сторон, американская дипломатия пришла к выводу, что любое внешнее вмешательство в Албанию вызовет сильную реакцию со стороны других государств, и что на практике невозможно найти компромисс между интересами всех сторон. Американская поддержка любой из стран приведёт к потере одного, а возможно, и двух союзников в регионе, и в конечном итоге – к дестабилизации на Балканах и отчасти в Средиземноморье. Поэтому в интересах США в регионе и для сохранения глобального соотношения сил наиболее благоприятно сохранить текущую ситуацию в Албании и в конечном итоге оставить дело свер-

жения режима Ходжи внутренней оппозиции, недовольной сложной экономической ситуацией в стране.

Как и американская дипломатия, югославская сторона пришла к выводу, что любая попытка извне уничтожить существующую власть в Албании вызовет серьёзный конфликт в регионе, а этнически гомогенное албанское общество окажет сопротивление внешнему вмешательству, которое албанцы в любом случае, независимо от их идеологической приверженности, будут считать агрессией. Югославская настойчивость предоставить Албанию самой себе и дать албанцам право самим решать, каким будет режим в их стране, была нацелена на поддержание независимости албанского государства как гаранта предотвращения конфликтов Греции, Югославии и Италии по этому вопросу. Схожесть югославской позиции по этому вопросу с позициями американской и британской дипломатии во многом способствовала сближению Югославии с западными державами и заключению важных и необходимых военных и экономических соглашений между ними и Югославией в последующий период. Свое отношение к вопросу о положении Албании Белград отстаивал в контактах с западными державами и во время новой активизации вопроса о месте и роли Албании в международных отношениях, которая началась в 1953 г.

Примечания

1. О сближении Югославии с Западом подробнее см.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушёл: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama, 1949–1955. Zagreb, 1988; *Bogetić D.* Jugoslavija i Zapad, 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO–u. Beograd, 2000; *Быстрова Н. Е.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007; *Dimitrijević B.* Jugoslavija i NATO (1951–1957). Beograd, 2003; *Кремтон Р.* Балкан после Другого светского рата. Београд, 2003; *Vykoukal J., Litera B., Tejchman M.* Východ, vznik, vývoj a rozpad sovětského bloku 1944–1989. Praha, 2000; *Laković I.* Zapadna vojna pomoć Jugoslaviji 1951–1958. Podgorica, 2006; *Lis L. M.* Održavanje Tita na površini. Sjedinjene Države, Jugoslavija i Hladni rat. Beograd, 2003.

2. О политике западных держав на Балканах подробнее см.: *Calvocoressi P.* World Politics 1945–2000. L., 2001; *Dobson A. P., Marsh S.* US Foreign Policy Since 1945. L., 2000; *Duroselle J. P.* Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. Paris, 1990; *Frankel J.* British Foreign Policy, 1945–1973. Oxford, 1975; *Gaddis J. L.* The Cold War. L., 2005; *Гедис И.* Хладни рат. Ми сад знамо. Београд, 2003; *Клог Р.* Историја Грчке новог доба. Београд, 2000; *Kuniholm B. R.* The Origins of the Cold War in the Near East. Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. New Jersey, 1994; *May A.* Britain and Europe since 1945. L., 1999; *Stavrijanos L.* Balkan posle 1453.godine. Beograd, 2005; *Улуян А. А.* Балканы. Горячий мир холодной войны, 1945–1960. М., 2001; *Zürcher E. J.* Turkey. A Modern History. L.; N. Y., 2004.

3. Младен Ивекович (1903–1970). До Второй мировой войны доктор права. Во время Второй мировой войны был советником Исполнительного веча АВНОУ, после войны – министр промышленности и горного дела в правительстве Народной Республики Хорватия. С 1945 по 1947 г. был югославским представителем в Межсоюзническом консультативном комитете в Италии, а затем до 1951 г. – посланником в Риме. Начиная с 1951 г. был первым послом Югославии в ФРГ, откуда он вернулся после прекращения дипломатических отношений вследствие принятия доктрины Хальштейна из-за югославского признания ГДР. Затем долгое время служил заместителем государственного секретаря по иностранным делам. Является автором многочисленных статей по различным вопросам международных отношений, опубликованных в специализированных изданиях.
4. ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 41223. Телеграм Амбасаде у Риму МИП-у од 28. маја 1949.
5. ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 410257. Белешка о разговору Јакше Петрића са француским амбасадором у Тирани Жаком Шартијеом 14. маја 1949.
6. ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 42370. Белешка о разговору Јакше Петрића са француским амбасадором у Тирани Жаком Шартијеом 12. маја 1949.
7. ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 1. 41223. Телеграм Амбасаде у Риму МИП-у од 28. маја 1949.
8. ДАСМИП. ПА-1950, строго поверљиво. Ф. 1. 6120. Телеграм Амбасаде у Риму МИП-у од 8. јуна 1950.
9. ДАСМИП. ПА-1950. Ф. 1. 41269. Елаборат „Комитет слободне Албаније“ од 3. марта 1950.
10. Ibid.
11. ДАСМИП. ПА-1949, строго поверљиво. Ф. 1. 1306. Телеграм Амбасаде у Вашингтону МИП-у од 15. августа 1949.
12. ДАСМИП. ПА-1949, строго поверљиво. Ф. 1. 1547. Телеграм МИП-а Посланству у Тирани од 16. августа 1949.
13. О деятельности Национальной радикальной партии (впоследствии Югославского радикального союза) на территории, населённой этническими албанцами, подробнее см.: 1) *Glorigjević B. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929)*. Beograd, 1979; 2) *Tešić D. Jugoslovenska radikalna zajednica u Srbiji 1935–1939*. Beograd, 1997.
14. Лазар Лилич родился в 1910 г. в Крагуеваце. Окончил юридический факультет. В 1931 г. стал членом Коммунистической партии. С 1928 г. работал в журнале «Политика», сначала как корреспондент от Шумади, а затем в качестве постоянного сотрудника. Один из организаторов Четвертой партийной конференции КПЮ в Сербии в 1934 г. Несколько раз был арестован за свою политическую деятельность, а в 1936 г. из-за нелегальной партийной работы был приговорен к одному году тюремного заключения. Во время войны подпольно действовал в Белграде. После войны – на дипломатической службе.
15. ДАСМИП. ПА-1949, строго поверљиво. Ф. XII,10. Извештај МИП-у Посланства у Бејруту од 25. јула 1949. године.
16. ДАСМИП. ПА-1949, строго поверљиво. Ф. 1. 2169. Телеграм Посланству у Бејруту МИП-у од 7. новембра 1949.
17. ДАСМИП. ПА-1950, строго поверљиво. Ф. 1. 8521. Телеграм Посланству у Бејруту МИП-у од 7. јула 1950.
18. АЈ, 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ,1/ I-252а, Извештај Првог одељења УДБ-е за Србију о Албанији од 5. децембра 1951.
19. ДАСМИП. ПА-1952, строго поверљиво. Ф. 1. 4197. Телеграм Амбасаде у Софији МИП-у од 7. маја 1952.
20. ДАСМИП. ПА-1949. Ф. 2. 42370. Белешка о разговору Јакше Петрића са француским амбасадором у Тирани Жаком Шартијеом 12. маја 1949.
21. Ibid.
22. ДАСМИП. ПА-1950. Ф. 1. 41245. Телеграм Посланства у Тирани МИП-у од 12. маја 1950.
23. Ibid.
24. ДАСМИП. ПА-1950. Ф. 1. 411082. Телеграм Посланства у Тирани МИП-у од 8. маја 1950.
25. Алеш Беблер (1907–1981) защитил докторскую диссертацию по праву в Париже. С 1931 по 1939 г. находился в эмиграции во Франции и Советском Союзе. Участвовал в гражданской войне в Испании как замполит XV Международной бригады. Во Второй мировой войне с 1941 г. на различных партийных, политических и военных должностях, в конце войны – командир Главного штаба Национально-освободительной армии в Словении. После войны был заместителем министра иностранных дел, член делегации Югославии на мирной конференции в Париже в 1946 г., глава миссии при ООН и посол в Париже.
26. ДАСМИП. ПА-1949, строго поверљиво. Ф. 1. 1553, Телеграм МИП-а Посланству у Тирани од 18. августа 1949.
27. Ibid.
28. Ibid.
29. Ibid.
30. Фрэнк Робертс (1907–1998) был британским дипломатическим представителем при эмигрантском правительстве Чехословакии до 1943 г., затем полномочным посланником в Москве. После войны был специальным посланником в Индии, послом в Румынии (1950–1954), Югославии (1954–1957), английский представитель в Совете НАТО (1957–1960), посол в Советском Союзе (1960–1962) и Федеративной Республике Германия (1963–1968).
31. ДАСМИП. ПА-1949, строго поверљиво. Ф. 1. 2169. Телеграм МИП-а Посланству у Тирани од 24. децембра 1949.
32. Ibid.
33. TNA. 371-FO. Confidential (17884). RY 1011/1. Yugoslavia: Annual Review for 1949.
34. Ibid.
35. Ibid.
36. TNA. 371-FO. 78714. Yugoslavia, 10338. Outward saving telegram from Commonwealth Relations Office.
37. TNA. 371-FO. Confidential (18157), RY 1011/1. Yugoslavia: Annual Review for 1950.
38. TNA. 371-FO. Confidential (102154), RY 1011/1. Yugoslavia: Annual Review for 1951.
39. Ibid.
40. The Ambassador I France (Caffery) to the Secretary of State, Paris, April 29. 1949 // Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. V. Wash., 1976. P. 298–299.
41. Memorandum of Conversation by the Assistant Chief, Division of Southern European Affairs, New York, May 14, 1949. Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. V. P. 299–299.
42. Policy Paper Prepared by the Assistant Chief, Division of Southern European Affairs, New York,

September 12, 1949. Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. V. P. 312–315.

43. Ibid.

44. *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama. 1949–1955. S. 102.

45. Ibid. Str. 103.

46. Ibid. Str. 264.

47. РГАСПИ. Ф. 82 – В. М. Молотов. Оп. 2. Д. 1123. Л. 49–57. Извештај ТАСС-а о разговору америчког новинара Сулцбергера са бившим албанским краљем Зогуом за *New York Times* од 28. марта 1950.

48. АЈ, 507/IX-КМОВ ЦК СКЈ, I/ II – 153, Преглед писања а америчке штампе о Албанији.

49. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 45919. Телеграм Амбасаде у Вашингтону МИП-у од 28. априла 1953.

50. *Yugoslav Intentions Towards Albania. Allen J., Kauzlarich R.* (Eds.). From “national communism” to national collapse. US Intelligence Community Estimative Products on Yugoslavia, 1948–1990. National Intelligence Council. Wash., 2006. S. 164–169.

51. ВА, АЈНА, ГШ-1. К. 14. Ф. 7. Р.б. 1/1. Записник Прве конференције одржане 17. маја 1951. у Вашингтону.

52. ВА, АЈНА, ГШ-1. к.14. Ф. 7. Р.б. 1/1. Записник Друге конференције одржане 18. маја 1951. у Вашингтону.

53. Ibid.

54. Ibid.

55. Ibid.

56. Ibid.

57. ВА, АЈНА, ГШ-1. К. 14. Ф. 7. Р.б. 1/1. Записник Треће конференције одржане 19. маја 1951. у Вашингтону.

58. Ibid.

59. Ibid.

60. Ibid.

61. ВА, АЈНА, ГШ-1. к.14. Ф. 7. Р.б. 1/1. Записник Седме конференције одржане 24. маја 1951. у Вашингтону.

62. Ibid.

63. Ibid.

64. АЈБТ, КМЈ, I-3-b/54. Извод из информације о разговору Италијана и западних сила о решењу албанског питања.

65. Ibid.

66. *Dobson A. P., Marsb S.* US Foreign Policy Since 1945. L., 2000. S. 89–91.

67. АЈБТ, КМЈ, I-3-b/54. Извод из информације о разговору Италијана и западних сила о решењу албанског питања.

68. *Клог Р.* Историја Грчке новог доба. Београд, 2000. С. 94.

69. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43772. Шифровано писмо МИП-а Амбасади у Вашингтону од 31. марта 1953.

70. Лео Матес (1911–1991). До Второй мировой войны занимал высокий пост в Союзе коммунистической молодежи Югославии, а затем эмигрировал в Австрию и Чехословакию. В начале войны был членом Местного комитета Коммунистической партии Югославии в Загребе. После войны был главным редактором ТАНЮГ, советником посольства в Лондоне, заместителем министра иностранных дел, участвовал в заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, работал главным секретарём президента Республики и директором Института международной политики и экономики.

71. ДАСМИП. ПА-1952, строго поверљиво. Ф. I. 852. Телеграм МИП-а амбасадама у Вашингтону, Паризу, Лондону, Риму и Атини од 30. априла 1952.

72. Ibid.

73. ДАСМИП. ПА-1952, строго поверљиво. Ф. I. 4621. Телеграм Амбасаде у Атини МИП-у од 3. маја 1952.

74. ДАСМИП. ПА-1952, строго поверљиво. Ф. I. 4621. Телеграм Амбасаде у Атини МИП-у од 4. маја 1952.

75. Ibid.

76. ДАСМИП. ПА-1952, строго поверљиво. Ф. I. 4621. Телеграм Амбасаде у Атини МИП-у од 3. маја 1952.

77. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43772. Телеграм Амбасаде у Атини МИП-у од 20. марта 1953.

78. Ibid.

79. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43951. Телеграм Амбасаде у Бечу МИП-у од 25. марта 1953.

80. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 46475. Телеграм Амбасаде у Лондону МИП-у од 15. маја 1953.

81. Владимир Велебит (1907–2001). Родился в известной офицерской семье. До Второй мировой войны получил степень доктора юриспруденции и работал судебным служащим. Во время войны был начальником партизанской военной миссии в Каире в 1943 г., затем главой миссии в Лондоне в звании генерал-майора НОАЮ. Сыграл важную роль в привлечении западных союзников к поддержке партизанского движения. После войны был заместителем министра иностранных дел, послом в Риме и Лондоне, заместителем секретаря ДСИП и председателем Комитета по туризму и гостиничному сервису СИБ. Дипломатическую карьеру завершил в должности секретаря Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций в Женеве.

82. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 46935. Телеграм Амбасаде у Лондону МИП-у од 26. маја 1953.

83. Ibid.

84. АЈ, КПр, I-2/1. Стенографске забелешке са званичних разговора приликом посете друга Председника Лондону, 16–21. марта 1953.

85. *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama, 1949–1955. Str. 51.

86. ДАСМИП. ПА-1951, строго поверљиво. Ф. I. 1244. Телеграм Амбасаде у Паризу МИП-у од 8. јуна 1951.

87. ДАСМИП. ПА-1952, строго поверљиво. Ф. I. 640. Телеграм Амбасаде у Бону МИП-у од 30. маја 1952.

88. ДАСМИП. ПА-1952, строго поверљиво. Ф. I. 848. Телеграм Леа Матеса свим дипломатским представништвима ФНРЈ од 31. маја 1952.

89. ДАСМИП. ПА-1952, строго поверљиво. Ф. I. 358. Телеграм Амбасаде у Анкари МИП-у од 30. јуна 1952.

90. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43034. Телеграм Амбасаде у Паризу МИП-у од 6. марта 1953.

91. Серж Прица (1905–1984) до Второй мировой войны окончил юридический факультет, с 1935 г. как член нелегальной Коммунистической партии Югославии находился в эмиграции в Австрии, Чехословакии, Франции и Соединенных Штатах, где был редактором газеты «Свободная речь». После войны вернулся в Белград и работал редактором профсоюзной газеты «Работа». В 1947 г. поступил на работу в Министерство иностранных дел. Был послом в Великобритании.

нии, Франции и Италии. Способствовал возвращению из изгнания писателя Милоша Црнянского.

92. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43034. Телеграм Амбаскаде у Паризу МИП-у од 6. марта 1953.

93. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 430406. Телеграм МИП-а амбасадама ФНРЈ у Вашингтону, Паризу, Бону и Риму од 17. марта 1953.

94. Ibid.

95. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43406. Телеграм Амбаскаде у Риму МИП-у од 15. марта 1953.

96. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 49506. Телеграм Амбаскаде у Паризу МИП-у од 10. марта 1953.

97. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 46248. Телеграм Амбаскаде у Хелсинкију МИП-у од 9. маја 1953.

98. ДАСМИП. ПА-1953. Ф. 1. 43659. Телеграм Амбаскаде у Варшави МИП-у од 18. марта 1953.

УДК 94 (73+438) «1949/1952»

А. В. Зырянова

РЕАКЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛЬШЕ (1949–1952 гг.)

В статье анализируется реакция администрации Г. Трумэна и Конгресса США на утверждение в Польше просоветского политического курса, рассматривается отношение польского руководства к попыткам США повлиять на ситуацию в стране при помощи Католического костела.

In article reaction of administration of H. Truman and the Congress of the USA to the statement in Poland a prosoviet political rate is analyzed, the attitude of the Polish management to attempts of the USA to affect a situation in the country is considered by means of the Catholic church.

Ключевые слова: советизация Польши, демаркация польско-германской границы, деятельность Католического костела в Польше.

Keywords: sovietization of Poland, demarcation of the Polish-German border, activity of Catholic church in Poland.

В 1949–1952 гг. в Польше складывается новый экономический и политический порядок, ориентированный на советскую модель развития. Одновременно это период роста международной напряженности и формирования двух военно-политических блоков, что еще более активизирует процессы модернизации экономики и трансформации общественно-политической системы во всех странах Восточной Европы, в том числе и в Польше. Могла ли Польша в сложившихся условиях самостоятельно формировать свой политический курс? Существовал ли американский фактор политики Польши в 1949–1952 гг.?

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии этот период называют временем

советизации Польши, причем этот вопрос является основным для многих научных исследований. Периоду 1949–1952 гг. даются разные оценки: отдельные зарубежные ученые отмечают, что в Польше «начинает складываться сталинский режим» [3], «политически, дипломатически и экономически это период полного подчинения Советскому Союзу» [4]. В современной отечественной историографии даются более резкие оценки развитию Польши в 1949–1952 гг. – период «интенсивной сталинизации региона» [5], причем акцент делается на особенности формирования тоталитарного режима как более крайней формы по сравнению с режимом в Германии. Канадский историк Р. Хичкок оценивает развитие послевоенной Польши как «мост в пропасть», дна которой Польша достигла именно в 1949 г. Патриотические антикоммунистические силы были разгромлены, баланс между коммунистами и некоммунистами установился в пользу коммунистических сил. Советская политика в отношении Польши в этот период оценивается Хичкоком как «наихудший пример грубой и неблагоприятной Реалполитик» [6]. В связи с этим позиция администрации и Конгресса Соединенных Штатов в отношении политического курса Польши представляет интерес.

Польскому вопросу посвящены специальные разделы в общих сборниках по истории Польши в послевоенный период, написанные как американскими учеными, так и польскими историками – эмигрантами в США [7]. Недостаток этих материалов заключается в том, что акцент делается на отдельных вопросах без анализа комплекса факторов развития государства. Например, польский эмигрант, преподаватель Оксфордского университета В. Брус, раскрывая особенности социально-политической структуры социалистической Польши, обращает внимание на то, что «после Второй мировой войны Польша среди других стран Восточной Европы была страной, более других противостоявшей коммунизму» [8]. Это, безусловно, было связано с деятельностью Католического костела, чье влияние в Польше сохранялось вплоть до ареста кардинала С. Вышинского в 1953 г.

Профессор Варшавского университета А. Колаковский, характеризуя систему доминирования советской идеологии и ущемления свободы польской интеллигенции, все-таки обращает внимание на то, что «в первую очередь, Советский Союз платил, по крайней мере, упорным следованием ялтинским и потсдамским договоренностям» [9]. Вывод ученого говорит, что у Польши не было даже минимальной возможности сформировать собственный внешнеполитический курс и занять собственное место в системе международных отношений.

В польской историографии вопросы становления принципиально нового внешнеполитического курса государства в 1949–1952 гг. изучены недостаточно полно [10]. Польская историография темы представлена публикациями периода Польской Народной Республики. Следует отметить работы В. Т. Ковальского и А. Клафковского по проблеме демаркации польско-германской границы [11]. В 1984 г. издается монография А. Зыбликевича [12], в которой автор сравнивает позиции США и Англии по польскому вопросу в 1941–1949 гг.

Реакция в Соединенных Штатах на изменения в политическом курсе Польши в 1949–1952 гг. была вызвана важными событиями внутреннего и международного характера: выборами в Польше 1947 г., Берлинским кризисом 1948 г. и созданием в 1949 г. двух германских государств.

Нерешенным политическим вопросом с 1945 г. оставалась демаркация польско-германской границы. В 1949 г. этот вопрос вновь встал на повестку дня. Этот год называют «критическим» [13] именно в связи с обострением германского вопроса.

В 1949 г. интерес к вопросу о демаркации польско-германской границы у Соединенных Штатов был по-прежнему высок. Об этом говорится в официальном заявлении Государственного департамента США по Польше от 25 июня 1949 г., где отмечается, что «среди множества раздражителей, характеризующих наши текущие отношения с Польшей, ни один из них не рассматривается так серьезно Польским правительством, как наша политика по вопросу о польско-германской границе». «Наша позиция... заключается в том, что мы должны помочь восстановить германские восточные границы в пользу Польши, но только теми территориями, которые ранее принадлежали польскому государству» [14].

Но иллюзий в Госдепартаменте США по поводу возможности повлиять на решение вопроса о границах не было. О том, что последнее слово в разрешении этого вопроса остается за Советским Союзом, говорят слова госсекретаря Ачесона, произнесенные 23 июня 1949 г. после завершения встречи министров иностранных дел в Париже. На вопрос конгрессмена Т. С. Гордона, почему вопрос о польско-германской границе не обсуждался, Ачесон ответил: «Мы просили русских заявить о своей позиции... Но русские отказываются отвечать» [15]. В заявлении Госдепартамента США 27 ноября 1950 г. отмечалось, что «Советский Союз сам определил польскую позицию» по этому вопросу, «гарантируя, что не передвинет границу в пользу Германии при изменении в будущем советских целей» [16].

Граница между Польшей и Германией была утверждена в соответствии с условиями Потсдам-

ского соглашения и была закреплена в следующих документах. 6 июня 1950 г. в Варшаве была подписана Декларация правительств Германской Демократической республики и Польской Народной Республики [17]. Она не носила учредительного характера, но имела важное значение, так как обе стороны признали «польско-германскую границу по рекам Одер – Нейссе в соответствии с условиями Потсдамского соглашения как границу между двумя государствами» [18].

6 июля 1950 г. был подписан Згожевецкий договор, в преамбуле которого были сделаны ссылки на условия Потсдамского соглашения, и пять из восьми статей соглашения называли границу по рекам Одер – Нейссе как «государственную границу между Польшей и Германией» [19]. Соединенные Штаты признали линию Одер – Нейссе как «постоянную границу между государствами» [20].

И последним документом, закрывшим вопрос о демаркации польско-германской границы, был «Акт о завершении делимитации границы между Польшей и Германией» 1951 г. Этот небольшой документ означал завершение работы совместной польско-германской комиссии, которая должна была обозначить границу на местности.

Польша и ГДР как стороны соглашения Соединенными Штатами не воспринимались в качестве самостоятельных субъектов международных отношений. Правительство ГДР оценивалось как «подконтрольное Советскому Союзу правительство Восточной Германии» [21]. Польша, по их мнению, «постепенно становится реальным компонентом советской империи», особенно зависимость стала явной с назначением министром национальной обороны ПНР советского маршала К. К. Рокоссовского [22].

В оформлении общественного мнения Соединенных Штатов по вопросу о границе Польши с Германией немаловажную роль сыграла позиция польских эмигрантов: даже в официальном заявлении Госдепартамента было включено замечание о сомнении «части поляков» (скорее всего, находящихся в эмиграции или в оппозиции советскому режиму) в «искренности существующих советских гарантий границам», что объясняется «страхом перед тем, что, Кремль, в конечном счете, передвинет границу в пользу Германии, когда это будет необходимо далеко идущим советским планам в Германии» [23].

Расширение польской территории на запад стало дискуссионным вопросом, который неоднократно поднимался в американском Конгрессе [24]. По мнению конгрессмена Б. К. Риса, чье мнение совпадало с позицией представителя эмигрантского правительства Ж. Гиртича, проживающего на тот момент в Лондоне, «граница по Одер – Нейссе была определена и поддержана

только благодаря «коммунистическим интригам» [25]. Хотя претензии Гиртича высказывались также и западным державам, «объединение которых сыграло свою роль в решении вопроса о границе по Одер – Нейссе» [26].

В Польской Народной Республике отношение к решению этого вопроса было противоположным: автор аналитической статьи Т. Цишлак делает вывод, что «вследствие того что проблему наших западных границ и наших прав на западные территории, между тем, мы связываем с убеждением, что эти границы незыблемы, а Польша возвратилась к прежней традиции» [27]. В Польше воспринимали эти территории как польские, принадлежащие государству исторически.

Берлинский кризис 1948 г. спровоцировал непосредственное обострение отношений Соединенных Штатов с Советским Союзом и с Польшей, что выражалось в том, что в 1949 г. польское правительство переходит к мерам по пресечению так называемой «англо-американской подрывной пропаганды». 27 февраля 1949 г. в резолюции ЦК ПОРП было отмечено, что целью органов государственной безопасности является «сконцентрировать внимание на работе с англо-американской разведкой, которая является главным центром, вдохновляющим враждебную шпионскую, террористическую, диверсионную, хозяйственно-саботажническую и оппозиционную деятельность в стране» [28].

Начало открытой борьбе было положено статьей в американском Информационном бюллетене, издаваемом в Варшаве американским посольством, в которой пресс-атташе Честер Опол назвал Польшу «сателлитом Советского Союза» [29]. Реакция официальных польских властей последовала незамедлительно. 19 марта 1949 г. польское правительство потребовало немедленного отзыва пресс-атташе американского посольства, что было сообщено в устной форме послу Соединенных Штатов в Польше В. Галману [30]. 21 марта 1949 г. было сделано заявление, что деятельность американского посольства «связана с клеветнической антисоветской и антипольской пропагандой», которая проводилась [31] и до этого случая [32].

Заявление американского пресс-атташе было названо «верхом бестактности» [33]. 23 марта 1949 г. представитель министерства иностранных дел В. Грош сделал заявление, в котором обвинил американцев в нарушении правил гостеприимства, а также дипломатического этикета, обратив внимание журналистов на то, что именно американская сторона подняла «клеветническую кампанию» в печати и радио [34].

Американский посол, комментируя шаг, предпринятый Польшей, сделал провокационное за-

явление, что «единственная цель нашей информационной деятельности состоит в сообщении миру правды и фактов» [35]. Иностранцы дипломаты также сразу отреагировали, высказав опасения, что этот шаг польского руководства связан «с кампанией, проводимой против Запада в польской печати и на радио, кампанией, которая, как они опасаются, может, в конечном счете, привести к введению ограничений, напоминающих те, которые введены в отношении дипломатов в Москве» [36]. Опасения были небезосновательны. Решение польского правительства об ограничении передвижения по стране было принято только в отношении американских дипломатов 19 февраля 1950 г. [37], а представители других стран ставились под бдительный контроль органов госбезопасности.

Помощник госсекретаря Дж. Аллен 23 марта 1949 г. сделал заявление, где отметил, что «правительство Соединенных Штатов согласилось удовлетворить просьбу польского правительства об отзыве из Варшавы пресс-атташе Ч. Опола и назначении его на другую должность». Аллен обратил внимание на то, что Информационный бюллетень наряду с «упоминанием о Польше, как о «советском сателлите» опубликовал также заявление представителя польского правительства, в котором «он в неумеренных выражениях осуждал четвертый пункт в речи Трумэна, произнесенной по поводу его вступления в должность президента». Помощник госсекретаря, в итоге, заметил, что такого «справедливого и непредубежденного отношения к сообщениям нельзя найти в контролируемой печати Польши» [38].

Следом за этим прецедентом возникло несколько ситуаций, которые показали решительный настрой польского правительства бороться как с внешней, так и с внутренней оппозицией. С 30 апреля 1949 г. прекратили свою деятельность 15 американских организаций помощи Польше, так как польское правительство отказало им в поддержке [39].

13 января 1950 г. член Политбюро ЦК ПОРП Я. Берман в беседе с послом СССР в Польше В. Лебедевым заявил, что его руководство «намерено нанести удар по антиправительственной деятельности католической церкви в Польше». Кроме того, заявил Берман, «мы намерены ударить по материальной базе, позволяющей католикам работать среди масс», самой крупной среди них была благотворительная католическая организация «Каритас» [40].

23 января 1950 г. польское правительство арестовало «деятели из монашеских орденов» и «взяло в свои руки управление организацией «Каритас». Со слов Я. Бермана, польское правительство ясно представляло себе, что это «вызовет враждебную реакцию в США и других стра-

нах». Польское руководство проигнорировало вероятную опасность еще большего обострения международных отношений, так как ему важно было «упорядочить отношения с польским костелом и заставить его принять условия соглашения» [41].

Соглашение было подписано 14 апреля 1950 г. Поверенный в делах Польши в Италии Тикочинский назвал это соглашение «крупным шагом в деле урегулирования отношений между государством и католической церковью в Польше» [42]. В соглашении был пункт, который обязывал польскую католическую церковь защищать новые западные границы Польши, хотя, как известно, Ватикан в этом вопросе поддерживал Германию. Это соглашение могло означать признание Польским Католическим костелом режима народной демократии. Но, скорее всего, оно значило желание дистанцироваться от светского конфликта, хотя официальное заявление Ватикана о «стремлении остаться нейтральным в конфликте между Западом и Востоком» было сделано лишь в июле 1951 г. [43]

Оценка администрации Г. Трумэна этим событиям была дана в официальном заявлении Государственного департамента по Польше 27 ноября 1950 г. Католическая церковь была названа «сильнейшей из существующих сил, выступающей против советизации» Польши. Соглашение 14 апреля 1950 г., по мнению американцев, стало «компромиссом, дающим надежду на значительную помощь программе национального преобразования». Американцы отмечают, что результатом соглашения стало временное снижение давления против церкви. Но затем обращается внимание на то, что, «если советское доминирование в Польше продлится, то оно станет реальной опасностью» разрыва связей с Западом, которые поддерживались традиционно через церковь [44]. Заключение по этому пункту заявления недвусмысленно говорило о продолжении борьбы против нового режима: «несмотря на то что контакты посольства с польским духовенством будут сведены к минимуму, наша политика поддержки усилий церкви в какой бы то ни было форме будет поддерживать оппозицию коммунизму» [45].

Поэтому следующий шаг польского руководства в борьбе с «антигосударственным и антинародным центром» был сделан 20 января 1951 г., когда по обвинению в шпионаже в пользу США и Ватикана был арестован входивший в состав высшего руководства Католического костела епископ Келецкой епархии Ч. Качмарек. В 1953 г. епископа, трех ксендзов приговорили к разным срокам лишения свободы [46]. Последняя точка в антикатолической кампании была поставлена с арестом кардинала С. Вышинского в сентябре 1953 г.

Бесспорно, соглашение 1950 г. укрепило существующий режим, но не решило вопроса о влиянии католической церкви на общество. В мае 1952 г. директор департамента по делам вероисповеданий при Совете министров Польши А. Вида отмечал, что «католический костел в Польше представляет большую силу», а с момента принятия новой Конституции 1952 г. он «стал занимать более твердую и упорствующую линию в отношениях с правительством» [47]. Польская конституция 1952 г., в основном, базировалась на Советской Конституции 1936 г. и провозглашала отделение церкви от школы и государства. В реальности Польский Католический костел составлял ту важную общественную силу, с которой новому режиму пришлось считаться.

Жесткая позиция польского правительства была вполне обоснованна. Информационная борьба против складывающегося нового режима в Польше начинается на американском радио и в американской печати уже в 1949 г. 13 июня 1949 г. «Голос Америки» отметил, что в варшавской печати «Соединенные Штаты выступают в роли дьявола, а Советский Союз – в роли ангела», «белое и черное – только эти два цвета можно увидеть на страницах польских газет. Белое – это Советский Союз и все, что с ним связано, а черное – то, что касается свободных стран Запада» [48]. В заключение «Голос Америки» заявил, что польская печать «не служит целям информации, а занимается только пропагандой» [49].

В газете «Нью-Йорк джеральд трибьюн» 23 июля 1950 г. были приведены слова американского посла В. Галмана о том, что «массы польского народа ориентируются на Запад и что в Польше существуют огромные запасы доброй воли по отношению к США и к Западу вообще». В связи с этим Галман предположил, что «в случае открытой войны в Европе «Россия будет испытывать затруднения в поддержке линии коммуникаций через Польшу» [50]. Такой прозападный настрой польского общества, по мнению американского посла, был связан с тем, что «русские еще не применяли в Польше более жесткие методы давления, которые они применили в других странах-сателлитах, особенно в Чехословакии» [51]. Слова американского посла не отражали реальную ситуацию в Польше, но они говорили о том, что в Польше формируется достаточно мощный блок антисоветских сил [52], который Соединенные Штаты открыто поддерживали. К примеру, 5 декабря 1950 г. было заявлено, что визы в Соединенные Штаты могут получить солдаты Армии Крайовой, которые в Польше считались «преступниками и врагами так называемой народной демократии» [53].

Образ послевоенной Польши в США формируется под влиянием политических деятелей из

Лондонского эмигрантского правительства. Так, 28 марта 1949 г. в Палате представителей было озвучено обращение члена довоенного Польского парламента, члена польского правительства в эмиграции и на тот момент члена Национально-демократической партии Польши Тадеуша Билески. В выступлении было замечено, что Билески «имеет представление о международных отношениях», и «его заявление очень своевременно». Билески обращает внимание на то, что Соединенные Штаты – это единственная страна, которая «владеет материальными ресурсами для борьбы против коммунизма с целью уничтожения зла и создания повсюду социального и справедливого порядка». Польский политик поднимает очень болезненный для Польши вопрос о самостоятельном политическом курсе: «Каждая нация имеет право организовать собственный порядок в соответствии с национальными правилами, а не по зарубежному образцу», – таким образом, намекая на то, что американцы должны им помочь освободиться от «советского образца».

Билески призывает противостоять советской мощи, «иначе весь мир может оказаться под советской пятой», так как «коммунизм питает отвращение к компромиссам, не терпим к другой точке зрения, является разрушающей силой», а Соединенные Штаты обладают такой силой, которая может противостоять коммунизму. Далее Т. Билески говорит, что поляки, как и американцы, «были свидетелями разжигания войны Советской Россией и ее сателлитами» [54]. Последнее утверждение Билески, скорее всего, было взято из заявления Госдепартамента США, сделанного 15 января 1949 г., в котором была использована фраза «Советский Союз и его сателлиты» [55]. Свои опасения Билески обосновывает тем, что ему не ясны цели СССР в международных отношениях. Но затем делает предположение, что целью все-таки является мировая революция. Билески не без пристрастия оценивал современную ему расстановку сил в мире. В реальности же, если Сталину нужна была мировая революция, то она могла бы дойти до Атлантики, учитывая «полевение» общественного мнения в странах капитализма и рост влияния коммунистических партий в европейских странах, о чем как госдепартамент США, так и Тадеуш Билески даже не упоминали.

Все умозаключения польского политического деятеля говорят о попытках довоенной политической элиты Польши добиться преференций для себя в послевоенной мировой политике. При этом все выводы следуют в русле внешнеполитической риторики Соединенных Штатов в ее теоретической части, так как практически на открытый конфликт с СССР из-за Польши или другого государства из социалистического лагеря Со-

единенные Штаты не пошли бы, так как это противоречит ялтинским соглашениям.

Описывая ситуацию в Польше, Билески показывает давление, которое оказывает Москва на демократические партии, негативные последствия коллективизации, антикатолического курса, что, по его мнению, вынуждает поляков обратиться за помощью к западным союзникам, учитывая обещание президента Трумэна помочь всем, кто борется против тирании.

В заключение польский политический деятель делает вывод, что необходимо ослабить Советский Союз при помощи силы США или «предоставить помощь для создания независимой Польши как плацдарма между двумя традиционными агрессорами» [56].

Летом 1949 г. в Конгрессе США вновь ставится вопрос о помощи Польше, причем, выступая в Сенате, конгрессмен Уилей материальную помощь Польше называет «сложной задачей спасения Польши в 1949 году». Он обращает внимание Конгресса на необходимость финансовой и материальной помощи полякам, исходя из принципов равенства и гуманизма. Помощь в период с 1945 по 1949 г. в размере 10 млн долл., по его мнению, была недостаточна для восстановления Польши. Кроме того, сенатор учитывает обострение международной обстановки и поэтому обращает внимание на то, что поддержка должна быть оказана по линии гуманитарных организаций без какой-либо политической подоплеки [57].

Это выступление показывает нам, что уже в 1949 г. американское общество постепенно теряет интерес к политической стороне польского вопроса. Но следует сказать, что это обращение к Конгрессу было запоздалым, так как уже 15 января 1949 г. между СССР и Польшей был подписан «Протокол о взаимных поставках товаров на 1949 год», в соответствии с которым стороны договорились о расширении свободной торговли на 35% по сравнению с ежегодными поставками, предусмотренными соглашением, подписанным 26 января 1948 г. «Советский союз будет поставлять в Польшу в 1949 г. хлопок, железные, марганцовые, хромовые руды, автомобили, тракторы» [58]. В свою очередь, «Польша должна будет поставлять уголь, цветные и черные металлы, сахар и текстиль» [59]. Эти соглашения стали основой советско-польского экономического сотрудничества в 1949–1953 гг.

В итоге в 1950–1952 гг. польское лобби в американском Конгрессе уже не стремилось обсуждать вопросы пересмотра расстановки сил в Европе и возвращения Польши в ряды полноправных субъектов международных отношений, поэтому поднимало только частные вопросы, которые могли обеспечить ему хоть какие-нибудь политические дивиденды. Таким вопросом, напри-

мер, стал расстрел польских военнопленных в Катынском лесу.

Подведем итог. В 1949–1952 гг. судьба Польши в наименьшей степени зависела от собственной воли поляков: решение государственных и общественных вопросов строилось по советскому образцу.

С 1949 г. в польском направлении политика США уже не могла быть отделена от американского курса в отношении СССР. Несмотря на то что Соединенные Штаты не оставляли попыток сохранить хотя бы косвенное влияние на развитие Польши через общественные группы и католическую церковь, уже в 1950 г. американцы признали, что это влияние быстро сходит на нет. Постановка в Конгрессе США вопросов о политическом развитии Польши, финансовой и материальной помощи этой стране не соответствовала реальной ситуации в странах Восточной Европы, оказавшихся к тому времени под контролем Кремля.

Примечания

1. Историография революционных преобразований в Польше (1944–1949 гг.). М., 1987. С. 108.

2. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2008.

3. *Hiscocks R.* Poland. Bridge for the Abyss? An Interpretation of Developments in Post-War Poland. L.; N. Y., 1963. P. 145. *Benes V. a. N. J. G.* Pounds Poland. N. Y.; Wash., 1970. P. 282; *Acsberson N.* The Struggles for Poland. L., 1987. P. 151.

4. *Hiscocks R.* Op. cit. P. 145.

5. Волокитина Т. В. Указ. соч. С. 7.

6. *Hiscocks R.* Op. cit. P. 88.

7. *Acsberson N.* Op. cit.; *Benes V. a. N. J. G.* Pounds. Op. cit.; *Blumberg A.*, ed. Poland genesis of a revolution. N. Y., 1983; *Cipkowski P.* Revolution in Eastern Europe. Understanding the Collapse of Communism in Poland, Hungary, East Germany, Czechoslovakia, Romania, a. the Soviet Union. N. Y., 1991; *Halecki O.* A History of Poland. L., 1978; *Hiscocks R.* Op. cit.; *Polonsky A.* The beginning of communist rule in Poland. L., 1980.

8. *Blumberg A.*, ed. Op. cit. P. 29.

9. Ibid. P. 57.

10. Историография революционных преобразований в Польше (1944–1949 гг.). М., 1987. С. 106.

11. *Kowalski W. T.* Poland and Western Powers. 1945–1947 // Polish Western Affairs. 1967. V. 8. № 1; *Klaffkowski A.* The Polish-German frontier in the system of international agreements // Polish-Western Review. 1960. V. 1. № 2.

12. *Zybliekiewicz L.* Polityka Stanow Zjednoczonych I Wielkiej Brytanii wobec Polski, 1944-1949. W-wa, 1984.

13. *Klaffkowski A.* The Polish-German frontier in the system of international agreements // Polish-Western Review. 1960. V. 1. № 2. P. 234.

14. United States Department of State. Foreign relations of the United States, (Далее: FRUS), 1949. Wash., 1949. P. 505.

15. Ibid.

16. FRUS, 1950. Wash., 1950. P. 1043.

17. *Klaffkowski A.* Op. cit. P. 218.

18. Ibid.

19. Ibid.

20. FRUS, 1950. Wash., 1950. P. 1043.

21. Ibid.

22. Ibid. P. 1040.

23. FRUS, 1949. Wash., 1949. P. 506.

24. *Cieslak T.* Review of the discussion on Polish recovered territories in the US House of Representatives (Reece-Machrowicz) // Polish Western Affairs. 1960. V. 1. № 1. P. 131–135.

25. Ibid. P. 133.

26. Ibid. P. 134.

27. Ibid.

28. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2 т. Т. 2. 1949–1953 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2002. С. 45.

29. Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВП РФ). Ф. 566. Оп. 16. Д. 277. Л. 8.

30. Там же. Л. 9.

31. Там же. Л. 12.

32. Там же. Л. 14.

33. Там же. Л. 12.

34. Там же. Л. 14.

35. Там же. Л. 9.

36. Там же. Л. 10.

37. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 17. Д. 436. Л. 5.

38. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 16. Д. 277. Л. 17. FRUS. 1949. P. 501.

39. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 16. Д. 277. Л. 20.

40. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. С. 241.

41. Там же. С. 246–247.

42. Там же. С. 314.

43. Там же. С. 289.

44. FRUS, 1950. Wash., 1950. P. 1041.

45. Ibid.

46. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. С. 768.

47. Там же. С. 628.

48. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 16. Д. 277. Л. 49.

49. Там же. Л. 50.

50. АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 33. Д. 28. Л. 23.

51. Там же. Л. 24.

52. АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 33. Д. 80. Л. 29, 34, 37.

53. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 17. Д. 436. Л. 66.

54. U.S. Congress. Congressional Record. 1949. V. 95: Proceedings and Debates of the 81th Congress. Wash., 1949. P. A1846.

55. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 11. Д. 295. Л. 23.

56. Congressional Record. 1949. V. 95. P. A1846.

57. Ibid. P. A5278.

58. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 11. Д. 264. Л. 1.

59. Там же. Л. 2.

УДК 342

*Н. И. Шаклеин***К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ
НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
В РОССИИ***

С учетом посланий Президента России Федеральному Собранию необходимо принятие мер по совершенствованию деятельности палат Федерального Собрания. В Конституции Российской Федерации отсутствует институт конституирования органа народного представительства – процедуры юридического оформления государственного органа. Предлагается устранить этот пробел и, тем самым, обеспечить должную легитимность парламента.

According to the President's message to the Federal Assembly it is necessary to take measures to improve the activities of the chambers of the Federal Assembly. In the Constitution of the Russian Federation there is no institute of constitution of the body of popular representation in Russia – the procedure of legal registration of the state body. It is suggested eliminating this gap and, thereby, providing proper legitimacy of the Parliament.

Ключевые слова: народное представительство, Федеральное Собрание, парламент, конституирование, выборы, легитимность.

Keywords: popular representation, federal assembly, parliament, constitution, election, legitimacy.

В повышении уровня организации общественной системы, степени ее эффективности, в решении имеющихся проблем развития государства и общества необходимо существенное возрастание роли представительных и законодательных органов. Сегодня в условиях глобализации в ряде стран наблюдается тенденция ослабления парламентаризма и усиления авторитарных методов управления происходящими процессами, что создает угрозу демократии и стабильности как в отдельных государствах, так и в мировом сообществе.

* Финансирование статьи осуществляется в рамках реализации Программы развития деятельности студенческих объединений федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина» на 2012–2013 годы

С учетом посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию представляется необходимым принятие действенных мер по совершенствованию деятельности палат Федерального Собрания. Определенные шаги в этом направлении предпринимаются. Важное значение здесь имеет установление парламентского партнерства между палатами Федерального Собрания и законодательными органами субъектов Федерации, а также их согласованное взаимодействие с Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, с федеральными и региональными органами исполнительной власти, с судами, прокуратурой, с контрольно-счетными и другими государственными и общественными органами в центре и на местах.

Палаты Федерального Собрания как основные институты парламентского партнерства в процессе деятельности должны выработать наиболее эффективные модели согласованного функционирования и взаимодействия с учетом конституционных требований о непрерывном действии прав и свобод человека и гражданина, определяющих смысл, содержание и применение законов, а также деятельность органов государственной власти. Совершенствование законодательства должно связываться с необходимостью объединения усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, научных организаций и институтов гражданского общества. Такое «объединение усилий» должно стать стратегическим приоритетом в парламентской деятельности.

В связи с этим одной из актуальных проблем развития и совершенствования парламентаризма в России продолжает оставаться проблема народовластия. Конституционная формула – «народ осуществляет свою власть непосредственно» (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ) – имеет огромное значение и отражает суть конституционного строя, ибо только народ выступает носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации. Конституция РФ не случайно называет два института высшего непосредственного выражения власти народа: референдум и свободные выборы. Именно путем институтов прямой демократии представительная власть получает юридические полномочия от народа на ее осуществление.

Модернизация парламентской деятельности требует анализа и ответа на вопрос, касающийся пробела в конституционно-правовой регламентации статуса парламента. Речь идет об отсутствии в действующей Конституции РФ института, который носит наименование «конституирование» органа народного представительства.

В словаре иностранных слов это понятие трактуется следующим образом: «Конституироваться (от лат. *constitute* – устанавливать) – организовываться, приобретать характер определенной организации, составляться, придавать себе законность» [1].

Как конституционно-правовой институт «конституирование представительного органа» получает свое выражение в обязанности своеобразной процедуры на первой сессии после выборов – осуществлять проверку полномочий избранных депутатов и принимать решения о признании полномочий депутатов или о не признании выборов отдельных депутатов. Обязательность такой процедуры предусмотрена непосредственно в конституциях многих демократических государств, хотя порядок ее осуществления носит различный характер. В одних государствах эта функция закреплена исключительно за представительным органом (палатой) (Бельгия, Латвия, Испания, Люксембург, Исландия и др.), в других она возложена на Конституционный Суд (Азербайджан и др.).

Есть и такие процедуры, которые предусматривают участие в них палаты, но ее решение может быть оспорено в Конституционном Суде (Германия). В Греции контроль и судебное разбирательство парламентских выборов, авторитетность которых подвергается сомнению с приведением фактов нарушения закона о выборах либо несоответствия их юридическим требованиям, поручается Высшему Специальному Суду, порядок создания которого установлен Конституцией.

Имеются и другие варианты, причем содержание этой процедуры трактуется по-разному: подтверждение мандатов; проверка и утверждение правильности результатов выборов; законность выборов; правильность выборов.

Необходимость конституирования представительного органа определяется комплексом причин. Прежде всего, особым порядком их формирования, путем всеобщих выборов, при которых каждый депутат избирается волеизъявлением различных совокупностей избирателей. Все избиратели не голосуют за весь состав избираемого собрания. Таким образом, в результате избирательной компании определяются те депутаты, которые должны образовать единый орган. Его единство и достигается путем необходимости выборному органу конституироваться, т. е. приобре-

сти характер определенной организации, придать себе законности.

Каким путем это можно сделать?

Исторически с появлением народного представительства таким способом явилось признание полномочий депутатов путем проверки правильности, законности их выборов. Одним словом, Центральная избирательная комиссия определяет в своем постановлении только то, кто был избран депутатом Государственной Думы, и констатирует это путем выдачи таким лицам временного удостоверения об избрании депутатом. Вот из этих избранных депутатами лиц и должен быть юридически оформлен государственный орган, готовый к осуществлению своих конституционных полномочий. Но такого органа пока нет. Новый орган должен конституироваться, т. е. юридически оформиться как орган, приступивший к осуществлению своих конституционных полномочий. Это и обеспечивается процедурой конституирования представительного органа как единого органа государственной власти. Признание полномочий депутатов и означает, что орган сформировался, приобрел легитимность. Временное удостоверение об избрании заменяется удостоверением депутата и соответствующим значком депутата.

Ранее в законодательстве о выборах в Верховный Совет предусматривалось, что сами палаты решают вопрос о признании полномочий персонально каждого депутата, а отказ от признания полномочий может последовать лишь по причине признания выборов отдельных депутатов недействительными.

Исторический опыт использования как в России, так и в зарубежных странах института «конституирования» посредством проверки законности выборов, признания полномочий депутатов был воспринят в первой Конституции РСФСР 1918 г. В ней предусматривалось, что весь материал по проведению выборов поступает в соответствующий Совет. Совет для проверки выборов назначает мандатную комиссию. О результатах проверки мандатная комиссия докладывает Совету. Совет решает вопрос об утверждении спорных кандидатов. В случае не утверждения того или иного кандидата Совет назначает новые выборы. В Конституции РСФСР 1937 г. в ст. 34 было установлено: «Верховный Совет РСФСР избирает мандатную комиссию, которая проверяет полномочия депутатов Верховного Совета РСФСР» [2]. По представлению мандатной комиссии Верховный Совет РСФСР решает либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов. Такой порядок был полностью воспроизведен во всех Конституциях автономных республик РСФСР.

Конституция СССР 1977 г. с изменениями и дополнениями от 1 декабря 1988 г. сохранила

прежнюю конституционную норму о том, что «по представлению избираемой им мандатной комиссии Съезд народных депутатов СССР принимает решения о признании полномочий депутатов, а в случае нарушения законодательства и выборов – о признании выборов отдельных депутатов недействительными» [3]. Аналогичная норма была и в Конституции РСФСР (с изменениями 1990 г.).

До принятия представительным органом постановления о признании полномочий депутатов последние не имеют права голосовать или участвовать в голосовании. Нарушение такого порядка было оговорено на третьем заседании второго Съезда народных депутатов 13 декабря 1989 г.

Положение, связанное с процедурой «конституирования» Федерального Собрания, резко изменилось с реализацией положений Конституции РФ 1993 г. В Конституции РФ полностью отсутствуют какие-либо нормы о конституировании, проверке правильности, законности выборов и о признании полномочий парламентариев. В Регламенте Государственной Думы вместо процедуры конституирования Думы как органа имелась следующая норма: «На первом заседании Государственной Думы председательствующий сообщает палате фамилии избранных депутатов Государственной Думы согласно списку депутатов, официально переданному от Центральной избирательной комиссии» (ст. 31) (в редакции 1996 г.). Данная процедура не может считаться конституированием, так как не было предусмотрено принятие постановления о признании полномочий депутатов. Более того, изменив Регламент 9 октября 2007 г., Государственная Дума полностью исключила даже оглашение списка депутатов. Таким образом, институт конституирования Государственной Думы окончательно ликвидирован не только в федеральной Конституции, но и в ее Регламенте.

Что же касается Совета Федерации, то с очередным изменением его порядка формирования с 1 января 2011 г. процедура подтверждения вновь пришедших в палату членов Совета Федерации также исключена из регламента палаты. Теперь полномочия члена Совета Федерации начинаются со дня вступления в силу решения о его избрании (назначении) соответствующим органом государ-

ственной власти субъекта Российской Федерации. Избранный (назначенный) член Совета Федерации приступает к осуществлению своих полномочий на десятый день со дня вступления в силу решения о его избрании (назначении) соответствующим органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Полномочия члена Совета Федерации прекращаются по основаниям и со дня вступления в силу решения об избрании (о назначении) соответствующим органом государственной власти субъекта Российской Федерации нового члена Совета Федерации – представителя от того же органа государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом.

Сложившееся положение, когда в ходе реформ были утрачены процедуры «конституирования» палат Федерального Собрания и в результате Государственная Дума и Совет Федерации по действующему законодательству не получают юридически грамотного оформления как единого органа, представляется неправильным и не способствующим развитию парламентаризма в России. Думается, что этот пробел необходимо устранить если не в Конституции РФ, то в законе о статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, а также в регламентах палат, тем самым обеспечить должную легитимность парламента и соблюсти юридическую грамотность его оформления.

Тем более что институт конституирования остается в Конституциях и регламентах некоторых законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации. Так, ст. 2 Регламента Государственного Совета Чувашской Республики гласит: «Началом срока полномочий депутатов Госсовета считается день официального признания полномочий депутатов на 1-й сессии вновь избранного Государственного Совета». Статья 7 Закона «О Государственном Собрании Республики Саха (Якутия)» устанавливает: полномочия депутата Госсовета подтверждаются на заседании палаты.

Примечания

1. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Алехина и Ф. Н. Петрова. М., 1949. С. 325.
2. Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 408.
3. Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 619.

УДК 342

Е. М. Заболотских

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЯ*

В законодательстве многих стран предусматривается досрочное прекращение полномочий выборного представительного органа муниципальной власти в форме роспуска (Польша, Грузия, Беларусь и др.). В статье анализируется законодательство о роспуске органов народного представительства и практика его применения на муниципальном уровне в Российской Федерации.

Legislation in many countries provides for the early termination of the powers of the elected representative body of the municipal authorities in the form of dissolution (Poland, Georgia, Belarus, etc.). The article analyses the legislation on the dissolution of the bodies of the popular representation and the practice of its implementation at the municipal level in the Russian Federation.

Ключевые слова: народное представительство, ответственность, представительный орган, роспуск, местное самоуправление.

Keywords: popular representation, responsibility, representative body, dissolution, local government.

Представительные органы местного самоуправления действуют в единой правовой системе государства. Но это особые органы власти, тесно связанные с населением, которое их образует и которому они служат, решая вопросы местного значения. Вместе с тем самостоятельность и независимость органов местного самоуправления не означает невозможность применения к ним мер государственного принуждения за незаконные действия и решения.

В законодательстве многих стран предусматривается досрочное прекращение полномочий выборного представительного органа муниципальной власти в форме роспуска.

В Польше в случае неоднократного нарушения советом общины (гмины) Конституции и законов Сейм по предложению Председателя Совета министров может распустить совет общины (гмины) [1].

Согласно ст. 73 Конституции Грузии Президент Грузии вправе с согласия Парламента приостановить деятельность или распустить пред-

ставительные органы самоуправления или территориальных единиц, если их действия создают угрозу для суверенитета, территориальной целостности страны, для осуществления государственных органами своих конституционных полномочий [2].

В Венгрии Государственное собрание по предложению Правительства – представленному после запроса мнения Конституционного суда – распускает тот местный представительный орган, деятельность которого противоречит Конституции [3].

Конституция княжества Монако в ст. 83 предусматривает роспуск коммунального совета мотивированным министерским постановлением после заключения Государственного Совета [4].

Во всех вышерассмотренных случаях решение о роспуске принимается соответствующим органом государственной власти не единолично, а после согласования данного вопроса в Польше и Венгрии с высшим исполнительным органом власти, в Грузии и Монако – с высшим законодательным (представительным) органом власти.

В Ирландии при нарушении законов или престо неэффективной деятельности и уклонения от выполнения обязанностей местный совет может быть распущен министром окружающей среды и местного управления. «В этом случае министр назначает временных уполномоченных, выполняющих функции совета; они действуют вплоть до очередных выборов (определение срока внеочередных выборов зависит от министра)» [5].

В Австралии губернатор может распустить местный совет, если совет действует незаконно, не выполняет своих функций или если в совете нет кворума. В этом случае губернатор назначает администратора, выполняющего все функции местного органа власти до следующих выборов [6].

Роспуск местных советов депутатов в Белоруссии предусматривается ст. 123 Конституции [7] и ст. 27 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [8]. Основанием для роспуска является систематическое или грубое нарушение советом требований законодательства, под которым имеется в виду, во-первых, что совет не менее трех раз подряд не смог собраться на сессию из-за неявки депутатов по неуважительным причинам; во-вторых, избиратели выразили недоверие совету путем референдума; в-третьих, совет не выполняет делегированных задач. Право на роспуск принадлежит исключительно Парламенту и не может делегироваться никакому другому органу. По этому вопросу решение оформляется постановлением. С вступлением в силу постановления о роспуске полномочия местного совета прекращаются, если же оно будет оспорено, то следует признать за советом право на реализацию его

* Финансирование статьи осуществляется в рамках реализации Программы развития деятельности студенческих объединений федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина» на 2012–2013 годы

функций. Можно предположить, что все остальные сформированные местным советом органы могут до выборов нового состава совета вести лишь текущие дела, поскольку их мандат был получен из рук совета, и с его ликвидацией последовала утрата полномочий.

В законодательстве большинства мексиканских штатов определены основания и процедура ликвидации муниципалитетов. В качестве оснований могут выступать такие причины, как профессиональная непригодность большинства членов совета; непосещение заседаний муниципального совета большинством членов без действительно уважительных причин (не менее чем три раза подряд); любое нарушение избирательного законодательства, связанное с фальсификацией выборов.

Во всех вышерассмотренных случаях роспуск выборного органа местного самоуправления представляет меру ответственности перед государством. А вот законодательство Японии предусматривает роспуск муниципального собрания не государственными органами, а гражданами. «Не менее 1/3 избирателей может войти в комиссию по контролю за выборами с предложением о роспуске муниципального собрания. Комиссия должна вынести этот вопрос на голосование. Если требование одобрено абсолютным большинством голосов избирателей, муниципальное собрание распускается... Вопрос о роспуске может быть решен только по истечении одного года с момента начала деятельности собрания» [9]. Статистика свидетельствует, что в 1947–1983 гг. местные жители в Японии 389 раз использовали свое право требовать роспуска муниципальных собраний [10], что, безусловно, свидетельствует о реальной обратной связи между населением и властями.

В советской России роспуск выборных представительных органов не получил такого широкого распространения, как отзыв депутатов указанных органов. В 20–30-х гг. XX в. отзыву мог подлежать весь состав краевых, областных, сельских советов. На наш взгляд, в данном случае речь идет не об отзыве отдельных депутатов, а о досрочном прекращении полномочий органов в целом, т. е. о роспуске.

Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» [11] в ст. 95 закрепил основания роспуска местных Советов. Право досрочно прекратить полномочия местных Советов по закону принадлежало Верховному Совету РСФСР, верховным советам республик в составе РСФСР, а также избирателям.

Согласно п. 1 ст. 95 вышеназванного закона Верховный Совет РСФСР или республики в ее составе на основании заключения Конституционного Суда РСФСР мог распустить местный

Совет в случае неоднократного нарушения им законодательства. Как отмечал М. А. Краснов, «в самой норме о роспуске речь следовало бы вести не о неоднократном нарушении, а о неоднократной отмене незаконных решений. Это должно предотвратить спонтанность досрочного роспуска, ибо будет говорить о том, что контролирующий орган не раз реагировал на незаконные решения местного Совета и что последний знает об этой реакции» [12].

Полномочия местного Совета также могли быть прекращены досрочно, если в результате местного референдума более половины избирателей, включенных в списки избирателей, проголосует за досрочное прекращение полномочий Совета.

Итак, мы выяснили, что роспуск выборного представительного органа местной власти может рассматриваться, во-первых, как досрочное прекращение полномочий по воле субъектов государственной власти (Беларусь, Польша, Ирландия и др.), во-вторых, как прекращение полномочий на основании публично-властного решения, принятого гражданами (Япония); в-третьих, как то и другое (РСФСР).

В соответствии со ст. 12 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления выведены из системы органов государственной власти, что, по словам С. Г. Соловьева, «обусловило слом прежних административных механизмов контроля за местными представительными органами со стороны органов субъектов Российской Федерации. Однако, так как функционирование выборных органов местного самоуправления, обладающих правом представлять интересы населения и принимать от его имени решения, действующие на территории муниципального образования, невозможно без наличия механизмов его ответственности, то законодателем были предложены иные их модификации» [13].

В ст. 73 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливается ответственность органов народного представительства муниципального уровня в форме роспуска.

Роспуск представляет собой меру ответственности, содержанием которой является досрочное прекращение законом субъекта Российской Федерации полномочий представительного органа муниципального образования.

Основанием для роспуска является неисполнение представительным органом муниципального образования решения суда, направленного на отмену нормативного правового акта представительного органа муниципального образования, нормы которого противоречат Конституции Российской Федерации, федеральным конституцион-

ным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта Российской Федерации, уставу муниципального образования, либо вступление в силу решения суда, установившего факт непроведения избранным в правомочном составе представительным органом муниципального образования правомочного заседания в течение трех месяцев.

Объектом выступают общественные отношения, регулируемые и охраняемые нормами муниципального права, а именно, нормами, закрепленными в п. 4 ст. 7 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: «Муниципальные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, настоящему Федеральному закону, другим федеральным и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации» и в п. 1. ст. 35 указанного закона: «Заседания представительного органа муниципального образования проводятся не реже одного раза в три месяца».

Механизм привлечения к ответственности органов народного представительства, закрепленный законодательно в 2003 г., получил достаточно широкую практику применения.

Так, 29 марта 2005 г. на муниципальных выборах был избран представительный орган местного самоуправления г. Ельца – Елецкий городской Совет депутатов третьего созыва в Липецкой области.

Как известно, органы местного самоуправления в Российской Федерации были обязаны согласно п. 8 ст. 85 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» до 1 июля 2005 г. привести в соответствие с требованиями данного Закона уставы муниципальных образований и другие нормативные акты органов местного самоуправления. Однако представительным органом – Елецким городским Советом депутатов до установленного Законом срока это сделано не было.

В связи с этим прокурор г. Ельца в интересах муниципального образования и неопределенного круга лиц обратился в суд с заявлением о признании противоречащим Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ряду законодательных актов Липецкой области положений Устава города Ельца и просил обязать Елецкий городской Совет депутатов привести в соответствие с требованиями указанных законов Устав города Ельца.

Решением Елецкого городского суда от 19 января 2006 г. данные противоречия были установлены, а некоторые положения Устава города Ельца признаны недействующими. Одновременно судом был установлен месячный срок для приведения Устава города в соответствие с законодательством с момента вступления в силу решения суда.

Решение суда Елецким городским Советом депутатов исполнено не было. Данный факт установлен решением того же суда от 21 марта 2006 г.

С момента избрания Елецкого городского Совета (29 мая 2005 г.) данный представительный орган фактически даже не приступал к рассмотрению по существу вопросов, отнесенных к его исключительной компетенции из-за отсутствия кворума депутатов на сессиях и разногласий депутатов. В результате такого бездействия имело место массовое нарушение прав населения целого муниципального образования на осуществление местного самоуправления через сформированный им орган. Факт бездействия Елецкого городского Совета депутатов как нарушающего права населения города также был установлен решением Елецкого городского суда от 28 февраля 2006 г.

На основании судебных решений Глава администрации Липецкой области внес в Липецкий областной Совет депутатов проект Закона области «О роспуске представительного органа города Ельца Липецкой области – Елецкого городского Совета депутатов». 18 апреля 2006 г. Липецким областным Советом депутатов был принят Закон Липецкой области «О роспуске представительного органа города Ельца Липецкой области – Елецкого городского Совета депутатов» [14], согласно которому были досрочно прекращены полномочия представительного органа муниципального образования – Елецкого городского Совета депутатов – в форме роспуска.

Вышеназванный Закон Липецкой области был оспорен в судебном порядке. Но и Липецкий областной суд, и Верховный Суд Российской Федерации [15] обоснованно указали, что оспариваемый закон был издан в пределах компетенции Липецкого областного Совета депутатов, не противоречит федеральному законодательству и не нарушает права и законные интересы населения муниципального образования города Ельца. Примененная мера ответственности – роспуск Елецкого городского Совета депутатов – соразмерна и адекватна тем негативным последствиям, которые наступили для населения муниципального образования города Ельца в результате бездействия представительного органа.

Роспуск Елецкого городского Совета депутатов Липецкой области стал первым, но далеко не единственным примером применения к предста-

вительному органу муниципального образования такой меры ответственности, как роспуск: 15 ноября 2006 г. Законом Республики Карелия распущен Петрозаводский городской Совет [16], 5 марта 2007 г. Законом Республики Бурятия распущен районный Совет депутатов муниципального образования «Муйский район» [17].

Аналогичная ситуация сложилась в г. Твери, где депутаты городской Думы должны были привести устав города в соответствие с федеральным законодательством, но так этого и не сделали. Представления с требованием внести поправки в основной муниципальный нормативно-правовой акт прокуратура направляла в Думу не раз, после чего прокуратуре пришлось обращаться в суд. Роспуск стал следствием неисполнения Тверской городской Думой решения Центрального районного суда г. Твери от 1 ноября 2011 г., которое обязывало городской представительный орган привести Устав города в соответствие с федеральным законодательством.

6 июня 2012 г. Центральный районный суд г. Твери установил факт неисполнения своего судебного решения. По истечении времени, отведенного на обжалование, проект закона о роспуске был внесен губернатором в Законодательное Собрание, где был принят сразу в двух чтениях [18].

Анализ практики выявил, что право населения на осуществление местного самоуправления может быть нарушено не только непринятием мер представительным органом муниципального образования по отмене противоречащего законодательству муниципального нормативного правового акта, но и бойкотированием депутатами основной организационной формы работы представительного органа путем неучастия в заседаниях, что приводит к невозможности принятия решений представительным органом из-за отсутствия кворума. Одним из первых эту проблему поднял С. Д. Князев, предложивший закрепить в качестве самостоятельного основания роспуска представительного органа муниципального образования длительное уклонение депутатов (или их части) от проведения заседаний [19].

В августе 2008 г. в городском суде г. Новошахтинска Ростовской области проходило слушание по обвинению, которое выдвинул прокурор в адрес городской Думы. В заявлении прокурора говорилось, что представительный орган муниципального образования не проводит заседания, на которых должны решаться вопросы, отнесенные законодательством к исключительной компетенции городской Думы, в частности, это ряд бюджетных вопросов, план социального развития города, освоение денежных средств, выделенных на отселение новошахтинцев из ветхого жилья, и др. За первое полугодие 2008 г. заседания Новошахтинской городской Думы проводи-

лись только однажды – в феврале. На остальные заседания из 25 депутатов приходили 14–15, а для принятия решения должно быть хотя бы 17 голосов. Данные факты нашли свое подтверждение в судебном заседании.

2 сентября 2008 г. депутаты Законодательного собрания Ростовской области приняли Закон «О роспуске представительного органа города Новошахтинска – Новошахтинской городской Думы» [20]. Таким образом, незаконное бездействие представительного органа муниципального образования не осталось безнаказанным, а право граждан на осуществление местного самоуправления через сформированные ими органы, гарантированное Европейской хартией местного самоуправления [21], восстановлено.

24 июля 2012 г. Законодательное Собрание Камчатского края приняло закон «О роспуске представительного органа сельского поселения «село Ильпырское» – Совета депутатов сельского поселения «село Ильпырское» [22] на основании решения Карагинского районного суда о фактическом бездействии совета депутатов, который в течение трех месяцев не собирался для проведения сессии, являющейся основной формой деятельности депутатов.

В Ленинградской области за период 2011–2012 гг. за бездействие было распущено четыре совета депутатов (в Тельмановском, Большеижорском, Агалатовском и Кузьмолловском поселениях) [23]. Соответствующими судами было установлено, что местные органы народного представительства не собирались на правомочные заседания в течение трех месяцев подряд. Соответственно, в муниципалитетах в этот период не было принято ни одного решения по проблемам поселений, что нарушает права и интересы жителей муниципального образования.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что нормы Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не посягают на самостоятельность местного самоуправления, провозглашенную Конституцией Российской Федерации. Лишь в той стране, где органы власти всех уровней подают пример безусловного исполнения Конституции и законов, действуют строго в рамках правового поля, исключается возможность нарушения с их стороны прав и свобод человека и гражданина. В случаях своего бездействия органы народного представительства не выполняют свои главные функции – представление интересов населения и формирование по его воле правовой основы для деятельности муниципалитета. В связи с этим российское законодательство, как и зарубежное, предусматривают механизмы ответственности представительных органов муниципальных образований.

Примечания

1. Иностранное конституционное право / отв. ред. В. В. Маклаков. М.: Юрист, 1996. С. 422.
2. Конституции стран СНГ и Балтии / сост. Г. Н. Андреева. М.: Юрист, 1999. С. 186.
3. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Норма, 2001. С. 540.
4. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Юрист, 2001. С. 600.
5. *Евдокимов В. Б., Старцев Я. Ю.* Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты. М.: Спарк, 2001. С. 86.
6. *Евдокимов В. Б., Старцев Я. Ю.* Указ. соч. С. 119.
7. Конституции государств-участников СНГ / сост. Г. Н. Андреева. М.: Юрист, 1999. С. 165.
8. *Сидорчук В. К.* Организация местного самоуправления. Минск: Амалфея, 2002. С. 205.
9. Иностранное конституционное право / отв. ред. В. В. Маклаков. М.: Юрист, 1996. С. 279.
10. *Сенаторов А.* Японская модель местного самоуправления // Знакомьтесь – Япония. 1995. № 11. С. 35.
11. ВВС. 1991. № 29. Ст. 1010.
12. *Краснов М. А.* Публично-правовая ответственность представительных органов за нарушение закона // Государство и право. 1993. № 6. С. 48.
13. *Соловьев С. Г.* Муниципально-правовая ответственность местного представительного органа: содержание и актуальные проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 2. С. 5.
14. Закон Липецкой области от 18 апреля 2006 г. № 228-ОЗ «О роспуске представительного органа города Ельца Липецкой области – Елецкого городского Совета депутатов» // Липецкая газета. 2006. 19 апр.
15. Определение коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по делу о признании Закона Липецкой области от 18 апреля 2006 г. № 228-ОЗ «О роспуске представительного органа города Ельца Липецкой области – Елецкого городского Совета депутатов» противоречащим ст. 83 гл. 12 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
16. Закон Республики Карелия от 15 ноября 2006 г. № 1022-ЗРК «О роспуске Петрозаводского городского Совета» // Карелия. 2006. 16 ноября.
17. Закон Республики Бурятия от 5 марта 2007 г. № 2176-III «О роспуске представительного органа муниципального образования “Муйский район” – районного Совета депутатов муниципального образования “Муйский район”» // Бурятия. 2007. 06 марта.
18. URL: http://www.zsto.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2803:2012-07-12-15-02-30&catid=3:news-zsto&Itemid=181 (дата обращения: 15.08.12)
19. *Князев С. Д.* Конституционная ответственность в муниципальном праве: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 83.
20. Донские законодатели решили распустить Новошахтинскую Думу. URL: <http://www.dontr.ru/Enviroп/WebObjects> (дата обращения: 15.08.12)
21. Европейская хартия местного самоуправления: Принята Советом Европы 15 октября 1985 г. // СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.
22. URL: <http://www.zaksobr.kamchatka.ru> (дата обращения: 15.08.12)
23. URL: http://online47.ru/a/2012/06/05/Deputatam_grozit_rosspusk/ (дата обращения: 15.08.12).

И. А. Комарова

К ВОПРОСУ
О СТЕПЕНИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ
ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Вопрос о составе и соотношении отраслей российского права продолжает оставаться одним из наиболее обсуждаемых в юриспруденции. В научной среде появились многочисленные предложения о необходимости выделения «новых» отраслей. Настоящая статья представляет собой попытку комплексного анализа современных взглядов на место избирательного права в системе права России.

The question of the composition and the ratio of branches of Russian law continues to be one of the most discussed issues in jurisprudence. In the scientific community there have been many suggestions about the necessity of separation of new branches. The given article is an attempt of comprehensive analysis of current views on the location of the electoral law in the legal system of Russia.

Ключевые слова: система права, отрасль права, выборы, избирательное право, конституционное право.

Keywords: legal system, branch of law, elections, electoral law, constitutional law.

На сегодняшний день вопрос о составе и соотношении отраслей российского права по-прежнему продолжает оставаться одним из наиболее актуальных и обсуждаемых в юридической науке. Востребованность обозначенной проблематики связывают с тем, что «структурирование российского права по отраслям продолжает оставаться стихийно-хаотическим» [1]. Кроме того, теоретики отмечают, что в результате поиска оптимальных критериев в отношении отраслевого строения права в современной научной среде появились многочисленные предложения о необходимости выделения «новых» самостоятельных отраслей права [2].

Так, в последнее время обращает на себя внимание отсутствие стабильности в понимании конституционного права «как единой и внутренне непротиворечивой отрасли российского права» [3]. Анализ взглядов, отраженных в учебниках, учеб-

* Финансирование статьи осуществляется в рамках реализации Программы развития деятельности студенческих объединений федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина» на 2012–2013 годы

ных пособиях и научных публикациях, позволяет сформулировать целый комплекс правовых образований, которым предлагается придать статус самостоятельных отраслей: конституционно-процессуальное право [4], парламентское право [5], избирательное право [6]. С. А. Авакьян в учебнике «Конституционное право России» также обращает внимание на предпринимаемые учеными, но не в достаточной мере обоснованные попытки расслоения единой отрасли на несколько новых: «...в юридической науке название “конституционное право” предлагается сохранить для отрасли, назначение которой суживается до установления основ всех общественных отношений. Нормы права, регулирующие решение других, более конкретных задач общественных отношений, могут быть поделены между рядом отраслей» [7]. В число последних предлагается включить государственное право, право общественных объединений и политических партий, личностное право и даже президентское право.

В настоящее время отдельные ученые акцентируют внимание на необходимости научного осмысления избирательного права как самостоятельной отрасли российского права, обслуживающей сферу электоральной демократии.

Несомненно, выборы – это важнейшее средство осуществления непосредственного народовластия в государстве. Политико-правовая ценность института выборов получила закрепление на конституционном уровне.

Согласно ст. 3 Конституции РФ 1993 г. свободные выборы наряду с референдумом были провозглашены одной из форм высшего непосредственного выражения власти народа.

Часть 2 ст. 32 Конституции РФ признает выборы в качестве способа реализации конституционных прав граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 130 Конституции РФ выборы – одна из важнейших и доступных форм реализации местного самоуправления.

Целесообразным представляется отметить значительную эволюцию понятия «выборы» на законодательном уровне. ФЗ от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», а также ФЗ от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» раскрывали понятие «выборы» через перечисление уровней выборов (федеральные, региональные, муниципальные), а также через перечисление их разновидностей в зависимости от того, какой орган власти формируется (президентские, парламентские выборы и т. п.).

Лишь в 2002 г. в связи с принятием нового ФЗ № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» формулировка выборов как формы прямого волеизъявления граждан наконец-то получила свое закрепление.

Вопрос о природе и сущности выборов становился предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации. В своем Постановлении от 10 июня 1998 г. № 17-П Конституционный Суд определяет «выборы как способ выявления воли народа и формирования соответствующих легитимных органов государственной власти и местного самоуправления, от его имени осуществляющих публичную власть» [8].

Значимость исследуемого института выборов подчеркивается многими учеными. А. А. Макарец справедливо отмечает, что «в настоящее время выборы стали неотъемлемым элементом современного демократического государства, позволяющим народу осуществлять власть, принимать участие в формировании органов публичной власти. Избирательное право... охватывает своим влиянием практически всех российских граждан» [9].

По мнению В. В. Комаровой, в ходе трансформации России в правовое государство «институт выборов превращается в реальный механизм осуществления непосредственного народовластия, форму реализации политических интересов граждан, определения ими формы и содержания деятельности органов... власти» [10].

Е. П. Дубровина придерживается аналогичной позиции и полагает, что за годы формирования и развития избирательное право не потеряло свою актуальность, а, наоборот, приобрело большую значимость. От точности механизмов его реализации зависят точность волеизъявления и свобода выбора электората, способность всех участников избирательного процесса полностью реализовать принцип открытости выборов, а также установление результатов голосования [11].

Действительно, выборы органов публичной власти превратились в регулярный, обязательный элемент общественной и государственной жизни. В связи с этим Р. Т. Биктагиров полагает, что в настоящее время об избирательном праве можно все более уверенно говорить как о самостоятельной отрасли права, имеющей комплексный характер, либо, по крайней мере, находящаяся в процессе «отпочковывания» из конституционного права.

В обоснование своей позиции теоретик приводит обстоятельный ряд факторов:

1) наличие большого количества законодательных и подзаконных правовых актов, регулирующих выборный процесс в России;

2) наличие собственного предмета правового регулирования, включающего общественные отношения, которые складываются между субъектами избирательного права в процессе выборов органов публичной власти, а также иные отношения, находящиеся на «периферии» избирательного процесса (освещение избирательной кампании, юридическая ответственность участников выборов, восстановление избирательных прав граждан);

3) ориентированность на наиболее широкий круг граждан, юридических лиц, иных социальных образований;

4) наличие образовательных программ, учебников и иных трудов научного и прикладного характера по избирательному праву и процессу [12].

На перегруженность отрасли конституционного права электоральными правовыми нормами обращает внимание и А. А. Вешняков. Автор отмечает, что массив общественных отношений, связанных с проведением выборов, включает в себя не только властные отношения, но и отношения организационного, информационного, финансового, технико-юридического характера. Безусловно, регламентация всего комплекса указанных отношений выходит за рамки конституционного права и представляет собой предмет отдельной отрасли – избирательного права [13].

Вопрос о самостоятельной отрасли права ставят и такие исследователи, как В. И. Лысенко, Н. В. Хатченкова, В. П. Горбунов. Однако Г. В. Атаманчук, С. Д. Князев полагают, что избирательное право как отрасль находится еще только в процессе становления [14].

Тем не менее большинство исследователей придерживаются точки зрения, что избирательное право является частью отрасли конституционного права, и весьма критично относятся к представленным выше научным позициям, признающим отраслевую самостоятельность избирательного права.

Наличие значительного количества правовых актов, регулирующих избирательные отношения, вряд ли можно признать достаточным критерием для выделения избирательного права в самостоятельную отрасль. Е. И. Козлова высказывает предположение, что, возможно, именно объем нормативного правового регулирования тех или иных сфер общественных отношений, для изучения которых в общем курсе конституционного права не хватает времени, порождает концепции о необходимости выделения новых отраслей. Однако, как верно отмечает Е. И. Козлова, «эта проблема “завязана” не на учебный курс, а на науку конституционного права, рамки которой безбрежны, ничем не ограничены. Наука перерабатывает любой объем материала, составляющего ее предмет» [15].

По мнению А. А. Головиной, между структурным строением права и структурным строением законодательства нет прямой взаимосвязи, соответственно критерий источников права не является объективным фактором отраслеобразования [16].

Признание отношений по избранию органов государственной власти и органов местного самоуправления в ходе свободных выборов в качестве неотъемлемой части предмета конституционного права обусловлено и тем, что выборы составляют одну из основ конституционного строя Российской Федерации, в рамках которых реализуются основные гарантированные Конституцией политические права граждан – право избирать и быть избранным [17].

В понимании А. А. Вешняковым и Р. Т. Биктагировым избирательного права как элемента системы права, имеющего комплексный характер и включающего в себя нормы конституционного, административного, гражданского, финансового, информационного права, определенная логика есть. Тем не менее стоит признать более корректной и обоснованной позицию, высказанную И. В. Захаровым и А. Н. Кокотовым. По мнению ученых, «в рамках избирательного права нормы иных... отраслей имеют... вспомогательное значение по отношению к закрепляющему выборный механизм в целом конституционному праву» [18].

Так, в соответствии с п. 7 ст. 37 ФЗ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» право сбора подписей избирателей принадлежит гражданину России, достигшему к моменту сбора подписей возраста 18 лет и не признанному судом недееспособным. Кандидат может заключать с лицом, осуществляющим сбор подписей избирателей, договор о сборе подписей. Оплата этой работы осуществляется только из средств избирательного фонда кандидата.

Естественно, в случае готовности кандидата оплатить работу сборщиков подписей между ними возникают отношения, вытекающие из норм гражданского права (в частности, гл. 39 ч. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает правила возмездного оказания услуг).

Таким образом, нормы смежных отраслей права в рамках избирательного права играют роль лишь вспомогательных механизмов конституционно-правового регулирования избирательных отношений и не изменяют конституционно-правовую сущность рассматриваемого элемента права.

Кроме того, надлежащего исследования не получил вопрос о соотношении избирательного и конституционного права. В работах ученых, на наш взгляд, можно встретить лишь достаточно

размытые формулировки: «...конституционное право устанавливает фундаментальные политико-правовые и институциональные основания организации и функционирования публичной власти, в том числе властеотношений, регулируемых избирательным правом» [19].

Представляется важным обратить внимание и еще на одно весьма интересное предположение, высказанное в науке. Не повлечет ли выделение избирательного права из конституционного права за собой вопрос о месте институтов референдума и отзыва?

Конечно, стоит признать, что в настоящее время институт референдума воспринимается многими гражданами как декоративный политический институт; нормы, регулирующие проведение референдума на общероссийском уровне, превратились в «мертвые» и не реализуются на практике. Не получила развития и практика отзыва выборных должностных лиц.

Тем не менее с учетом сходства процедуры организации и проведения выборов, референдума и отзыва, было бы очень странным, если бы нормы избирательного права были бы выделены из конституционного права, а референдумного и отзывного – нет.

В то же время среди исследователей нет единства в понимании места норм избирательного права в рамках отрасли конституционного права. О. Е. Кутафин, М. В. Баглай, Е. И. Колушин рассматривают избирательное право в качестве правового института, В. Н. Белоновский, И. В. Захаров, А. Н. Кокотов – в качестве подотрасли конституционного права.

Так, В. Н. Белоновский полагает, что более точно избирательное право рассматривать как подотрасль, «поскольку совокупность институтов электорального права составляет часть однородной, конституционно-правовой сферы отношений, связана с непосредственным волеизъявлением граждан и народным представительством и реализуется в рамках предмета конституционного права» [20].

В то же время О. Е. Кутафин к числу институтов конституционного права относит основы конституционного строя; гражданство; основы правового статуса человека и гражданина; федеративное устройство; избирательное право; систему государственной власти; систему местного самоуправления. При этом «...институт избирательного права... регулирует общественные отношения, складывающиеся при выборах... а также при реализации принципов проведения выборов...» [21] и стадий избирательного процесса.

Стоит предположить, что такие разночтения связаны с тем, что границы таких категорий, как правовой институт и подотрасль, весьма неустойчивы и подвижны.

Таким образом, анализ современных взглядов государствоведов свидетельствует о том, что вопрос о степени самостоятельности избирательного права и его соотношении с конституционным правом остается спорным, требует взвешенного подхода и дальнейшего обмена мнениями с привлечением специалистов в области общей теории права.

В настоящее время все возрастающее, но в недостаточной степени обоснованное «дробление отраслевых правообразований... вызывает неприятие» [22]. В связи с указанной тенденцией Д. М. Азми уместно ссылается на высказывание Г. А. Галесника о том, что, следуя такому пути, «можно дойти до трамвайно-троллейбусного, банно-прачечного, бакалейно-гастрономического права и т. д.», притом каждое из них также по-своему «комплексно» [23].

Примечания

1. Дёмин А. А. Соотношение конституционного и административного права в системе российского права // Административное право и процесс. 2006. № 1. С. 5.

2. См.: Головина А. А. Проблема критериев отраслевого образования в системе современного российского права и некоторые пути решения // Право и государство: теория и практика. 2011. № 8. С. 29; Козлова Е. И. К вопросу о предмете конституционного права Российской Федерации: современный формат дискуссии // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения): материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: ООО «Изд-во «Элит», 2009. С. 6–7; Морозова Л. А. Теория государства и права. М.: Эксмо, 2009. С. 279.

3. Дёмин А. А. Указ.соч. С. 5.

4. См.: Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 1998. С. 38–39; Лукьянова Е. Г. Тенденции развития процессуального законодательства в свете общей теории права // Государство и право. 2003. № 2. С. 104; Овсяян Ж. И. Конституционное судебно-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. 1999. № 2. С. 196; Петрюк М. Ю. Понятие конституционного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 1. С. 43; Саликов М. С. Конституционно-процессуальное право как наука, отрасль права и учебная дисциплина // Право и политика. 2004. № 4. С. 65.

5. См.: Вистропова А. В. Парламентское право России. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 7; Конституционный строй России. Вып. 2. Вопросы парламентского права. М., 1995. С. 5.

6. См.: Биктагиров Р. Т. Становление избирательного права России как научная и практическая проблема. URL: http://www.ni-journal.ru/archive/14928136/p_2_2009/18a524dc/95acb3df (дата обращения 01.06.12)

7. Авакьян С. А. Конституционное право России: в 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 52.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта “а” пункта 3 и пункта 4 ста-

тьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3002.

9. Макарицев А. А. Институционально-правовая эффективность норм российского избирательного права: от цели к результату. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. С. 5.

10. Комарова В. В. Формы непосредственной демократии в России: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. С. 48.

11. Дубровина Е. П. Особенности развития законодательства о выборах в субъектах РФ. URL: http://www.juristlib.ru/book_2333.html (дата обращения: 01.06.12)

12. Биктагиров Р. Т. Указ. соч.

13. См.: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учебник для вузов / отв. ред. А. А. Вешняков. М.: Изд-во НОРМА, 2003. С. 11–12.

14. См.: Белоновский В. Н. Электоральное право Российской Федерации. М.: РГГУ, 2010. С. 76.

15. Козлова Е. И. От Советов к парламенту: задачи науки и суть перемен // Современный российский конституционализм: проблемы теории и практики / отв. ред. С. В. Нарутто, Е. С. Шугрина. М., 2008. С. 42.

16. См.: Гюловина А. А. Указ. соч. С. 30–31.

17. См.: Гюловин А. Г., Хорошева А. А. К вопросу о статусе избирательного права в системе российского права // Российское право в Интернете. 2009. № 5. URL: http://www.rpi.msa.ru/prints/200905_11_golovin.html (дата обращения: 01.06.12).

18. Избирательное право Российской Федерации: учебник / под ред. И. В. Захарова, А. Н. Кокотова. М.: Изд-во Юрайт, 2011. С. 17.

19. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. С. 12.

20. Белоновский В. Н. Указ. соч. С. 77.

21. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. С. 59.

22. Азми Д. М. О месте конституционного права в иерархическом соотношении отраслей права и законодательства // Законодательство и экономика. 2010. № 5. С. 21.

23. Галесник Л. С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 112.

УДК 347.965:343.1

А. П. Ижнина

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ЗАЩИТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В работе автор рассматривает проблему определения пределов защиты в деятельности адвоката в досудебных стадиях уголовного процесса. Раскрывая тему работы, автор анализирует положения действующего УПК РФ и УПК РСФСР, а также подробно рассматривает судебную и следственную практику, посвященную праву обвиняемого (подозреваемого) на защиту.

In work the author considers a problem of definition of limits of protection in activity of the lawyer in pre-judicial stages of criminal trial. Opening a work theme, the author analyzes positions operating Criminally remedial code the Russian Federation and Criminally remedial code RSFSR, and also in detail considers the judicial and investigatory practice devoted to the right of accused (suspect) on protection.

Ключевые слова: пределы защиты; деятельность адвоката; досудебная стадия уголовного процесса; права подозреваемого.

Keywords: protection limits; activity of the lawyer; a prejudicial stage of criminal trial; the rights of the suspect.

В следственной практике под правом на защиту в узком смысле этого термина принято понимать право подозреваемого, обвиняемого, а с принятием ныне действующего УПК – и свидетеля, – на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой адвокатом. В более широком смысле право на защиту означает право на защиту человека и гражданина на охрану его прав и свобод. Оно включает в себя множество субъективных прав, которые можно, однако, подразделить на три группы. Первая группа состоит из права на защиту прав и свобод человека и гражданина соответствующими государственными органами; сюда входит и право на судебную защиту. Вторая группа прав – права на самозащиту. К ним относятся право на необходимую оборону (ст. 37 УК РФ); права, сопряженные с ситуацией крайней необходимости (ст. 39 УК РФ); право на самозащиту права (ст. 12 ГК РФ), «право на молчание» (ст. 51 Конституции РФ) и, наконец, «право на ложь», которое хотя прямо и не предусмотрено законом, но и не запрещено им для подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Третья группа прав – права на получение квалифицированной юридической помощи как по инициативе самих нуждающихся в такой помощи, так и по инициативе государственных органов.

Естественен и вопрос о том, всякое ли действие, предпринятое обвиняемым или подозреваемым с целью защиты от уголовного преследования, является правомерным? Предпосылки для постановки этого вопроса состоят в том, что защита может осуществляться множеством самых различных способов, набор которых различен по каждому конкретному делу. Именно адвокат должен помочь обвиняемому в их выборе. Прямой обязанностью защитника является разъяснение своему клиенту данного положения. Ответ на вопрос о пределах защиты и будет той мерой, которая поможет безошибочно определять в каждом конкретном случае, правомерно ли осуществляется защита, или действия защищающегося должны быть признаны неприемлемыми, а возможно, и наказуемыми. Мнения юристов здесь не однозначны.

Так, например, Верховный суд в обзоре судебной практики за второе полугодие 1997 г. по делу Незнамова разъяснил, что подозреваемый (обвиняемый) не подлежат ответственности за заведомо ложный донос [1].

Судья же Тульского областного суда С. Зеленин, а также С. Нафиев и А. Васин на страницах «Российской юстиции» придерживаются иного мнения и считают решение Верховного суда необоснованным [2].

Так, С. Зеленин считает, что ответ на этот вопрос в достаточно четкой форме дан законодателем: ст. 46 УПК РСФСР гласит, что обвиняемый вправе «защищать свои права и законные интересы любыми... средствами и способами, не противоречащими закону». На первый взгляд практически аналогичное положение содержат ст. 47 и ст. 53 УПК РФ: «...использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты». Если буквально трактовать данное право, то получается, что законодатель фактически разрешил любые действия, направленные на защиту и не запрещенные УПК РФ, в том числе побег из-под стражи, принуждение свидетелей к даче «нужных» показаний и т. д. Думается, что такая формулировка некорректна и компетентным органам необходимо либо дать соответствующие разъяснения, либо вернуть в этой части положения УПК РСФСР.

Очевидно, что Конституция РФ допускает не любые способы защиты, а только те, которые не запрещены законом. Это означает, что право на защиту не является абсолютным и его осуществление не должно нарушать права и свободы других граждан. Однако, стремясь обелить себя перед следствием и судом посредством необоснованного перекладывания вины на другого человека, обвиняемый (подозреваемый) посягает на ряд прав и свобод, гарантированных Конституцией и законами РФ. Несомненно, что в первую

очередь задевается достоинство личности, которое, согласно ч. 1 ст. 21 Конституции, охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления. Наряду с этим нарушается право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции), а также право на защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 3 Конституции). Наличие в Уголовном кодексе РФ соответствующих статей о заведомо ложном доносе также означает уголовно-правовой запрет подобных действий.

Аналогичной позиции придерживается и Европейский суд по правам человека. Так, в частности, по делу Брандстедер против Австрии (1991) суд, применяя нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, постановил, что «пункт 3 статьи 6 не предусматривает неограниченного права использовать любые аргументы защиты», и признал в числе таких недопустимых аргументов клеветнические заявления. Суд отметил следующее: «Было бы преувеличением полагать, что исходной посылкой права лиц, обвиняемых в совершении уголовного преступления, защищать себя является идея о том, что они не должны подвергаться преследованию, когда, осуществляя это право, они умышленно вызывают ложные подозрения в подлежащем наказанию поведении в отношении свидетеля или любого другого лица, вовлеченного в уголовное судебное производство [3].

Следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 20 февраля 1998 г. Российская Федерация признает обязательной юрисдикцию Европейского суда по вопросам толкования и применения указанной Конвенции и Протоколов к ней. Из этого следует, что решения этого Суда в отношении других государств могут применяться в качестве критерия для решения правовых вопросов в России.

Таким образом, согласно Конституции и российскому законодательству, а также с учетом практики Европейского суда по правам человека в случаях использования незаконных методов защиты, сопряженных с заведомо ложным обвинением другого лица в совершении преступления, обвиняемый (подозреваемый), по мнению некоторых авторов, подлежит привлечению за это к уголовной ответственности.

Действия обвиняемого (подозреваемого), сообщившего правоохранительным органам заведомо ложную информацию о виновности другого лица в совершении инкриминируемого ему преступления, подлежат квалификации по ст. 306 (заведомо ложный донос) УК РФ. Аналогичным образом должны квалифицироваться действия обвиняемого (подозреваемого), который утвер-

ждает о заведомо несуществующих фактах применения к нему незаконных методов ведения следствия [4].

В связи с этим возникает и другой интересный вопрос: вправе ли необоснованно задерживаемый не подчиниться распоряжению представителей власти и оказать сопротивление работникам либо спастись бегством? Допустима ли необходимая оборона против незаконных действий должностных лиц?

Отказ задерживаемого подчиниться требованию представителя власти может быть, в частности, обусловлен непричастностью лица к совершению преступления, по поводу которого осуществляется задержание. Возникает коллизия интересов, при которой право требования не совпадает с обязанностью подчинения требованию.

В ч. 1 ст. 301 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание. По смыслу закона уголовная ответственность должностного лица за незаконное задержание наступает при условии, если такое задержание производится при очевидном нарушении требований уголовно-процессуального закона, регламентирующего основания задержания.

С другой стороны, ст. 318 УК РФ устанавливает ответственность за применение насилия в отношении представителя власти.

Не подлежит сомнению, что требования представителей государственной власти для граждан обязательны. Если такое требование (скажем, требование подчиниться задержанию) является незаконным (например, по причине заведомого несовершенства лицом преступления), то по общему правилу задержанный имеет право обжаловать незаконные действия должностного лица. Представляется, однако, что помимо этого лицо в данном случае вправе защитить свою свободу всеми способами, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 сентября 1991 г. «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» дается следующее разъяснение: «По каждому делу данной категории судам необходимо выяснить, были ли законными действия работников милиции, народных дружинников и военнослужащих при исполнении ими возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка. В случае установления факта незаконности их действий суд, при наличии к тому оснований, должен решить вопрос о квалификации содеянного подсудимым по соответствующей статье Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность против личности»

[5]. Полагаем, что такое разъяснение подлежит пересмотру, поскольку не соответствует конституционному праву человека на свободу и личную неприкосновенность. По существу, постановлением необоснованно отказывается гражданину в реализации права на самооборону от незаконных Действий представителей власти.

Право на самозащиту от необоснованного задержания возникает у задерживаемого с момента фактического ограничения его свободы. Задержанный вправе отказаться выполнить незаконное распоряжение представителей власти следовать в правоохранительные органы, а его противодействие насильственному задержанию следует рассматривать с учетом положений о необходимой обороне и пределах ее допустимости.

Стоит, впрочем, отметить, что вопрос о правомерности совершения действий, направленных на защиту человека от необоснованного посягательства на личную свободу и неприкосновенность, остается в теории уголовного права и уголовном законодательстве едва ли не самым неразработанным.

Путем логических рассуждений С. Зеленин приходит к выводу и формулирует следующие пределы защиты: запрет побега из-под ареста или из-под стражи, совершенного лицом, находящимся в предварительном заключении (ст. 313 УК РФ); уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ), совершенного, например, с целью личной подачи надзорной жалобы на необоснованное осуждение, т. е. с целью защиты; подкуп или принуждение к даче показаний или уклонение от дачи показаний, либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ) с целью создания защитительной версии; иных, перечисленных в ст. 295–298 УК РФ, действий в отношении лиц, осуществляющих правосудие; заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ). Все эти действия могут иметь своим мотивом защиту по уголовному делу, но тем не менее не могут безнаказанно использоваться обвиняемыми и подозреваемыми.

С одной стороны, не только преступно, но и безнравственно заведомо ложно обвинять человека в совершении преступления. Но, с другой стороны, страх быть привлеченным к уголовной ответственности за заведомо ложный донос или клевету может привести к осуждению невиновного и, соответственно, к сокрытию должностного преступления (незаконных методов следствия), что способно нанести не меньший урон правосудию, чем заведомо ложный донос. При разрешении этой коллизии необходимо, очевидно, всё же исходить из принципа, что лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного. Лучше оклеветать невиновного, чем осудить невиновного.

В любом случае, оклеветанный имеет право в порядке гражданского судопроизводства потребовать возмещения морального вреда и опровержения не соответствующих действительности сведений. Справедливость в таком случае в значительной степени восторжествует.

Поэтому во избежание споров и исходя из сложившейся практики и нравственных принципов необходимо законодательно закрепить за обвиняемым (подозреваемым, подсудимым) право на ложь, т. е. на сообщение любых ложных сведений, если это является способом его защиты [6].

По данному вопросу проведено изучение материалов проверок Дзержинской городской прокуратуры по заявлениям граждан (вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства), о применении в отношении их работниками милиции незаконных мер проведения следствия или дознания.

Было изучено 69 подобных материалов проверок, проводимых работниками Дзержинской городской прокуратуры за последние 10 лет – (1999 по 2009 г.). При этом по 18 из указанных заявлений были возбуждены уголовные дела по фактам превышения работниками милиции их должностных полномочий, выразившихся в применении к гражданам незаконных мер физического воздействия.

Однако лишь семь из упомянутых 18 уголовных дел были направлены прокурором в суд с обвинительным заключением. Все остальные 11 дел, возбужденных в отношении работников милиции (по фактам превышения ими должностных полномочий), были прекращены следователями прокуратуры по реабилитирующим основаниям.

Следует заметить, что по большинству заявлений граждан о применении в отношении них работниками милиции незаконных мер ведения следствия или дознания в возбуждении уголовных дел было отказано за отсутствием состава преступления.

Такие решения были вынесены по 51 заявлению граждан (из 69 заявлений граждан в прокуратуру города за 10 лет).

Интересно также заметить, что во всех случаях отказа в возбуждении уголовных дел (51 случай), а также во всех 11 случаях прекращения уголовных дел, ни один из работников милиции (о незаконных действиях которых заявляли граждане) не предъявил иска о защите чести и достоинства. Учитывая, что работники милиции, бесспорно, хорошо осведомлены о своем праве на такой иск, даже они признают за лицами, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, право защищаться подобным образом.

Право на защиту подобным образом негласно признается и работниками прокуратуры – ведь ни по одному из 62 случаев отказа в возбуждении или прекращении уголовных дел не было возбуждено ни одного уголовного дела за заведомо ложный донос.

Примечания

1. Заведомо ложные показания подозреваемого о совершении преступления другим лицом заведомо ложный донос не образуют, поскольку были даны с целью уклониться от уголовной ответственности и являлись способом защиты от обвинения. Приговор по ч. 2 ст. 306 УК РФ отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. С. 15.

2. Зеленин С. Пределы допустимой защиты // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 43.

3. Гюмьен Д., Харрис Д., Зваак А. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Изд-во МНИМП, 1998. С. 251–252.

4. Нафиев С., Васин А. Право на защиту не бесцельно // Законность. 1999. № 4. С. 5–7.

5. Попов С., Цепляева Г. Нормы нового УПК о подозреваемом не обеспечивают гарантии его конституционных прав // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 31–33.

6. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 33–35.

УДК 34

Е. Н. Редикульцева

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УСТАНОВЛЕНИЯ И ВВЕДЕНИЯ НОРМ ТРУДА

Одним из важнейших направлений развития трудового законодательства в современных рыночных условиях является нормативно-методическое и информационное обеспечение решения вопросов правового регулирования нормирования труда. Отсутствие законодательного определения ряда понятий, условий, процедурных положений в правовом регулировании нормирования труда затрудняет реализацию целей и задач трудового законодательства в целом, а в частности, порождает проблемы в регулировании вопросов установления и введения норм труда.

As one of the major directions of development of the labor legislation in modern market conditions is standard-methodical and information support of the decision of questions of legal regulation of rationing of work. Absence of legislative definition of some concepts, conditions, procedural positions in legal regulation of rationing of work complicates realization of the purposes and problems of the labor legislation as a whole, and, in particular, generates problems in regulation of questions of an establishment and introduction of norms of work.

© Редикульцева Е. Н., 2012

Ключевые слова: нормирование труда, нормы труда, установление норм труда, введение норм труда.

Keywords: rationing of work, norm of work, an establishment of norms of work, introduction of norms of work.

Действующее трудовое законодательство относит решение вопросов нормирования и организации труда на уровень работодателя. Так, ч. 2 ст. 159 Трудового кодекса РФ [1] предусматривает применение систем нормирования труда, определяемых работодателем с участием профсоюзного органа или устанавливаемых коллективным договором.

Под системой нормирования труда понимается комплекс мероприятий по организации и управлению процессом нормирования труда, включающий выбор методов и способов установления норм труда, порядок их внедрения, аттестации, замены и пересмотра.

Основой системы нормирования труда является состав и содержание работ по нормированию труда, определяемых задачами нормирования и функциями норм труда.

В основе работ по нормированию лежит техническое нормирование, которое включает технико-экономическое обоснование и разработку норм труда, а также подготовку расчета норм труда, сам расчет, проверку качества норм в ходе применения.

Технико-экономическое обоснование норм труда производится с учетом нормообразующих факторов: организационно-технических в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда, и субъективных, определяемых личными профессиональными качествами людей и нормальной интенсивностью труда.

Характерной особенностью нормообразующих факторов является их усредненность и типичность. Они не включают в себя индивидуальные характеристики, например мастерство и опыт отдельного работника. Даже в том случае, когда норма разрабатывается исключительно для определенного рабочего места, это не означает персональность нормы.

Расчет норм обычно проводят нормировщики или технологи, которые должны знать методику нормирования, технологию производства, организацию труда и специфику производства.

Анализ качества норм проводят с целью систематического контроля за состоянием нормирования труда в организации и разработки на этой основе мероприятий, направленных на его совершенствование. Работу по анализу качества норм проводят как по организации в целом, так и в ее структурных подразделениях.

Несмотря на то что техническое нормирование является технико-экономической деятельно-

стью, оно все же попадает под правовое регулирование.

Прямое правовое регулирование заключается в определении круга органов и специалистов, обязанных непосредственно осуществлять разработку норм, конкретизацию прав и обязанностей этих органов и специалистов с целью «избежать, с одной стороны, выполнения ими функций, не относящихся к задачам технического нормирования, с другой – подмены другими органами и специалистами, не обладающими необходимой профессиональной подготовкой и опытом» [2], придание общеобязательной силы методикам и методам расчета норм.

Косвенное правовое регулирование заключается в том, что органы технического нормирования при разработке норм учитывают трудовые нормативы, типовую технологию, техпроцессы, план производства, среднюю зарплату и другие показатели, имеющие силу правовых предписаний, а потому обязательных к применению.

Однако техническое нормирование не предполагает предоставления права органам и должностным лицам утверждать и вводить в действие разработанные ими нормы труда.

Система нормирования труда должна обязательно включать аттестацию рабочих мест, которая проводится специалистами по труду, при участии специалистов функциональных и структурных подразделений на основе принятия решений работодателем с учетом мнения профсоюзного органа.

Аттестация рабочих мест предполагает комплексную оценку каждого рабочего места на соответствие его научно-техническому, организационному уровню, условиям труда и техники безопасности, обеспечивающим рост производительности труда и высокое качество продукции (услуг); анализ достигнутого уровня производства; выработку и принятие решений о дальнейшем использовании рабочих мест; определение направлений их рационализации.

Немаловажным компонентом функционирования системы нормирования труда является компонент управления. В зависимости от масштаба, структуры организации, а также специфики организации производства принято выделять централизованную, децентрализованную и смешанную системы управления.

При централизованной системе установление, внедрение и пересмотр норм труда выполняются органами аппарата управления организации – отделами организации труда и заработной платы или лабораториями по научной организации труда. В большинстве организаций именно такой системе отдается предпочтение, поскольку имеются большие возможности разрабатывать нормы равной напряженности.

При децентрализованной системе установление, внедрение и пересмотр норм труда осуществляют соответствующие службы в структурных подразделениях организации – бюро, группа, инженеры по нормированию.

Смешанная система организации нормирования труда имеет разновидности в зависимости от вариантов перераспределения функций между теми или иными службами организации. Так, в машиностроении нормирование труда осуществляют цеховые работники, а в службах управления – отдел труда и заработной платы. Введение смешанной системы целесообразно в организациях со среднесерийным типом производства, когда установление норм на освоенную продукцию в основном производстве осуществляется в отделе труда и заработной платы, а на осваиваемую продукцию и разовые работы – децентрализованно, в цехах.

Организация управления в системе нормирования труда не регламентирована законодательством и иными нормативными правовыми актами, поэтому внедрение централизованной, децентрализованной или смешанной системы включается в компетенцию непосредственной организации.

После разработки норм труда необходимо обеспечить их применение. Для этого требуется нормы труда установить, то есть придать им обязательную силу.

Условно установление норм труда можно разделить на два этапа: первый – направление проекта норм в представительный орган работников для получения его мнения; второй – издание локального нормативного акта в виде приказа (распоряжения) о введении норм труда. Данный порядок установления норм полностью соответствует правилам о введении норм, определенным в ст. 162 Трудового кодекса РФ.

Следует отметить, что Трудовой кодекс РФ по сравнению с ранее действовавшим законодательством значительно упростил процедуру установления норм. Ранее для установления норм труда юридически обязательно было предварительное согласование их проекта с соответствующим комитетом профсоюза, то есть согласие профсоюза фактически являлось пропускным пунктом проекта норм, и если профсоюз согласия не давал, работодатель не мог ввести в действие нормы труда.

По действующему законодательству о труде требуется учет мнения представительного органа работников, а не его согласие, что означает возможность введения норм труда даже при отрицательном мнении представительного органа работников. Более того, в противоречие ст. 372 Трудового кодекса РФ, требующей учета мотивированного мнения представительного органа работников, ст. 162 Трудового кодекса РФ не предусматривает требований к мнению предста-

вительного органа работников. Соответственно, допустимо представление немотивированного мнения представительного органа работников до устранения противоречия по данному вопросу в трудовом законодательстве.

Также нет полного соответствия Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [3] Трудовому кодексу РФ. В п. 3 ст. 11 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» закреплено, что нормы труда устанавливаются работодателями, их объединениями (союзами, ассоциациями) по согласованию с соответствующими профсоюзными органами и закрепляются в коллективных договорах, соглашениях.

Первое противоречие – Трудовой кодекс РФ требует учета мнения представительного органа работников, а Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» – согласования с профсоюзным органом при установлении норм труда.

Второе противоречие – Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» предоставляет право устанавливать нормы труда объединениям (союзам, ассоциациям) работодателей, а Трудовой кодекс РФ – непосредственно работодателю.

Третье противоречие – Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» устанавливает, что нормы труда закрепляются только в коллективных договорах, соглашениях, а Трудовой кодекс РФ в ст. 159 закрепил, что в организации система нормирования устанавливается работодателем с учетом мнения представительного органа работников или в коллективном договоре.

С учетом вышеизложенного п. 3 ст. 11 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» применению не подлежит как противоречащий положениям Трудового кодекса РФ [4].

Инициаторами введения норм труда могут быть работник, работодатель и представитель работников. Однако принять решение по внедрению норм труда – исключительное право работодателя.

О введении новых норм труда работники должны быть извещены не позднее чем за два месяца.

Необходимо подчеркнуть, что Трудовой кодекс РФ в отличие от ранее действовавшего законодательства не имеет противоречия в нормах, предусматривающих сроки предупреждения о введении норм и о введении условий оплаты труда. В обоих случаях срок предупреждения составляет два месяца. В свое время Кодекс законов о труде РСФСР [5] в ст. 103 предусматривал предупреждение работников о введении новых норм труда за один месяц, а в ст. 25 говорилось, что работники должны быть извещены об изменении

старых или о введении новых условий оплаты труда не позднее чем за два месяца. Установление одинакового по продолжительности срока в указанных случаях имеет принципиальное значение, «поскольку заработная плата работающих непосредственно зависит от установленных им норм труда, они должны быть поставлены в известность обо всех изменениях в нормировании в тот же срок, что и об изменениях в оплате труда» [6].

Двухмесячный срок извещения работников обязателен и в случаях замены, и пересмотра норм труда, причем участие работников в обсуждении проектов норм труда до их утверждения не исключает обязанности работодателя официально известить заинтересованных работников о введении новых норм в действие за два месяца.

При этом трудовое законодательство не определяет форму извещения. Для сравнения, ст. 74 Трудового кодекса РФ предусматривает обязанность работодателя уведомить работника в письменной форме о предстоящих изменениях, определенных сторонами условий трудового договора. Следовательно, ст. 162 Трудового кодекса РФ требует соответствующего дополнения, касающегося письменной формы уведомления работника о введении новых норм труда.

Указанный порядок установления новых и пересмотренных норм обязателен для всех видов норм труда. Однако трудовым законодательством не предусмотрена возможность установления и введения разовых норм, например, в случае аварийной ситуации. В такой ситуации предусмотренный трудовым законодательством двухмесячный срок нецелесообразен. Поэтому необходимо провести уточнение положений Трудового кодекса РФ о том, что нормы на разовые работы (аварийные, случайные и иные, не предусмотренные технологией или планом), могут быть объявлены работникам без учета мнения представительного органа работников и без соблюдения двухмесячного срока, но во всех случаях до начала выполнения этих работ.

В любом случае при введении новых норм, в том числе пересмотренных, должны быть проведены мероприятия по приведению организационно-технических условий в соответствие с условиями, запроектированными в новых нормах труда. Необходимо также провести инструктаж работников, объяснить причины пересмотра и условия, при которых новые нормы должны применяться.

Таким образом, рассмотрение основных положений правового регулирования установления и введения норм труда определило необходимость в совершенствовании трудового законодательства по вопросам процедурного характера, уточнения понятийного аппарата, а также конкретизации случаев введения особых норм без осложненных процедур.

Примечания

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ № 197-ФЗ от 30 декабря 2001 года // Российская газета. 2001. 31 дек.
2. *Островский А. Я.* Нормирование труда рабочих и служащих. Минск, 1976. С. 32.
3. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федеральный закон от 12.01.1996 г. № 10-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.
4. Кодекс законов о труде РСФСР: закон РСФСР от 09.12.1970 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
5. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. А. М. Куренного, С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова. М., 2005.
6. Практика применения Трудового кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Ф. Нуртдинова, Б. А. Шеломов, Ю. Н. Коршунов, М. И. Кучма и др. М., 2003. С. 146.

УДК 343:340.12

Н. С. Николина

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА «ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье автор рассматривает исторические аспекты формирования проблемы института «предмет преступления» в российской науке уголовного права. Раскрывая тему статьи, автор обращается к работам ведущих российских ученых-правоведов, освещавших в своих трудах затронутую автором тему. Не останавливаясь на достигнутом, с целью выявления объективных причин, послуживших основанием для использования в настоящее время разработанного еще в советский период понятия «предмет преступления», автор анализирует точки зрения современных ученых по данной теме.

In article the author considers historical aspects of formation of a problem of institute «crime subject» in the Russian science of criminal law. Opening article subject, the author addresses to jobs of the leading Russian scientists-jurists shining in the jobs a subject mentioned by the author. Not stopping on reached, for the purpose of revealing of the objective reasons which have formed the basis for use now, the concept developed still in the Soviet period «a crime subject», the author, analyzes the points of view of modern scientists from a position of a subject of article.

Ключевые слова: предмет преступления, объект преступления, общественные отношения, проблема, состав преступления, вещи, здоровье.

Keywords: crime subject, object of a crime, public relations, problem, structure of a crime, thing, health.

В последнее десятилетие в науке уголовного права теория об объекте преступления, представляющем собой общественные отношения, подверглась обоснованной критике [1].

© Николина Н. С., 2012

При этом следует отметить, что еще в 1960 г. Б. С. Никифоров в своей работе, посвященной объекту преступления, отмечал, что «за последние годы в литературе с проблемой объекта преступления все чаще связывается вопрос о предмете преступного посягательства» [2].

С позиции автора проблема предмета преступления в науке российского уголовного права становится все более актуальной.

В подтверждение занятой автором позиции целесообразно привести высказывание В. Я. Тацця, который еще в 1988 г. в своей работе, посвященной предмету преступления, отметил, что «вопрос о месте, значении предмета преступления, его видах – дискуссионный в науке советского уголовного права. Особенно активно он обсуждается в последние годы. И хотя в теории уголовного права при решении этого вопроса получены значительные результаты, тем не менее нет оснований считать, что проблема предмета преступления уже решена» [3].

Приведенные высказывания подтверждают правильность занятой автором позиции относительно актуальности выбранной темы исследования [4], однако любое исследование можно считать неполным без исторического освещения процесса формирования проблемы в затронутом исследовании.

Анализ научной литературы, посвященной вопросу предмета преступления, позволяет сделать однозначный вывод о том, что на сегодняшний день в современном российском уголовном праве имеется лишь одна научная работа, специально посвященная проблеме предмета преступления, – это монография М. П. Бикмурзина [5].

Эволюцию проблемы предмета преступления в российском уголовном праве можно разделить на три основных периода:

- дореволюционный;
- советский;
- постсоветский.

При этом следует отметить, что дореволюционный период следует рассматривать со второй половины XIX в. до 1917 г., советский – с 1917 до 1991 г. Постсоветский период – с 1991 г.

В действительности сам термин «предмет преступления» был известен русскому уголовному законодательству на всем протяжении его существования. Бесспорна точка зрения И. В. Кузнецова, который в своей работе, посвященной предмету преступления, отмечал, что «по сути дела предмет преступления исторически является одним из первых признаков, который стал входить в диспозиции всех законодательных систем мира» [6]. К примеру, «кража имущества, поломка государственной стены, городских ворот и др.» [7]

Также следует отметить, что законодатель, как в прошлом, так и в настоящее время, при обо-

значении вещей, ценностей, механизмов и других материальных благ, на которые направлены преступные действия, и являющихся, в свою очередь, признаками соответствующих составов преступлений, широко использует в диспозициях статей Особенной части такие слова, как «имущество», «материальные ценности», «транспортные средства», «наркотические средства и психотропные вещества».

Действительно, как только тот или иной предмет посягательства включался законодателем в состав конкретного преступления, он становился объектом внимания теоретиков, но лишь в узких пределах: постольку, поскольку этого требовал соответствующий раздел Особенной части уголовного права.

Трудно не согласиться с точкой зрения И. В. Кузнецова, который отмечал, что «...на первых этапах употребления в литературе термина “предмет преступления” ему вообще не давалось научного определения, а лишь приводились различные примеры, перечислялись возможные предметы преступления (пальто, кошелек, деньги и т. п.)» [8].

Подтверждение данного факта мы находим и в работе М. П. Бикмурзина [9]. Так, М. П. Бикмурзин указывает, что «во второй половине XIX в. большинство ученых-правоведов вообще не разграничивало понятия объекта и предмета преступления. Более того, зачастую понятие объекта преступления определялось через предмет воздействия, и, наоборот, предмет преступления характеризовался как объект приложения усилий виновного» [10].

Точка зрения М. П. Бикмурзина бесспорна и основана на анализе работ российских ученых-правоведов конца XIX в., а именно: Г. Е. Колоколова [11], В. Д. Спасовича [12], А. Ф. Кистяковского [13], П. Д. Калмыкова [14], П. П. Пусторослева [15].

Так, например, в работе Г. Е. Колоколова по уголовному праву глава книги так и называется – «Предмет или объект преступления» [16], а А. Ф. Кистяковский в своем учебнике по уголовному праву приводит следующее определение объекта преступления: «Объектом преступления называется предмет, на который направлено или над которым совершено преступление» [17].

В двадцатый век Российская Империя вступила с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. и в редакции 1885 г. Уложение представляло собой и по форме, и по содержанию консервативный правовой акт феодально-монархической социально-классовой сущности, при этом не полностью кодифицированный.

Так, в указанном Уложении предмету преступления не придавалось особого уголовно-правового значения, он не был четко определен, что в

свою очередь дает возможность утверждать, что дореволюционное уголовное законодательство не делало четкого разграничения понятий объекта и предмета посягательства, при этом ученые-теоретики в области уголовного права, наоборот, зачастую смешивали эти понятия [18].

При этом следует отметить, что предпосылки для теоретического разделения объекта и предмета преступления появляются одновременно с внедрением в российскую науку нормативного подхода к праву.

Для более полного понимания данного процесса с позиции автора следует проследить эволюцию разделения объекта и предмета преступления.

Так, с позиции А. С. Белогриц-Котляровского следовало, что «...объектом преступления с формальной стороны является правопорядок государства. С материальной же стороны объектом преступления являются те жизненные блага или интересы, которые охраняются юридическими нормами» [19].

Подробно анализируя данную позицию профессора А. С. Белогриц-Костяковского, нельзя не согласиться с точкой зрения М. П. Бикмурзина, отметившего в своем фундаментальном труде, посвященном предмету преступления, относительно высказывания профессора А. С. Белогриц-Котляровского, что уже в самой концепции, высказанной профессором А. С. Белогриц-Костяковским, «явно просматривается двойственная природа направленности преступного деяния: с одной стороны, это общее право, поскольку оно нарушается преступлением как таковое, с другой стороны – частное право и интересы определенных лиц» [20].

Еще дальше пошел Н. С. Таганцев [21]. Он отмечал, что «для бытия преступного деяния необходим определенный, материально или идеально существующий, правопроявляющий предмет. Субъективное право делается доступным для посягательства на него только тогда, когда оно реализовалось, воплотилось в сочинении, картине, доме, поместье и т. п.» [22].

Таким образом, Н. С. Таганцев еще более четко сформулировал мысль о необходимости выделения предмета воздействия преступника из объекта.

Однако в связи с этим необходимо согласиться с точкой зрения М. П. Бикмурзина, который указывает, что несмотря на утверждения некоторых представителей науки уголовного права советского периода [23], позиция Н. С. Таганцева не сводилась лишь к поддержке нормативной теории права в учении об объекте преступления [24].

Иначе говоря, Н. С. Таганцев в своей работе как раз и предостерегал от такого односторон-

него подхода к признанию нормы права объектом преступления, указывая, что «в противном случае преступление делается формальным, жизненепригодным понятием, напоминаям у нас воззрения эпохи Петра Великого, считавшего и мятеж и убийство, и ношение бороды, и срубку заповедного дерева равно важными деяниями, достойными смертной казни, ибо все это виновный делал, одинаково не страшась царского гнева» [25].

Несомненно, следует отметить, что аналогичной точки зрения придерживается и М. П. Бикмурзин [26].

Бесспорна позиция М. П. Бикмурзина, по мнению которого, эволюция дореволюционных взглядов на предмет преступления нашла свое логическое завершение в трудах Н. Д. Сергиевского и А. Н. Круглевского [27].

Так, с позиции Н. Д. Сергиевского «...возникает как бы двойной объект преступных деяний: во-первых, в качестве объекта представляется, ближайшим образом, непосредственный предмет посягательства, а затем, во-вторых, отвлеченный интерес всего общежития, нарушаемый неисполнением соответствующего предписания закона. Только соединение обоих моментов образует понятие объекта, вместе с тем обосновывает состав преступного деяния: нарушение нормы закона невозможно без посягательства на конкретные блага или интересы...» [28].

Примерно в это же время А. Н. Круглевский в своей работе, посвященной имущественным отношениям [29], обращал внимание на то, что предмет преступления (у А. Н. Круглевского он называется «объект действия») часто бывает сложно отграничить от средств совершения преступлений.

А. Н. Круглевский также отмечал, что на него (предмет преступления) происходит воздействие, отличающееся от воздействия на сам объект защиты, а именно: «Ошибочно было бы думать, что объектом деликта является все то, что изменяется лежащим в его основе действием. Для деликта вовсе не характерны производимые им химические или механические эффекты» [30].

При этом следует отметить, что А. Н. Круглевский еще в 1915 г., проанализировав и обобщив имевшиеся к тому времени в русской уголовно-правовой литературе подходы к объекту преступления, пришел к выводу о необходимости разграничения понятий «объекта защиты» и «объекта действия» [31].

Анализируя изложенное, автор полностью согласен с точкой зрения Г. П. Новоселова, который в своей работе, посвященной объекту преступления, обоснованно высказал мнение о том, что соотношение объекта защиты и объекта действия в работе А. Н. Круглевского определяется имен-

но как соотношение объекта и предмета преступления, но уже в современном их понимании [32].

Следует отметить, что попытка А. Н. Круглевого в начале XX в. разделить понятия «предмета» и «объекта» преступления к 60-м гг. того же века вылилась в концепцию, суть которой в советский период была емко сформулирована ученым-правоведом А. А. Пионтковским.

Так, по мнению А. А. Пионтковского, «объект действия – с этой точки зрения – всегда предмет нашего чувственного восприятия. При этом так называемые формальные преступления признаются не имеющими объекта действия. Объектом защиты выступают государственные интересы или интересы отдельного лица, которые служили законодательным основанием для установления соответствующих карательных санкций. Это не материальный объект, а всего лишь мыслимый, абстрактный» [33].

Подводя итог анализу состояния понятий «предмет» и «объект» преступления в дореволюционный период, целесообразно привести высказывание М. П. Бикмурзина, который отмечал, что «думается, приведенные воззрения на предмет преступления, существовавшие в дореволюционный период, не потеряли свою актуальность. Как бы мы ни воспринимали уровень знаний об объекте и предмете преступления, достигнутый в то время, нельзя не считать с тем, что всякая теория в своем развитии проходит определенные этапы, каждый из которых должен основываться на предшествующем в целях обеспечения преемственности развития, учета результатов уже проведенных исследований. Так, употребляемые дореволюционными учеными термины “объект защиты” и “объект действия” во многих отношениях являются более удачными, чем термины, используемые современной наукой, – хотя бы потому, что они выражают действительное соотношение обозначаемых понятий» [34].

С позиции автора, использование современных терминов «объект преступления» и «предмет преступления» даже в опубликованной судебной практике не отличается единообразием. Очень часто эти понятия используются в значении, не совпадающем со значением данных терминов в самой доктрине уголовного права, что и подтверждается позицией по данному поводу М. П. Бикмурзиным [35].

После событий революции 1917 г. исследования в области учения об объекте и предмете преступления отсутствовали.

При этом следует отметить, что само уголовное законодательство периода с 1917 по 1922 г. характеризуется разрозненностью уголовно-правовых актов.

Это, на наш взгляд объясняется тем, что различные по составу преступления содержались в

различных директивных положениях и не кодифицированных актах. При этом предмет преступления, так или иначе, связывался с охраной новой власти и ее собственности.

Такое положение вещей продолжалось до принятия в 1922 г. первого Уголовного кодекса РСФСР. Анализ Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. позволяет прийти к выводу, что законодателем делаются попытки придать предмету преступления более существенное значение.

Однако законодатель конструирует нормы первого УК таким образом, чтобы была возможность применения норм УК по аналогии, в связи с чем указанное обстоятельство делает предмет преступления довольно размытым.

Таким образом, предмет преступления продолжает сводиться к материальным благам, обозначенным на тот момент как «рабоче-крестьянский правопорядок».

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. был правопреемником УК РСФСР 1922 г. и сохранил в себе основные положения прежнего кодекса, включая норму об аналогии закона.

Четкая теоретическая дифференциация предмета и объекта преступления появляется в монографии А. В. Лаптева в 1939 г. [36] Так, на основе анализа действовавшего в то время законодательства и изучения судебной практики его применения А. В. Лаптев отмечал, что «...предметом преступления будут те конкретные вещи, на которые направлено преступление» [37].

При этом А. В. Лаптев рассматривал предмет преступления как признак, характеризующий объект преступления [38].

А. Н. Трайнин, как и А. В. Лаптев, полагая, что «предметом преступления являются те вещи, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление» [39], тем не менее уже рассматривал предмет преступления не в связи с объектом посягательства, а как факультативный элемент, характеризующий объективную сторону преступления [40].

При этом следует отметить, что А. Н. Трайнин считал, что предмет преступления имеет существенное значение, но не во всех составах преступлений, а только там, где он предусмотрен уголовным законом.

Другой видный ученый-правовед А. А. Герцензон, разделяя взгляд на то, что не следует смешивать объект и предмет преступления или, как более точно отметил М. П. Бикмурзин, «развивая идею о том, что предмет преступления должен получить в учении о составе преступления право на самостоятельное существование» [41], писал: «Преступление в своем конкретном выражении посягает на предметы, принадлежащие отдельным гражданам, государственным или общественным учреждениям, на самих людей, на дея-

тельность органов государственной власти или их представителей. Поэтому наряду с понятием объекта преступления как общественного отношения необходимо выделить и предмет преступления, в котором этот объект находит свое конкретное и непосредственное выражение» [42].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что в таком понимании предмет преступления уже признавался обязательным элементом любого состава преступления и входил в него в качестве характеризующего объект преступления признака.

Следует отметить, что примерно с 1953 г. в советском уголовном законодательстве происходит либерализация, в связи с чем уголовное законодательство того периода времени характеризуется четким определением предмета преступления по различным составам преступления. Отдельно следует при этом отметить тот факт, что норма об аналогии была отменена.

Таким образом, дальнейшее активное развитие учения о предмете преступления характеризовалось большим разнообразием взглядов теоретиков уголовного права, которые «с некоторой степенью условности могут быть объединены в два основных направления – в зависимости от места, отводимого предмету преступления в составе преступления:

1) предмет преступления – признак состава, характеризующий объективную сторону преступления и независимый от объекта преступления;

2) предмет преступления – признак состава, характеризующий объект преступления и неразрывно связанный с ним» [43].

Предмет преступления как признак состава, характеризующий объективную сторону преступления и не зависящий от объекта преступления, представлен противниками отнесения предмета преступления к числу признаков, характеризующих объект преступления. В рамках данного направления существовало две самостоятельные позиции.

Одну из них занимал А. Н. Трайнин, который считал, что необходимо отделять предмет преступления от объекта преступления по тому основанию, что в отличие от объекта предмет преступления не терпит ущерба от преступного посягательства [44].

Вторую точку зрения отстаивал А. А. Пионковский, который указывал на нецелесообразность и обоснованность выделения предмета преступления в системе признаков объекта преступления.

Так, с позиции А. А. Пионковского подобный подход – не более чем переименование непосредственного объекта преступления, в роли которого могут быть не только общественные отношения, но и их материальное выражение или субъекты. Также А. А. Пионковский

писал, что «о предмете как элементе состава преступления можно и должно говорить лишь тогда, когда в отличие от объекта преступления на него не происходит посягательства» [45].

Нельзя не согласиться с точкой зрения М. П. Бикмурзина, который в своей работе, посвященной предмету преступления, отметил, что именно А. А. Пионковским была впервые поставлена проблема отнесения к предмету преступления тех явлений материальной действительности, которые не входят в структуру охраняемых общественных отношений и являются чуждыми им предметами [46].

В дальнейшем точка зрения А. А. Пионковского по этому вопросу претерпела изменения и он считал оправданным не выделять в отдельную правовую категорию предмет преступления, а отождествлял его с непосредственным объектом, утверждая, что «непосредственный объект преступления – это предмет воздействия преступника, который мы можем непосредственно воспринимать (государственное, общественное или личное имущество граждан, здоровье, телесная неприкосновенность, свобода и достоинство граждан, представитель власти, государственные и общественные учреждения и т. д.» [47].

Таким образом, рассмотренные точки зрения на предмет преступления объединяло признание его факультативным признаком, не зависимым от объекта преступления и характеризующим объективную сторону состава преступления. Кроме того, все они исходили из понимания сущности предмета преступления как вещи материального мира [48].

Противоположную точку зрения, то есть признание предмета преступления в качестве признака состава, характеризующего объект преступления и неразрывно связанного с ним, представляет наибольшее число ученых-правоведов. Как правильно отмечает М. П. Бикмурзин, «в рамках данного направления можно выделить несколько основных позиций – в зависимости от того, какой точки зрения на сущность предмета преступления придерживался тот или иной автор» [49].

Учитывая лимитированный объем статьи, автор вынужден ограничиться констатацией фамилий ученых и указанием существа занятых ими позиций по данному вопросу.

Так, согласно первой позиции, поддержанной Н. А. Беляевым и П. Н. Панченко, предметом преступления может быть любой из элементов структуры объекта преступления, при этом некоторые ученые, придерживающиеся такого взгляда на предмет преступления, доказывали, что беспредметных преступлений не существует [50].

Вторая позиция основывалась на признании предметом преступления двух из трех элементов, образующих структуру общественного от-

ношения, а именно: предмета общественного отношения и его субъектов. Так, Н. И. Коржанский отмечал, что «предметом преступления следует признать материальный объект, в котором проявляются общественные отношения, и воздействуя на который, субъект изменяет их. Однако такое определение предмета окажется неполным, если не учитывать, что под материальным объектом в данном определении понимается как объект, так и субъект... Это обстоятельство необходимо учитывать потому, что общественные отношения могут быть нарушены воздействием как на материальный объект, так и на субъект отношения, то есть путем воздействия на любую сторону общественного отношения» [51].

Подтверждение данной позиции мы находим в работе М. П. Бикмурзина, который, анализируя точку зрения Н. И. Коржанского, обращает внимание на существование значительного числа преступлений, «которые не имеют предмета воздействия и которые условно можно именовать беспредметными» [52].

Согласно третьей позиции предмет преступления – это предмет нарушаемого преступлением общественного отношения [53].

Таким образом, после вступления Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в силу началась реформа республиканских уголовных кодексов, продолжавшаяся с 1959 по 1961 г. Основы уголовного законодательства попытались на законодательном уровне «успеть» за развитием общественных отношений. В частности, в Основах были закреплены новые составы преступлений, посягательства которых связаны с появлением новых предметов, не выделяемых в уголовном праве ранее, однако общественные отношения как объекты посягательств в Основах зачастую смешиваются с предметом или непосредственным объектом преступного деяния.

При этом Ю. И. Ляпунов полагал, что общественное отношение как отношение между людьми не включает в себя ничего вещественного, никаких одушевленных и неодушевленных субстанций (людей, вещей, предметов и т. д.), характеризуя природные богатства как предмет преступления. По мнению Ю. И. Ляпунова, они «не входят в структурный состав отношений, не являются ни их элементом, ни их составной частью» [54].

Основы уголовного законодательства СССР 1991 г. в результате курса «перестройки» стали отличаться более совершенной юридической техникой и более четкой структурой общей части уголовного закона.

Итак, в качестве исходного существует, по меньшей мере, три различных взгляда ученых-правоведов как на само понятие предмета преступ-

ления, так и на его место в структуре охраняемых объектов посягательства и, кроме того, существует еще мнение, что предмет преступления вообще относится не к объекту, а к объективной стороне состава преступления.

При этом следует отметить, что различные позиции относительно рассматриваемой проблемы во многом предопределяют и различный подход к решению практических задач, связанных с квалификацией преступлений и установлением признаков соответствующего состава преступления.

Выведение предмета преступления за рамки объекта и признание того факта, что предмет не входит в структурный состав охраняемых отношений и не является ни их элементом, ни их составной частью, не позволяет дать точный ответ на вопрос, как в этом случае предмет преступления может материализовать и характеризовать объект преступления.

При этом раздвоенность в отнесении предмета преступления либо к объективной стороне (А. Н. Трайнин, А. А. Пионтковский), либо к объекту преступления противоречит учению о составе преступления, согласно которому «все признаки, используемые законодателем при описании конкретных составов, как бы разнообразны и многочисленны они ни были, всегда относятся к соответствующим элементам состава преступления» [55].

С позиции Я. М. Брайнина следует, что «особенностью признаков составов преступлений является то, что они не существуют и не могут существовать вне и независимо от элементов состава преступления, они связаны с последним как свойства предметов с самими предметами» [56].

Итак, следует отметить, что конец советского периода характеризуется тем, что определение понятия предмета преступления снова стало сдвигаться в сторону его «материальной», «вещественной» природы.

В дальнейшем, после активного обсуждения проблемы предмета преступления, в связи с разработкой теории общественных отношений и ее имплементацией в науку советского уголовного права, внимание к данной проблеме к девяностым годам прошлого столетия, как верно указывает М. П. Бикмурзин, существенно ослабло. Специальных монографических исследований по теме предмета преступления в рассматриваемый период не проводилось, а взгляды ученых, в основном, излагались в научных статьях и учебной литературе, изредка в монографических работах, посвященных объекту преступления [57].

На сегодняшний день большинство теоретиков уголовного права включают предмет преступления в объект преступления и подавляющее большинство из них понимают под предметом преступления вещь материального мира.

На наш взгляд, на современном этапе развития науки уголовного права при наличии имеющихся теоретических разработок и на основе анализа правоприменительной практики вопрос о предмете преступления приобретает очень важное значение и поддежит более глубокому и детальному изучению.

Примечания

1. См. например: Уголовное право России. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 1998. С. 104; *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1999. С. 157–159; *Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 3; Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. М., 2002. С. 209; *Расторопов С.* Объект преступлений против здоровья человека // Уголовное право. 2004. № 1. С. 43–45.
2. *Никифоров Б. С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 122.
3. *Тацкий В. Я.* Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков, 1988. С. 32.
4. В данной статье содержатся основные выводы, к которым пришел автор в ходе исследования по теме диссертации с учетом специфики раскрываемой в статье проблемы.
5. *Бикмурзин М. П.* Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. С. 5.
6. *Кузнецов И. В.* Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2006. С. 15.
7. *Батыр К. И.* История государства и права зарубежных стран. М., 1997. С. 37.
8. *Кузнецов И. В.* Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2006. С. 15.
9. *Бикмурзин М. П.* Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. С. 13.
10. Там же.
11. *Колоколов Г. Е.* Общая часть уголовного права: лекции. М., 1897. С. 136.
12. *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1863. С. 94.
13. *Кистьяковский А. Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, 1882. С. 308.
14. Учебник уголовного права, составленный по лекциям проф. П. Д. Калмыкова. Части Общая и Особенная. СПб., 1866. С. 49.
15. *Пусторослев П. П.* Русское уголовное право. Лекции по Особенной части. Юрьев, 1908. Вып. 1. С. 20.
16. *Колоколов Г. Е.* Общая часть уголовного права: лекции. М., 1897. С. 136.
17. *Кистьяковский А. Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, 1882. С. 308.
18. *Пусторослев П. П.* Русское уголовное право. М., 1912. С. 255.
19. Конспект курса уголовного права, читанного профессором А. С. Белогриц-Костяковским. Киев, 1882. С. 146.
20. *Бикмурзин М. П.* Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. С. 14.
21. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. СПб., 1902. Т. 1. М.: «Наука», 1994. С. 32.
22. Там же.
23. *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Юрид. лит., 1961. С. 151.
24. *Бикмурзин М. П.* Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. С. 15.
25. *Таганцев Н. С.* Указ. соч. С. 34.
26. *Бикмурзин М. П.* Указ. соч. С. 15.
27. Там же.
28. *Сергиевский Н. Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. СПб., 1913. С. 243.
29. *Круглевский А. Н.* Имущественные отношения. М., 1915. С. 13.
30. Там же.
31. Там же.
32. *Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 13.
33. *Пионтковский А. А.* Указ. соч. С. 152.
34. *Бикмурзин М. П.* Указ. соч. С. 16.
35. Там же.
36. *Лаптев А. В.* Состав преступления и квалификация уголовных дел. М., 1939. С. 6.
37. Там же.
38. Там же.
39. *Трайнин А. Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 179.
40. Там же.
41. *Бикмурзин М. П.* Указ. соч. С. 18.
42. *Герцезон А. А.* Уголовное право. Общая часть. М., 1946. С. 137.
43. *Бикмурзин М. П.* Указ. соч. С. 18.
44. *Трайнин А. Н.* Указ. соч. С. 179.
45. *Пионтковский А. А.* Уголовное право. Общая часть. М., 1948. С. 292.
46. *Бикмурзин М. П.* Указ. соч. С. 19.
47. *Пионтковский А. А.* Курс советского уголовного права. М., 1970. С. 120.
48. *Бикмурзин М. П.* Указ. соч. С. 20.
49. Там же.
50. См.: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. М.: Изд-во Ленинград. ун-та. 1968. С. 305; *Панченко П. Н.* Исследование объекта и предмета преступления // Проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. Омск, 1979. С. 163.
51. *Коржанский Н. И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Акад. МВД СССР. 1980. С. 99.
52. *Бикмурзин М. П.* Указ. соч. С. 22.
53. *Глистин В. К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л.: Изд-во ЛГУ. 1979. С. 47.
54. *Ляпунов Ю. И.* Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. С. 134.
55. *Прохоров В. С.* Курс советского уголовного права. Л., 1968. С. 260.
56. *Брайнин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963. С. 134.
57. *Бикмурзин М. П.* Указ. соч. С. 28.

Е. В. Урванцева

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

На основе федерального законодательства, регулирующего вопросы административно-правовых отношений, в статье рассматриваются проблемы административных прав, обязанностей и административной ответственности индивидуального предпринимателя, особенности применения юридических норм различных отраслей права к административно-правовым отношениям с участием индивидуального предпринимателя.

On the basis of analysis of current legislation, regulative questions administratively legal relations, in the article examined problem of administrative laws, duties and administrative responsibility of individual businessman, features of application of legal norms of the different fields of law to the administratively legal relations with participation an individual businessman.

Ключевые слова: физическое лицо, должностное лицо, административные права и обязанности физического лица, индивидуальный предприниматель, административные права и обязанности индивидуального предпринимателя, ограничения административно-правового статуса индивидуального предпринимателя, административная ответственность индивидуального предпринимателя.

Keyword: physical person, public servant, administrative laws and duties of physical person, individual businessman, administrative laws and duties of individual businessman, limitations of status of individual businessman, administrative responsibility of individual businessman.

Конституционное закрепление основ предпринимательской деятельности в Российской Федерации «непосредственно связано с наделением граждан Российской Федерации неотчуждаемыми, признаваемыми от рождения правами, связанными со свободой, равенством и независимостью [1].

Данные права закреплены в различных статьях Конституции Российской Федерации (8, 17, 34, 55, 71, 72 и других).

Государство, выступая в качестве суверена политической власти, «обязано обеспечивать определенный режим партнерских отношения для всех участников предпринимательской деятельности» [2].

В то же время взаимосвязи государства и личности нуждаются в четкой регламентации: упорядоченности и урегулированности.

Административно-правовой статус личности составляет в современном обществе важнейшую

часть общего правового статуса, поэтому следует рассмотреть вопрос о сущности правового статуса индивида.

Ученые по-разному подходят к данному вопросу. Например, по мнению О. Р. Халфиной, основой правового статуса личности являются общие (конституционные) права и обязанности [3]. В. И. Новоселов полагает, что правовой статус граждан помимо общих конституционных прав включает еще и отраслевые права и обязанности [4].

Другой исследователь вопроса правового статуса личности А. Д. Воеводин считает, что правовой статус личности составляет совокупность разнообразных связей и отношений между обществом, государством и гражданином, урегулированных нормами права [5].

Другие ученые, в частности Н. И. Матузов, В. А. Кучинский, в структуру правового статуса помимо прав и обязанностей включают еще и ответственность [6], а В. Н. Витрук – и законные интересы субъекта [7].

Наиболее полное определение правового статуса дает Ю. И. Козлов, который под правовым статусом понимает отраслевую право- и дееспособность, комплекс прав и обязанностей, регламентированных нормами конкретных отраслей права [8].

В науке административного права отсутствует единое мнение по вопросу о том, что представляет из себя административно-правовой статус гражданина Российской Федерации.

Например, Д. Н. Бахрах определяет административно-правовой статус индивидуального субъекта как правовое положение личности в ее отношениях с субъектами исполнительной власти, урегулированное нормами государственного и административного права [9].

Другой исследователь данного вопроса Н. Ю. Хаманева рассматривает административно-правовой статус индивидуального субъекта как комплекс прав и обязанностей граждан, закрепленных нормами административного права, также гарантий реализации прав и обязанностей [10].

О таком структурном элементе административно-правового статуса гражданина, как юридические гарантии, говорит С. Д. Князев. Он выделяет следующие принципы гарантирования административно-правовых возможностей граждан: определение в законодательстве конкретных должностных лиц органов государственной и муниципальной власти, ответственных за обеспечение условий для реализации прав и свобод граждан; закрепление обязанностей органов и должностных лиц публичной администрации, установление четко разработанных административных процедур, исчерпывающим образом оговаривающих порядок исполнения соответствующего

щими субъектами управления своих обязанностей в отношениях с гражданами; усиление ответственности органов государственной и муниципальной власти и их должностных лиц за неисполнение обязанностей в сфере государственного управления [11].

Наиболее полно вопросы административно-правового статуса раскрыты у Н. М. Кониной, который выделил несколько административно-правовых статусов физических лиц-индивидов: общий, особенный и специальный.

Именно этот ученый определил различие между статусами физических лиц в административном праве. Он указал, что предприниматели имеют специальный административно-правовой статус, исходя из реализации прав и обязанностей в конкретной сфере деятельности, а именно, в предпринимательской.

С этим утверждением ученого следует согласиться, так как индивидуальные предприниматели обладают отличной от физических лиц-непредпринимателей административной правосубъектностью.

Следует отметить, что в современном административном праве вопрос об административно-правовом статусе индивидуального предпринимателя практически не изучен. Ученые обращают внимание на отдельные положения административно-правового статуса физического лица, такие, как право и дееспособность, деликтоспособность, но не учитывая при этом особенности правового положения индивидуального предпринимателя в административных отношениях.

Например, Ю. А. Бунеева указывает на тот факт, что правоспособность в юридическом (правовом) смысле выравнивает людей между собой, делает их по отношению к государству (его законам и механизмам их защиты) равноправными [12].

Данная позиция представляется оспоримой, так как правоспособность физического лица без статуса индивидуального предпринимателя и со статусом такового различны: административная правоспособность как правовая категория нужна прежде всего там, где субъективные права возникают на основе юридических фактов.

Следует особо отметить, что в административном праве многие субъективные публичные права и обязанности субъект не только не может реализовать с момента рождения, но и не способен обладать этим правом, поскольку закон не закрепляет и не гарантирует ему такую возможность за каждым в силу специфики самого субъективного права, т. е. существует еще целая группа прав, в которой стадия обладания и пользования неразделимы. Следовательно, для того чтобы индивид мог стать обладателем и пользователем этих прав, он должен быть при-

знан не только правоспособным, но и дееспособным [13].

При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что в отличие от частно-правовых отраслей права, например, гражданского (ст. 21 Гражданского Кодекса Российской Федерации), в административном праве отсутствует легальное определение дееспособности.

Так же как и в вопросе административной правоспособности индивидуального субъекта, отсутствует единое мнение ученых и в вопросе административной дееспособности физического лица.

Например, Д. Н. Бахрах, Б. В. Росинский, Ю. В. Старилов дают следующее определение административной дееспособности: «Административная дееспособность – это способность лица своими личными действиями осуществлять права, выполнять обязанности, предусмотренные административно-правовыми нормами, и нести ответственность в соответствии с этими нормами» [14].

Другой исследователь данного вопроса Д. М. Овсянко по-иному подходит к термину «административная дееспособность». По его мнению, административная дееспособность – «способность гражданина своими личными действиями приобретать субъективные права и выполнять возложенные на него юридические обязанности в сфере исполнительной власти» [15].

Исходя из аутентичного толкования термина «административная дееспособность», можно прийти к выводу, что вышеуказанные исследователи вопроса административной дееспособности индивидуального субъекта расходятся в определении понятия «административная дееспособность».

Д. Н. Бахрах, Б. В. Росинский, Ю. Н. Старилов дают более четкое определение административной дееспособности физического лица, которое, в отличие от определения, данного Д. М. Овсянко, включает конкретную отсылку в правовом регулировании на административно-правовые нормы.

Следует также отметить, что без понимания вопроса гражданской дееспособности невозможно в полном объеме проанализировать вопросы административной дееспособности, в том числе и индивидуального предпринимателя.

Как точно отмечает Г. Д. Отнюкова – исследователь вопроса дееспособности физического лица в предпринимательском праве, – «закон не определяет возраст таких лиц – лиц, которые хотя и регистрируются в качестве индивидуального предпринимателя» [16].

Этот же автор справедливо указывает на взаимосвязь возраста, с которого физическое лицо может стать индивидуальным предпринимателем, и возраста, с которого наступает административная ответственность этого субъекта, – 16 лет,

то есть административная дееспособность гражданина-предпринимателя (возможность занятия предпринимательской деятельностью) связывается у Г. Д. Отнюковой с возможной ответственностью гражданина-предпринимателя.

Данный подход следует считать объективным, если учесть, что в 16 лет физическое лицо достаточно четко может выбрать тот вид экономической деятельности, которым оно хочет заниматься, при наличии паспорта имеет возможность самостоятельно осуществить процедуру регистрации в качестве индивидуального предпринимателя согласно Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [17], также имеет возможность согласно ст. 27 Гражданского кодекса Российской Федерации обрести статус полностью дееспособного лица до достижения 18 лет [18].

Исходя из вышеизложенного, следует перейти к вопросу об особенностях административно-правового статуса индивидуального предпринимателя с учетом взаимосвязи административно-правовых норм с нормами гражданского, предпринимательского права.

Наиболее полно вопрос административно-правового статуса индивидуального предпринимателя раскрыт у таких ученых-административистов, как В. Я. Кикоть, И. Ш. Киясханов, П. И. Кононов [19].

Именно эти авторы выделили отдельные положения, отличающие правовое положение индивидуальных предпринимателей от иных субъектов хозяйственной деятельности, а также физических лиц без статуса индивидуального предпринимателя.

С мнением данных ученых относительно содержания административно-правового статуса индивидуального предпринимателя следует согласиться.

Административно-правовой статус индивидуального предпринимателя включает в себя права и обязанности, в том числе и ограниченные законом, а также административную ответственность, предусмотренную КоАП РФ за правонарушения, совершенные в сфере предпринимательской деятельности.

При рассмотрении всех вышеуказанных положений следует остановиться на проблемах, которые не разрешены законодательно и ранее не являлись предметом научных дискуссий.

К таким проблемам следует отнести:

1. Правовую регламентацию прав индивидуального предпринимателя в административно-правовой сфере

Административно-правовые отношения индивидуального связаны с различными видами хозяйственной деятельности, поэтому данные от-

ношения регулируются нормативными правовыми актами, различными по юридической силе и являющиеся источниками не только административного права, но и других отраслей, например гражданского права, предпринимательского права.

Например, Федеральный закон № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» указывает на субъекта, который имеет быть право быть арбитражным управляющим [20]; ФЗ № 307 «Об аудиторской деятельности» раскрывает вопрос об индивидуальном предпринимателе в статусе аудитора [21]. Оба этих нормативно-правовых акта являются источниками Предпринимательского права и закрепляют положения о правах индивидуального хозяйствующего субъекта в абсолютно различных по своему содержанию отношениях.

Например, Федеральный закон № 61 «Об обращении лекарственных средств» и Положение о лицензировании фармацевтической деятельности регулируют вопросы в области фармацевтической деятельности и правил занятия этой деятельностью индивидуальным предпринимателем [22]. Данные нормативные акты являются источниками Предпринимательского права и регулируют вопросы лицензирования фармацевтической деятельности всех хозяйствующих субъектов, а не только индивидуальных предпринимателей.

Помимо вышеуказанных видов деятельности индивидуальные предприниматели осуществляют свою деятельность в других сферах экономики, обладая при этом определенными административными правами после прохождения указанных в соответствующих нормативных актах процедур: например, процедуры аккредитации [23], процедуры лицензирования [24] и иных процедур, установленных законом для субъектов коммерческой деятельности.

2. Правовую регламентацию обязанностей индивидуальных предпринимателей в административно-правовой сфере

Обязанности индивидуального предпринимателя в административно-правовой сфере:

1) не имеют четкой регламентации в едином нормативном акте, за исключением Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в котором регулируются вопросы обретенная физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя;

2) относятся к разным видам экономической деятельности индивидуального предпринимателя и регулируются различными по юридической силе нормативно-правовыми актами.

Например, Федеральный закон № 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии на-

селения», в пп. 2 п. 2 ст. 2 которого говорится о соблюдении санитарных норм в том числе и индивидуальными предпринимателями как составной части предпринимательской деятельности последних. В то же время некоторые санитарные нормы и правила регулируют вопросы конкретного вида предпринимательской деятельности, а именно, деятельности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в сфере проектирования, строительства и эксплуатации объектов коммунально-бытового назначения, оказывающих парикмахерские и косметические услуги [25].

3. Правовое ограничение общих и специальных административных прав индивидуального предпринимателя

Различные основания ограничения, связанные с видом деятельности индивидуального предпринимателя:

А. Законодательные ограничения на основе лицензирования.

Б. Ограничения, устанавливаемые законодательно в областях деятельности индивидуального предпринимателя, не требующие лицензирования.

В первом случае применяются правила ФЗ № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 года (пункт «а»), а во втором случае (пункт «б») это виды деятельности, которые не подпадают под действие вышеупомянутого федерального закона и, следовательно, правовое регулирование осуществляется отдельными нормативными актами по каждому виду деятельности отдельно. Например, к таким видам деятельности относится деятельность частнопрактикующего нотариуса, индивидуального аудитора, частная детективная деятельность, уплата налогов и сборов предпринимателями [27]. Данный перечень не исчерпывающий.

Анализируя приведенные федеральные законы, можно увидеть, что ограничения будут связаны в первом случае с теми видами деятельности, которым нельзя заниматься индивидуальному предпринимателю не в силу Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», а в силу положений, утвержденных постановлениями Правительства Российской Федерации для конкретного вида предпринимательской деятельности, в которых указывается субъектный состав и вид деятельности, которым может заниматься юридическое лицо, юридическое лицо и индивидуальный предприниматель или только индивидуальный предприниматель.

Таким образом, индивидуальный предприниматель, занимающийся конкретным видом хозяйственной деятельности, обязан знать все ограничения, которые содержатся в нескольких нормативно-правовых актах и могут затрагивать не

только его интересы, но и интересы юридических лиц как субъектов хозяйственной деятельности.

4. Административная ответственность индивидуального предпринимателя

В гл. 14 КоАП РФ отсутствуют разграничения по видам ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за совершение ими правонарушений, влекущих наступление административной ответственности для хозяйствующих субъектов. Отсутствие такого разграничения объяснимо, так как ответственность указанных в этой главе КоАП РФ субъектов связана с их коммерческой деятельностью.

В то же время административная ответственность предпринимателей как субъектов административных правоотношений базируется на нормах КоАП РФ, в которой предприниматели приравниваются по своему статусу к должностным лицам, а не к юридическим.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам:

1. Административно-правовой статус индивидуального предпринимателя связан с административно-правовым статусом физического лица, но имеет специфическое содержание, основанное на взаимосвязи с другими отраслями права: предпринимательским и гражданским.

2. В действующем административном законодательстве отсутствует легальное определение «административно-правовой статус индивидуального предпринимателя», то есть не раскрывается понятие правосубъектности и ответственности индивидуального предпринимателя в административных правоотношениях, что создает сложности при квалификации законности действий индивидуального субъекта хозяйственной деятельности со специальным статусом.

5. Отсутствует четкий перечень ограничений прав только индивидуального предпринимателя, закрепленный в едином нормативно-правовом акте.

Данные пробелы можно устранить, приняв федеральный закон об административно-правовом статусе индивидуального предпринимателя в Российской Федерации.

Примечания

1. См.: Отнюкова Г. Д. Предпринимательское право. М.: Проспект, 2010. С. 75.
2. См.: Там же. С. 78.
3. См. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношениях. М., 1974. С. 123–124.
4. См.: Новоселов В. И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. М., 1977. С. 23.
5. См.: Воеводин А. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 6.
6. См.: Матузов Н. И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса

- личности // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 81–89; *Кучинский А. В.* Личность, свобода, право. М., 1979. С. 115.
7. См.: *Витрук В. Н.* Основы правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 29.
8. См.: Государственное управление в административном праве. М., 1979. С. 30.
9. См.: *Бахрах Д. Н.* Административное право. М., 2001. С. 9.
10. См.: *Хаманева Н. Ю.* Понятие и сущность административно-правового статуса гражданина // Административно-правовой статус гражданина. М., 2004. С. 10.
11. См.: *Князев С. Д.* Некоторые вопросы законодательного обеспечения административно-правового статуса российских граждан // Административно-правовой статус гражданина. М., 2004. С. 17.
12. См.: *Бунеева Ю. А.* Теоретические проблемы административной правосубъектности гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 13.
13. См.: *Бахрах Д. Н.* Административное право. М.: БЕК, 1999. С. 45.
14. См.: *Бахрах Д. Н., Росинский Б. В., Стариков Ю. Н.* Административное право. М.: Норма, 2008. С. 133.
15. См.: *Обвянко Д. М.* Административное право. М.: Юристъ, 2001. С. 13.
16. См.: *Алексий П. В., Коршунов Н. М., Эриашвили Э. Д.* Предпринимательское право. М.: Юнита, 2008. С. 46.
17. См.: ФЗ № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 (ред. 01.07.2011 № 169 ФЗ).
18. См.: Гражданский Кодекс РФ с комментариями. М.: БЕК, 2010.
19. См.: Кикоть В. Я., Килясханов К. Ш., Кононов П. И. Административное право. М., 2008. С. 105.
20. См.: ФЗ № 127 «О несостоятельности» (банкротстве) от 26.10.2002 (ред. 07.02.2011).
21. См.: ФЗ № 307 «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 (ред. 01.07.2011 № 169 ФЗ).
22. См.: ФЗ № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 (ред. 01.07.2011 № 169 ФЗ).
23. См.: ФЗ № 184 «О техническом регулировании» от 27.12.2002 (ред. от 28.09.2010 № 243 ФЗ).
24. См.: ФЗ № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 (ред. 18.07.2011 № 242 ФЗ).
25. См.: ФЗ № 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1994 (ред. 18.07.2011).
26. См.: ФЗ № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 (ред. 18.07.2011 № 242 ФЗ).
27. См.: ФЗ № 307 «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 (ред. 01.07.2008 № 169 ФЗ); ФЗ № 4462-1 от 11.02.1993 Основы законодательства о нотариате (ред. 05.07.2011 ФЗ № 154); Налоговый кодекс Российской Федерации с комментариями. М.: Юрайт, 2011.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 82-141+82(091)(470.342)

В. А. Поздеев

СТАНОВЛЕНИЕ ВЯТСКОЙ ШКОЛЫ ПОЭЗИИ в 60–70-х гг. XVIII в. (ЖАНР ОДЫ В ВЯТСКИХ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКАХ)*

В данной статье рассматривается история становления вятской поэтической школы в XVIII в. и создание учебников «Поэтики». Предметом специального исследования становится жанр похвальной оды вятских поэтов 60–70-х гг. XVIII в. в рукописных сборниках, сфера бытования и функциональные задачи жанра оды.

This paper examines the history of the formation of the Vyatka poetic school in the eighteenth century and the creation of textbooks "Poetics." Subject of a special investigation is the genre laudable odes Vyatka poet 60–70-ies of the eighteenth century in the manuscript collection, the scope of the problem of existence and function of the genre of the ode.

Ключевые слова: жанр, вятская школа поэзии, ода 60–70-х гг. XVIII в., становление, функциональные жанровые особенности провинциальных «поэтик», рукописные сборники.

Keywords: genre, Vyatka school of poetry, an ode to the 60–70-ies of the eighteenth century, becoming, functional genre features provincial "poetics", manuscript collections.

Русский классицизм и жанр оды привлекал и привлекает внимание известных филологов на протяжении XIX–XXI вв. К теории оды обращались в свое время А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, В. Г. Белинской и другие. В XX в. такие известные филологи, как Ю. Н. Тынянов, П. Н. Берков, Г. А. Гуковский, И. З. Серман, Г. П. Макогоненко, Л. И. Кулакова, В. А. Западов выявили специфику оды как универсального жанра мировой литературы, а также черты ее русского национального своеобразия.

Ода на протяжении XVIII столетия являлась основным жанром, который претерпевал внутренние и внешние изменения, но оставался «образцом» возвышенной лирики [1]. Как отмечал И. З. Серман, «судьба оды в русской литерату-

ре – это и судьба самого классицизма» [2]. Ода на российской почве, в том числе и провинциальной, представлена различными жанровыми модификациями: похвальная (торжественная, пиндарическая), духовная (божественная, парафрастическая), горацянская, анакреонтическая, нравственно-философская, историческая и др. [3] Горацянская традиция начиналась с од В. К. Тредиаковского, а пиндарическая традиция – с од М. В. Ломоносова. Эти жанровые разновидности разрабатывали А. П. Сумароков, а затем М. М. Херасков и его «кружок» (В. И. Майков, А. А. Ржевский, А. В. Нарышкин, С. В. Нарышкин, А. А. Нарышкин).

Торжественная ода, по преимуществу панегирическая, была связана с торжествами, имеющими общегосударственное значение. Как отмечала Н. Ю. Алексеева, «к таким торжествам в XVIII в. относили одержанную победу, заключение мира, четыре ежегодных царских дня (день восшествия на престол, день коронации, день тезоименитства и день рождения царствующей особы), рождения и кончины лиц царской семьи, отъезд или въезд монарха в город. Оды, посвященные не царствующим особам, какое бы высокое положение они ни занимали, не были «торжественными»» [4].

В 1770–1790-х гг. В. П. Петров всецело посвятил свои оды восхвалению власти предрежущих. Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Хемницер и Г. Р. Державин образовали своеобразную дружескую группу, которая особо почитала Горация и его творчество. Г. А. Гуковский писал об одическом творчестве Г. Р. Державина: «В начале своего творческого пути Державин воспринял различные системы, переданные ему историей, как системы различных жанров. Потом, выйдя на собственный путь, он отрывает все стилистические признаки от слитых с ними прежде жанровых понятий, произвольно, по-новому выбирает из общей их суммы то, что ему нужно, и соединяет их в немислимых прежде сочетаниях. Самые жанры, лишённые своих стилистических характеристик, также спутываются. Реформа Державина с этой точки зрения оказывается жанровым переворотом, уничтожением жанрового классификационного мышления, характерного для середины XVIII столетия» [5].

Популярность оды в последней трети XVIII в. в общероссийском масштабе угасала, однако в

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-14-43002.

провинциальной литературе, которая имела некоторую инерционность развития, ода продолжала занимать видное место. Этому явлению способствовали провинциальные учебные заведения, в которых преподавалась пиитика, основанная на классицистических традициях.

Вятская поэтическая школа [6] сложилась в первой половине XVIII в. при славяно-латинской, а затем и духовной семинарии. Вятская духовная семинария принадлежала к наиболее организованным и передовым духовным школам России XVIII в. Период ее расцвета приходится на 1760–1780-е гг.

Характерной чертой семинарской жизни было всеобщее увлечение литературой, прежде всего поэзией. Дошедшие до нас варианты «Поэтик», ученические тетради свидетельствуют о том, что поэзия определяла основной (впрочем, не официальный) профиль этого учебного заведения. Со сланный в Вятку, Лаврентий Горка неумоимо продолжал свою просветительскую деятельность. Велика его роль не только в воспитании учеников созданной им здесь славяно-латинской школы, но и в развитии традиционной поэзии и школьной драмы, поскольку он сам был одаренным, ярким литератором. Можно с уверенностью сказать, что его роль в формировании духовной ауры будущей Вятской семинарии, которой суждено было стать эпицентром «областного культурного гнезда», была заметна – и не учитывать ее нельзя [7]. У истоков вятского стихотворства стояли, помимо Лаврентия Горки, Иоаким Богомедлевский и Михаил Евстафьевич Финицкий, Петр Матвеевич Глемаровский – учителя, посвятившие вятчан в тайны «пиитических трудов».

Известный вятский исследователь культуры и литературы XVIII – начала XIX в. А. С. Верещагин писал, что «вятское стихотворство поэтому в начале и не было собственно русское, а так называемое славянорусское, и первые вятские стихи, появившиеся в конце 30-х гг. прошлого века среди вятского грамотного люда, иначе и не назывались, как *versus sclavonici*» [8].

Иоаким Богомедлевский – первый учитель пиитики в славяно-латинской школе – не оставил формальных следов своего пребывания в Вятке. Он прибыл на Вятскую землю в 1732 г. по указу Святейшего Синода в ссылку, так же как и Лаврентий Горка. Отбывать ссылку ученый-монах должен был в отдаленном Чердынском монастыре, в окопах за «бродяжество». Иеромонах Иоаким Богомедлевский был человеком незаурядным: ученик Киевско-Могилянской академии, он входил в число наиболее образованных людей своего времени. Известно о И. Богомедлевском немного [9].

Уже одно то обстоятельство, что И. Богомедлевский был связан с традицией польской силлабической школы, чрезвычайно важно, так как эта

традиция несла отчетливое влияние стиля барокко [10]. Отчасти эта традиция проявилась и в деятельности другого заметного преподавателя Вятской семинарии – Михаила Евстафьевича Финицкого. Как и многие образованные люди начала XVIII в., М. Е. Финицкий получил образование в Киево-Могилянской духовной академии. В июне 1735 г. он был приглашен Лаврентием Горкой в Вятскую духовную семинарию. М. Финицкий прошел путь от преподавателя грамматики до преподавателя пиитики, риторики и диалектики, и даже с 1740 по 1744 г. возглавлял семинарию. М. Финицкий сочинял стихи, проповеди и произносил их с кафедры, о чем красноречиво говорят документы ГАКО [11].

В Региональном центре книжных памятников Кировской государственной областной научной библиотеки имени А. И. Герцена под № 246 [12] хранится рукописный учебник поэтики М. Финицкого «*Idea artis poeseos, ad usum et institutionem studiosos juventutis Roxolanae tradia in orthodoxo collegio wiatcesis a domino M. Finicky, professore poeseos, 1741 anno septembri 22 Dic*» («Учебник по искусству поэзии»). Необходимо отметить, что традиция написания учебников «Поэтики» восходит к Аристотелю, к «Посланию к Пизонам» («*Epistola ad Pisones*»), названному позднее «*Ars poetica*» Горация и их латинским интерпретаторам. В период средневековья многие преподаватели пиитики создавали собственные учебники, но они традиционно опирались на предшественников: в структуре, в расположении материала, даже в примерах использовали переводы своих учителей. Одним из таких ответвлений являлась традиция, связанная с польско-украинской школой. Особое место в ней занимала Киево-Могилянская академия [13].

Учебник М. Финицкого написан в духе поэтических трактатов первой трети XVIII столетия. Комплекс идей и поэтических воззрений, предложенных М. Финицким ученикам Вятской семинарии, схож с комплексом идей поэтики Феофана Прокоповича (Феофан Прокопович «О поэтическом искусстве») [14]. Однако «*Idea artis poeseos...*» М. Финицкого свидетельствует о том, что ее автор не был лишь подражателем, напротив, М. Финицкий в «*Idea artis poeseos...*» выступил как новатор. Труд М. Финицкого во многом развивает идеи учебника пиитики Феофана Прокоповича и Лаврентия Горки (1707 г.). М. Финицкий несколько сократил и изменил рукопись Горки, сохранив композицию, структуру, основной корпус примеров. «*Idea artis poeseos...*» разделена на четыре книги. В первой говорится о природе, предмете и цели поэзии, о поэтическом вымысле, поэтических средствах и видах стихов *subsidia poeseos*. Вторая книга рассказывает об эпической, комической и трагической поэзии.

Третья – о поэзии элегической, буколической, сатирической и лирической. Четвертая книга посвящена поэзии эпиграмматической и «стихам менее важным», так называемым *artificosis*.

Изложение поэтических правил сопровождается примерами из Вергилия, Горация, Овидия. Многие латинские и польские стихи даны в переводе на «славянорусский язык». Вероятно, переводы выполнены Л. Горкой и М. Финицким. А. С. Верещагин приводит двенадцать латинских двустиший (с русским переводом), посвященных преосвященным Лаврентию и Вениамину. Художественный уровень гратуляций М. Финицкого свидетельствует о мастерстве и талантливости их автора:

Угасшу Лаврентию на его престоле,
Вениамин сияет по Божьей воле.

* * *

Угасе добротой лампада горяща,
Вторая возжеся равнее светяща.

* * *

Упаде веры Божией столб неколебимый,
Днесь инна утверди Бог везде хвалимый.

* * *

Сконча Лаврентий труды от смертныя страсти,
А Вениамин прииде овцы его пасти.

* * *

По умершем Лаврентии преподобном пастыре
Полно все слез в сем вятском мире.

* * *

Вениамин же прииде слезы утолити
Вятские овцы гладны оживити [15].

В силу ряда причин провинциальная жизнь и вместе с ней литература несколько отставали от столичных тенденций. Однако эти тенденции воспринимались особенно быстро в «школьной среде». Так, в 1760-е гг. в Вятку широко проникают произведения М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова. Их оды, сатирические произведения, басни оказывают большое влияние на местных пиитов. Вятские пииты писали оды, поздравительные стихи, как и в других провинциях России, на определенные торжественные события. Они откликались как на общероссийские события, но чаще на события в своей губернии или городе.

В 1740–1750-х гг. в Вятской семинарии сменилось несколько учителей пиитики и риторики. «Предназначенный быть», – писал А. С. Верещагин, – «обязательным» пиитом и учителем пиитики был Петр Матвеевич Глемаровский. Он прожил в Хлынове около трех с половиной лет (с

октября 1744 г. по март 1748 г.) и оставил учебник пиитики под заглавием "Liber de arte poetica, in orthodoxo Wiatcensi collegio anno 1745 oblatus". Сам П. Глемаровский учился пиитике в Казани или у Вениамина Григоровича, или Филиппа Скаловского, студентов Киевской академии, приехавших в Казань не позже сентября 1739 г. и, следовательно, привез с собою в Хлынов пиитику тоже "киевскую" тридцатых годов прошлого столетия» [16]. После П. Глемаровского были назначены (правда, не сразу): учителем пиитики – Федор Лукич Порошин (Радикорский), а учителем риторики – Мина Тарасевич Мышкин. Оба учителя были в семинарии недолго [17]. Этих учителей сменили иеромонах Трифилий Сокольский и протодиакон Алексей Андреевич Свирипов. А. С. Верещагин отмечает, что Сокольский, «один их киевских студентов», вероятно, пользовался учебником «Пиитики» Конисского [18].

После «восстановления» преосвященным Варфоломеем духовной семинарии на Вятке в 1758 г. (класс пиитики восстановлен в 1761 г.) недолгое время учителем пиитики был Григорий Демьянович Хрещатинский.

Одним из талантливых учеников Вятской духовной семинарии был Матвей Александрович Ушаков, который учился у П. Глемаровского [19]. Талант вятского пиита проявился в том, что он обращался к различным жанрам, свойственным русскому классицизму. Он писал оды, торжественные, похвальные стихи, сатиры, элегии. В его произведениях нашли отражение просветительские идеи. Как и его предшественники Л. Горка и М. Финицкий, М. Ушаков создает свой учебник «Clasis Artis poeseos ad usum et instutionem neonavarcha rum instrusta Propter conficiendam tum ligatam Solutama orationem Jseminario Wiatcensi sub auspitiis ac directione Jllustrissimi Bartholomei antistitis Wiatcensis nec non magna Permia, manifestata Anno Domini 1761 mens octobmbri 15 Die. Ex libris Gabrieles Szutov» [20]. В этом учебнике есть словарь «Epitome Phrasium poetica» [21]. В нем на латинском языке даются словарные статьи по теории поэзии и риторики.

В одном из вариантов учебника М. Ушакова, сохранившемся в отрывках, есть «приветственная песнь» Екатерине Алексеевне, написанная трехстопным и четырехстопным ямбом. Торжественный пафос «приветственной песни» придает уже не «тяжелые» силлабические строки, а более простые, но эмоционально окрашенные эпитеты:

Тобою мы все благодостны,
Всем ныне дни сияют красны:
Обилие, богатство вновь!
У всех мы видим дух спокойный,
Порядок зрится всюду стройный,
Усердность, искренность, любовь... [22]

Основа поэтического сюжета оды – это противопоставление «что было» и «что есть» при правлении Екатерины Алексеевны. Создается своеобразное противопоставление тьмы и света, ночи и дня, хаоса и порядка, бедности и обилия, косности и науки.

В стихотворении «Похвала наукам» (58 строк) поэт говорит о любви к просвещению, науке, поэзии. В «Элегии на кончину славного разумом и благочестием стихотворца» М. Ушаков подчеркивает безвременность кончины поэта, скорбь, которая разрастается до вселенских масштабов. Естественно, автор употребляет в этом стихотворении традиционные образы мифологии Древней Греции:

Как громки плачущих здесь крики
Рзят всех жалостью сердца!
Как дождь шумит из туч великий,
Так льются слезы без конца!
Внезапным горести ударом
Олимп покрылся светлым хмаром
И всколебался наш Парнас,
Замолк изящной музыки глас! [23]

Однако можно заметить влияние украинских учителей, например, в «Элегии» встречаем украинизм – «хмара» (облако, туман).

Вятские поэты осознавали, что возникла потребность заменить тяжелые латинские грамматические формы и синтаксические конструкции русского книжного языка более гибкими формами и тем самым придать им легкость и естественность разговорной речи. Таковым является стихотворение М. Ушакова «Моим завистникам», написанное уже в силлабо-тонической системе и «песенной» стилистике.

Зависть свой язык презлобный
Изострила будто меч,
Погубить меня способный,
Чтобы счастье мне пресечь.
Растворила рот как бездну,
Чтобы жертву поглотить,
Погрузить во тьму беззвездну,
Бед горами подавить.
Начала шептать и в уши
Сильным людям на меня,
И вливала гнев в их уши,
Подозренья вкореня... [24]

Еще одним талантливым поэтом и учителем был Григорий Софроньевич Шутов [25]. В вятской исследовательской литературе Г. Шутов часто связывается с сатирическим направлением, так как он писал басни и эпиграммы. Они стали известны по публикациям А. С. Верещагина. Однако его перу принадлежат оды и хвалебные сти-

хи «высоким» лицам. А. С. Верещагин писал, что в период учительствования Г. Шутова в классе пиитики более всего упражнялись в составлении гратуляций, «то есть в составлении приветствий высшим лицам архиерею, ректору и другим. Такие гратуляции готовились к праздникам Рождества и Пасхи, к именинам архиерея, ректора, а также – по случаю посещения "парнасса" (sik! – В. П.) каким-либо важным лицом. Писали их и на латинском и на русском языке, – и надобно заметить, – латинские гратуляции большей частью выходили лучше, чем русские» [26].

Г. Шутов написал гратуляцию (поздравление и пожелание счастья) ректору Вятской семинарии Андрею. Эта гратуляция была преподнесена Ермилом Костровым в день Пасхи, поэтому она возвышенна и глубоко пронизана мифологией.

Ифмону в Риме признавали
Владычицею всех садов
В знак чести храмы создавали,
Давали жертвы от цветов.
Тебя мы также поздравляем,
Начальник нашего сада,
Но в дар привет такой дерзаем
Дать вместо храмов и плода:
Не дремлющее Божье око
Пусть здравие всегда хранит
И счастье твое высоко
Как кедр в Ливане возрастит...

И хотя Г. Шутов в учебнике ориентировал учеников на классические образцы силлабической поэзии, в своем стихотворном творчестве он был одним из первых, кто применил на Вятке силлабо-тоническое стихосложение. В статье А. С. Верещагин отмечал, что стихотворения Г. Шутова сохранились в большом количестве. Так, в одном из сборников, на титульном листе есть такая надпись: «Сия книга городе Слободском протоиерея Гаврила Софрониева сына Шутова подписано им 1804 года месяца мая, 13 дня» [27].

Г. Шутов написал две оды, восхваляющие архиерея Варфоломея, который благосклонно относился к стихам поэта. Эти гратуляции дошли до нас: одна – в учебнике, переписанном Пенягиным (20 строк), другая – в сборнике Г. Шутова (16 строк) [28]. Первая ода была преподнесена, как писал А. С. Верещагин, «в дар преосв. Варфоломею во время посещения им школ». Эта ода тоже выдержана в духе классицизма.

Я Господа благодарю,
Что своего ума плод первый
В руках у пастыря уж зрю:
Он сам худой стих исправляет,
А где приятной, похваляет,
Как вертоградарь чистит плод... [29]

В этой оде поэт выдерживает довольно официальный тон, но в ней Г. Шутов делает намек на то, что его стихи известны «пастырю». Он является для автора своеобразным «редактором»: «худой стих исправляет», а «приятный – похваляет».

Во второй оде традиционно используется восхваление лучших времен, связанных с правлением архиерея. Варфоломеем открывает для стихотворца лучшие перспективы своей «десницей».

Сии лета благословенны
В бессмертие достойно вносить;
Путь к радости безпреткновенный
В них мне открыла ныне честь...
Мое блаженство увенчала
Десница, пастырь мой, твоя.
И то желанье окончала,
К чему стремилась мысль моя:
Взвела на верх горы Парнасской,
Водою окропив Кастальской,
Поставила в средину муз...

У Г. Шутова такое обращение к Парнасу, Кастальскому ключу – символам поэтического мастерства – использовалось, как и у Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова и других одописцев той поры. В гратуляции Г. Шутова можно видеть заимствования из Ломоносова, почти дословные, например из «Оды на день восшествия на престол Елизаветы Петровны, 1747 г.».

Он в Хлыновском поспешно граде
Возвысил мудрой дом Палладе,
Где сладких муз живет собор,
Веселой составляя хор...
Из уст народных пролетает
По пастве звучной славы глас,
Похвальны песни соплетает,
Колелет громом наш Парнас,
Что в пастыре Варфоломее,
В незлобивом архиерее,
Лаврентий Горка с мертвых встал,
Невежество, грубость разогнал,
Ученья светом облистал...
Теперь прекрасно расцветает
Средина Вятския страны,
В ней пастырь кроткий обитает,
Отец утех и тишины,
Наук полезных всех любитель,
Упадших школ возобновитель,
Рачитель храмовых красот,
Защитник бедных правосудной,
Щедрот источник неоскудной,
Питатель алчущих сирот.
Те ныне веселятся грады,
Которы под его рукой,
Являют знак живой отрады
Кунгур, наш Хлынов, Слободской...

Г. Шутовым используется традиционная одическая конструкция, которая тесно связана с риторическим заданием возвеличить архиепископа. Такая традиция восходит именно к Киево-Могилянской пиитической школе. Ода являлась своего рода неотъемлемой частью ритуального действия: поздравления Варфоломея. Основная тема оды – процветание Вятского края, города Хлынова под эгидой Варфоломея. Однако в ней автор не чужд и личной благодарности, за то что Варфоломеем назначил Г. Шутова учителем пиитики.

И ты, моя усердна лира...
Возникни, ободрись, гласи:
Да пастырь Вятский безвозвратно
Цветет во здравьи долголетно,
Пока не преидет к небеси [30].

Еще одним из талантливых учеников Вятской духовной семинарии был Антон Иванович Попов [31]. В 1766 г. Антон Попов преподнес епископу Варфоломею «Оду великому господину преосвященному Варфоломею епископу Вятскому и Великопермскому на вожделеннейший день его тезоименитства, которую приносил всеусерднейший и всенижайший раб семинарии его преосвященства ученик Антон Попов, 1766 году месяца июня 11 дня». (24 строфы)

1.
Расторгла радость тьму печали,
Объял палящий жар сердца,
Отважный дух все восприяли.
Поздравим своего отца,
Великого архиерея,
Дражайшего Варфоломея... [32]

Автор традиционно говорит о том, что на Вятскую землю, в ее храмы Бог послал «новое светило», «в сердцах свет новый воссиял». Этот свет – архиепископ Варфоломей.

4.
Своим прозрачным вышним оком
Смотрел на бедность сих людей,
Что все в невежестве глубоком
Живут до старости своей.
Послал он к ним Варфоломея,
Кой пастрыскую власть имел.
Людей тех начал просвещати,
Сердца учением благим
На то науки насаждати,
Чтоб быть учеными грубым (нрзб.).

5.
Науки оны насажденный
Везде растут, везде цветут;
Везде плоды уж совершенный

На свет обильно издают.
 Так что ж, то насаждали руки,
 Что принесли мнозе плод науки.
 Един Варфоломей трудился,
 Своим старанием насаждал [33].

Поэтика одического жанра потребовала от авторов соблюдения некоторых устойчивых жанровых клише, своего рода «общих мест». К типично одическим «общим местам» можно отнести помимо обращения к восхваляемому и приема гиперболизации также мотив «возглашения» (ср.: у Г. Шутова «И ты, моя усердна лира... Возникни, ободришь, гласи...»; у А. Попова «внеси на верх высоко глас...», «сие в себе всяк возглашает...»). Ода как ораторский жанр в обязательном порядке предполагала установку на выразительное произношение, эмоциональное заражение аудитории слушателей.

В целом творчество вятских поэтов XVIII в. заслуживает внимания и серьезного изучения. У вятских поэтов проявилась важнейшая для эстетики русского Просвещения особенность – понимание литературы как фактора нравственного воспитания человека. Отсюда особенности поэтики, интерес к жанру оды, басни и сатиры вообще. Среди произведений вятской поэзии XVIII в. есть произведения, раскрывающие новые грани литературы эпохи Просвещения, духовного облика людей этой поры, многообразие форм и жанровых поисков, поисков в рамках эстетики русского классицизма, что открывает определенные грани его национального своеобразия.

Примечания

1. См.: *Гаспаров М. А.* Ода // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М.: НИК «Интелвак», 2001. Ст. 684–685.

2. *Серман И. З.* Русский классицизм. (Поэзия. Драма. Сатира.). Л.: Наука, 1973. С. 26.

3. См.: *Зырянов О. В.* Развитие жанра оды в поэзии Урало-Сибирского региона // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общеевропейских процессов. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 117.

4. *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 7.

5. *Буковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л.: Изд-во «Academia», 1927. С. 201.

6. Мы считаем, что «вятская поэтическая школа» – это не какое-то формальное объединение литераторов в рамках направления или течения, а некое единство традиций, усвоенных литераторами от своих учителей. Теоретические знания, полученные в славяно-латинской школе и семинарии, литераторы воплотили в своей поэтической практике.

7. После смерти Л. Горки в Вятке осталась его библиотека из 355 книг, которые он собирал с 1711 г. 42 книги остались в Хлынове (Вятке), а остальные были переданы в Славяно-греко-латинскую академию.

8. А. В. [А. С. Верещагин]. Вятские стихотворцы XVIII века // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1896. С. 71.

9. Иоаким Богомедлевский – сын священника Киевской епархии, в детстве воспитывался в Киево-Печерском монастыре, двенадцать лет учился в Киево-Братском монастыре, откуда был отправлен за границу Стефаном Яворским. И. Богомедлевский слушал лекции в Львове, Люблине, Кракове, Варшаве, Гданьске, Кенигсберге. По завершении образования И. Богомедлевский был пострижен в монахи и вступил на учительскую стезю (был учителем в школе, основанной св. Дмитрием Ростовским, учителем в Заиконоспасской школе – 1702–1709 гг.). В Чердынском монастыре И. Богомедлевский провел четыре с половиной года (1732–1736). В августе 1736 г. архиепископ Лаврентий Горка вызвал И. Богомедлевского в Хлынов и поручил ему преподавание пиитики и риторики в славяно-латинской школе. И. Богомедлевский прибыл из Чердыни изможденным от «сидения в оковах» старцем, когда для школы настали тяжелые времена. Вскоре по прибытии И. Богомедлевскому пришлось стать свидетелем ожесточенного нападения на школу подьячих и посадских людей (23 сентября 1736 г.). Положение ссыльного учителя, по-видимому, было очень тяжелым. Местные обыватели относились к нему как к еретiku и «латыннику». В августе 1738 г. отец Иоаким бежал. 30 августа в Провинциальную канцелярию поступило прошение из Духовного приказа о сыске «бежавшего иеромонаха» Иоакима Богомедлевского.

10. См.: *Лужный Р.* Древнепольская традиция в литературе русского просвещения // XVIII век. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. Сб. 10. С. 176–189.

11. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 162. Л. 4, 9; ГАКО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 1.

12. В 1955 г. в г. Киров приезжали ученые из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и сделали описание рукописей, хранящихся в библиотеке им. А. И. Герцена. См.: *Кудрявцева И. М., Шлихтер Б. А., Шапов Я. Н.* Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1953–1956 годах // Археографический ежегодник за 1958 год / под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1958. С. 265–301. В этом издании рукопись отражена под номером 67.

13. *Lewin P.* Rosyjskie przekłady “Cofreda” w wykladach poetyki z XVIII w. // Slavia orientaisl. 1969. № 4. С. 383–391; *Lewin P.* Wyklady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII (1722–1774). Wrocław, 1972.

14. *Лужный Р.* «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии // XVIII век. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 57–63.

15. А. В. [А. С. Верещагин]. Вятские стихотворцы XVIII века. С. 83–84.

16. Там же. С. 91.

17. См.: Там же. С. 94–98.

18. Там же. С. 97.

19. М. А. Ушаков родился в Вятке в 1730 г. в семье дьякона. Образование получил в Вятской духовной семинарии, после ее окончания в 1750 г. преподавал до 1757 г. в младших классах, а с 1762 по 1765 г. – в старших классах этой же школы пиитику и риторику. Он был одновременно и дьяконом кафедр

рального собора в Вятке, отлично сочинял проповеди и вдохновенно произносил их. С 1765 г. и до конца жизни служил в том же соборе протодьяконом и священником. Умер около 1800 г. См.: А. В. [А. С. Верещагин]. Вятские стихотворцы XVIII века. С. 99–104; ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–10; Изергина Н. П. Матвей Александрович Ушаков // Изергина Н. П. Писатели в Вятке. Киров, 1979. С. 12–13.

20. Это один из переписанных вариантов учебника, хранящийся в Региональном центре книжных памятников Кировской государственной научной областной библиотеки имени А. И. Герцена № 248. На обороте титульного листа надпись: «Рисовал сию карту Архиерея Варфоломея племянник Семен Ильин Любарский обучавшийся в Вятской семинарии».

21. Рук. № 248. Л. 146.

22. А. В. [А. С. Верещагин]. Вятские стихотворцы XVIII века. С. 101.

23. А. С. Верещагин предполагает, что эта «Элегия» была написана по поводу смерти Свирепова, который был одним из лучших учеников, отмеченных еще Финицким. А. В. [А. С. Верещагин]. Вятские стихотворцы XVIII века. С. 101.

24. Там же. С. 103.

25. Г. С. Шутов – воспитанник Вятской духовной семинарии. На него значительное влияние оказали учителя пиитики Г. Д. Хрещатицкий и П. И. Любарский. По окончании семинарии в 1765 г. Г. Шутова, как самого талантливого из выпускников, П. Любарский рекомендовал преподавателем пиитики вместо ушедшего из школы М. А. Ушакова. Г. С. Шутов показал себя при этом незаурядным педагогом. Он вовремя заметил талант Антона Попова и много сделал для его развития, настояв на том, чтобы после своего отъезда в г. Слободской А. Попов занял его место. В свою очередь А. И. Попов стал учителем известного поэта Ермила Кострова. Поистине глубокими корнями были связаны между собой вятские поэты. В Слободском Г. Шутов был сначала иереем Вознесенского, а с 1788 г. – протоиереем Преображенского собора, служил в духовном правлении «присутствующим», был «цензором над проповедниками». Скончался в Слободском в апреле 1807 г.

26. А. В. [А. С. Верещагин]. Вятские стихотворцы XVIII века. С. 112.

27. В Региональном центре книжных памятников Кировской государственной научной областной библиотеки имени А. И. Герцена № 100 рук. Сборник различных сочинений на русском и латинском языках, принадлежащий Гавриле Шутову. 2-я половина XVIII в. Гражданское письмо. 374 л. 4° (22x17,5 см). Переплет: бумага, картон.

28. В Региональном центре книжных памятников Кировской государственной научной областной библиотеки имени А. И. Герцена. Сб. № 248 рук.

29. А. В. [А. С. Верещагин]. Вятские стихотворцы XVIII века. С. 116.

30. Там же. С. 118.

31. А. И. Попов родился 6 июля 1748 г. в семье священника села Ключи, или Ключевское, Кунгурского уезда Соликамской провинции Симбирской губернии. В 1759–1763 гг. учился в Кунгурской гимназии, а после ее закрытия в 1763 г. приехал в Хлынов и поступил в духовную семинарию сначала в класс пиитики, затем – философии и риторики. После окончания семинарии в 1768 г. А. Попов преподавал в младших, а затем в старших классах пиитику, позднее – риторику и философию. С 1772 г. А. Попов – префект Вятской семинарии после П. Любарского. В 1778 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник А. Попова. В 1786 г. в Петербурге было выпущено новое издание под заглавием: «Антон Попова забавные, сатирические и нравоучительные надписи или эпиграммы. Для пользы и увеселения общества изданные вторым тиснением». А. Попов был также незаурядным филологом, оставившим рукописный «Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым» (1785). Умер А. Попов в Перми 13 августа 1788 г.

32. В Региональном центре книжных памятников Кировской государственной научной областной библиотеки имени А. И. Герцена № 105 рук. Л. 2.

33. Там же. Л. 2об.–4.

УДК 821.161.1-3

С. В. Чернова

ОБРАЗ ЖИЗНИ – ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Ю. КАЗАКОВА «НЕСТОР И КИР»)

В статье на материале рассказа Ю. Казакова «Нестор и Кир» рассматривается вопрос о соотносительности и взаимообусловленности понятий «образ жизни» и «образ человека». Говорится о том, что описание образа жизни человека в связи с реконструкцией его образа требует совмещения собственно языкового и экстралингвистического анализа материала.

In the article on the material of the story by Y. Kazakov «Nestor and Kir» the question of a correlation and interconditionality of concepts *a mode of life* and *an image of the person* is considered. It is said that the description of a mode of life of the person in connection with the reconstruction of his image demands combination of the linguistic and extralinguistic analysis of a material.

Ключевые слова: образ жизни, образ человека, процессуальные и непроцессуальные характеристики человека, индивидуальный речевой стиль персонажа.

Keywords: mode of life, image of the person, procedural and not procedural characteristics of the person, individual speech style of the character.

Понятие *образ жизни* является междисциплинарным. Об образе жизни пишут философы, юристы, экономисты, социологи, культурологи, психологи и т. д. В качестве примера приведем определение данного понятия в философской энциклопедии, а также в юридическом и экономическом словарях.

Ср.: *Образ жизни.* «Форма человеческой (индивидуальной и групповой) жизнедеятельности, характерная для исторической системы соци-

альных отношений и цивилизационного устройства. Фиксируя особенности общения, поведения и склада мышления людей в сфере труда, быта, досуга, общественно полезной и культурной деятельности, понятие “образ жизни” дает типологическую, “портретную” характеристику того, как преломляются и воплощаются реальные условия жизнедеятельности (природные, экономические, социально-политические, культурные и т. д.) в повседневной жизни и практике отдельных индивидов и социальных общностей» [1].

Образ жизни. «Обобщающее понятие, характеризующее социальную и экономическую сторону жизни людей с точки зрения объемов и структуры потребления благ и услуг, но также и с учетом духовной составляющей, приобщения к духовным ценностям» [2].

Образ жизни. «Социологическая категория, характеризующая особенности и условия жизнедеятельности людей в обществе, социальной группе, территории и т. д. Образ жизни охватывает все существенные формы жизнедеятельности в процессе производства, обмена, распределения, потребления материальных благ и услуг в общественно-политической и семейно-бытовой сферах... Составными чертами категории “образ жизни”, характеризующими ее определенные аспекты, являются: уровень жизни, качество жизни, стандарт жизни, стиль жизни... Стиль жизни, как правило, рассматривается как объект индивидуального выбора человека, характеризуется множеством вариантов, включающих определенные приемы, формы, способы реализации образа жизни. Стандарт жизни – использование определенных нормативов, устоявшихся образцов в жизнедеятельности, отражает определенный аспект уровня, качества жизни» [3].

Социолог А. В. Носкова пишет: «Категория “образ жизни” была разработана в рамках марксистского обществознания и являлась одной из самых популярных в советской социальной науке. Вероятно, трудно найти ее аналог в западной социальной мысли. По мнению одного из классиков отечественной социологии семьи М. С. Мацковского, в советском обществознании категория “образ жизни” прочно утвердилась в качестве важнейшего понятия. Широкое использование этого понятия в советской науке и ее повсеместное употребление с прилагательным “социалистический” обусловило ее быстрое забвение в новейшей российской социологии. Образовавшийся понятийный вакуум стали заполнять понятия “стили” и “способы жизни”. Сегодня постепенно происходит возвращение в отечественную социологию категории “образ жизни”, а вместе с ней и научного исследования этой социальной категории. Так, в 2007 г. вышла в свет работа А. И. Антонова “Семейный образ жизни в сельской России”, а в

2008 г. Российским государственным социальным университетом РГСУ было инициировано репрезентативное исследование “Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве”. Несмотря на сформировавшиеся в советские годы теоретико-методологические интерпретации “образа жизни”, остаются актуальными проблемы научной дефиниции данного понятия...» [4]. См. также [5].

В качестве терминологического сочетания слов выражение *образ жизни*, как видим, используется в разных научных областях. Это словосочетание широко употребляется также в повседневной речевой практике, в языке СМИ. Однако оно не попало в поле зрения лингвистов и практически не нашло отражения ни в толковых словарях, ни в специальных исследованиях.

В толковых словарях современного русского языка это выражение присутствует в качестве иллюстративного материала к одному из значений слова *образ*.

Ср.: *Словарь русского языка 1983. Образ* – «6. Чего. Характер, склад, направление чего-либо. *Образ жизни. Образ действий...*» [6]. То же в других толковых словарях советского периода.

Толковый словарь русского языка 2003. Здесь в словарной статье слова *образ* дается более подробная характеристика понятия *образ жизни*. Ср.: *Образ ...* «8. Говоря об образе жизни отдельного человека, вы имеете в виду совокупность существенных ему привычек, распорядок его дня, а также то, как он распределяет свое время между различными видами активности. *Вдали от дома трудно сохранить привычный образ жизни. Несмотря на преклонный возраст, он ведёт активный образ жизни. Наш журнал занимается пропагандой здорового образа жизни.*»

9. Говоря о западном, американском и т. п. образе жизни, вы имеете в виду совокупность материальных и духовных ценностей, существующих в каком-либо обществе. *Эмигрантам порой трудно вписаться в американский образ жизни. Автомобиль является неотъемлемой частью западного образа жизни*» [7].

В классической и современной художественной литературе, в обыденной речи, в языке СМИ понятие *образ жизни* употребляется и само по себе и с конкретизирующими это понятие определениями: *здоровый, активный, аскетический, богемный, спортивный, кочевой, городской, сельский, деревенский, американский, западный, восточный, привычный, пассивный, малоподвижный, оседлый, деревенский, пригородный, привычный скотоводческий, сидячий* и т. д.

Ср.: *Давно известно, что человек везде может акклиматизироваться, в Лапландии и Сенегалии. Потому дивиться собственно нечему, что Круциферский мало-помалу начал привыкать к дому*

Негрова. **Образ жизни, суждения, интересы этих людей сначала поражали его, потом он стал равнодушнее, хотя и был далек от примирения с такою жизнью.** А. И. Герцен. Кто виноват?

Я была полностью безответственным типом. Или типичей. Или тихой. И это было счастье. Я тусовалась с любимыми друзьями, не пропускала их дней рождений и вообще вела богемно-творческий образ жизни. Было крайне весело. Н. Маркович. ANTICASUAL. Уволена, блин.

Западный образ жизни теряет популярность. Комсомольская правда. 2011. 29 апр.

Если вы ведете здоровый образ жизни (зож), то вы должны знать все о здоровом питании...
<http://medproza.ru/>

Данное понятие весьма часто употребляется в позиции предиката, выполняя функцию художественной дефиниции при том или ином слове.

Ср.: Проект «**Футбол – не спорт, футбол – это образ жизни**» получил финансовую поддержку мэрии. Aripural.ru 20.07.2012.

Давид Самойлов как-то сказал одному из своих друзей: «**Не думайте, что поэт или писатель – это когда кто-то что-то написал. Писатель – это прежде всего образ жизни**». О. Химич. Писатель как образ жизни. По воспоминаниям поэта и барда Александра Городницкого. <http://www.jewish.ru/culture/events/2001/04/news8673.php>.

Можно говорить об образе жизни отдельно человека, определенной социальной группы, поколения, народа, страны и т. д.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать образ жизни одного человека, Нестора, жителя Русского Севера, героя рассказа Ю. Казакова «Нестор и Кир», и тем самым на конкретном языковом материале раскрыть суть понятия **образ жизни**, показав его соотнесенность с понятием **образ человека**.

Текст рассказа Ю. Казакова представляет собой повествование от первого лица. Автор-повествователь принадлежит миру текста, является одним из персонажей рассказа, т. е. выступает как диететический повествователь. От его имени и ведется рассказ (далее все цитаты из рассказа с указанием страниц приводятся по изданию: Казаков 1985) [8].

В центре внимания в рассказе жители северного поселка Кега, который неподалеку от Архангельска, куда приезжает автор и где у него **новые хозяева: кудрявый седоватый мужик лет шестидесяти, с твердой негнушейся поясницей и громадными сизыми руками; сын его, молодой парень, красавец, так же кудряв, как и отец, только золотоволос, румян, шифок в плечах, белозуб и синеглаз, – но дурачок, картавый... И жена – маленькая, сухая, темноликая, раньше времени состарившаяся** (с. 421).

Отца зовут Нестор, сына – Кир. Ср.: **Сын его идиот, будто в насмешку названный таким звучным сильным именем, в полном рабском, я бы сказал, его подчинении** (с. 424). Главной фигурой является Нестор, поэтому сосредоточим внимание именно на нем и на том, как описывает автор образ жизни его и его семьи.

Председатель колхоза, отправляя автора жить в дом Нестора, говорит о нем: «...Только хозяин там такой... **Из кулаков. Жила!**» (с. 422)

Вот первое впечатление от встречи с Нестором самого автора. Ср.: **А хозяин встретил меня неприветливо, слушал хмуро, спрашивал неохотно и, по всей видимости, не расположен был пускать меня на квартиру. Но дом был так хорош, из таких сложен гладких, огромных бревен, так просторен, чист, вымыт, выскоблен до блеска, такие большие в нем были окна, так он был весь разнообразен со своими комнатами, коридорами, чуланами, поветью, лесенками, резными перилами и так красиво стоял над морем, что я все-таки стерпел неприветливость и остался** (с. 422).

Далее текст строится в форме развернутого размышления, перемежающегося многочисленными описаниями окружающего и повествованием об образе жизни Нестора.

Автор – повествователь противопоставляет два образа жизни. С одной стороны, московская творческая интеллигенция, к которой принадлежит автор, с другой – жители Русского Севера, рыбаки Нестор и его сын Кир. Приведем рассуждения писателя о том, какой образ жизни типичен для первых и вторых. Ср.: **Мне вспоминаются московские наши разговоры и споры о поэзии, о направленности творчества, о том, что кого-то ругают, а кого-то не печатают – все это под коньяк и все с людьми знаменитыми, и там кажется, что от того, согласишься ты с кем-то или не согласишься, зависит духовная жизнь страны, народа, как у нас любят говорить** (с. 428).

Но тут... Тут со мной рядом лежат рыбаки, и все разговоры их вертятся вокруг того, запала вода или нет, пошла дожда или нет. Свободное от ловли рыбы время проводится в приготовлении ухи, плетении сетей, в шитье бродней, в разных хозяйственных поделках и во сне с храпом.

То, что важно для меня, для них совершенно не важно. Из выпущенных у нас полутора миллионов названий книг они не прочли ни одной. Получается, что самые жгучие проблемы современности существуют только для меня, а эти вот два рыбака все еще находятся в первичной стадии добывания хлеба насущного в поте лица своего и вовсе чужды какой бы то ни было культуре?

Но, может быть, жизнь этих людей как раз и есть наиболее здоровая и общественно полезная жизнь?

Возникает противопоставление: *мы*, то есть творческая интеллигенция Москвы, и *они*, рыбаки северного поселка. Рассмотрим подробнее, как описывает автор благосостояние и образ жизни семьи Нестора.

В рассказе неоднократно упоминается дом Нестора, говорится, что он хорош, да и хозяйство в порядке. Семья одета. Ср.: *Дом у него крепок, бревна от старости стали как слонобая кость, есть корова, есть овцы, и вся одежда в семье добротна, прочна, чиста* (с. 423).

Всю жизнь Нестор честно трудился, вел себя как добропорядочный человек. Ср.: *Утром Нестор вошел ко мне, закурил и принялся рассказывать свою жизнь, вернее не жизнь, а где и сколько он работал. Как плавал на гидрографическом судне, как участвовал во всевозможных экспедициях и как, наконец, многие годы добывал пещуру в горах по договорам с заводами и мастерскими* (с. 422). *Он не пьет, зарабатывает много, никому копейки не уступит, никого не подпускает к пещуре, сам разведает, сам вызнал места, где можно легко ее брать. Привозит он ее с Киром, всегда ночью – эти громадные серые плиты спрессованного песчаника, сам выбрал себе место возле амбаров и мостков, там у него мастерская, там он с Киром тюкает, крошит эти плиты и выкалывает из них удивительные круглые точила и жернова, сам следит, как грузят его продукцию на пришедший из Архангельска мотобот, сам все помнит, вечером надевает очки, обкладывается папками, где у него подшиты всевозможные накладные, квитанции, расписки капитанов с печатями и штампами... Колхоз с ним ничего поделаться не может, потому что как колхозник он тоже работает по несколько месяцев в году – сидит, как и все, на тоне с сыном, ловит и сдает семгу – и там его не обманешь, не обведешь, и там прекрасно разбирается он в планах, наценках, сортах...* (с. 424)

Автор-повествователь сообщает фактуальную информацию о своем герое. Акцент делается на том, что Нестор все делает и всего добывается сам.

Местоимение *сам* упоминается в приведенном фрагменте пять раз и указывает на то, что Нестору присущи такие качества, как самостоятельность и независимость. Он в состоянии обеспечивать себя и семью без помощи государства, хотя он и не отказывается от помощи, хочет ее получить, так как не приучен терять того, что ему положено. Об этом свидетельствует его заинтересованность в том, чтобы оформить пенсию.

Ср.: *...Он заговорил о пенсии. Ему шестидесят один год, следовательно, имеет право на пенсию. И вот он пришел ко мне поговорить, как бы ее оформить* (с. 422). *А Нестор, как и в первое утро, пришел ко мне опять и опять го-*

ворил, что ему следует пенсия. «Пенсия», «пенсия», – повторял он на разные лады, и опять я перебирал с ним возможности получения этой пенсии (с. 423).

В текст рассказа здесь вклинивается авторское отступление, в котором подчеркиваются самодостаточность Нестора как человека, хозяина. Ср.: *А вместе с тем – зачем ему пенсия? Вот я гляжу, как он поворачивается у себя дома, как ходит, как смотрит на жену, на сына, как говорит с ними. Сила, уверенность, самодовольство проглядывают в каждом его жесте, в каждом взгляде. Сила, самодовольство в том, как прочно он садится, как упирается в расставленные ляжки, как раздирает утром гребешком свои сивые кудри, как оглядывается, примечая малейший беспорядок, как играет бровями, как сёрбаёт, хлебает чай с блюда* (с. 423).

Нестор – человек запасливый, предусмотрительный. Ср.: *В это утро мы собирались ехать на тоню к Нестору. У него все было готово для долгой жизни вдали от дома: напечены лепешки, куплено сахару, чаю, не забыта соль и всякая посуда, и заранее свезена на тоню сеть* (с. 422).

Всякую работу Нестор выполняет красиво, радостно, не забывая и о ее чисто практической стороне. Ср.: *Нестор, весь серый от пещурочной пыли, радостно говорит, что завтра поедем на тоню. Пошла семга, ему хочется и поест сладко, давно не пробовал семги, и заработать* (с. 423).

На рассвете Нестор и Кир уплывают зарывать тайники... А в полдень едут смотреть тайники, и я с ними. *Как они работают! Как у них все ловко, разумно, скупо в движениях, какой глаз и точность! Вот они ставят карбас на катки, вот одерживают его, спускают к воде, выжидают волну.*

Оценка автором Нестора как хозяина и работника такова: *Глядя на него, невольно думаешь: у! и лютый был бы хозяин, дай ему волю!* (с. 425). Прилагательное *лютый* выражает здесь высокую степень положительной оценки. Именно с таким значением зафиксировано это слово в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля. Ср.: *Лютый ... // неутомчивый, рьяный, горячий на дело; резвый, бойкий, проворный, быстрый* [9].

На обычный вопрос своего постояльца «*Как живете?*» Нестор отвечает: «*Скучно живем. Только и веселья, что на своих именинах*» (с. 422). Несколько позже, расслабившись в тепле и уюте дома, постоялец похвалил жизнь тех, кто живет в этих краях. Ср.: *Славно у вас тут живут, – сказал я Нестору* (с. 429). Нестор не согласился. Ср.: *– Это не жизнь, товарищи мой! – твердо сказал он* (с. 429). Нестор тоскует о прошлой

жизни, когда в его краях кипела работа, когда «жили не тужили» (с. 430), «на месте все и точили, на берег выкатали по доскам, складали... Такое дело начали, со всей России заказы пошли... когда «справные поморы были», а теперь «уж прощай все, не вернется» (с. 431).

Нестор – русский помор, сильный, работающий, способный сам обеспечить себя и семью всем необходимым, рачительный хозяин, переживающий из-за нерадивого отношения людей к своему делу.

Ср.: – *Вот ты хотел знать про меня, вот я тебе скажу. Ты думаешь – кулак, и все тут! Кулак – как бы не так! ... Я все своим горбом наживал... И все нажил, все у нас было. А впрок это кому пошло? Тут же все и развеяли, как дым... (с. 436–437). А вот возьми колхоз, вот ты погляди сам. У одного хозяйство, у другого развалюха. Отчего это? А оттого, что один работающий, а другой так и глядит, как бы выжить (с. 438).*

Нестор глубоко привязан к родным местам и с полным на то основанием заявляет: «Я – хозяин, я тут все знаю, я тут произрос – вот тебе и задача» (с. 431).

Автор приводит еще ряд свидетельств того, как живет Нестор, чем дорожит. Мы не ставили себе задачу проанализировать все детали, на основе которых можно получить представление об образе жизни Нестора. Сказанного, как думается, вполне достаточно для того, что уяснить, как живут люди Севера и каковы они сами. Эту мысль выделим и подчеркнем особо: понятия **образ жизни** (как живут люди) и **образ человека** (каковы люди) тесно связаны одно с другим.

В статье, посвященной Русскому Северу, говорится следующее: «Хозяйское отношение к земле и к крестьянскому труду складывалось в условиях неповторимого жизненного и хозяйственного уклада Севера, где берегли хозяйственно-бытовые традиции своей местной народной культуры...

В нравственный мир северян включалась вся природа, земля и животный мир; в основе всего этого лежала их любовь к своей родине, к дому и к предкам – своему прошлому, к детям – будущему, к родителям – настоящему. Все эти основы нравственности передавались из поколения в поколение, и осуществлялось это во время труда, досуга, совместных дел, в которых участвовали все поколения, а дети видели перед собой пример старших. Авторитет старших людей, трудолюбивых, заботящихся о своих ближних, о мире и ладе в доме и во всей деревне, был высок.

Северяне сберегли очень многое из своих трудовых навыков и нравственных устоев. Им есть что и сейчас передать своим подрастающим поколениям. И не случайно до сих пор велико зна-

чение Русского Севера в нашей общенародной культуре, ибо он внес в эту культуру свой огромный незабываемый вклад» [10].

Образ человека – это «совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроцессуальных и процессуальных характеристик человека, стихийно формирующихся в сознании другого лица (лиц, группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах» [11].

Непроцессуальные характеристики человека – это отображаемые в тексте его паралингвистические и кинетические характеристики, а также вербализованные сведения о человеке (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, пристрастия, желания и т. д.), содержащие информацию, так или иначе влияющую на модель поведения человека в разного рода ситуациях на протяжении его жизненного пути. Как носитель такого рода характеристик Нестор весьма подробно описан Ю. Казаковым (см. выше).

Процессуальные характеристики – это те, которые дают представление о жизненном пути человека как процессе, содержанием которого являются разные виды целенаправленной деятельности человека, охватываемые его биографией и дающие представление о модели его поведения в разнообразных жизненных ситуациях. В рассказе о биографии Нестора говорится достаточно много (см. выше).

Понятия «непроцессуальные и процессуальные характеристики» вбирают в себя то, что связывается обычно с представлениями о том или ином образе жизни.

Характеристика образа человека как совокупности непроцессуальных и процессуальных характеристик дает ответ на вопросы, *каков человек, как он себя ведет, чем занимается* и т. п. Лингвист в этом случае в качестве объекта исследования должен обратиться к целостному тексту. Анализироваться должны отдельные высказывания и фрагменты текста как дающие представление об определенных чертах человека и его поведении. Характеристика языковых единиц более низкого уровня является в таких случаях вторичной, попутной, ее цель – что-то подчеркнуть, сделать акцент на чем-то. Для этого часто достаточно графического выделения в тексте ключевых слов и словосочетаний. Этим приемом мы пользовались весьма активно (см. приведенные выше примеры). При такого рода подходе главное – содержание речи, а не ее форма.

Другое дело – анализ речи как черты личности человека (или персонажа художественного произведения). Здесь объектом анализа должна быть собственно прямая речь и те языковые еди-

ницы, которые содержатся в словах автора и указывают на способ или манеру произнесения речи. Такой анализ является ответом на вопрос, как человек говорит. Первостепенное значение в этом случае имеет уже форма речи, анализ языковых единиц разных уровней и выражаемые ими значения. Обратимся к примерам.

Ср.: – *Ах, дураки!* – *говорил взволнованно Нестор, глядя в окно, как отваливает карбас. – Со шлюпкой у них неладно, да за это... Он опять припустил матом...* (с. 436) Данный фрагмент может быть иллюстрацией такого качества Нестора, как требовательность, забота о деле (см. далее: Подрасстроился я с этими моряками, **не люблю непорядка**). В этом случае достаточно просто привести данное высказывание как иллюстрацию непроецессуальной характеристики (забота о деле, о порядке).

Этот же фрагмент можно проанализировать с точки зрения того, как персонаж говорит. В этом случае следует сказать о том, что в приведенном высказывании используются три экспрессивные синтаксические конструкции.

Ах, дураки! – это синтаксическая единица, в основе которой форма именительного падежа существительного, выступающая в качестве сказуемого двусоставного неполного предложения и дающая оценку рыбакам, у которых не все в порядке на судне. Междометие *Ах*, употребленное при слове *дураки*, передает досаду, недовольство Нестора нерадивостью моряков.

Фраза *Со шлюпкой у них неладно, да за это...* представляет собой конструкцию, состоящую из двух частей. Первая часть, односоставное безличное предложение (*Со шлюпкой у них неладно*), нацелена не на то, чтобы констатировать факт неполадки, а на то, чтобы выразить отношение к данному факту, возмущение поведением рыбаков. Данная фраза – это несколько измененная цитата из речи одного из рыбаков. Ср.: *Моряки сгрудились на берегу... наконец один подбежал к нам. – ...Не дадите карбаса, на бот переехать? – А свой где потеряли? – хмуро, не глядя на моряка, спросил Нестор. – Да вот... с бота сигналили, что шлюпка неисправна...* (с. 435)

Вторая часть анализируемой конструкции – неполное односоставное предложение. Если его представить как полное, то оно могло бы выглядеть так: *Да за это надо наказывать*. Компонент за это – дополнение, которому предшествует частица *да*, выполняющая эмоционально-экспрессивную функцию. Авторское многоточие, которое следует после выражения *Да за это...*, в тексте рассказа выполняет эвфемистическую функцию, заменяя собой мат (ср.: *Он опять припустил матом*). Наречие *опять* указывает на то, что ругаться матом для Нестора дело привычное.

Рассматриваемое высказывание в целом служит средством выражения коммуникативного намерения Нестора – выразить возмущение и досаду по поводу нерадивости моряков. Это подчеркивается и в словах автора, которые вводят прямую речь (ср.: *говорил взволнованно Нестор*).

Прямая речь Нестора обнаруживает в нем носителя северного говора [12]. Ср., напр., произношение долгого шипящего согласного **шш**: *Нестор глянул на меня, надвинул брови и тяжело усмехнулся. – Это не жизнь, товарищи ты мой! – твердо сказал он* (с. 429); флексия **-ы** в им. падеже мн. числа существительного среднего рода (блюдцы) и переход в двойной мягкий согласный сочетаний согласных со звуком [й] (свиння): *Или вот у меня жила из Ленинграда одна – блюдцы, стаканы ей, вишь, не чисты... Да, а потом привыкла, ничего! – уничтожающе закончил Нестор. – Перестала морщиться... А толстая, как свинья, на берегу ляжет, все ей костер разложи...* (с. 430)

В речи персонажа множество слов, связанных с той работой, которой он занимался на протяжении жизни. Например, это рыболовецкая лексика (названия рыб: *семга, камбала, треска, зубатка, пиногор, белуха*; названия приспособлений для ловли рыбы, мест для рыбалки: *сеть, удочка, бродни, лодка, карбас, мотобот, перемёт, подсаки, тоня, тайник*).

Особенности речи персонажа можно определить как его индивидуальную речевую стиль (идиостиль). **Идиостиль** – это «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей языка» [13].

Идиостиль Нестора позволяет говорить о нем как о человеке, для которого основным речевым жанром является устная речь, включающая диалектизмы, просторечие, бранную лексику, экспрессивные синтаксические конструкции.

Объединенные воедино непроецессуальные и процессуальные характеристики Нестора, а также особенности его прямой речи дают представление об образе персонажа. Нестор выступает как человек самостоятельный, независимый, занимающийся общественно полезной трудовой деятельностью, знающий свое дело, много повидавший в жизни, твердо придерживающийся традиций, нравственный, любящий свой край, однако весьма грубый в общении, активно использующий в речи лексику диалектную, бранную, просторечную, не интересующийся достижениями современной культуры.

Нестор – типичный представитель Русского Севера, помор. Сам автор из другого мира, с иным жизненным укладом, его дом в другом месте. Ср.: *Захотелось вдруг и мне домой. Пора! ...Хватит!* (с. 438) При прощании в ответ на извинения Не-

стора за то, что тот погорячился в разговоре с ним, он отвечает: *Чего там! Будь здоров. У всякого свое* (с. 439).

«У всякого свое» – это и есть ответ на вопрос, который был поставлен автором в начале рассказа: *Но, может быть, жизнь этих людей как раз и есть наиболее здоровая и общественно полезная жизнь?*

В Интернете нам встретила работа А. С. Мартынова и В. Г. Виноградова «Пригородный, деревенский и скотоводческий образы жизни» [14]. Здесь вполне могла бы быть использована форма единственного числа (*образ жизни*), но множественное число представляется более точным. Как пишет Л. В. Калинина, «форма множественного числа каждый раз подчеркивает сложность называемого понятия, заставляет представить целое состоящим из частей и тем самым “включает” воображение адресата» [15].

Образ человека и образ жизни – тесно связанные и взаимообусловленные понятия. Описание образа жизни человека в связи с реконструкцией его образа как совокупности непроцессуальных и процессуальных характеристик требует совмещения собственно языкового и экстралингвистического анализа материала. Описание представителей разных социальных групп с точки зрения того, каков их образ жизни и какое влияние он оказывает на формирование личности и образа человека, – это лингвистическая задача, которую можно рассматривать как весьма актуальную и перспективную для современной лингвистики.

Примечания

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010.
2. *Барихин А. Б.* Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2008.
3. Экономический словарь. URL: http://abc.informbureau.com/html/iadac_aecie.html
4. *Носкова А. В.* Образ жизни и «стили жизни» семьи: теоретико-методологический подход к исследованию. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210257709.pdf
5. *Лисицын Ю. П.* Образ жизни и здоровье населения. М., 1982; *Лысенкова В. В.* Культурологическая сущность философского образа жизни. Харьков, 2011.
6. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1983.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.
8. *Казаков Ю.* Нестор и Кир // Казаков Ю. Избранное. Рассказы. Северный дневник. М., 1985.
9. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1989.
10. Русские Европейского Севера. URL: <http://narodru.religare.ru/peoples1172.html>
11. *Чернова С. В.* Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема:

материалы Междунар. конф. 5–7 октября 2011 г. Киров, 2011. С. 9–24.

12. *Колесникова Е. В.* Некоторые особенности говора жителей деревни Сафоново Мезенского района Архангельской области // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков; сост. Г. А. Тихомиров. Вологда, 2007.

13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003.

14. *Мартынов А. С., Виноградов В. Г.* Пригородный, деревенский и скотоводческий образы жизни. URL: <http://www.sci.aha.ru/ATL/ra24e.htm>

15. *Калинина Л. В.* Лексико-грамматические разряды существительных как пересекающиеся классы слов. Киров, 2009. С. 154.

УДК 821.111-311

М. И. Никола

ИСТОКИ ЖЕНСКОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПРОЗЫ В АНГЛИИ («ОТКРОВЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ» ЮЛИАНЫ ИЗ НОРИДЖА И «КНИГА МАДЖЕРИ» М. КЕМП ИЗ ЛИННА)

Статья посвящена творчеству первых пишущих англичанок, Юлианы из Нориджа, автора «Откровений Божественной любви», и Марджери Кемп из Линна, автора «Книги Марджери». Сочинения указанных авторов примыкают к кругу средневековой духовной литературы мистиков, описывающих личный опыт богопознания через видения. В книге Юлианы значительное место занимает интерпретация видений. «Откровения» оцениваются как один из наиболее значимых средневековых религиозных трактатов в Англии. В «Книге Марджери» описание видений соединяется с рассказом о паломничествах героини к Святым местам. В повествовании Марджери больше мирского материала и откровенного рассказа о себе. В статье показано отражение в обеих книгах специфики «женской образности».

The article is devoted to creative work of two first English women writers – Julian of Norwich, the author of “Revelations of Divine love”, and Margery Kemp of Lynn, the author of “The Book of Margery”. The writings of these women are a part of medieval spiritual literature of mystics describing personal experience of knowledge of God through visions. In Julian’s book interpretations of her visions take a significant place and the book is considered to be one of the most specialized religious treatises. In “The Book of Margery” the descriptions of visions are combined with the story of the heroine’s pilgrimages to Holy Sites. In this book we find more secular material and a sincere story of the heroine. It is viewed as the first English autobiography and a novel prototype. In this article the author shows the reflection of specific character of women’s imagery in both the books.

Ключевые слова: Юлиана Нориджская, Марджери Кемп, «Откровения Божественной любви», «Книга Марджери», средневековая духовная лите-

ратура мистиков, видения, Распятие, богопознание, религиозный трактат, паломничество к Святым местам, первая английская автобиография, прообраз романа.

Keywords: Julian, Margery Kemp, medieval mystical literature, visions, religious treatise, Crucifixion, knowledge of God, pilgrimage, Holy Sites, first English autobiography, novel prototype.

Botte for I am a woman, schulde
I therfore leve that I schulde nought
telle yowe the goodenes of God?

*Dame Julian of Norwich.
Revelations of Divine Love*

Относить начало женской повествовательной литературы в Англии к Средним векам не является устоявшейся традицией как англоязычного, так и отечественного литературоведения. Для примера сошлемся на известное издание «Эти загадочные англичанки...» [1] Открывает книгу вступительный очерк Е. Гениевой «Жемчужины в короне», подчеркивающий богатство женской повествовательной традиции в Англии и опирающийся, главным образом, на литературный материал XIX–XX вв. В предисловии к книге исследовательница рассуждает: «Трудно сказать, в силу каких причин женская литература столь пышно цвела всегда именно в Великобритании – климат туманного Альбиона тому виной, исторические ли условия, пуританский характер морали или, напротив, романтический склад мышления внешне сдержанных и рациональных англичан. Как бы то ни было, если только перечислить имена женщин писательниц, которые у всех на слуху, доказательств тому, что женская литература прочно угнездилась в британской словесности, больше не понадобится – Мери Шелли, Джейн Остен, Элизабет Гаскелл, сестры Бронте, Джорж Элиот, Вирджиния Вулф...» [2] Показательно также эссе В. Вулф «Своя комната», включенное в названный сборник. В нем писательница с горечью замечает, что, к сожалению, о женщинах, пишущих в Англии до XVIII в., известно крайне мало: слишком неподходящими были социальные условия для творчества (отсутствие у женщины финансовой независимости, достаточного досуга, возможности уединения, «своей комнаты» и т. д.). В. Вулф пытается представить возможную участь, к примеру, пишущей «сестры» Шекспира, убедительно воссоздавая гипотетическую модель судьбы трагической. Будучи уверенной, тем не менее, что феномен женского творчества существовал в ранней английской литературе, В. Вулф склонна усматривать его следы в анонимном творчестве баллад и песен, особенно колыбельных. Она убеждена, что как во Франции, так и в Англии женщины-поэты появились раньше прозаиков. Возникновение же

прозаической женской литературы В. Вулф относит к началу XIX в., так как «единственным литературным коньком женщины в начале XIX в. было наблюдение характеров, анализирование чувств» [3]. Хотя В. Вулф специально работала над темой истории женского творчества в университетских библиотеках и Британском музее, она в своем эссе 1928 г., таким образом, не выделяет фигур, которые будут нас интересовать.

Между тем в изданиях последних десятилетий они все чаще находят отражение. Подобное обстоятельство нуждается в разъяснении. Дело в том, что в начале XX в. над сочинениями Юлианы из Нориджа (Julian of Norwich, 1342–1404) и Марджери Кемп (Margery Kemp, 1373–1438?) из Линна работала узкая группа специалистов-текстологов, подготавливая их к печати. Более широкий круг изданий «Revelation of Divine love by Julian», «The Book of M. Kempe» приходится на вторую половину века. Таким образом за сравнительно недолгий срок авторы названных сочинений стали предметом интереса исследователей, однако сочинения их успели завоевать широкую читательскую аудиторию [4].

Представляется, что изучение творчества Юлианы Нориджской и Марджери Кемп из Линна существенно обогащает историю литературы Англии позднего Средневековья, понимание процесса становления прозаической традиции в Англии. Наконец, именно названные женщины стоят у истоков авторской женской литературы в Англии; они “break a long tradition of feminine silence of England” [5].

Есть своя закономерность в том, что выделенные нами авторы и произведения примыкают к кругу духовной литературы. В. Вулф, обоснованно рассуждавшая о неизбежности трагической судьбы женщины, которая бы в старые времена пожелала взяться за перо, упустила из внимания сферу монастырской и отшельнической жизни. Здесь у женщины был и кусок хлеба, и «своя комната», и время для размышлений и писаний. И если сочинения эти носили религиозно-дидактический характер, то это было в известной степени защитой для автора, даже если им была женщина. В период XII–XV вв. отшельническое движение неудержимо развивалось, в том числе и женское. В связи с этим начала появляться и соответствующая религиозно-дидактическая литература [6].

В Англии заметный вклад в нее внесли мистические авторы: Ричард Ролль из Гемпола (Ricard Rolle of Hampole, 1300?–1349), Вальтер Хилтон (Walter Hilton, ?–1395), неизвестный автор сочинения «Облако неведомого» (The Cloud of Unknowing, 1370?) и др. Заметим, что мистическое учение, утверждающее право каждой души на самостоятельный, индивидуальный диалог с Бо-

гом, не только не исключало из него женщину, но даже, как это особенно проявилось, к примеру, в сочинениях Р. Ролля и др., невольно отметило ее особую к тому предрасположенность и одаренность. Так, примечательно в этом отношении сочинение немецкого мистика XIV в. Мейстера Экхарта о его духовной дочери, сестре Катрей. Молодая женщина поражала Экхарта непреклонностью своих духовных стремлений, способностью к поразительному самоограничению так, что он даже пытался остановить ее рвение к страданию, «Чего хочешь ты еще? Ты уже оставила почет и богатство, друзей, толпу и всякое утешение, переходящее от творения...» [7] Однако, встретив сестру Катрей через много лет, он находит в ней подвижницу большой духовной зрелости, внутренней силы, и сам испрашивает у нее совета и благословения: «Слава Богу, что он создал тебя человеком! Ты указала мне путь к моему вечному блаженству, я пришел к созерцанию Бога, и мне даровалось действительное знание всего того, о чем я слышал сперва из твоих уст. О, милая дочь, ради той любви, что имеешь ты от Бога, я прошу тебя, помоги мне словом и делом, чтобы утвердиться мне там, где я теперь» [8].

Послушнице Маргарет Керкеби также посвятил целый ряд своих произведений Р. Ролль, веря в ее способности к духовному призванию и желая помочь ей на этом пути. Надо заметить, что такое произведение Р. Ролля, как «Образ совершенной жизни», было особенно популярно среди женщин-монахинь. Их привлекала мягкая доброта Ролля, его стремление ободрить и приободрить адресата, волнующий лиризм повествования. Как свидетельствует созданное позднее монахинями монастыря в Гемполе «Житие Ролля», для них, его читателей, оказывалось важно то, что при описании мистического пути к единению с Богом Ролль старался сосредоточить внимание не на страданиях и трудностях этого пути, а на радостях единения с Богом. Монахини монастыря близ Гемпола, где жил отшельником Ролль, почитали его святым. «Житие Ролля» является убедительным свидетельством того, как женщины постепенно включались в русло религиозной литературы, опираясь на духовный опыт мужей-мистиков.

В то же время следует заметить, что в Западной Европе подобная традиция проявилась раньше. Особой известностью в XIII в. пользовались создательницы мистических сочинений Катарины из Сьены и Бригиты Шведская (Catherine of Siena, Bridget of Sweden). Таким образом, у Юлианы Нориджской и Марджерии Кемп были свои предшественницы на континенте, как будут затем и свои последовательницы (Leonora Lopez de Cordoba, Magdalena Beutler и др.). И это включение женщины в область религиозных исканий

времени представляется явлением симптоматичным и важным. В нем проявление общей тенденции к реабилитации женщины, заявившей о себе в эпоху зрелого Средневековья, реабилитации не столько ее земной природы, сколько нравственных, духовных возможностей.

Примечательно, что между обеими интересующими нас англичанками немало общего. Обе они родились и жили в графстве Норфолк (Восточная Англия), на расстоянии 40 миль друг от друга (Юлиана – в Норидже, Марджерии – в Линне). При жизни они встречались, во всяком случае, Марджерии описывает одну такую встречу в 1413 г. Обе женщины происходили из знатных семейств. При создании своих книг и та и другая пользовались услугами личных секретарей. К духовному «обращению» и Юлиана, и Марджерии пришли после тяжелой болезни. Однако уже прежде обоим всегда доставлял тяжелые переживания вид Распятия, и они много размышляли о Страстях Господних. Обе выстрадали чувство духовного призвания и находили ему подтверждение в пережитых «видениях» – встречах с Христом, Богородицей, апостолами и святыми. В создании своих книг обе женщины усматривали благодарный долг перед Богом, их избравшим, а также людьми, которых на основе собственного опыта они надеялись приобщить к истинным путям богопознания.

В то же время обе женщины обладают яркой индивидуальностью, отраженной в книгах каждой. Очевидно, что Юлиана – натура более спокойная, рассудительная, склонная к аналитическому мышлению. В ней более ощутимо чувство христианского смирения, ответственности перед окружающими, хотя и создается впечатление, что она прожила более замкнутую, уединенную жизнь. По-видимому, она была лучше образована, нежели Марджерии. Об этом свидетельствует и ее стиль, и обильные ссылки, аллюзии из Библии и довольно обширного круга духовной литературы. Так, иезуиты, изучавшие книгу Юлианы, обнаружили в ней более 700 ссылок на библейские тексты.

Повествование Юлианы более цельное и стройное, она сосредоточена исключительно на переживании истин веры, предельно сдержана во введении светского материала и биографических деталей. Мы лишь узнаем о том, что первое видение было Юлианой пережито во время болезни, в состоянии кризиса, 8/9 мая 1373 г., когда у изголовья ее находились мать и приходской священник. Впоследствии она представляется отшельницей, живущей у стен церкви Св. Юлиана в Норидже. Само имя автора «Откровения Божественной любви» подвергается сомнению, поскольку «средневековое Julian(e), современное английское Julian – это прежде всего имя свято-

го и посвященной ему церкви, при которой находилась келья затворницы, то есть Юлиана в данном случае было именем, принятым вместе с обетом отшельничества, на что указывает мужская форма имени: Julian, а не Juliana» [9]. Заметим, что в Юлиане чувствуется большая внутренняя удовлетворенность, возможно, это связано с тем признанием, которым она пользовалась при жизни у современников. В начале XV в. мы не раз встречаем упоминание ее как св. Юлианы.

Марджери, в сравнении с Юлианой, присущ более яркий, бурный темперамент. Это натура решительная, энергичная, страстная. Она не была отшельницей и не жила уединенно. Ее жизненный опыт богат и разнообразен, и Марджери более откровенна в рассказе о себе. Мы получаем представление о ее семейной жизни, опыте хозяйственной деятельности, узнаем об участии Марджери в целом ряде паломничеств, в том числе в Святую землю, знакомимся с ее друзьями и врагами. Рассказ Марджери о себе более драматичен и обильно насыщен материалом мирской жизни. Если сочинение Юлианы оценивают как один из первых религиозных трактатов в Англии, то книга Марджери сейчас рассматривается как образец первой автобиографии в английской литературе [10]. Думается, что ее можно рассматривать также как одну из эмбриональных форм романа с характерной английской темой «дороги».

Ощущаются в книге и следы жанра жития. Когда Марджери повествует о своем происхождении, все это заставляет вспомнить житийную структуру истории героя, тем более что Марджери предпочитает писать о себе в третьем лице. Вся книга пронизана жаждой самоутверждения, которое Марджери, в отличие от Юлианы, давалось, видимо, нелегко. В то же время она исполнена страстной веры в особое избранничество, исключительную любовь Бога к ней.

При этом в повествованиях обеих женщин, как Марджери, так и Юлианы, заметно проявилась специфика женского творчества: в отборе материала, взгляде на него, общей тональности произведения, характере художественных средств и т. д. Юлиана вступила на путь словесного творчества раньше Марджери. Она начинала проявлять себя в русле целого ряда мистических авторов, в основном мужчин, уже упомянутых выше (Р. Ролль, В. Хилтон, автор анонимного «Облака неведомого»). Мистические сочинения упомянутых авторов создавались под значительным влиянием трудов Псевдо-Дионисия Ареопагита (VI в.) и заметно тяготели к философичности и экзегетике.

Авторы их много рассуждали о деятельной и созерцательной жизни, споре души и тела, борь-

бе божественных и дьявольских сил, путях и градациях духовного совершенства, преимущественных формах богопознания. Юлиана в духе своих собратьев по мистическому опыту также немало рассуждает на религиозно-философские и доктринальные темы, ставит проблемы универсального значения. Но при этом в ее повествовании заметно проявляется стремление к ясности, наглядности суждений, эмоциональной силе образов. Так, в ее повествование даже при описании Страстей могут вторгаться образы бытовой, житейской сферы. Описывая капли крови, стекающие из-под тернового венца, Юлиана сравнивает их по форме с округлыми бусинами, мелкими икринками сельди, а обильно текущую из ран Христа кровь – с потоками дождя. В то же время подобная образность не разрушает драматической тональности повествования. Картина Распятия воссоздается Юлианой с большой силой душевного сопереживания. Взволнованная, лирическая интонация оказывается преобладающей.

Один из лейтмотивов «Откровения» – идея тринитарности. Однако и ее утверждение у Юлианы тяготеет к визуализации. Так, к примеру, размышление о единстве Троицы Юлиана выражает следующей картиной Распятия: основание креста, на котором распят Сын, поддерживает Бог-Отец, а Святой Дух летает над головой Спасителя в обличье голубя. Как указывалось выше, сцена Распятия воссоздана с обилием чувственно-телесных деталей; кроме того, представлен рельеф местности, характер погоды в тот страшный день и т. д. Себя Юлиана рисует как очевидицу события, помещая рядом с Марией (заметим, что таким образом поступал в своих сочинениях и Ролль).

Образ Марии занимает важное место в книге Юлианы [11]. Она размышляет о ее необычной и высокой судьбе и в то же время создает «домашний», почти интимный образ Богоматери («a simple mayde, young of age and little waxen above a child, in the stature that she was wan she conceived with child») (с. 97). С особым умилением рисует Юлиана сцену Рождества, любясь матерью и ребенком, для которых еще все беды впереди. В своих видениях Юлиана вступает с Марией в непосредственное общение, и оно свидетельствует о понимании и взаимном сочувствии.

Выразителен по своей пластике образ, возникающий у Юлианы в ходе размышления о сущности Творения. Ее взору предстает Бог с таинственным предметом в ладони, округлостью и фактурой напоминающим лесной орех. В истолковании Бога этот «домашний образ» выступает символом отношений Творца и сотворенного мира. Бог сотворил его, Бог любит его, Бог бережно хранит его. Всей совокупностью образов и ситуаций Юлиана формирует концепцию ин-

тимной, «домашней» любви к Богу («Homely loving»). Ее чувства к божеству исполнены нежной доверчивости и порывистости: «God, of the goodnes, geve theselse...» (с. 111), своего рода «духовного эротизма».

Если «Revelations» представляют собой своеобразный цикл фрагментов-картин («видений»), то «The Book of M. Кемпе» характеризуется усилением нарративности. При этом повествование в книге Марджери отличается заметным динамизмом. Героиня перемещается с места на место, переходит от одного занятия к другому, переключает внимание от одних лиц к другим. В основе драматизма истории Марджери ее вынужденное раздвоение между духовным призванием и отягчающими узами мирского долга. Положение Марджери осложняется неудачным характером ее брака. В двадцатилетнем возрасте Марджери выдана своим отцом, уважаемым и состоятельным жителем Линна, за предприимчивого, деятельного, но не очень удачливого и приземленного бюргера, Джона Кемпа. За время семейной жизни у них рождается 14 детей. Однако Марджери почти ничего не рассказывает о них в книге, лишь иногда упоминая их в молитвах. Назван только один сын, который на определенном этапе оказывал ей помощь в работе над книгой.

М. Кемп целенаправленно отбирает и выстраивает материал. Ее книга – это духовная автобиография, написанная героиней на склоне лет (Марджери упоминает, что пишет ее в возрасте около 60 лет). Героиня сосредоточена на повествовании о борьбе за право не ограничиваться только семейной жизнью. Так, неудачами мужа в хозяйственных делах она мотивирует собственную инициативу в делах, попытки самостоятельно вести предпринимательские дела (на мельнице, в пивоварне и т. д.). Идя навстречу духовным потребностям, она становится пылкой паломницей. Маршруты совершенных ею в разные годы путешествий-паломничеств поражают воображение. В Англии Марджери посетила Лондон, Норидж, Линкольн, Лейчестер, Кентербери и т. д. Она также пересекла Германию от Данцига до Аахена и Штральзунда. В Италии Марджери видела Рим, Болонью, Венецию, Ассизи. С большим трудом добралась она и до самых главных святынь: Сантьяго де Компостелла и Иерусалима. Необычность Марджери состоит в том, что две основные духовные традиции Средневековья, мистицизм и страсть к паломничествам, органически соединились в ее духовном призвании, и то и другое представлялось ей необходимым и важным.

В связи с задачей преодоления бытовавших тогда традиций семейной жизни Марджери немало рассказывает нам о своем муже. Джон Кемп, как видно из этого повествования, относился к помыслам жены снисходительно и терпеливо,

по-своему любил ее и защищал перед окружающими. Хотя тема отношений с ним занимает в книге важное место, вместе с тем ощущается ее подчиненность основному замыслу целого: изображению все возрастающей святости героини. Примечательно, что, несмотря на взаимное терпение и уважение, опыт совместного участия в паломничествах, Марджери долгие годы готовит мужа к приятию идеи целебата. Ближе к сорока годам она действует решительно и настойчиво и в конце концов добивается своего. Перед лицом епископа супруги дают обет целомудренных отношений и впредь даже проживают отдельно. Только когда уже пожилого Джона Кемпа свалил удар и болезнь потребовала повседневного ухода за ним, Марджери вернулась в дом и преданно ухаживала за мужем до самой его смерти. В своей книге Марджери упоминает о своей невестной репутации как жены и хозяйки среди соседей и горожан. Героиня вообще подчеркивает, что хула и клевета сопровождают ее всю жизнь. Однако по-настоящему задевает ее лишь неверие окружающих в то, что она при жизни избрана Богом, видит его, беседует с ним, постоянно, оказываясь в тяжких ситуациях, получает от него поддержку.

Свое «богоизбранничество, звание «христовой невесты» Марджери воинственно подчеркивает. Это проявляется также в ношении особого кольца, якобы изготовленного и носимого по настоянию самого Бога. Вокруг этого кольца не раз возникают драматические обстоятельства (таинственное исчезновение кольца, подозрения о похищении, поиски, мольбы к Богу о возвращении потери, чудесное нахождение кольца и т. д.). Столь же примечательно стремление героини к ношению белых одежд, раздражающее сильно как мирян, так и клириков. Не раз требуют у нее угрозами сменить белые одежды, однако героиня обычно уступает лишь «с позволения» Бога. Более того, в 35-й главе своей книги Марджери описывает обряд мистического союза, якобы заключенного между нею и Иисусом Христом в церкви Св. Апостолов в Риме 9 ноября 1414 г. в присутствии Бога-отца, Богородицы, ангелов и т. д. Марджери верит в исключительную любовь и заботу Бога о ней как на земле, так и в грядущем, на небесах [12].

Непосредственным, внешним выражением божественного дара Марджери считала свойственные ей неожиданные, бурные приступы слез и рыданий, нередко переходящие в громкие крики. Марджери настаивает, что приступы эти были неожиданными для нее самой и совершенно неудержимыми. Более того, если она пыталась себя сдерживать, то нередко они принимали еще более острые формы. Эти-то приступы и являлись главным основанием для неприязни окружающих,

усматривающих в них проявление вселившихся в Марджери дьявольских сил. Сама же героиня твердо убеждена, что это «божий дар», полученный ею во время путешествия в Святую землю. Впервые этот приступ настиг ее, когда вместе с другими паломниками она поднялась на Голгофу. На этом месте Марджери распростерлась ниц на земле, сотрясаемая рыданиями при воспоминании о пережитых Спасителем муках. Перед ее мысленным взором была фигура распятого Христа, окруженная Богоматерью, Св. Иоанном, Марией Магдалиной. Как и они, Марджери охвачена огромной силой сострадания. Впоследствии подобные приступы повторяются многократно, и из повествования видно, что чаще всего они случаются у героини при виде Распятого, напоминающего о крестных муках, или же в храме во время проповедей, когда в них излагались эпизоды Страстей Христовых.

Марджери повествует об изгнаниях ее из храма, запретах на посещение проповедей, арестах, допросах, испытаниях. Однако многочисленные преследователи ее обычно бывают посрамлены. Так, один из яростных противников героини, фрайар-проповедник, пользующийся в Линне большой популярностью и настроивший против нее горожан, в конце концов «наказан» весьма показательным образом: во время произносимой проповеди у него вдруг начался подобный приступ. В дальнейшем он повторялся до тех пор, пока проповедник не раскаялся в своих инвективах по адресу Марджери и не признал публично перед прихожанами неоспоримость ее божественного дара. Примечательно, что Марджери, как и проповедовал Христос, стремится возлюбить врагов своих. В момент противостояния с ними она держится учтиво и никогда не злорадствует, если их настигает раскаяние или расплата.

В соответствии с житийной структурой «духовной автобиографии» Марджери в книге ее большое место занимает рассказ о врагах, преследованиях, пережитых страданиях. В то же время несколько раз (в предсказании Юлианы, речах Бога, собственных рассуждениях героини) звучит мысль, что страдания на ее пути не только неизбежны, но и благодетельны. «It was to her in a maner of solas comfort whan sche suffered any dysese for e lofe of God and for e grace at God wrowht in hur» (с. 27). Что же касается друзей и помощников Марджери, то их Бог чаще всего поддерживает и благодарит за оказанную героине поддержку. В итоге многие из них не только благословляют факт своего сближения с Марджери, но и становятся ее восторженными поклонниками и друзьями и стремятся рассеять бытующие вокруг героини дурные слухи.

Непросто складываются у Марджери отношения с официальными представителями клира. Ге-

роиня находится в известной оппозиции к нравственному состоянию Церкви, и отношение это в определенной мере поддерживается самим Христом: «Ther is no clerk can spekyn aens de lyfe whch I teche be and yf he do he is not Goddys clerk, he is e Deueles clerk» (с. 158). Показательно в этом отношении сравнение Марджери с Юлианой, целиком сознающей себя в лоне церкви и решительно данное обстоятельство подчеркивающей: «But in al thing I leve as holy Church levith, preachith and teachith, for the feith of holy church, the which I had aforhand understonden and as I hope by the grace of God wilfully kept in use and custome, stode continually in my sight, willing and meneing never to receive ony thing that might be contrary therunto (с. 29).

Что же касается Марджери, то не раз она оказывается перед лицом опасности быть обвиненной в еретизме и приговоренной к костру. Спасают обычно героиню несокрушимость ее духа, находчивость при допросах, неукоснительное следование доктрине Св. Писания. Указанные стороны характера достаточно ярко проявились во время описанного Марджери «освидетельствования», которое провел с нею в 1417 г. архиепископ Йорка. Показательно при этом, что ответы Марджери и ее аргументы впечатляют не столько ученостью, сколько парадоксальностью и здравомыслием. С их помощью героиня вскрывает слабые стороны противника и заставляет его отступить. Диалоги-«агоны» в книге Марджери отмечены иронией широкого спектра: от мягкой и добродушной иронии до прямого сарказма. Показательно, что в ряде случаев Марджери проявляет инициативу и сама вызывается принять участие в том или ином теологическом споре. При этом она неоднократно подчеркивает, что не умеет ни читать, ни писать. Однако суждения героини обнаруживают довольно обширные познания как текста Св. Писания и комментариев к нему, так и круга средневековой религиозной литературы, особенно мистической. Неплохо ориентируется героиня и в современной церковной борьбе. Так, к примеру, когда ее обвиняют в «лоллардизме», героиня обращает внимание на факты, свидетельствующие о ее расхождении с лоллардами (уважение к литургической стороне церкви, почтение к клиру, если его облик соответствует христианской морали, придание значения паломничеству и т. д.).

В тексте книги приобретенные познания героиня объясняет своей любознательностью: многочисленными беседами со знающими людьми, помощью, которую ей оказывали специально нанятые чтецы, и т. д. Среди своих наиболее уважаемых собеседников Марджери упоминает такие исторические лица, как архиепископ Аранделл, епископ Репингтон, Юлиана из Нориджа.

Встречаются и лица более скромного звания, однако оставившие в душе героини важный след: ее духовник, Уильям Саутфильд, монах-кармелит Алан из Линна, безымянный доминиканец-анахорет, живущий близ Линна, и др. Как свидетельствуют воспоминания Марджери, немало важных и полезных встреч подарили ей паломнические дороги.

В житии обычно важное место отводилось описанию чудес, совершенных богоизбранной личностью. Они становились свидетельствами, окончательно закреплявшими в сознании окружающих святость житийного героя. Что касается Марджери, то она включает в повествование не одно описание сотворенных ею чудес. Но, пожалуй, наиболее впечатляющим выглядит описание большого пожара в Линне, имевшего место 23 января 1421 г. (глава 67). Окружающим казалось, что огонь уничтожает все, даже культовые постройки. Тогда по просьбе своего духовника, вышеупомянутого священника церкви Св. Маргариты, Марджери начинает отчаянно молиться в храме, затем молитвы ее переходят в рыдания и крики. Героиня страстно взывает к помощи Бога, и, наконец, тот посылает сильную снежную бурю, остановившую огонь.

Чудесная история происходит также с Марджери однажды в Риме. В церкви Св. Иоанна своей проповедью на нее произвел большое впечатление священник и вызвал желание поговорить с ним на благочестивые темы. Однако священник этот оказался немцем по происхождению, и, таким образом, у них не было общего языка для общения. Это обстоятельство сильно расстроило героиню, но она не примирилась с ним. Они оба, Марджери и священник, по призыву героини молились 13 дней, и по прошествии этого срока священник с удивлением обнаружил, что понимает все, что говорит ему Марджери, а та, в свою очередь, пылко исповедовалась ему в своих грехах, начиная с детских, и священник с радостью отпустил их. Марджери поведала ему и о пережитом «обращении», и о счастливых моментах «богообщения». Чудесное преодоление языковых преград Марджери в своем повествовании представляет как несомненное благоволение божье.

В своей книге Марджери поведала также и о том, как с божьей помощью совершала чудесное исцеление больных. Так, к примеру, в церкви Св. Маргариты в родном Линне героиня однажды встретила мужчину, убитого горем. Оказалось, что отчаяние этого человека связано с тем, что после рождения ребенка жена его стала безумна: неистовствовала, никого не узнавала вокруг и никого не желала видеть. Марджери взялась помочь несчастному, и ее появление с первого раза молодая женщина восприняла иначе: внимала ей без агрессии и проявляла признаки

сознания. Продолжительное время Марджери посещает эту женщину каждый день, усердно молится о ней в церкви, пока та не выздоравливает на удивление всем жителям города.

Можно сказать, что все, о чем повествует Марджери, для нее важно, прежде всего, как свидетельство крепнущей связи с Богом. В ее тексте мы не ощущаем осознание самоценности человеческого опыта. В предисловии к книге Марджери прямо сообщает, что создает свою книгу, чтобы запечатлеть историю своего пути к Богу и общения с ним и делает это во имя славы Господа. Однако следует заметить, что описание визионерского опыта героини и актов богообщения составляет как раз менее яркие, бледные, достаточно традиционные фрагменты книги. Эти части интересны больше отдельными штрихами, деталями, обычно свидетельствующими, что на фоне других мистиков Марджери, как и Юлиана, выделяется тяготением к чувственным, конкретным образам. Так, к примеру, примечательна деталь из беседы героини с викарием Ричардом Чейстером из Нориджа. Она сообщает викарию, что часто беседует со всей Св. Троицей, а также Богородицею, Св. Петром, Св. Катариной и др. При этом Марджери подчеркивает ту особую радость и ликование, которые испытывает уже при приближении Св. Троицы. Эта радость передается образами стремительного ветряного потока, в котором вьется голубь на фоне сладостной нежной мелодии. Передавая нежный характер мелодии, Марджери предлагает различать в нем звук пары колокольчиков и песню красногрудой малиновки, как будто поющей в самое ухо. Марджери вообще очень восприимчива к звуковой стороне мира и, особенно, к звучащей человеческой речи.

Ее книга воспоминаний – это, прежде всего, воспроизведение большого числа эпизодов и разговорных сцен. Кажется невероятной возможность сохранить их в памяти и передать сколько-нибудь достоверно. Однако не мешает помнить, что память неграмотных людей гораздо более цепко удерживала звучащее слово. Кроме того, Марджери не воспроизводит нам заурядные эпизоды, а восстанавливает наиболее значимые, а значит и памятные события своей жизни. Чаще всего это беседы с Богом и святыми или словесные поединки со своими оппонентами. Последние нередко представлены как своеобразные триумфы ее жизни, что делает естественным их удержание в памяти. При этом бросается в глаза, что Марджери более развернуто излагает свои реплики и, как правило, за собой оставляет последнее слово, звучащее естественно и убедительно. Таким образом, она, несомненно, лучше помнит то, что произнесла сама, что закономерно для человеческой памяти. Во всяком случае,

диалоги Марджери выглядят достоверными. Показательна в этом отношении изложенная ею беседа с Юлианой из Нориджа. Речевые характеристики участниц беседы различны. Учтивые, заинтересованные, а местами восхищенные реплики Марджери. И назидательные, витиеватые, поистине «орнаментальные» наставления Юлианы. Характерно, что образный строй и синтаксис речи Юлианы находятся в полном соответствии с тем представлением, которое возникает на основании ее главной книги.

Должно отметить не только живую и цепкую память Марджери, но также необычайную игру ее воображения. Это особенно ярко проявляется в том, с какой легкостью Марджери способна мысленно воссоздавать эпизоды из жизни Христа, включаться в их действие и выходить из него. Подобное состояние овладевает ею не только в подобающей обстановке, к примеру, в пространстве соборов и церквей, во время проповедей или выноса святых, но также и в самой будничной атмосфере, в процессе хозяйственных дел и забот. Однако наиболее полно и насыщенно переживает Марджери это состояние в Святой земле. Ее воображение воссоздает и Рождество младенца Иисуса, и бегство в Египет, и торжественный въезд в Иерусалим, и события Страстей Христовых. При этом сама Марджери предстает не просто созерцательницей волнующего действия, но активным участником события. Так, к примеру, мы нередко видим ее помощницей Богоматери. Она помогает той после рождения младенца, ибо на собственном опыте знает, какое питье целесообразнее для только что родившей женщины. Марджери также собирает наиболее необходимые вещи для святого семейства, отправляющегося в Египет. Во время Распятия героиня поддерживает обессиленную от страданий Богоматерь и т. д. Между нею и Марией отношения доверительные, интимные. Не случайно и сама Богоматерь, в свою очередь, является героине в трудные для нее моменты, причем примечательно, что оказывает ей не только душевную поддержку, но также практическую помощь: обеспечивает едой, одеждой, кровом. В отношениях Марджери с Богоматерью есть нечто от союза двух матерей, хозяйек семейства, которые, подобно верным подругам, не покидают друг друга в трудных испытаниях.

Иной характер носят отношения Марджери с Иисусом. Для него она возлюбленная и невеста, причем, как указывалось выше, Марджери верит в особую избирательность, уникальность, «единственность» отношения Бога к ней. В ее собственном чувстве, несомненно, присутствует «эротизм», наиболее очевидный в призывных обращениях к Богу. В то же время она, как бы спохватываясь и опасаясь обвинений, подчеркивает,

что Бог говорит с ее «разумом», говорит ее «душе» и т. д. Показательно, однако, что в беседе с Богом-отцом героиня признается, что дождет мужественностью Христа: его стойкостью, благородством, рыцарственностью. Весьма характерен уже тот образ, в котором Иисус впервые предстал героине в минуту душевного кризиса и телесного недуга: в пурпурной шелковой мантии, с сияющим, благородным лицом, какого нет ни у одного мужчины. Ласково приблизившись к героине, говорил он с нею... Примечателен лейтмотив заверений Христа: постоянство, верность, неиссякаемая сила его любви. Очевидно, что это то, в чем больше всего нуждалась героиня и что она искала в любимом существе.

Один из наиболее драматических эпизодов книги – рассказ Марджери о своей внебрачной связи. Непреодолимость искушения она мотивирует происками дьявола. Однако читатель, особенно современный, ощущает естественность и неподдельность пережитого героиней чувства, силу владевшего ею страдания, вызванного охлаждением со стороны возлюбленного. Марджери познакомилась с ним во время паломничества и некоторое время они не расставались друг с другом. Затем наступил день решительного объяснения, о котором Марджери повествует с бесстрашной откровенностью. В разговоре, который состоялся под сводами храма, возлюбленный сообщил ей об исчезновении желаний и несогласии продолжать связь даже «за все золото мира». У потрясенной героини на некоторое время пропадает всякое желание жить. Таким образом, после случившегося окончательный уход Марджери в сферу Бога выглядит закономерным порывом женщины, жаждущей чистоты, духовности, самоуважения. Однако оставленная, но не вытесненная до конца страсть выдает себя в прорывающемся чувственном характере любви к Богу: “Take Me in the arms of the soul and kiss My mouth, My head, and My feet, as sweetly as thou wilt” (с. 41).

Книга Марджери создает образ женщины крайне эмоциональной, чувствительной и чувственной, энергичной и смелой, терпеливой и предприимчивой – словом, незаурядной. Ее нередко сравнивают с Батской ткачихой из «Кентерберийских рассказов» Чосера. Для этого есть безусловные основания, хотя образ Марджери и представляется нам богаче и многограннее. Во всяком случае, обе героини выступают художественным свидетельством стремления женщины к свободе выбора образа жизни, занятий, окружения и т. д., сопряженного в эпоху Средневековья с неизбежным драматизмом и отчасти, как показывает повествование, возможного лишь в сфере религиозно-церковной жизни.

При этом Марджери не признается в желании стать признанной святой. Она, напротив, как будто стремится подавить свою гордость и стремление к мирской славе, демонстрируя готовность перенести любые унижения во имя веры. Показательна, к примеру, ее реплика, завершающая разговор с сенешалем, решившим арестовать Марджери как еретичку: "I am as ready, sir, to go to prison for God's love as ye are ready to go to church" (с. 32). Однако за видимым смирением на каждом шагу обнаруживается заметное самосознание героини, гордая убежденность в своем особом призвании и несомненной милости небес. Марджери убеждена, что книга ее нравится Богу, что молитвами ее будут спасены тысячи и после смерти она будет вознаграждена за свой труд и терпение.

Книга Марджери создана под ее диктовку. Этим героиня до известной степени объясняет отсутствие в ней должного порядка ("not wreten on ordyr, euery thing aftyr other as it wer don, but lych as the mater cam to the creatur in mend") (с. 87), однако вдохновителем своего слова она опять же считает Бога. При этом она рассказывает о том, сколь нелегкими были поиски подходящего переписчика. Сначала в этой роли попытался выступить один из ее сыновей, но не справился, затем был найден профессиональный писец, оказавшийся не очень умелым ("He coud lytyl skylle peson, for it was neithyr good Englysch ne Dewch, ne the letter was not scharupne formyd as other letter be...") (с. 89). Наконец был найден тот, чей текст Марджери нашла адекватным своему рассказу и кому доверила свое повествование.

Как видно из вышеизложенного, повествование Марджери отличается от духовных книг ее современников заметным внедрением мирского материала, постепенно разрастающимся. Вместе с тем рассмотрение этого памятника позволяет очевиднее ощутить художественную перспективу, заданную мистической прозой. Литературоведы нередко при попытке уяснить генезис ряда художественных явлений все чаще обращаются к произведениям духовной и, в частности, мистической литературы. Показательно, к примеру, что Р. Стоун полагает, что к книге Марджери

восходят истоки приключенческого и уголовно-го романа в Англии: "We can now see that the fictional method of "Robinson Crusoe" and "Moll Flanders", so far from being a new one, of a legacy from 17th century criminal narrative and the Elizabethan "Jacke Wilton", has its roots in the spiritual autobiography, one more instance of the continuity of literary forms" [13]. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что книги Юлианы из Нориджа и Марджери Кемп важны и сами по себе как оригинальные памятники эпохи, обогащающие мир творчества «загадочных англичанок». Именно в них берет начало женская повествовательная традиция в Англии, нашедшая в дальнейшем столь богатое и многообразное продолжение.

Примечания

1. «Эти загадочные англичанки...». М., 1992.
2. Там же. С. 6.
3. Там же. С. 122.
4. К примеру, к настоящему времени вышло более 20 изданий «Откровений Божественной любви» Юлианы из Нориджа. Текст переведен почти на все европейские языки, а также на японский и корейский. В 2010 году вышел перевод «Откровений» на русский язык.
5. Meech S. B. Preface to "The Book of M. Kempe". L., 1940. P. 12.
6. В кругу указанной литературы выделяется памятник XII в. «Правила для отшельниц» ("Ancrene Riwe"), оказавший влияние как на судьбы отшельнического движения в Англии, так и на соответствующую, посвященную этой теме, литературу (Р. Ролль, В. Хилтон, Юлиана из Нориджа).
7. Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991. С. 32.
8. Там же. С. 32.
9. Дресвина Ю. «Откровения Божественной любви» Юлианы Нориджской // Юлиана Нориджская. Откровения Божественной любви. М., 2010. С. 24.
10. Stone R. Middle English prose style. Mouton, 1970. P. 11; Tuma C. W. The 14th century mystics. A comparative analysis. Michigan, 1977. P. 31.
11. Текст Юлианы цитируется по следующему изданию с указанием в скобках страницы: Revelations of Divine Love by Dame Julian of Norwich. L., 1952.
12. Текст Марджери цитируется по следующему изданию с указанием в скобках страницы: The Book of Margery Kempe. L., 1940.

Stone R. Middle English prose style. P. 111.

О. В. Байкова

НЕМЕЦКИЕ ОСТРОВНЫЕ ДИАЛЕКТЫ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖЪ- И ВНУТРИЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Актуальность исследования немецких островных диалектов Кировской области определяется общезыковедческой, историко-лингвистической, социолингвистической значимостью островной немецкой диалектологии, связанной с изучением особенностей развития и функционирования диалектов в инодиалектном и иноязычном окружении, т. е. в ситуации существования отдельных этноязыковых групп в отрыве от основного этнического массива.

Topicality of the research on German island dialects in the Kirov region is determined by the general linguistic, historical-linguistic and sociolinguistic value of insular dialectology connected with peculiarities of development and functioning of dialects in alien dialect and language surroundings, i. e. in the situation when separate ethnolinguistic groups exist in isolation from the main ethnic community

Ключевые слова: немецкие диалекты, взаимодействие языков, двуязычие, интерференция.

Keywords: German dialects, language interaction, bilingualism, interference.

Современное отечественное языкознание исследует преимущественно активно действующие языки. Обращение к диалектам, особенно малых народностей, обусловлено озабоченностью утраты самобытности их культур, что отражается, как известно, в языке. Изучения подобного рода необходимы также для понимания процессов развития и взаимодействия отличающихся языков, особенно в условиях непосредственного их контакта. Сравнительно-историческое языкознание предлагает множество теорий, объясняющих ключевые этапы взаимовлияния и изменения отдельных языков. Одни из них могут быть подкреплены реальными фактами, другие носят гипотетический характер, так как восстановление всех звеньев взаимного влияния не всегда представляется исторически возможным. Но процессы эти носят перманентный характер и в своей основе протекают идентично, что можно проследить и в наше время на примере языков малых народностей. Особенно отчетливо модели подобных взаимовлияний можно наблюдать на примере диалектов в условиях наличия единого национального варианта. Диалект является одной из форм существования национального языка. Германию в этом отношении можно назвать уни-

кальной страной, так как на сравнительно малой территории существовало и существует большое количество диалектов, а единая норма сформировалась по историческим понятиям сравнительно недавно.

Так уж сложилось для немецкого народа, что в XVIII в. в Германии сформировались миграционные потоки с направлением движения в Российскую Империю. Прибывающие эмигранты компактно расселялись на ее территории, образуя островные колонии, в каждой из которых доминировали конкретные диалекты. Эти диалекты были в то время единственным языком межличностного общения. Процессы языковой ассимиляции шли медленно, сохранение родного языка на территории иноязычного ареала едва ли заметно влияло на жизнь его носителей. В быту родной диалект, как правило, оставался признанным в качестве единственного средства коммуникации. Последующие исторические события, связанные с началом Великой Отечественной войны, стали трагичными и для немцев, постоянно проживавших на территории СССР. Их принудительное переселение в начале войны в районы Сибири и Средней Азии стало причиной объединения по национальному признаку. При этом, естественно, возникла иная языковая ситуация, когда ранее автономные диалекты также смешались. Кроме того, их использование официально попадало под запрет, так что последующие поколения не имели возможности получения образования на родном языке. Но если немецким языком запрещалось пользоваться на государственном уровне, то в быту он продолжал оставаться средством общения.

Одним из островов принудительного переселения советских немцев стала Кировская область, где наблюдалось смешение групп людей и их говоров. Трансформации, которые произошли и происходят в языке в период от начала войны до наших дней, позволяют проследить характер этих процессов и, возможно, помогут ученым определить пути сохранения отмирающих диалектов и культур малых народностей.

Изучение российских немцев Кировской области проводится в русле исследования четырех основных аспектов функционирования немецких диалектов в условиях языкового острова: историко-демографического, культурного, социолингвистического и собственно лингвистического. Историко-демографический аспект связан с получением и обобщением данных, в том числе и статистических, относительно истории появления немцев на Вятской земле, географии их расселения и численности, о возрастном составе и социальном статусе. Культурный аспект позволяет проследить связь фактов речи носителей островных диалектов и их культуры, этнического со-

знания, отношения к соседствующим этническим группам. Социолингвистический аспект помогает оценить языковую компетенцию, установить сферы функционирования немецких островных диалектов и дать оценку их прагматической значимости. И, наконец, собственно лингвистический аспект, который определяет уровень владения языком информанта. Актуальность постановки такой задачи определяется в первую очередь тем, что лингвистическая и социально-политическая составляющая проблематики взаимодействия языков и их диалектов за пределами их основного ареала перерастают в настоящее время в актуальную социальную проблему и не только в плане рассмотрения немецких диалектов в России, но и в других многонациональных, а это значит – полиязыковых социумах. В связи с этим актуальным является использование комплексного подхода к изучению интерференции в рамках языковых контактов в полинациональных социумах. Актуальность обуславливается также отсутствием единой теории функционирования и развития островных диалектов в условиях постоянного усиления воздействия иноязычного окружения. Актуальным является и то, что у российских немцев, проживающих на территории Кировской области, наблюдаются различные формы двуязычия, которые требуют изучения и систематизации. И, наконец, актуальность данной работы связана с вовлечением в сферу исследования не только традиционного для диалектологии сегментного состава, но и явлений просодического уровня с целью получения полной картины реального функционирования островных диалектов и создания концепции просодической интерференции в условиях билингвизма и полилингвизма на территории языкового острова.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей уникальной формы языка – смешанных немецких диалектов, в систематизации лингвистических закономерностей языкового взаимодействия, возникающих в этих диалектах, разработке понятийного аппарата для создания единой теории динамики их развития в условиях иноязычного и инодиалектного окружения, в анализе основных тенденций их функционирования в условиях билингвизма и полилингвизма, формировании методики исследования просодических характеристик и создании концепции просодической интерференции в исследуемых немецких диалектах. Эмпирической базой исследования послужили материалы диалектологических и этнографических экспедиций в шесть поселков Верхнекамского района Кировской области, проведенных с 1999 по 2011 г. Полученные данные легли в основу банка данных, который включает записи речи 26 информантов в объеме 50 часов

и анкеты с социолингвистическими и историко-демографическими сведениями о каждом информанте. Анализ полученных теоретических и экспериментальных данных позволил сделать следующие выводы.

В настоящее время в Кировской области проживает, по статистическим данным, 1408 российских немцев, которые не относятся к числу автохтонных этнических групп. До XX в. представители данной этнической группы не составляли целостной этнической группы, в отличие от компактных поселений российских немцев на Украине, в Поволжье, Закавказье, Санкт-Петербургской губернии, а также в Сибири и Средней Азии. Они были не крестьянами, а квалифицированными специалистами и представителями интеллигенции. Лишь с середины XX столетия появились районы достаточно компактного их проживания в Вятском регионе.

Следует отметить, что вопросы языковых контактов рассматриваются на языковом материале информантов, сохранивших и использующих свои родные диалекты (идиолекты) в повседневной жизни. Исконные этнические характеристики у данного населения сохраняются, причем на процесс сохранения традиционного и появление нового в его культуре повлиял вынужденный характер переселения – депортация. Исконная специфика уклада жизни еще продолжает сохраняться в какой-то мере в привычках, традициях, повседневности, но особенно она проявляется в последнее время в сфере духовной культуры и национального самосознания.

В социолингвистическом плане в условиях сложившейся языковой ситуации выделяются следующие формы двуязычия российских немцев Кировской области. Для старшей возрастной группы типичным является активное немецко-русское двуязычие, эта форма двуязычия является массовой, поскольку все российские немцы этой группы владеют в равной степени немецким и русским языками. Двуязычие в обследованных поселениях является односторонним, поскольку русские жители в них не владеют немецким языком. Естественный характер двуязычия немецкого населения обусловлен их постоянными контактами с русским языком в процессе совместной деятельности. Субординативность двуязычия, т. е. порождение смешанных высказываний, связана с тем, что российские немцы могут использовать в зависимости от конкретной языковой ситуации попеременно либо свой диалект, либо русский язык. Кодовые переключения при этом встречаются настолько часто, что их следует считать типичным признаком, характерным для российских немцев рассматриваемого региона. Для представителей средней и младшей возрастных групп специфическими типами двуязычия явля-

ются пассивно-активное немецко-русское двуязычие и активное русское моноязычие.

Распределение сфер употребления немецкого и русского языков этническими немцами Кировской области, а также выбор языка в качестве родного определяются различными социально-демографическими факторами: 1) возрастом: представители старшего поколения сохраняют свои родные идиолекты и пользуются ими в повседневном общении, они посещали немецкие национальные школы в местах компактного проживания; 2) семейными обстоятельствами: в «чистых» в этническом отношении браках диалект сохраняется, в смешанных браках предпочтение отдается преимущественно русскому языку; 3) гендерной принадлежностью информантов, которая является значимой только для старшего поколения. Информанты-женщины гораздо лучше владеют родным немецким языком. В данном случае представительницы женского пола являются носительницами диалекта как языка своих предков, культуры и традиций, языка внутрисемейного общения. Что касается респондентов мужского пола, то, как показывает исследование, в настоящее время лишь немногие из них говорят на диалекте. Причина низкой языковой компетенции у мужчин – это более слабая коммуникативная активность.

Собственно лингвистический аспект исследования заключается в изучении следующих двух процессов: междиалектное и межъязыковое взаимодействие в речи российских немцев Кировской области. Исследование этого взаимодействия позволило установить специфику реализации языка российских этнических немцев на всех уровнях.

Исходным в изучении является звукофонемный (сегментный) уровень. Необходимо отметить, что основное различие в области консонантизма в рассматриваемых идиолектах базируется, во-первых, в спирализации интервокальных взрывных согласных $b > v$ (w), $g > j$, $g > x$, ζ , во-вторых, в различиях реализации консонантных кластеров со звуком sch ; и, в-третьих, в реализации второго передвижения согласных. В области вокализма противопоставление диалектов наиболее последовательно осуществляется, во-первых, по признаку наличия/отсутствия расширения гласных $i > e$, $u > o$, во-вторых, по признаку наличия/отсутствия эпентезы между плавными r , l и велярным сонантом ch , редукции безударных гласных в преакцентных слогах. Наряду с этими базовыми диахроническими процессами, получены данные по таким типам варьирования, как чередование назализованных и неназализованных гласных, умлаут, преломление и редукция безударных гласных.

Таким образом, выявлены общие и различительные признаки рассматриваемых диалектов,

которые показывают, что языковые системы обладают значительной устойчивостью к различного рода языковым изменениям, несмотря на продолжительные контакты друг с другом, а также с языком окружения. Результаты исследования позволяют констатировать смешанный характер рассматриваемых диалектов на сегментном уровне.

В настоящем исследовании впервые было проведено комплексное экспериментально-фонетическое исследование супraseгментной организации немецкой речи немцев-билингвов Кировской области. Алгоритм его проведения представлен следующим образом: 1) сегментация интонационных фраз при помощи компьютерной программы PRAAT (6700 единиц); 2) анализ завершенных интонационных фраз (500 единиц), незавершенных интонационных фраз (250 единиц); 3) интонационная транскрипция ядерных контуров завершенных и незавершенных интонационных фраз.

В основе исследования просодики островных диалектов лежит гипотеза о возможности различения верхне- и нижне-немецких островных диалектов по реализации интонационных параметров, как это наблюдается в ряде диалектов Германии. В ходе исследования эта гипотеза была отвергнута. Так, в частности, величина среднего диапазона частоты основного тона указывает только на различия между мужскими и женскими голосами, статистически значимые различия средних диапазонов между исследуемыми верхне-немецкими и нижне-немецкими диалектами не установлены; в речи одних и тех же информантов-дикторов в полной мере реализуются все интонационные контуры. Данное обстоятельство подтверждает гипотезу о смешанном характере диалектов не только на сегментном, но и на супraseгментном уровне, что позволяет построить концепцию просодической интерференции в рассматриваемых немецких островных диалектах.

В связи с этим представляется продуктивной интерпретация данной формы языка как архисистемы, которая возникает там, где есть, по крайней мере, две системы, например два региональных диалекта. Их сопоставление позволяет построить систему отношений, или диасистему, которая включает общие и дифференциальные единицы. Отличаясь от собственно немецких диалектных систем, данная диасистема постоянно изменяется, продолжая оставаться одним из средств коммуникации российских немцев Кировской области.

В результате исследования было установлено, что за время длительного развития в иноязычном окружении рассматриваемые немецкие диалекты подверглись интенсивному воздействию со стороны русского языка, что приводит к заметным сдвигам на всех уровнях их структуры.

В итоге изучения переключения кодов в речи российских немцев Кировской области установлено, что оно зависит от речевой ситуации и тематики коммуникации. Кодовое переключение осуществляется как в рамках синтаксической конструкции, так и на фразовых границах. С точки зрения количественного состава переключение кода внутри предложения происходит на максимальном и на минимальном уровне. С точки зрения мотивации переключение происходит, как правило, неосознанно и обусловлено темой общения.

Анализ эмпирического материала позволил систематизировать межъязыковые и междиалектные заимствования на фонетическом (полная редукция гласного на конце слова: kontor «контора», качественная редукция гласного в конце слова: brigadə «бригада», mašinkə «машинка» и др.), морфологическом (использование заимствованных существительных с артиклем в соответствии с родом заимствованного существительного (dr prədsə:təl, tə'bā:nja); оформление множественного и единственного числа имен существительных (tə'partijə – tə'partijən «die Partei – die Parteien»); склонение имен существительных (von dem savot – «von dem Betrieb») и др.), и синтаксическом (порядок слов в немецком предложении совпадает с русским предложением viə'hā:m ghəirət ən sozəmskom (мы поженились в Союзском); iç ha:bə'g(ə)rbəit ən bətri:b krənoʃsəkom (я работала на заводе крановщиком) уровнях.

В процессе взаимодействия немецкого и русского языков в речи этнических немцев исследуемого региона происходят определенные изменения, наблюдаемые, в основном, на морфологическом и синтаксическом уровнях и представляющие собой отклонения от нормы языка, «перенесение» правил одного языка на другой. Данные изменения можно проследить в следующих примерах интерференции на морфологическом и синтаксическом уровнях: нестандартное образование названий дат: ən əntō:zənuihō:drtsvəionfti:rtšəstə'ja:r; расширение грамматического значения предлогов:

ər ha:t glēānt ouf ən meħa:nək' (он учился на механика); нарушение порядка слов в предложении: iç ben gbo:ra' n ja:r nuintsəhondrfinfontsvantsəç (я родилась в 1925 г.) и др.

Что касается фонетической интерференции, то иноязычное окружение не оказало значительного влияния на фонетические системы рассматриваемых диалектов. При исследовании интерферирующего влияния со стороны родного немецкого языка на неродной русский было установлено экспериментальным путем, что русская речь немцев-билингвов неоднородна и варьирует от «практически безакцентной» до «неестественной» для слуха русских монолингвов. В этом плане наблюдаемое явление трактуется с точки зрения промежуточной системы – interlanguage, не совпадающей ни с родным немецким, ни с неродным русским языком и выполняющей в сознании билингва адаптивную функцию.

Выявленные языковые особенности в речи немцев – представителей «языкового острова» в Кировской области – и их систематизация свидетельствуют об особом функционировании этой этноязыковой группы в отрыве от основного этнического ареала в иноязычном окружении. Российские немцы рассматриваемого региона образовали новое языковое сообщество с уникальной субструктурой, не имеющей аналогов на исторической родине: это сообщество прошло иной путь развития, обусловленный специфическими социальными и языковыми условиями. Уникальность языка исследуемого немецкого этнического меньшинства характеризуется, прежде всего, смешением диалектов в иноязычном окружении и многообразием форм их существования.

Таким образом, язык российских немцев Кировской области представляет собой итог создания специфического регионального варианта немецкого языка, отличающегося от других немецких островных диалектов и исконных диалектов Германии многократным смешением и интенсивным воздействием со стороны русского языка.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЭСТЕТИКА

УДК 008

И. Е. Фадеева

КОНЦЕПТ И ДИДАКТИКА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Автор рассматривает две взаимосвязанные проблемы: проблему эволюции русской концептосферы и проблему формирования механизмов концептуализации в индивидуальном сознании в процессе школьного образования.

The author considers two interconnected problems: the problem of evolution of a concept in Russian culture and a problem of formation of ability to producing of concepts by individual consciousness in the course of school education.

Ключевые слова: концепт, семиозис, языки культуры, индивидуальное сознание, школьное образование.

Keywords: concept, semiosis, culture languages, individual consciousness, school education.

Тематика этой статьи локализована в промежутке между двумя не всегда сопоставляемыми проблемами. С одной стороны, это формирование когнитивных механизмов как одна из важнейших задач образования и основа образовательных технологий и дидактических приемов, с другой – концептосфера русской культуры как когнитивно-семиотическая модель национального (само)сознания. Таким образом очерчивая исследовательское поле, мы вторгаемся в область, не всегда связываемую с педагогическим процессом: культурная и философская антропология, к сожалению, не занимает ведущих позиций в обосновании дидактики. Между тем от понимания сущности мыслительных процессов и современных трендов в развитии культуры и сознания (в первую очередь, индивидуального) зависят теоретические основания педагогической деятельности. Педагогическая теория, традиционно ориентированная на ребенка «вообще», хотя и с учетом «индивидуальных особенностей», нацелена на некоторую вневременную сущность мыслительной деятельности, всегда подчиненной неким универсальным «законам». Соответственно, признавая наличие ряда зависимостей индивидуаль-

ного сознания от общества и воспитания, она трактует эти зависимости весьма однопланово: как влияние семьи, субкультуры или средств массовой информации, то есть преимущественно в тезаурусно-аксиологическом аспекте. За бортом остаются *структуры индивидуального сознания*, меняющиеся в соответствии с социально-культурными изменениями переработки, объема и качества информации. Информационное общество изменяет сознание человека, и образование должно не только учитывать необходимость инкорпорировать в сознание ребенка стремительно расширяющуюся информационную стихию (что вряд ли возможно) – оно должно менять механизмы деятельности сознания, инкорпорировав его в эту стихию.

Прежде всего, зададимся вопросом: чем отличается сознание современного человека от сознания человека классической эпохи? Что происходит с человеком и культурой в начале XXI столетия и что заставляет пересматривать привычные технологии и методы? Не отвлекаясь на перечисление наблюдаемых фактов, обратимся к их культурно-антропологическим интерпретациям.

Любая педагогическая деятельность в сухом остатке сводится к усвоению ребенком некоторого множества культурных языков и кодов. Правила поведения и математические формулы, правописание и языки искусства, политические законы и научные термины – все это может быть описано как составные части семиосферы – системы семиотических систем. Однако в этот момент вновь начинаются вопросы. Семиосфера сегодня, потеряв устойчивость, свойственную классической эпохе (классической рациональности), обретает подвижность, причем подвижное равновесие «знак – значение» (ядерная структура любого кода) сменяется неравновесной асимметричной амбивалентностью. В результате код как вне индивида существующая и довлеющая над ним социокультурная реальность (код как «идеология», по выражению У. Эко) взламывается изнутри фактором смысловой неопределенности. Семантическая дихотомия Фердинанда де Соссюра «план выражения – план содержания», «означающее – означающее» все больше осознается и, главное, реализуется в социокультурных практиках как семиотическая триада «знак – значение – смысл», теоретическая рефлексия которой в трудах Г. Фреге становится своего рода

альтернативой семиотике Соссюра и тоже приходится на начало XX в. Классическое противопоставление Соссюром языка и речи (*langue* и *parole*) обретает в этом контексте новое звучание: доминирование языка как системы и *нормы в самой культуре* (в литературном тексте, в искусстве, в процессе самоопределения новых форм научного знания) явно уступает место *речи* как индивидуальному продуцированию текстов и *дискурсу* как смыслопорождению. Можно сказать, что культура XX в. сформулировала противопоставление языка и кода. Речь в данном случае идет о позиции М. М. Бахтина, поскольку, например, для Ю. М. Лотмана оба понятия часто оказывались синонимичными, хотя понятие кода, по мысли Лотмана, все же более соответствует искусственным языкам или идеальной модели языка (см. [1]).

Говоря о недостаточности понятия кода, М. М. Бахтин определяет его как «застывший контекст» [2]. Согласно Бахтину язык – это живое, семантически подвижное, включающее в себя многообразие коннотаций образование, позволяющее расширять контексты своего употребления. В противоположность языку, код ориентирован на ставшее, известное, догматически усвоенное. Такое понимание кода вполне согласуется с определением кода У. Эко как «набора ожиданий», которые «можно отождествить с идеологией» [3]. Задаваясь вопросом, «волен ли человек в своих речах, свободен ли он сообщать все, что вздумается, или он тоже предопределен неким кодом», У. Эко отвечает: код – «подлинный источник и хранилище информации», и «можно предположить, что в большинстве случаев *речь будет автоматически навязываться кодом*» [4] (выделено нами. – И. Ф.). Это значит, продолжает Эко, что в процессе говорения, чем бы ни была продиктована речь говорящего, «правила кода неизбежно регулируют и ограничивают разнообразие и богатство потенциальных высказываний» [5]. Семиотическое понимание идеологии, являясь расширением принятого узуса, включает в себя как понимание ее в качестве синонима семиотического в целом, так и представление о тождестве идеологии и мифа. Согласно Р. Барту миф извлекает из смыслов «ложное, деградированное бытие» и тем самым «искусственно отсрочивает смерть смыслов и располагает в них со всеми удобствами, превращая их в говорящие трупы» [6]. Продолжая мысль, можно говорить об омертвелом характере кода по отношению к языку, который представляет собой потенциальное поле продуцирования смыслов. Социокультурная динамика языков, наиболее отчетливо представленная в языках искусства (включая сюда и литературу и именно в ней проявляясь *rag excellence*), определяет необходимость парадок-

са значения и смысла, доходящего порой до разрыва. Смысл *всегда* выходит за пределы значения, расширяя границы самопознания. Не случайно У. Эко именно языки искусства выделил в особую семиотическую сферу, утверждая, что «сообщение с эстетической функцией оказывается неоднозначным, прежде всего по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код» [7]. Отметим при этом, опираясь на У. Эко, значимость искусства для развития сознания именно в рамках школьного образования: возможность *неоднозначного означивания* подталкивает сознание индивида к самовозрастанию.

В связи с этим зададимся вопросом о роли концептов и концептуализации в структуре мышления современного человека и в культуре как *концепто-семио-сфере*, а в связи с этим – о когнитивно-антропологических стратегиях современного педагогического процесса.

Дидактико-антропологической гипотезой является необходимость формирования у индивида не «понятийного», как нередко еще утверждается в педагогических руководствах, а концептуального мышления [8]. Это значит, что, вторгаясь в сферу сознания, следует уяснить вопрос о природе концепта, о его связи с миром визуального и вербального, вписанных в пространство современной культуры с ее отчетливой тенденцией к визуализации и виртуализации. Задача заключается в установлении связи между семиосферой как культурным «окоемом», мыслимым пределом социально и культурно релевантных смыслов, с одной стороны, и семиотическими стратегиями индивидуального сознания – семиозисом – с другой. При этом важно подчеркнуть, что только на основании развития индивидуального сознания оказывается возможным культурно-национальный семиозис в целом.

Продуктивное использование понятия семиосферы, сформулированного Ю. М. Лотманом, предполагает его дальнейшее развитие с учетом серьезных изменений самой семиосферы в ситуации «гипермодерна» [9]. Ю. М. Лотман пишет: «Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса». Важной характеристикой семиосферы является, с одной стороны, ее однородность и «семиотическая индивидуальность» [10], но с другой – «внутренняя неравномерность» [11]. Отталкиваясь от идеи Ю. М. Лотмана о делении семиосферы на центр и периферию, выскажем предположение о возможности не только концентрического, но и иерархического членения семиосферы, хотя само понятие *сферы* нацеливает именно на метафору круга, замкнутого культурно-семиотического пространства, разрываемого сегодня процессами глобализации и виртуализации и все более тяготеющего к се-

тевым формам. Понятие семиозиса представляется актуальным именно для современности, поскольку позволяет теоретически описать постоянный выход индивидуального и «однородного» пространства за собственные пределы с учетом личностных усилий отдельного сознания, вовлеченного в «сетевое» взаимодействие глобализированной дискурсивности. Кроме того, хотя, в соответствии с Лотманом, семиозис существует в рамках семиосферы, очевидно, что само ее появление уже является результатом продуцирования языков, кодов и текстов культуры, то есть результатом семиозиса.

Говоря об иерархичности семиосферы, Ю. М. Лотман выделяет уровень ее самоописания, то есть продуцирования «системы метаязыков» как уровень идеального единства, обеспечивающий имманентные для самой семиосферы процессы (см. [12]). Однако речь, на наш взгляд, может идти не только об авторефлексии культуры посредством механизмов автореференции (хотя такого рода механизмы представляются доминирующими на ранних этапах развития культуры – например, неоплатоническая интерпретация египетских символов и мистерий Ямвлихом, мифологии – Проклом, или – в рамках русской культуры – культурная авторефлексия славянофилов и народников). Речь идет о принципиально ином уровне семиотических процессов, результатом которых становится порождение философской концептуализации как способа выражения экзистенциального опыта субъекта. В связи с этим следует согласиться с мыслью Ж. Делеза и Ф. Гваттари о значимости именно индивидуального, единичного в продуцировании концептов в противовес «Универсалиям» «созерцания, рефлексии и коммуникации» – иллюзиям, сопутствовавшим философии на всем протяжении ее развития. «Творчество всегда единично, – пишут Делез и Гваттари, – и концепт как собственно философское творение всегда есть нечто единичное» [13]. В отличие от научных понятий, так же, как и концепты, обладающих «личной подписью», концепты, включающие в себя разнородные составляющие, являющиеся «центрами вибрации», скреплены наличием «концептуальных персонажей» [14].

Становление семиосферы национальной культуры – результат надстраивания над языками, кодами и метаязыковыми обобщениями уровня философских концептов, продуцирование которых знаменует не только исторический этап рождения личностного сознания и экзистенциальной, согласно К. Ясперсу, коммуникации, но и придает семиосфере законченную конфигурацию (с учетом, однако, ее всегда исторически незавершенного характера). Иными словами, философская концептуализация, маркируя переход в ка-

чественно иное состояние семиосферы, становится маркером самого ее наличия: семиосфера – в конечном счете – создается в результате личностных усилий персоной, способной выйти за пределы традиции, формирующей позицию «наблюдения за наблюдателем», а потому способной трансформировать собственный экзистенциальный опыт в смысловые сгущения философской концептуализации. Появление концептов, имеющих план «имманенции», «консистентных», но при этом не входящих в системы референции и не пропозициональных, согласно Ж. Делезу и Ф. Гваттари, – а не только базовых концептов национальной культуры (например, метаязыковых концептов «соборности» или «цельного знания»), фиксирует «точку невозврата» – становление семиосферы в целом. И именно язык философии (набор философских концептов, реализуемых и означенных, семиотизированных в текстах) (в связи с этим следует вспомнить перипетии формирования языка русской философии, усилия по созданию которого в рамках русского любомудрия-шеллингианства практически не увенчались успехом, будучи продолжены «вышедшими» из любомудрия славянофилами при создании русского философско-поэтического языка) свидетельствует о наличии «народа», «нации» как сообщества «вольных людей» (не вдаваясь в углубленное рассмотрение интеллектуальных перипетий понятия «народ», процитируем и согласимся с удачной формулой Г. Померанца – см. [15]).

«Стратиграфия» семиосферы, опирающаяся на мифопоэтические и визуальные архетипические образы и символы, но формируемая интеллектуальными усилиями субъектов социального конструирования и семиотического моделирования и завершаемая концептуальным слоем философской мысли, конструирует, уже в обратном порядке, мифопоэтику и символику обыденного сознания. При этом роль специфического медиатора принадлежит литературным текстам. Трансформация, однако, происходит не *снизу вверх* – а, напротив, – от верхних слоев семиосферы к повседневному и обыденному, затвердевая в мифологемах и образах массовой культуры. Эстетическая дистанция отделяет непосредственное переживание символики с ее суггестивным воздействием на неосознаваемые слои психики, с одной стороны, и ее наблюдение внутренним или сторонним наблюдателем, а также *наблюдающим за наблюдателем* – с другой, снимая болезненность переживания интеллектуальной или эстетической интерпретацией – или философским трансцендированием («детерриторизацией», по Ж. Делезу и Ф. Гваттари). «Народ находится внутри философа, потому что это “становление народом”, но для этого нужно, чтобы и фило-

соф находился внутри народа», – пишут Ж. Делез и Ф. Гваттари [16]. Результатом кругового движения становится *метасимволика культуры* – надконцептуальный уровень вторичной образности, определяющей на прагматическом уровне жизнь человека и его самоидентификацию. В этом случае возможно говорить о национальном семиозисе как о бесконечном процессе смыслопорождения.

Признавая взаимодополнительность понятий семиозиса и семиосферы, следует выявить и типологию семиозиса, выделив первичный культурный семиозис как способ бытия *индивидуального* сознания и семиозис вторичный – семиозис *национально-культурных сообществ*. Такое предположение опрокидывает привычные для советской мировоззренческой парадигмы модели первичности «народа» в творении культуры – недостаточные уже в силу теоретической непроясненности понятия «народ» и неубедительные с точки зрения имеющегося фольклорно-этнографического материала. Иначе говоря, вопреки негласно принятому в отечественной гуманитаристике, исходящей из иллюзий и утопий советской эпохи, мнению о превалирующей роли «народа» в культуротворчестве, выскажем мнение противоположное. Семиосфера – результат интеллектуальных усилий *отдельных личностей*, усилий, реализуемых в преимущественно враждебном пространстве традиции.

Показательной в данном случае является мысль Ю. М. Лотмана о том, что, в соответствии со средневековыми представлениями Древней Руси, в XVI в. произошла «передача всего семиозиса царю», «уделом же остальных членов общества делалось поведение с нулевой семиотикой» [17]. Соответственно и концептуализация «народа» оказалась встроенной в парадигму политического (при этом сакрализованного, символического) отношения «власть – народ». Такая ситуация в существенной мере была релевантной не только для XVII и для XVIII в. с его императорами осуществляемым Просвещением, но и определяла концептуализацию социально-культурного и национально-политического единства в рамках понятия «народ» вплоть до начала XX в. В качестве примера процитируем определение народа В. В. Ивановским – профессором Казанского университета, известным представителем российской политологии и правоведения конца XIX – начала XX в.: «Понятие о народе является в науке довольно установившимся и не порождающим тех разногласий и спорных вопросов, какими богато понятие о верховной власти и ее субъекте. Народ – это совокупность физических лиц, *подчиненных субъекту верховной власти*. <...> Верховная власть является той связью, которая объединяет многочис-

ленные и разнообразные общественные группы в одно целое *sui generis*, называемое народом. Между этими общественными группами может и не быть ничего общего, *помимо подчинения одному и тому же субъекту верховной власти*» [18] (выделено нами. – И. Ф.).

С другой стороны, образно-географические интерпретации «русскости», как и становление геополитического образа Руси-России, тесно связанные с «историей власти» [19], хотя и определялись геополитическими проектами, но порождали концептуализацию бесконечных пространств, формировали мифологемы долготерпения и милосердия, удали и судьбы, тоски и счастья как доминирующих социально-психологических установок и поведенческих стереотипов. Семиотика обыденного сознания, идеализированная и «дописанная» фольклористами и романтиками, была маркирована рядом концептов, выражающих иррациональный – «загадочный» – характер русской души.

Таким образом, собственно философская концептуализация национальной русской/российской семиосферы (то есть продуцирование, используя выражение Ю. М. Лотмана, метаязыка как имманентного семиосфере, но более высокого ее уровня – уровня идеальных обобщений) опиралась отнюдь не на «народные» представления и символы. Сам концепт народа оказался производным от геополитических и идеологических устремлений власти. В частности, знаменитый проект С. Уварова «Самодержавие, православие, народность» стал парадоксальной проекцией лозунгов Великой французской революции [20]. Конструирование образа нации/народа опиралось на интерпретацию национального сознания, его символических миров и социальных моделей (например, крестьянской общины как этико-экономического обоснования русской жизни), включавших в себя изрядную долю социально-эстетического утопизма. Однако формирование русской философской рефлексии на основании этой сложной пирамиды интерпретаций, утопий, политических амбиций и иллюзий стало актом не только ее трансформации, но и преодоления – рождением философских концептов.

Вопрос заключается в возможности отделения метаязыка культуры (как результата ее автореференции) от экзистенциально обусловленных «консистентных» (используя выражение Ж. Делеза и Ф. Гваттари) образований – собственно философских концептов. Говоря о персонологичности философской концептуализации, Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут: «Концепты всегда несли и несут на себе личную подпись: аристотелевская субстанция, декартовское *cogito*, лейбницевская монада, кантовское *паприори*, шеллинговская потенция, бергсоновская длитель-

ность...» [21] Применительно к России нетрудно заметить латентность философской концептуализации, скрытой в иных формах дискуссивности – религиозной философии, филологии, критики, собственно литературы.

На наш взгляд, можно выделить три типа концептуализации, равно значимых, но не одинаково представленных в русской культуре. Это концептуализация на уровне обыденного языка и обыденного сознания (назовем такие концепты *протоконцептами* в силу их неопределенности, семантической амбивалентности и лексической неточности), *художественная (прото)концептуализация* (то есть трансформация той или иной «эстетической фигуры» в «концептуальный персонаж» [22]), *философская концептуализация*. Очевидно, что именно художественная концептуализация занимает в русской семиосфере и в русском семиозисе доминирующие позиции. В качестве универсального медиатора искусство становится главной концептопорождающей моделью – вполне, кстати, в соответствии с пост- и гипермодернистским трендом амбивалентности художественного и философского текста. Трансформация эстетического в концептуальное в границах русской семиосферы реализовалась посредством литературно-критической мысли, в рамках которой были сформированы концепты «маленького»/«лишнего» человека, «нигилиста», «нового человека»... В кодифицируемых социально-психологических «типах», однако, всегда просвечивала прочная идеологическая закладка: лексическое означивание смысла застывало в матрицах формируемого интеллигенцией национального кода. Ситуация, характерная для XIX столетия, как могло бы показаться, оказалась «вывернутой наизнанку» в веке XX: место философской концептуализации заняли марксистско-ленинские идеологемы, требовавшие «четкого» понятийного наполнения и не допускавшие (особенно в эпоху сталинизма) смысловых интерпретаций. Но такая идеологизация лишь продолжила характерную для русской мысли тенденцию подмены языков культуры – однозначными кодами, концептов – понятиями, поскольку установка на доминирование коллективного (соборного, общинного, коллективистского) отдавала предпочтение коммуникативным надиндивидуальным значениям – перед индивидуальными смыслами. При этом само искусство (и в первую очередь литература), вне идеологизированных трактовок демократической или охранительной критики, оставалось источником порождения «плана имманенции». В частности, художественно-философская антропология и персонология Ф. М. Достоевского создала почву для теоретической рефлексии, став почти навязчивой идеей русской религиозной философии на рубеже XIX и XX вв. и определив

персонологический тренд русского философствования. В результате русская персонология XX в. – с ее центральным персонажем – М. М. Бахтиным – оказалась важной составляющей «персонологического поворота» [23] современной философии.

На этом фоне отсутствие философской составляющей в системе среднего образования и явно симулякрное ее присутствие – в системе высшего является и следствием, и причиной очевидной ущербности современной педагогической теории, заставляя еще раз помянуть С. Уварова с его знаменитой фразой о том, что польза от философии сомнительна, а вред очевиден. Обращенная лицом к дидактике, указанная проблема обретает иное измерение: формирование индивидуального семиозиса в процессе образования оказывается возможным как при интериоризации (всегда частичной) национальной семиосферы, так и при продуцировании смыслопорождающих моделей индивидуального сознания: механизмов концептуализации. Но именно на русской почве и ввиду доминирования художественной концептуализации и значимости персонологии (с ее концептами свободы и ответственности – от Н. А. Бердяева до М. М. Бахтина и М. К. Мамардашвили) следует признать особую необходимость взаимодействия художественной и философской составляющей образовательного процесса. Однако почти полное отсутствие национальной философской мысли в дореволюционной России (за исключением ее всплеска в начале XX столетия) – или ее не востребованность сегодня на уровне среднего и даже высшего образования приводит к вымыванию возможностей концептуального мышления как смыслопродуцирующего, направленного на «будущетворение». Компенсировать это смысловое зияние может интерпретационная деятельность, нацеленная на *художественные тексты*. При этом в центре внимания должна стоять *философская и культурологическая интерпретация*.

В свете сказанного очевидной, на наш взгляд, представляется ложность все больше распространяемых в школьном и вузовском преподавании технологий, основанных на упрощенной схематизации и визуализации теоретического или исторического материала, когда чувственная переживаемость визуального образа подменяется его одномерной схемой или рядом «презентаций». Визуальный и вербальный языки культуры могут существовать только во взаимной дополнительности; смысл возможен только на перекрестке различных дискурсов. Поэтому школьная и теперь уже вузовская практика презентации материала посредством схематических рисунков, таблиц или вырванных из контекста отдельных фраз и теоретических положений *не способствует*

развитию мышления как процесса в основе своей дискурсивного, а, напротив, тормозит его.

На наш взгляд, центром педагогических усилий должен стать текст культуры в его широком понимании: текст как «интеллектуальная личность», текст как «генератор смысла» (Ю. М. Лотман), текст как «рубеж сознаний» (М. М. Бахтин). И в свете формирования механизмов философской концептуализации неважным является хронологический принцип организации учебного материала: современный текст, вбирая в себя предшествующие этапы продуцирования смысла, не только позволяет ретроспективно их переосмыслить, но и помещает сознание учащегося в ситуацию актуального взаимодействия с интеллектуальной традицией. При этом устоявшийся путь изложения материала «тезис – аргумент – иллюстрация» («понятие – дефиниция – пример») при всей его внешней доступности и «понятности» представляется *нерелевантным* современному состоянию культуры и производному от нее (и ее производящему) сознанию индивида. Этот путь ориентирован, прежде всего, на наличие социально (в худшем случае, как показывает недавнее прошлое, – политически) легитимированного кода, замкнутой в себе идеологии, не являющейся предметом дискуссий и трактовок, и направлен, в конечном счете, на формирование «понятийного мышления». Концептуализация же как механизм смыслообразования остается за пределами педагогических усилий учителя и представлений о знании учащегося. Противоположный путь, однако, должен начинаться не с «примера» как частного случая некоего всеобщего «правила» («понятия»). Он должен начинаться с единичного как универсального (или единичного как парадоксального), приводя к формированию индивидуальных концептов в результате экзистенциально переживаемого/порождаемого смысла. В этом случае визуализация должна представлять собой не иллюстрацию готовой мысли, а открывать возможность видения иных смыслов – смыслов, лишь частично переводимых на вербальный язык. С этой точки зрения актуальной представляется идея И. П. Смирнова о дополнении наглядного и мыслимого в культуре [24], при понимании мыслимого как формируемого, прежде всего, естественным языком и надстраивающимся над ним языками различных стилей и поэтик, наглядного – как в первую очередь визуального. Вместе с тем очевидной представляется и разноразнообразие ментального и визуального: визуальный ряд, интерпретируемый посредством внесязыкового понимания-схватывания (недискурсивного инсайта) или посредством словесного (дискурсивного) текста, оказывается включенным в ментальное пространство культуры и/или индивида. Применительно к проблемам

дидактики, поэтому, следует говорить не о семантической тождественности визуального ряда (понятого как схема и иллюстрация) и вербального текста (лекции преподавателя или слова учителя), а о *дополнительности* визуального образа и вербального текста (дополнительности, понимаемой в значении принципа дополнительности Н. Бора). При этом и текст, и образ оказываются равно – но при этом по-разному разомкнутыми в ментальное пространство смысла, пространство пульсирующее, внутренне неоднородное, открытое – пространство концептуализации.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб., 2000. С. 15.
2. Бахтин М. М. Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 353.
3. Усманова А. Р. Код // Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. С. 236.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006. С. 86.
5. Там же. С. 86.
6. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 100.
7. Эко У. Указ. соч. С. 99.
8. О различии категорий «понятие» и «концепт» с точки зрения современной лингвистической теории см.: Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. ст. в честь академика Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. С. 606–622.
9. Понятие гипермодерна – состояния культуры, приходящее на смену постмодерну, – было предложено Жилем Липовецки, который рассматривает его не только как состояние «авторerefлексивности, автокритичности знаний», но и как время «реактуализации традиций в соответствии с принципом индивидуального суверенитета, как усиленное воспроизводство не утраченных, а вновь обретенных «демократических, гуманистических ценностей». Липовецкий Ж. Времена гипермодерна // Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты: сб. ст. / под ред. И. В. Кузина. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2011. С. 288–289.
10. Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн; Александра, 1992. С. 14.
11. Там же. С. 17.
12. Там же. С. 16.
13. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб.: Алетейя, 1998. С. 15–16.
14. Там же. С. 35–36.
15. Померанц Г. Народ как совокупность вольных людей не успел сложиться в России. Интервью // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2012. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/narod-kak-sovokupnost-volnyh-lyudey-ne-uspel-slozhitsya-v-rossii>
16. Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 142.

17. Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. С. 350.

18. Ивановский В. Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию № 5 1895 г. – № 11 1896 г. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/>

19. Замятин Д. Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/>

20. Успенский Б. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология: материалы Междунар. конф.; Неаполь, май 1997 г. М.: О.Г.И., 1999. С. 6–18.

21. Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 17.

22. Показательной, в частности, является фигура Идиота – князя Мышкина из романа Ф. М. Достоевского, вписанность которой в отчетливо проступающую философскую концептуализацию «частного мыслителя», формирующего концепт «из врожденных сил», отмечают Делез и Гваттари (Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 79).

23. Тульчинский Г. А. Персонологический поворот // Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. А. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетей, 2002.

24. Смирнов И. А. Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб.: Петрополис, 2009. С. 35.

УДК 18

А. В. Иванова

СЦЕНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ ВОЗМОЖНОГО

В статье рассматривается проблема реальности как проблема отношения человека к окружающей действительности в аспекте философии возможного, исходящей в своих рассуждениях не из метафизических и антропологических оснований, а из понимания того, что у каждого деятельного индивида своя активность, своя творческая постановка. Данная проблематика раскрывается на материале сценического искусства.

The problem of reality as a problem of man's relationship to reality in the aspect of the philosophy of the possible coming into his arguments are not of the metaphysical and anthropological grounds, but on the understanding that the activity of each individual's own activity, his own artistic statement. This problem is disclosed on the material of the performing arts.

Ключевые слова: реальность, сценическая реальность, философия возможного, интерактив.

Keywords: reality, the reality stage, the philosophy of the possible, interactive.

У каждой цивилизации своя современность. Если рассматривать это понятие в качестве универсального, то оно будет отождествляться с

понятием анахронизма. В этом случае для самоидентификации человека оно нам ничего не дает. Наука разграничивает естественнонаучные и жизненные проблемы, но когда дело касается социально-гуманитарной сферы, то становится понятным, что там невозможна постановка жизненных проблем в естественнонаучном ракурсе, который требует объективных эмпирически фиксированных фактов. Эстетика же как область философствования, основным материалом которой является искусство, может ставить вопросы, касающиеся форм самой жизни. Проблема реальности посредством произведений искусства проступает в качестве сообщений вместо символических метафор и образов в ответ на вопросы «как и зачем жить?».

Причина такого переворота в искусстве объясняется новым подходом к понятию реальности в условиях информационного типа общественной организации. При нем современность понимается как ситуативная и контекстная, к которой не может быть применена общая теория. Возможно, что современное искусство делает прорыв к универсальному в пределах локального, а не посредством его.

Смена точки зрения на реальность обусловлена новым представлением о формах нашей чувственности и, вместе с тем, новым представлением о сознании, принципом которого являются динамизм и ритм взаимопроникновения. «Формы, посредством которых мы воспринимаем вещи, несут на себе отпечаток взаимодействия с реальностью, определенным образом отражают внешний мир» [1]. Бергсон, чья философская позиция основывается на концепциях Курно, Ренана, Гюйо, а также Спенсера, совершает попытку переосмысления позиции механистической психологии о сознании как совокупности разделенных элементов; выходит на физиологическую природу сознания, приходя к выводу, что только интеллект может постичь жизнь. Расширение границ сознания приводит к разрушению множества рамок, иллюзии и заблуждений, накопленных прежним символическим мышлением. «Сознание, одержимое ненасытным желанием различать, заменяет реальность символом и видит ее лишь сквозь призму символов» [2]. Новое сознание нуждается в фиксации. Возврат к непосредственному, к рефлексии сознания определяет путь человека к самому себе.

Чтобы выйти из рамок собственных иллюзий, мы должны понимать механизм нашего восприятия мира физической реальностью.

Только мозг решает, какую информацию обрабатывать, и выдает обработанную информацию. Процесс, казалось бы, бессознательный. Есть факторы, прерывающие целостность видения, когда мы переводим глазами от одной детали к

другой. При этом происходит скачкообразное движение глаз. Моргание и перевод глазами осуществляется примерно 3–4 раза в секунду, поэтому в общей сложности мы не видим в жизни примерно 25%. То есть этот процент составляет время, когда человек не способен принимать информацию. Нам кажется, что мы видим все, но это не так. Мы воспринимаем образ или вещь не целиком, мы воспринимаем намного меньше вещей, чем кажется; видим только то, что заинтересованы воспринимать, что нам выгодно в силу экономических интересов, идеологических верований, психологических потребностей.

Искусство как область интеллектуальной деятельности одной из первых реагирует на реальность, которая в исследованиях ученых предстала перед нами как дисперсивная, блуждающая, оперирующая блоками, имеющая слабые связи и «плавающие» события. Мощь искусства заключается в способности влиять на сознание людей.

Современное искусство становится саморефлективным. Пространство реальности уходит на второй план, акцентируя внимание на самом исполнительском процессе. Сценическая реальность предстает как событие [3]. Чтобы обратиться к событию, зритель берет на себя функцию актера: становится исполнителем новой для него активной роли участника театрального процесса, представленного ему в качестве не связанных последовательной цепью отдельных событий. Между реальностью среды и реальностью действия устанавливаются отношения не двигательного продления, а посредством органов чувств [4]. Действие не довершает ситуацию, а плавает в ней. Связь событий в единую картину реальности осуществляет сам зритель. Только вглядываясь и прислушиваясь, индивид может «освоить» реальность. «На Западе театр давно делает зрителя все более активным соучастником спектакля, называя активную позицию зрителя сотрудничеством в плане смысла» [5].

В режиме интерактива, создаваемом пространством искусства, становится возможным поиск новых способов взаимодействия. Реальность сценического пространства продлевается в зрительный зал, вовлекая зрителя в театральную практику. Например, в постановке К. Серебренникова «Трехгрошовая опера» (МХАТ им. Чехова) у зрителя как соучастника процесса появляется возможность в одном из эпизодов выйти на сцену и сфотографироваться с главным героем (К. Хабенский) в качестве полноправного действующего лица. В этом же спектакле пространственно-временные рамки антракта используются опять-таки для включения зрителя в процесс: в зрительном зале и на сцене появляются актеры, что-то говорящие зрителю, беседующие с ним уже без сценической границы и сценического вре-

мени. Этим приемом художественность продлевается в зрительный зал.

Напряжение между внеэстетическими ценностями произведения и жизненными ценностями общества дает возможность влиять на взаимодействие человека с действительностью. И это влияние – непосредственная задача искусства. Независимая художественная ценность артефакта тем выше, чем труднее произведение поддается буквальной интерпретации с точки зрения общепринятой системы ценностей той или иной среды.

Сценическое искусство волнует проблема существования мира-в-человеке. При такой ситуации мир понимается как интерактивная сеть. Сетевая коммуникативность социального поведения находит свое выражение в театре в качестве такого приема, как разрушение границы зрительного зала и сцены, осуществляя диалог со зрителем. Например, в спектакле Кировского «Театра на Спасской» «Сон в летнюю ночь» ситуация интерактива создается за счет явления на сцене нескольких художественных планов: режим реального времени – актеры в роли сотрудников театра, режим сценического времени – актеры самой постановки, и третий – зрительский режим, в котором совмещаются первые два. Данный прием ничего не рассказывает зрителю о мире, а включает последнего в сам процесс театральной практики, делая его соучастником. Истоки этого художественного приема насчитывают немало десятков лет. В современной театральной практике этот прием не просто представлен, он составляет фундамент «нового театра», чьей попыткой является освоение реальности, в основе которой лежит совместная деятельность людей, принадлежащих к разным слоям реальности. Интерактивность сети, возможность которой задают информационные достижения эпохи, заставляет по-новому взглянуть на мир и существенно скорректировать его содержание. Современный театр пользуется этим приемом для исключения интерпретации реальным воздействием, материально трансформирующим художественный объект. Он утрачивает границы, целостность, стабильность и открывается воздействию участников-непрофессионалов, которые из зрителя превращаются в соучастника творческого процесса. Осознание своего влияния на становление произведения с ощущением на себе при этом эффекта обратной связи формирует новый тип эстетического сознания. Роли художника и публики смешиваются, сетевые способы передачи информации смещают традиционные пространственно-временные ориентиры. Возможность для освоения зрителем новой практической функции деятеля задает ситуация интерактива.

Реальное уже не представляется и не производится, а «имеется в виду». Она оказывается

сферой возможного. Сегодняшнее общество – это общество возможностей: политические обещания, кредиты, страховки, абонементы на определенный срок, виртуальные игры, секс, отдых, общение и т. д. [6] Реальность как сеть возможностей говорит о том, что меняется не мир сам по себе, но мера бытия. При преодолении пределов возможного опыта происходит освоение опыта возможного путем переживания собственных возможностей, открытий. В информационную эпоху человеческое все больше смещается в модус возможного в связи с уходом от представления реальности как данности положения вещей. Благодаря своей синтетической природе, своей многослойности, многуровневости – драматургический, режиссерский, актерский, художественный, зрительский, критический уровни – театр остро чувствует реальность и для работы с ней ищет новые художественные формы.

Таким образом, сложность, многослойность, разная темпоральность реальности окружающего нас мира нуждаются в осмысленном к ней под-

ходе, что приводит к расширению границ рациональности, к формированию нового типа сознания. Индивиду XXI в. современность бросает вызов, ответ на который есть возможность заменить реальность символом и сквозь призму символов или во всей полноте ощутить свое индивидуальное существование и свой внутренний мир.

Примечания

1. *Блауберг И.* Вступительная статья // Бергсон А. Творческая эволюция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 10.
2. *Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1992. С. 105.
3. *Маньковская Н. Б.* Саморефлексия неклассической эстетики // Эстетика на переломе культурных традиций. М., 2002. С. 5.
4. *Делез Ж.* Кино. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 291.
5. В чем трудно признаться вслух. Интервью с Т. Могилевской // Новая газета. 2005. № 64. URL: <http://old.novayagazeta.ru/data/2005/64/21.html>
6. *Эшштейн М.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. С. 14.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378.374

Е. А. Ходырева

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗА И РАБОТОДАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Федеральные государственные образовательные стандарты требуют развития системы взаимодействия вузов и работодателей в процессе разработки, реализации и оценки качества освоения основных образовательных программ. В статье дается оценка современного состояния сотрудничества ВятГГУ и работодателей, определяется совокупность инновационных форм взаимодействия, которая позволит обеспечить качество профессионального образования.

Federal state educational standards demand development of system of interaction of higher educational institutions and employers in the course of development, realization and an assessment of quality of mastering of the basic educational programs. In article the assessment of a current state of cooperation of VSHU and employers is given, set of innovative forms of interaction which will allow to provide quality of professional education is defined.

Ключевые слова: компетентностная ориентация профессиональной подготовки на основе ФГОС ВПО, направления взаимодействия вуза и работодателей по разработке, реализации и оценке качества профессионального образования; инновационные формы взаимодействия вуза и работодателей.

Keywords: competence orientation of vocational training on the basis of FSES of HE, the directions of interaction of higher education institution and employers on development, realization and an assessment of quality of professional education, innovative forms of interaction of higher educational institution and employers.

Модернизация системы профессионального образования вызвала необходимость формирования поля активного взаимодействия различных заинтересованных в развитии образования сторон: федеральных и региональных властей, вузов, студентов, работодателей, представителей общественности, бизнеса, профессиональных сообществ.

В современных условиях профессиональное образование не может развиваться как замкнутая система. Образовательное учреждение встает перед необходимостью иметь четкий заказ от потребителей образовательных услуг по количеству (целевой заказ) и качеству профессионального образования выпускников, то есть реализация целей профессионального образования делает необходимым не просто поддержание сложившихся контактов вуза и работодателей, но и их развитие. Взаимодействие с работодателями является сложным процессом, цель которого состоит в подготовке кадров, ориентированных на инновационную деятельность в социально-экономической сфере региона. К сожалению, сложившаяся система подготовки специалистов не в полной мере удовлетворяет запросам работодателей и лишь частично соответствует быстро меняющимся требованиям времени. Среди проблем, осложняющих взаимодействие вузов и работодателей, можно назвать следующие [1]:

– противоречия между развитием рынка труда специалистов и возможностями удовлетворения этих запросов в системе высшего профессионального образования;

– несоответствия между динамикой роста требований рынка труда к уровню профессиональной компетентности специалиста и отсутствием согласованности этих требований к выпускникам учебных заведений;

– проблемы возрастания требований к профессионально значимым личностным качествам специалиста и традиционным формам профессиональной ориентации и профотбора молодежи в системе профессионального образования, которые приводят к недостаточной мотивации будущего специалиста;

– противоречия между необходимостью осуществления непрерывной профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов и отсутствием учебно-научно-методического обеспечения, позволяющего создавать и реализовывать вариативные профессионально-образовательные программы, индивидуализировать содержание и процесс профессионального образования;

– неразработанность необходимой нормативно-правовой базы взаимодействия между работодателями и системой профессионального образования;

– несформированность механизмов постоянного мониторинга и прогнозирования потребностей рынка труда.

По мнению аналитиков, бизнес готов инвестировать средства в образовательный сектор, но при этом желает иметь гарантии – как от государства, так и непосредственно от вузов на получение специалиста с заданными компетенциями.

Новые условия, в которых работают сегодня вузы, связаны с реализацией федеральных государственных образовательных стандартов. Идеология новых стандартов выражается в терминах компетентностного подхода. В ФГОС ВПО по каждому уровню и направлению подготовки в зависимости от видов профессиональной деятельности, которые предстоит осуществлять выпускнику, определены результаты образования, выраженные в общекультурных и профессиональных компетенциях. Компетенции рассматриваются как готовность и способность обучающегося решать различного рода профессиональные задачи, применять имеющиеся знания и умения в конкретной профессиональной ситуации [2]. Для достижения данных результатов профессиональное образование должно стать более практико-ориентированным. В основу его положен принцип «обучение через делание», при реализации которого компетенции формируются у студентов в ходе выполнения ими реальных практических задач в учебное и внеучебное время.

Значимость развития взаимодействия вуза и работодателей определяется тем обстоятельством, что вуз, самостоятельно разрабатывая вузовские основные образовательные программы по каждому направлению и уровню подготовки (бакалавриат и магистратура) на основе примерных основных образовательных программ, имеет высокую степень самостоятельности при проектировании как содержания, так и технологий его освоения. Однако необходимо иметь в виду, что в ФГОС ВПО прописывает ряд процедурных условий, обеспечивающих качество образования, одно из которых – участие работодателей в образовательном процессе. Данное требование конкретизировано в Федеральном законе от 01.12.2007 № 307-ФЗ [3], который определяет, что «объединения работодателей должны участвовать в мониторинге и прогнозировании потребностей экономики в квалифицированных кадрах, а также в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования, в том числе в разработке федеральных государственных образовательных стандартов и разработке федеральных государственных требований к дополнительным профессиональным образовательным программам, формировании перечней направлений подготовки (специальностей) профессионального образования,

государственной аккредитации образовательных учреждений профессионального образования в порядке, установленном Правительством Российской Федерации». В соответствии с данным нормативным актом работодатели должны привлекаться к участию во всех этапах проектирования и реализации основных образовательных программ. Цикл взаимодействия задает его логику: профессиональные стандарты – образовательные стандарты – основные образовательные программы, ориентированные на формирование компетенций – оценка приобретенных компетенций.

В качестве основных направлений взаимодействия вуза и работодателей можно выделить следующие:

1. Совместная деятельность по разработке вузовских основных образовательных программ, которая позволит общими усилиями конкретизировать требования к уровню сформированности общекультурных и профессиональных компетенций выпускников и разработать учебные планы с учетом требований регионального рынка труда и возможностей вуза. Несомненно, что работодатель, который занимается подбором и расстановкой кадров, как никто другой хорошо представляет, какой сотрудник необходим для реализации тех или иных профессиональных функций. При разработке вузовских основных образовательных программ необходимо совместное проведение функционального анализа через описание трудовой деятельности, ее функций и результатов, что позволяет оперативно учитывать изменения в технологии и организации труда на региональных рынках труда, куда попадут выпускники вуза. Функциональный анализ начинается с установления требований работодателей к стандартам деятельности в рамках конкретной профессиональной области (профессии) с целью выявления реальных и перспективных требований отрасли к различным категориям работников. После выявления функций, т. е. реальных действий, выполняемых работником определенной профессии различных уровней квалификации, и тех компетенций, которые необходимы для выполнения этой профессиональной деятельности, составляется функциональная карта, которая является основой разработки компетентностной модели выпускника и соответствующих программ обучения. При этом перспективным является осуществление корректировки заложенных в ФГОС и примерных основных образовательных программах общекультурных и профессиональных компетенций с учетом требований регионального рынка труда, определение профиля вузовской ООП в зависимости от вида профессиональной деятельности и соответствующих профессиональных умений бакалавров или магистров [4].

Следовательно, при проектировании вузовской ООП взаимодействие с работодателями предполагает согласование с ними следующих вопросов:

- определение социального заказа и требований работодателей к выпускникам предполагаемого профиля подготовки;

- формулировка цели (миссии) программы и результатов обучения по ней: какой конкретный «продукт» предполагается получить по окончании обучения; к каким видам деятельности и к решению каких профессиональных задач будет подготовлен выпускник, какие профессиональные действия и на каком уровне он будет способен совершать;

- формулировка компетенций (общекультурных и профессиональных), которые должны быть сформированы у студента в процессе обучения (в том числе профильных, отражающих региональную специфику и дополняющих ФГОС);

- соотнесение формируемых в процессе подготовки компетенций с необходимым набором изучаемых дисциплин и практик и разработка матрицы соответствия требуемых компетенций и формирующих их составных частей ООП.

Действительно, в течение 2010/2011 учебного года, когда факультетами ВятГГУ осуществлялась разработка ООП, вуз путем анкетирования и экспертных опросов осуществлял формирование перечня компетенций, которыми, по мнению работодателей, должны обладать выпускники конкретных специальностей и направлений подготовки. При этом следует отметить, что в разработке компетентностной модели выпускника по всем вузовским ООП принимали участие работодатели, дававшие свои рекомендации по перечню общекультурных и профессиональных компетенций. От работодателей получено 186 писем поддержки. 384 работодателя участвовали в составлении перечней общекультурных и профессиональных компетенций выпускников по основным образовательным программам, реализуемым в вузе. Однако существует методологическая проблема, связанная с разработкой профессиональных стандартов и «состыковкой» их с соответствующими образовательными стандартами и программами. На сегодняшний день лишь 10% направлений подготовки, реализуемых в вузах Российской Федерации, имеют соответствующие профессиональные стандарты. Кроме того, исходя из глобализации и интернационализации экономики, назрела необходимость в разработке «национальной квалификационной рамки», соответствующей европейской системе квалификаций, что обеспечит мобильность выпускников на международном рынке труда. Решение данных проблем и задает вектор взаимодействия вузов и работодателей в указанном направлении.

2. Совместное участие вуза и работодателей в формировании заказа на подготовку специалистов. Характеризуя данное направление, следует отметить, что последние четыре года прием в учреждения высшего профессионального образования осуществляется на основе контрольных цифр приема с учетом потребностей региона. Региональный заказ и контрольные цифры приема формируются на основе прогнозной потребности в кадрах и заявок предприятий и работодателей, с учетом демографической ситуации. Согласно Порядку приема в высшие учебные заведения, до 15% всех бюджетных мест по каждой основной образовательной программе отводится на целевой прием. Поэтому важным направлением взаимодействия является содействие в обеспечении целевой подготовки, когда вуз и работодатель вместе «ведут» студента от поступления до выпуска с последующим гарантированным трудоустройством. В 2011/2012 учебном году в ВятГГУ обучаются на основании целевой контрактной подготовки 189 студентов (в 2009/2010 учебном году – 97 студентов). Перспективным здесь является более тесное взаимодействие с профильными департаментами в части формирования заказа на подготовку специалистов в рамках контрольных цифр приема. Кроме того, важным направлением во взаимодействии с работодателями будет и обучение студентов за счет средств юридических лиц – предприятий, организаций и учреждений. Поэтому необходимо налаживание более тесного взаимодействия с отраслевыми объединениями работодателей, заинтересованными в приобретении тех или иных квалификаций членами сообщества. Совместно формируя заказ на подготовку специалистов, вуз и работодатели, с одной стороны, регулируют количественные, с другой – качественные характеристики будущих специалистов.

Следовательно, эффективная модель взаимодействия в данной сфере включает в себя:

- способы согласования спроса на специалистов того или иного уровня квалификации и предложения соответствующих рабочих мест;

- способы учета изменяющихся требований работодателей (как главных заказчиков профессионального образования) к качеству профессиональной подготовки в региональной сети учреждений профессионального образования;

- форматы участия работодателей в деятельности системы профессионального образования в целях достижения соответствия спроса и предложения на рабочую силу (как по количественным, так и по качественным параметрам) и т. д.

3. Участие работодателей непосредственно в учебном процессе является не просто желательным, а необходимым условием в реализации любой вузовской ООП как бакалаврского, так и

магистерского уровня. В конкретных ФГОС определена доля работодателей в общем числе преподавателей по профессиональному циклу [5].

Требование привлечения к образовательному процессу преподавателей из числа действующих руководителей и работников профильных организаций, предприятий и учреждений обуславливает наличие таких специалистов по программам бакалавриата и специалитета в количестве не менее 5% (большинство ФГОС) – 10% (ГМУ); по программам магистратуры – от 7 до 20% [6]. Следовательно, профильным факультетам необходимо обеспечивать включение специалистов из профильных отраслей. При этом предпочтение следует отдавать работодателям, имеющим значительный опыт работы, в том числе управленческий, профильное образование, а также, по возможности, ученое звание по профилю ООП.

По-прежнему не оценимо участие работодателей в предоставлении баз для производственной практики студентов и руководство их деятельностью.

Проблемы в данной сфере в том, что зачастую схемы традиционных вузовских практик не устраивают их по условиям и срокам, из-за чего практики превращаются в формальные мероприятия. Поэтому поиск гибких моделей прохождения практик, в том числе по заявкам предприятий; сквозных практик на одном предприятии туристской отрасли на основании индивидуальных программ с назначением руководителя-наставника от предприятия; а также проведение стажировок в период обучения в вузе являются достаточно перспективными.

4. Взаимодействие вуза и работодателей по оценке качества реализации вузовских ООП и уровня подготовки выпускников является еще одним существенным направлением совместной деятельности. На стадии итоговой аттестации работодатели должны участвовать в процедуре оценки, в том числе в качестве членов экзаменационной комиссии, представляющих профессиональное сообщество. По результатам итоговой аттестации члены комиссии – работодатели могут вносить предложения по совершенствованию содержания профессионального образования, организации учебного процесса, в том числе производственной практики.

Прием и работа с заявками от предприятий, организаций и учреждений на разработку студентами тем выпускных квалификационных работ и обеспечение внедрения их результатов в практическую деятельность организаций, предприятий, учреждений – также важное направление взаимодействия, предполагающее выявление проблемных областей деятельности предприятий, а также разработку механизмов совершенствования их деятельности.

Кроме того, в последнее время все большее внимание уделяется развитию механизмов общественно-профессиональной аккредитации вузов и образовательных программ, а также публичного оценивания учебных заведений, где ведущая роль принадлежит рейтингованию вузов и основных образовательных программ со стороны профессионального сообщества, в которых непосредственно участвуют работодатели.

Выбор форм сотрудничества по всем направлениям взаимодействия определяется конкретными условиями. Максимальные выгоды в долгосрочной перспективе для всех заинтересованных сторон и наибольшую пользу для общества могут принести только системная многоаспектная работа вуза на основе совмещения стратегических интересов с партнерами.

Так, в процессе разработки основных образовательных программ перспективными могут быть следующие формы взаимодействия:

- совместное выявление потребностей в кадрах;
  - совместное формулирование требований квалификационных характеристик и разработка на их основе профессиональных стандартов;
  - сопряжение профессиональных стандартов и требований ФГОС ВПО;
  - обеспечение взаимодействия с профессиональными ассоциациями и объединениями работодателей по профилю реализуемых ООП.
- Совместное участие вуза и работодателей в формировании заказа на подготовку специалистов предполагает следующие инновационные формы взаимодействия:
- трудоустройство выпускников на предприятия социальных партнеров;
  - ведение мониторинга адаптации и развития карьеры выпускников на основании сведений работодателей;
  - организация дополнительного профессионального обучения, повышения квалификации специалистов предприятий;
  - формирование и систематическое обновление банка данных о предприятиях-партнерах;
  - максимальное обеспечение регионального заказа заявками предприятий на подготовку кадров;
  - заключение и реализация долгосрочных договоров с различными предприятиями и организациями на проведение целевых наборов абитуриентов, подбор специалистов из числа студентов и выпускников на вакантные должности, а также оказание информационно-консультационных услуг;
  - организация и проведение ярмарок вакансий, научно-практических конференций, семинаров, круглых столов с привлечением работодателей, центров занятости населения, кадровых агентств.

Налаживание взаимодействия вуза и работодателей по реализации вузовских основных образовательных программ обеспечивается через использование следующих форм:

- создание организационно-педагогических условий для профессионального образования;
- выявление проблемных областей деятельности предприятий и формирование тематик курсовых и дипломных работ в соответствии с выявленными проблемами;
- осуществление руководства дипломными проектами специалистами предприятий;
- организация и участие в научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах;
- организация производственной практики студентов на базе предприятий, использование технологической базы работодателей. При этом студенты имеют возможность для прохождения учебной и производственной практик в соответствии с ежегодными заявками;
- открытая защита отчетов по практике студентов;
- реализация совместных инновационных проектов;
- привлечение работодателей к проведению мастер-классов;
- совместное участие в научно-практических конференциях, рефлексивных семинарах, круглых столах.

Перспективы взаимодействия вуза и работодателей по оценке качества реализации вузовских ООП и уровня подготовки выпускников связаны с применением следующих форм:

- формирование государственных аттестационных комиссий с привлечением работодателей;
- организация рецензирования методических пособий специалистами предприятий;
- сертификация профессиональных квалификаций;
- организация стажировок преподавателей специальных дисциплин;
- проведение предприятиями конкурсов на лучший дипломный проект для привлечения наиболее способных студентов и др.

В заключение следует отметить, что в центре диалога между вузовским сообществом и рынком труда находится выпускник. Именно его готовность и способность к эффективной профессиональной деятельности являются для работодателей (и общества в целом) основным критерием оценки качества обучения в конкретном учебном заведении и, как следствие, главной сферой ответственности самого вуза. На современном рынке труда выпускники должны обладать необходимым набором компетенций, которые позволят им

легко адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды, быть гибкими в выборе карьерной траектории, успешно строить свою жизнь. Эта задача совпадает и с общей стратегией российской высшей школы, внедряющей в настоящее время образовательные стандарты нового поколения. Поэтому взаимодействие вуза с работодателями должно начинаться уже в рамках профориентационной работы, продолжаться в процессе реализации основных образовательных программ, научных изысканиях «преподаватель – студент – работодатель», логическим завершением которого является трудоустройство выпускников и их дальнейший карьерный рост.

Данные изменения делают систему профессионального образования более открытой, ориентированной на социум, на потребности потенциальных потребителей наших выпускников. Профессиональное образование все более становится достоянием профессионального сообщества, которое активно включается не только в проектирование, но и в реализацию и экспертизу качества образовательных программ. Именно поэтому в основе интеграции деятельности ВятГГУ и работодателей – развитие социального партнерства, т. е. особого типа взаимодействия образовательных учреждений с субъектами и институтами рынка, региональными органами законодательной и исполнительной власти, региональными службами занятости, общественными организациями, нацеленного на максимальное согласование и реализацию интересов всех участников этого процесса.

Примечания

1. Реутов Н. Н. Взаимодействие высшей школы и работодателей в современных условиях как фактор подготовки конкурентоспособного специалиста. URL: <http://ores.su/index.php/2011-02-13-16-16-51/21--3-2011-/124-2011-07-29-14-13-15>
2. URL: <http://mon.gov.ru/dok/fgos/>
3. Федеральный закон от 01.12.2007 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предоставления объединениям работодателей права участвовать в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования».
4. Технология разработки и реализации основных образовательных программ высшего профессионального образования в Вятском государственном гуманитарном университете: метод. рек. / сост. Н. А. Иванова, О. В. Казаринова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. 47 с.
5. URL: <http://mon.gov.ru/dok/fgos/>
6. Ходырева Е. А. Инновационные технологии профессионального образования: компетентность, самостоятельность, творчество. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 85.

УДК 37.016:53

В. С. Данюшенков

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЛАБОРАТОРНЫХ РАБОТ ПО ФИЗИКЕ

В статье раскрывается новый подход в конструировании технологии лабораторных работ. Суть его заключается в создании многовариантной работы одного типа в зависимости от успеваемости учащихся, их психологического состояния, сложности заданий по уровню знаний, уровня познавательной активности и степени самостоятельности.

The paper reveals a new approach in the design of labs' technology. It consists in creating the multiple work types of full-time, depending on the performance of students, their psychological state, of jobs in terms of knowledge, level of cognitive activity and the degree of independence.

Ключевые слова: технология, проектирование, успеваемость, психологическое состояние, степень самостоятельности, познавательная активность, уровни знаний.

Keywords: technology, design, performance, psychological state, degree of self-sufficiency, cognitive activity, standards of knowledge

В настоящее время в общеобразовательной школе сложилась довольно противоречивая ситуация. В связи с демократизацией образования педагогические коллективы получили свободу в определении развития школы; в выборе учебных программ, которые наиболее соответствуют личностным особенностям того или иного учителя; все больше в обучении учителя используют современные технические средства (ЭВМ). В то же время, как показывает практика, данные новации не принесли каких-либо заметных успехов в развитии духовных, нравственных, социально значимых качеств личности школьника. В чем же причины сложившейся ситуации?

Прежде всего, традиционный процесс обучения, несмотря на значительные достижения общей и частных дидактик (методик обучения), главным образом базируется на интуиции и опыте учителей. Сегодня многие школы по-прежнему придерживаются модели авторитарного обучения: ученик как личность, к сожалению, пока еще не стал центральным элементом системы образования. Усредненное преподавание (всему классу один объем информации, однотипные задания и т. п.) привело к резкому снижению интереса школьников к обучению и, как следствие этого, произошло падение культуры труда учеников.

На наш взгляд, механический перенос «модных» методик педагогов-новаторов в массовую школу негативно отразился на развитии методи-

ки обучения. Это было связано с тем, что внедрение педагогического опыта новаторов осуществлялось без учета личностных качеств ученика, социальных условий регионов страны, уровня подготовки учителей. Результатом столь в ряде случаев непродуманных «действий» стало обезличивание школьников, пренебрежение к их потребностям, поскольку одни склонны к конструированию приборов, другие – к творческому решению теоретических заданий.

Кроме того, выпускаемая методическая литература по предметам для дидактического обеспечения учебного процесса, как правило, базируется на дифференциации учебных заданий, упражнений по степени сложности материала, а должна быть направлена на развитие важнейших качеств личности школьников, например познавательной активности, эмоциональности, инициативности [1].

А. С. Макаренко еще в 30-е гг. считал, что подлинное развитие педагогической науки связано с ее способностью «проектировать личность», т. е. задавать те ее качества и свойства, которые должны быть сформированы в процессе обучения [2]. Как показывает жизнь, требования к уровню сформированности качеств личности будут расти, а соответственно потребуются обновление инструментальных средств методики. Одним из таких средств можно считать педагогические технологии. Что же обозначает термин «педагогическая технология»?

В современных условиях развития общества, когда главная цель обучения – развитие личности школьника, наиболее точную его расшифровку дает В. П. Беспалько. «Педагогическая технология – описание-проектирование процесса формирования личности учащегося, которое гарантирует педагогический успех, независимо от мастерства учителя» [3].

Соглашаясь, в основном, с данной трактовкой, мы бы хотели уточнить некоторые ее положения. Во-первых, как показывает анализ исследований по данной проблеме, в основе технологии обучения лежат четко определенные учебные цели (почему и для чего?); во-вторых, ее необходимо рассматривать как дидактическую систему, позволяющую не только оптимизировать отбор содержания учебного материала, но и рационально его дозировать; в-третьих, она позволяет экономить время учеников и преподавателей. Таким образом, под педагогической технологией мы понимаем целевое проектирование структуры процесса обучения, направленного на формирование личности учащегося через оптимизацию учебного материала, гарантирующего педагогический успех независимо от мастерства учителя.

Идея конструирования технологии основана на осмыслении сути дидактического процесса,

который рассматривается нами как система, направленная на усвоение знаний учащимися. Это дает возможность учителю самостоятельно конструировать конкретные уроки. Чтобы разобраться в механизме создания технологии, мы представили процесс обучения в виде уравнения:

$D_{\text{пр.п.д.}} = M + T + И + У$, где $D_{\text{пр.п.д.}}$ – дидактический процесс в ходе практической деятельности, M – мотивационный, T – технологический, $И$ – интеллектуальный, $У$ – управленческий компоненты.

Мотивационный компонент отражает сложный, развивающийся во времени психологический процесс, сопутствующий познавательной деятельности личности. На этом этапе мы сознательно соединяем цель и результат деятельности, так как это позволяет эффективно направить деятельность ученика на самостоятельное приобретение знаний. Мы рекомендуем учителям задавать цель урока нетрадиционным способом, например, в виде занимательного текста проблемного характера, побуждающего учащегося к работе.

Технологический компонент дидактического процесса представляет собой процедуру по освоению учащимися способов практической деятельности. Поскольку эта деятельность в физических лабораториях осуществляется индивидуально, то и процесс познания для каждого ученика индивидуален. Для количественной и качественной оценки этой деятельности мы ранжируем ее по типам учения, основываясь на теории поэтапного формирования умственных действий [4]. Это связано с тем, что единицей содержания обучения здесь выступают не знания и умения, а умственные и практические действия, которые объединяют знания об изучаемом объекте, действия над ним, умения, составляющие способ действия на основе знаний.

Как уже отмечалось выше, учебная деятельность учеников при выполнении практических работ становится для них индивидуальной познавательной деятельностью. Ее эффективность зависит от образованности (запаса знаний, степени сформированности умений, общей эрудиции и т. п.) и личностных качеств (любознательности, воли, памяти и т. п.) учащегося.

Для определения степени сформированности умственных действий у учащихся мы выделяем три уровня познавательной активности (инертный, нормальный, динамический), характеризующие скорость процесса познания.

На *инертном уровне* познавательная деятельность характеризуется пассивностью, инертностью, отсутствием интеллектуальной инициативы, т. е. ученики в основном работают по детализированному алгоритму деятельности, приведенным в учебниках и методических пособиях для практических работ.

Нормальный уровень характеризуется сбалансированностью видов деятельности: самостоятель-

ной работы и работы по алгоритму. На этом уровне учащиеся самостоятельно с помощью ориентиров должны понять поставленную в мотивационной части задачу, подобрать, например, соответствующее оборудование для проведения опыта и собрать установку, а затем действовать по алгоритму.

Динамический уровень – самый высокий уровень активности. Самостоятельная работа осуществляется учащимися только по ориентирам. При этом они самостоятельно анализируют условия эксперимента, планируют его, стремятся выяснить причинные связи явлений и зависимости между изменяющимися параметрами. Кроме того, эмпирические закономерности становятся при этом объектом теоретического исследования.

Уровни познавательной активности показывают соотношение самостоятельной работы учащегося и его действий по алгоритму (образцу). Поэтому для построения технологий важно знать степень проявления самостоятельности каждого ученика в практической работе.

Интеллектуальный компонент в процессе формирования личности выполняет двойную функцию: с одной стороны, на этом этапе формируются познавательный интерес ученика и любознательность, с другой – осуществляются самоконтроль со стороны учащегося за качеством освоенных им способов деятельности и осмысление результатов работы. Содержание интеллектуального компонента обеспечивается системой учебных заданий разного уровня сложности (репродуктивный, частично-поисковый, творческий).

Управленческий компонент подразумевает коррекцию учителем дидактического процесса (устранение допущенных ошибок по усвоению знаний) и его методическое обеспечение.

Рассмотрим подробнее сущность «наполнения» слагаемых дидактического процесса. Для учителя чрезвычайно важно правильно подобрать дидактические средства, соответствующие этапам познавательного процесса и состоянию каждого учащегося в данный момент. В связи с этим мы предлагаем классификацию дидактических средств, основанную на видах деятельности ученика в каждом компоненте педагогической технологии.

Согласно этой классификации первая группа дидактических средств направлена на получение учеником информации о предстоящей познавательной деятельности и усиление ее эмоционально-ценностной направленности. Это достигается использованием текстов из художественной и научно-популярной литературы, легенд, парадоксов, интересных примеров из истории науки предмета, а также повседневной жизни.

Вторая группа дидактических средств (приборы, оборудование, реактивы и т. п.) должна помочь ученику освоить основной предмет его

деятельности, способствуя активизации внутренних ресурсов – потребностей, мотивов.

Третью группу составляют дидактические средства, которые по существу обеспечивают продолжение функциональной умственной деятельности обучаемого в ходе осмысления результатов эксперимента. Это могут быть учебные задания, содержание которых предполагает манипуляцию с материальными объектами, способы деятельности с которыми уже освоены ранее.

Все вышеизложенное дает возможность учителю конструировать конкретные технологии для практических работ в зависимости от степени подготовки ученического коллектива, психологического состояния каждого ученика и уровня сформированности его познавательной активности. (Под степенью подготовки мы условно понимаем успеваемость ученика: низкую, среднюю, высокую.) При этом особое внимание важно обращать на психологическое состояние школьника в познавательном процессе. Оно может соответствовать одному из уровней интенсивности эмоций, выделенных польским ученым Я. Рейковским [5]: нейтральное состояние – отсутствие выраженного эмоционального процесса; умеренное – эмоция уже достаточно отчетлива, чтобы осознаваться, появляются выразительные реакции; высокое – эмоция направляет действие человека; очень высокое – полное отключение неэмоциональных механизмов, регулирующих поведение, т. е. отчаяние, паника.

Использование данной классификации вызвано тем, что эмоции могут избирательно способствовать одним познавательным процессам и тормозить другие. Например, учащийся, находящийся в эмоционально нейтральном состоянии, реагирует на предъявленное задание в зависимости от его значимости и лучше его воспринимает. Эмоции умеренной и высокой интенсивности вызывают отчетливые изменения в познавательном процессе (целенаправленное восприятие и припоминание того, что соответствует доминирующей эмоции). При этом содержание воспринимаемого материала усиливает и стабилизирует эмоцию, которая, в

свою очередь, еще больше укрепляет тенденцию к сосредоточению на содержании обучения. Эмоциональное возбуждение улучшает выполнение более легких заданий и затрудняет сложные.

Эмоции тесно связаны с мышлением, имеют одни и те же истоки и тесно переплетаются в своем функционировании [6]: при умеренном или нейтральном состоянии учащийся принимает решение по выполнению задания после тщательного взвешивания всех обстоятельств, т. е. эмоциональная оценка стимулирует процесс при доминирующей роли мысли; при высоком и очень высоком эмоциональном состоянии мысль теряет для ученика главенствующее значение [7].

Каждый вид учебной деятельности в технологии делится по сложности задания на локальный (Л), внутрипредметный (В) и межпредметный (М).

Для реализации технологии на практике и распределения их среди учеников мы вводим еще два признака: а) успеваемость ученика – низкая (Н), средняя (С), и высокая (В); б) психологическое состояние учащихся, характеризующее ученика по эмоциональному признаку. Если первая информация берется из журнала успеваемости, то вторая – у психолога школы. Вышеописанное объединено нами в таблицу.

Представленная таблица поможет преподавателю физики, с опорой на характеристики личности ученика, моделировать индивидуальные практические занятия.

Методику работы с таблицей рассмотрим на примере следующей педагогической ситуации: пусть часть учеников класса, средних по успеваемости, безразлично относятся к предмету физики, а к другим дисциплинам – с интересом. По своему темпераменту они имеют высокую эмоциональность. Перед преподавателем встает вопрос: как, используя психическое состояние учеников, их успеваемость, построить практическую работу (технологию) для получения максимального педагогического эффекта? Для этого необходимо обратиться к таблице, где, учитывая столбцы 1 и 2 и отношение учащихся к предмету, определяется уровень познавательной активности (в данном

Успеваемость учащихся	Психологическое состояние учащихся	Сложность заданий по уровню знаний	Уровни самостоятельности	Уровни познавательной активности	Разряд технологий
1	2	3	4	5	6
Н	В, ОВ	Л	О	И	1
С, Н	Н, В	В	О	И	2
В, С	Н, В	М	О	И	3
С	У, Н, В	Л	Ч	Н	4
С, В	У, Н	В	Ч	Н	5
С, В	У, Н	М	Ч	Н	6
В	Н	В	П	Д	7
В	Н	М	П	Д	8

случае – инертный). Затем находится сложность заданий и уровень самостоятельности ученика при их выполнении. Для этого с опорой на успеваемость учащихся (средняя) и эмоциональность (высокая) выбирается разряд технологии (в нашем случае – второй разряд). Если учащиеся при всех вышезаданных параметрах имеют высокую успеваемость, то им предъявляется технология 3-го разряда, где сложность заданий определяется уже межпредметным уровнем.

Инструкции одной технологии лабораторной работы изготавливаются на листах картона (210x300 мм) в восьми разрядах и обтягиваются полиэтиленовой пленкой. В каждой инструкции мотивационная часть одинакова, а содержание и структура технологической и интеллектуальной части насыщаются заданиями разного уровня сложности и степени самостоятельной работы.

Примечания

1. Шамова Т. И. Активизация учения школьников. М.: Педагогика, 1982.
2. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 4. М.: Просвещение, 1984.
3. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. С. 95.
4. Гальперин П. Я., Галыгина Н. Ф. Предисловие // Зависимость обучения от типа ориентировочной деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1968.
5. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.
6. Фридман Л. М., Кулагина И. Ю. Психологический справочник учителя. М.: Просвещение, 1992.
7. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.

УДК 371.3:811

С. С. Куклина

АВТОНОМИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ СФОРМИРОВАННОСТИ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИЗУЧАЮЩИХ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

В статье раскрывается понятие автономии учащихся в учебной деятельности по овладению иноязычным общением и доказывается, что она является результатом сформированности учебно-познавательной компетенции, которую должны приобрести изучающие иностранный язык в общеобразовательной школе в ходе овладения компонентами социального опыта, лежащего в ее основе.

The article defines the notion of learners' autonomy in foreign language communication acquisition and proves that it is the result of the formation of cognitive competence, which should be acquired by foreign language learners in comprehensive schools.

Ключевые слова: автономия, учебно-познавательная компетенция, учебная деятельность; учебные и речевые действия; взаимодействия, ценностные ориентации; средства учебно-методического обеспечения.

Keywords: autonomy, cognitive competence; learning activity; learning and speech actions; interactions, moral values; means of teaching support.

В связи с внедрением в учебный процесс общеобразовательной школы личностно-ориентированной парадигмы и компетентностного подхода, определяющего результат ее реализации, в центре внимания педагогов и методистов находится личность ученика как субъекта учебной деятельности (УД) по овладению всеми предметами, входящими в учебный план школы. Причем речь идет о том, что школьник должен быть ответственным, независимым и самостоятельным при планировании, осуществлении и контроле своей УД, а отсюда – равноактивным и равноправным с учителем участником учебного процесса.

Такое понимание одного из субъектов образования может быть соотнесено с понятием **автономии учащегося**, которое введено в педагогический обиход в конце прошлого столетия благодаря исследованиям зарубежных (Н. Холес, D. Little, D. Schrunk, A. Wenden и др.) и российских (И. А. Бим, Н. Ф. Коряковцева, Е. С. Полат, Е. Н. Соловова и др.) ученых. Так, Х. Холек, характеризуя учебную автономию как способность обучающихся брать на себя ответственность за свою УД, обращает внимание на то, что эта способность не является врожденной, а обычно приобретает благодаря систематической и целенаправленной работе обоих участников учебного процесса [1]. Д. Литл называет автономное учение саморегулируемым и самоуправляемым процессом, предполагающим активное участие школьников в планировании своей УД, ее выполнении, а также в контроле и оценке полученного результата [2].

Н. Ф. Коряковцева и Е. Н. Соловова едины в мнении о том, что учебная автономия отвечает требованиям современной личностно-ориентированной парадигмы. Руководствуясь данной парадигмой, Н. Ф. Коряковцева определяет автономию учащегося в УД по овладению иностранным языком как «способность субъекта самостоятельно осуществлять свою УД, активно и осознанно управлять ею, осуществляя рефлекссию и коррекцию УД и накапливая определенный опыт...» [3]. В свою очередь, Е. Н. Соловова пишет о необходимости формирования готовности обучающихся к учебной автономии, в основе которой лежит способность концентрировать внимание на целях и задачах образования, самому управлять процессом образования, контролировать и оце-

нивать динамику своего развития, не терять уверенности в собственных силах в случае неудач и т. д. [4]

Такое внимание к автономии изучающих иностранный язык не случайно, ибо во всех современных документах перед данным предметом ставится цель развивать у школьников способность «к самостоятельному изучению иностранного языка, к дальнейшему самообразованию с его помощью в разных областях знаний» [5], т. е. готовность к иноязычному образованию через всю жизнь.

Что касается **готовности к образованию через всю жизнь**, являющейся одной из базовых компетенцией выпускника любого учебного заведения, то она может закладываться у школьников с самых первых уроков иностранного языка. С этой целью учитель не только объясняет им необходимость регулярной и систематической работы над языком, но и включает обучающихся в УД по овладению им. В нее входят ознакомление с новым языковым материалом, его тренировка для формирования фонетических, лексических и грамматических навыков и их применение в различных видах речевой деятельности для развития умений устного и письменного иноязычного общения. Последнее, таким образом, приобретает способность обслуживать разные виды деятельности школьников и их взаимодействия с носителями иностранного языка, а учащиеся, в свою очередь, – реальную готовность действовать в таких ситуациях ответственно и самостоятельно, т. е. автономно.

В связи с этим возникает вопрос, каким образом необходимо организовать процесс обучения иностранным языкам в школе, чтобы он, с одной стороны, обязательно обеспечил способность и готовность школьников осуществлять иноязычное общение с носителями иностранного языка, а с другой – вооружил их способами и приемами самостоятельного изучения языков и культур. Иными словами, как сделать учащихся общеобразовательной школы **автономными субъектами иноязычного общения и учебной деятельности по овладению им**.

Несмотря на то что обе составляющие нашего понимания автономии тесно связаны между собой, в центре внимания данной статьи будет только **автономия учащихся в УД по овладению иноязычным общением**. Именно она, по нашему мнению, является результатом сформированности учебно-познавательной компетенции (УПК), которая входит в права обязательного компонента в иноязычную коммуникативную компетенцию (ИКК) как цель обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе.

Важность рассмотрения автономии обучающихся в УД по овладению иноязычным общением в тесной связи с формированием УПК объяс-

няется тем, что в структуре ИКК студентов вуза УПК отсутствует, ибо, скорее всего, считается, что она у них уже сформирована в школе. В то же время наши наблюдения за УД студентов младших курсов языкового вуза показывают, что они, во-первых, слабо владеют учебными и речевыми действиями, требующимися для решения коммуникативных задач, и поэтому часто действуют неосознанно, имитируя речевую деятельность преподавателя или образцы, представленные в учебнике.

Во-вторых, значительная часть студентов не готова к самостоятельной организации своей УД и к управлению ею, поэтому большая часть организаторской и контролирующей работы ложится на плечи преподавателя. И наконец, у некоторых обучающихся в вузе недостаточно развиты такие качества, как инициативность, ответственность и требовательность к себе, что отрицательно сказывается на качестве иноязычного образования.

Все перечисленное подтверждает мысль Е. Н. Солововой о том, что «достичь подлинной автономии можно только в случае соответствующей подготовки учащихся и необходимого учебно-методического обеспечения... учебного процесса» [6]. Только так общеобразовательная школа сможет заложить основы учебной автономии, на формирование которых, по нашему мнению, и должна быть направлена УПК.

Учебно-познавательная компетенция представляет собой готовность и способность выпускника школы планировать, осуществлять, контролировать и оценивать свою УД по овладению иноязычным общением и его средствами, чтобы вооружить школьника способами и приемами самостоятельного изучения языков и культур и дальнейшего самообразования с их помощью в разных областях знания. В ее основе, во-первых, лежит опыт познавательной деятельности, представленный знаниями об УД как таковой, о способах ее осуществления при овладении иноязычным общением и о средствах, используемых для обеспечения результативности этого процесса.

В качестве второй составляющей выступает опыт репродуктивной учебной деятельности, воплощенный в способах решения репродуктивных учебных и предметных задач, а третьей – опыт творческой УД, представленный способами решения поисковых и творческих учебных и предметных задач. И наконец, опыт эмоционально-ценностного отношения к УД, ее содержанию и участникам, представленный такими ценностными ориентациями, как ответственность, инициативность, требовательность к себе и другим, взаимопомощь, поддержка и т. п., выступает в качестве еще одного компонента, лежащего в основе УПК. Все перечисленные составляющие и являются той частью социального опыта, кото-

рую учащиеся должны присвоить, чтобы приобрести данную компетенцию.

Для дальнейшего обсуждения проблемы конкретизируем содержание последних трех составляющих социального опыта, чтобы вместе со знаниями четко представлять действия, которые школьники должны научиться выполнять в ходе формирования УПК для обеспечения их учебной автономии. Начнем с характеристики УД как таковой, чтобы затем показать ее особенности при овладении учащимися иноязычным общением.

УД представляет собой процесс решения учебной задачи (Г. И. Вергелес, В. В. Давыдов, И. А. Зимняя, А. К. Маркова, Е. И. Машбиц, Д. Б. Эльконин и др.), направленный на приобретение школьником новых, обогащающих его способов УД как заранее заданных изменений в нем как ее субъекте. Она протекает в предметной ситуации, содержание которой составляет некоторая часть социального опыта, предназначенного для усвоения. Принятие учебной задачи влечет за собой систему учебных и предметных действий с предметным содержанием УД.

В нее входят действия по анализу выделенного содержания, сравнению его с ранее усвоенным, составлению плана решения задачи и моделированию наиболее общего отношения объектов. В опоре на модель ученик выполняет требующееся количество учебных и предметных действий, осуществляет контроль над их правильностью и оценку точности выполнения. В результате он овладевает способом решения учебной задачи и присваивает некоторый фрагмент социального опыта, продвигающий его формирование как субъекта УД на ступеньку вверх. Приобретенный опыт позволяет ему в дальнейшем решать более сложные учебные задачи в новых предметных ситуациях.

Все перечисленные **учебные действия** можно назвать **универсальными**, необходимыми школьникам для решения любых учебных задач в любой предметной ситуации, возникающей, например, на уроках истории, математики, географии и, без сомнения, на уроках иностранного языка. Именно они позволяют учащимся спланировать УД, реализовать план полностью и точно, осуществить контроль полученного продукта и его оценку при условии, что они осознают цель своей деятельности, умеют выполнять требующиеся действия эффективно, ощущают ответственность за свой вклад в создание запланированного продукта и за качество полученного результата.

Воспользуемся изложением, чтобы показать особенности УД по овладению учащимися иноязычным общением. Они в значительной степени определяются тем, что иностранный язык, в отличие от других учебных предметов, является одновременно и целью, и средством обучения [7],

с помощью которого по мере усвоения языка происходит присвоение нового социального опыта. Поэтому процесс обучения иноязычному общению в рамках цикла уроков по теме условно разделен методистами на четыре этапа [8], где происходит постепенный переход иностранного языка из цели усвоения в средство познания окружающей действительности. На каждом из этих этапов, как мы показали в наших работах, школьники включаются в разные виды УД, решая репродуктивные, поисковые и творческие учебные задачи [9].

Так, на этапе формирования навыков учащиеся решают репродуктивные задачи разной степени сложности. Они используют имитативные, подстановочные, трансформационные и собственно репродуктивные действия, работая с минимальными речевыми произведениями в виде фраз различного объема и качества. Это позволяет школьникам на этапе совершенствования навыков включиться в поисковую УД. Здесь они во время взаимодействия с содержанием учебных разговорных текстов находят нужные действия среди уже усвоенных для успешного решения поисковой задачи, направленной на построение небольшого монологического или диалогического высказывания.

Только вслед за этим учащиеся могут перейти к решению творческих задач вначале на этапе развития умений, а затем на этапе функционирования общения, где последнее обслуживает познавательную, преобразовательную и ценностно-ориентировочную деятельность, благодаря тому что иностранный язык становится средством общения. Именно на данном этапе школьники действуют самостоятельно в новых, ранее не встречавшихся ситуациях, создают новые правила действия для получения нового результата, каковым является высказывание того объема и качества, которые указаны в программе. Успех этого процесса является результатом УД школьников, овладевших иноязычным общением в рамках разговорной темы и сделавших шаг в своем развитии как субъектов УД и иноязычного общения.

Как видим, каждая учебная задача требует не только учебных, но и адекватных им речевых действий, которые усваиваются совместно с первыми постепенно и обязательно в указанной последовательности. Поэтому эти действия будут составлять группу **предметных действий** (присущих предмету иностранный язык), которые должны приобрести школьники для автономной деятельности в ходе изучения языков и культур.

Наше изложение особенностей УД по овладению иноязычным общением было бы неполным, если бы мы не охарактеризовали те ее организационные формы, которые по своей структуре и содержанию адекватны общению. Последнее

представляет собой процесс взаимодействия нескольких индивидуальностей, находящихся в определенных общественных и личностных взаимоотношениях, в ходе которого происходит обмен действиями, приемами их выполнения и результатами, образами и представлениями, чувствами и информацией, чтобы, воздействуя друг на друга, достичь взаимопонимания и путем сотворчества получить ожидаемый результат [10].

В связи с этим далее речь пойдет о совместной и коллективной формах УД. Общим для них является то, что в качестве функциональной единицы этих форм УД выступает взаимодействие школьников, объединенных общими целью и мотивом. Само же взаимодействие направлено на получение совместного продукта с помощью совместных действий и на общий конечный результат. Содержание взаимодействий определяется их местом в структуре совместной и коллективной учебной деятельности и соотношением индивидуальных вкладов ее участников в решение стоящих перед школьниками задач. Это позволило нам выделить следующие виды взаимодействий: а) планирования; б) распределения индивидуальных действий, их согласования и организации; в) выбора способов и средств выполнения действий; г) реализация плана с помощью отобранных способов и средств; д) передачи действий, объяснения способа их выполнения и следствия за точностью выполнения первых операций; е) текущего контроля за правильностью выполняемых действий; ж) контроля итогового результата и оценки.

Наличие или отсутствие того или иного взаимодействия в УД зависит от вида совместной учебной деятельности. Если имеет место совместно-индивидуальная УД, то школьники вступают во взаимодействия только во время ее планирования и контроля полученного продукта. В совместно-последовательной УД взаимодействие имеет место по ходу реализации плана, когда школьники объясняют способ выполнения действий, помогают друг другу их осуществить, если в этом есть необходимость.

И наконец, в совместно-взаимодействующей УД обучающиеся работают в тесной связи на всех ее фазах. Следовательно, успех овладения как устной, так и письменной формами общения в значительной степени зависит и от того, умеют ли школьники взаимодействовать, т. е. принимать участие во всех перечисленных видах взаимодействий. Сами же взаимодействия совместно с описанными выше универсальными учебными и предметными действиями будут входить в ту дозу социального опыта, который должны присвоить школьники для успешного приобретения УПК.

Что касается ценностно-ориентационного опыта, то условия для его приобретения, по нашему

мнению, содержатся в коллективной учебной деятельности. Объяснить это можно тем, что она осуществляется совместным, работоспособным и целеустремленным коллективным субъектом. Для его членов, отдельных индивидуальностей цель, содержание и коллективистские ценностные ориентации данной деятельности являются лично значимыми и благодаря этому осознаются ими как общие, требующие объединения усилий для успешного решения учебной задачи и достижения запланированного результата [11].

Особое внимание хочется обратить на коллективистские ценностные ориентации, которые включают такие понятия, как нравственность, ответственность, требовательность, открытость, коллективизм, контактность, организованность, эффективность и информированность. Это как раз в большинстве своем тот набор ценностей, который совершенно необходим для учебной автономии школьников.

В завершение ответим на вопрос, как создать условия для успешного формирования УПК на уроках иностранного языка, чтобы описанный социальный опыт стал лично значимым, обеспечивающим учебную автономию изучающих иностранный язык и их готовность к иноязычному образованию через всю жизнь. Отвечая на этот вопрос, будем вести речь об учебно-методическом обеспечении учебного процесса, помня о том, что присвоение содержания УПК тесно связано с процессом формирования навыков и умений иноязычного общения.

Учебно-методическое обеспечение включает те средства, с помощью которых учащиеся будут получать информацию, требующуюся для успешного функционирования УД по овладению иноязычным общением. Сюда входят памятки и руководства, содержащие а) сведения об УД и ее особенностях на каждом этапе овладения иноязычным общением; б) рекомендации о том, как нужно действовать и взаимодействовать для успешного решения той или иной учебной и речевой задач; в) схемы структур взаимодействий на разных фазах УД; г) функциональные опоры.

Схемы структур взаимодействий наглядно показывают школьникам последовательность учебных и предметных действий, а также вид и место взаимодействий в ходе совместного решения соответствующей учебной задачи. К функциональным опорам относятся схемы высказываний, таблицы, планы, речевые образцы, списки слов и выражений на иностранном языке, помогающие учащимся грамотно и адекватно ситуации решить речевую задачу [12].

Описанные средства сопровождают УД школьников на протяжении всего процесса овладения иноязычным общением, каждый раз создавая ситуацию успеха и придавая учащимся уверен-

ность в самостоятельном достижении положительного результата. Они присутствуют во время ознакомления школьников с новым языковым и речевым материалом, при выполнении комплексов упражнений, организованных таким образом, чтобы обеспечить активные, сознательные действия учащихся во время тренировки и применения языкового материала, постепенно двигаясь от репродукции к продукции, к творчеству, работая индивидуально, в парах, в группах. Успех последнего во многом зависит от того, насколько ученики ответственны, организованны, заботятся друг о друге, «болеют» за общее дело и ожидаемый результат.

К сожалению, лишь только часть из описанных средств содержится в учебно-методических комплексах (УМК) по иностранному языку для общеобразовательной школы, поэтому многие из них приходится готовить самим учителям. Дополнительной подготовки требует и наличие в УМК таких средств, как двуязычные словари, грамматические, лингвострановедческие и другие виды справочников, ибо учебники очень редко содержат материалы, обучающие работе с ними. По нашему мнению, результативная самостоятельная работа учащихся со справочной литературой опять же может обеспечиваться памятками, объясняющими назначение источника и правила его использования, а также специальными упражнениями, с помощью которых отрабатываются необходимые для этого действия. Памятки должны лежать на столах учеников, чтобы они могли пользоваться ими в случае необходимости.

К средствам учебно-методического обеспечения процесса формирования УПК обучающихся можно отнести и адекватное поведение учителя. На уроках иностранного языка он выступает не только в качестве организатора УД школьников; их помощника и консультанта в решении учебных и предметных задач; но и одного из участников коллективной учебной деятельности по овладению иноязычным общением; партнера по общению, побуждающего учащихся вступить в

речевое взаимодействие и оказывающего им поддержку и помощь в случае затруднений.

Все изложенное, без сомнения, внесет весомый вклад в формирование УПК школьников и приобретение ими автономии как ее результата. Усвоенный в этом случае социальный опыт поможет выпускникам в дальнейшем, действуя автономно, получать с помощью иностранного языка необходимые знания и применять их на практике для решения разнообразных проблем, устанавливать контакты и работать сообща в разных областях, чтобы на протяжении всей жизни иметь возможность найти в ней свое место, чувствовать себя комфортно, творить, выдумывать, пробовать!

Примечания

1. Holec H. *Autonomy and Foreign Language Learning*. Oxford: Pergamon, 1981. P. 3.
2. Little D. *Learner Autonomy 1: Definitions, Issues and Problems*. Dublin: Authentik, 1991.
3. Коряковцева Н. Ф. Автономия учащегося в учебной деятельности по овладению иностранным языком как образовательная цель // *Иностранные языки в школе*. 2001. № 1. С. 9–14.
4. Соловова Е. Н. *Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс: пособие для студ. пед. вузов и учителей*. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 55.
5. *Примерные программы по иностранным языкам: сб. нормат. док. Иностранный язык / сост. Э. Д. Днепров, А. Г. Аркадьев*. 2-е изд. М.: Дрофа, 2007. С. 130.
6. Соловова Е. Н. *Указ. соч.* С. 52.
7. Зимняя И. А. *Психология обучения иностранным языкам в школе*. М.: Просвещение, 1991.
8. Пассов Е. И. *Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению*. М.: Рус. яз., 1989.
9. Куклина С. С. *Организационные формы коллективной учебной деятельности школьников на разных ступенях обучения иноязычному общению*. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 35–38.
10. Куклина С. С. *Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением*. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. С. 72.
11. Куклина С. С. *Система организационных форм коллективной учебной деятельности в группе для овладения учащимися иноязычным общением*. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. С. 37–52.
12. Там же.

В. В. Ковров

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ
В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ:
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье рассматриваются результаты исследования психологической безопасности образовательной среды образовательных учреждений для детей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

In the present article the results of the study of educational environment psychological safety for children in difficult life situation are presented.

Ключевые слова: образовательная среда, сфера образования, психологическая безопасность образовательной среды, дети в трудной жизненной ситуации.

Keywords: educational environment, the sphere of education, psychological safety of the educational environment, children in difficult life situation.

В практике современной общеобразовательной школы в последние годы все чаще приходится сталкиваться с детской безнадзорностью, жертвами насилия, мигрантами и т. д. Поэтому сегодня успешное функционирование общеобразовательной школы становится немислимым без квалифицировано организованного психолого-педагогического сопровождения детей, попавших в трудные жизненные ситуации, основанного на научно обоснованных организационных и методических формах деятельности, позволяющего создать безопасную образовательную среду.

Для того чтобы понять, как в рамках образовательного процесса обеспечена безопасность среды для детей, попавших в трудные жизненные ситуации, надо иметь объемную многофакторную информацию об этой среде. Такую информацию можно получить, если комплексно оценивать состояние образовательной среды по многим показателям. Потребность в такой информации у органов управления достаточно высока, и её можно получить, если разработать мониторинг безопасности образовательной среды для детей, попавших в трудные жизненные ситуации.

Мониторинг безопасности образовательной среды для детей, попавших в трудные жизненные ситуации, – это комплексная система исследования, позволяющая оперативно предоставлять информацию по научно обоснованным параметрам, характеризующим состояние образовательной среды для детей, попавших в трудные жиз-

ненные ситуации, для прогноза, коррекции и управления в рамках образовательной системы.

С психологической точки зрения безопасность определяется как состояние, при котором возможно устойчивое существование и функционирование человека, удовлетворение и реализация необходимых для него потребностей и интересов, предотвращение (устранение) различного рода обстоятельств – угроз своей жизнедеятельности и личностного саморазвития.

Психологическая безопасность реализуется через определенные формы социальных взаимодействий – совместную деятельность, адаптацию человека и жизненной среды и соблюдение определенных отношений между ними. Окружающая человека социальная среда может и должна способствовать выработке адаптивных форм поведения, обеспечивать возможности и модели безопасного поведения человека в социуме (И. А. Баева).

Одной из таких социальных сред, способствующих обеспечению психологической безопасности в процессе взросления человека, является образовательное учреждение, в рамках которого осуществляется процесс развития и социализации ребёнка.

Модель психолого-педагогического мониторинга безопасности образовательной среды для детей, попавших в трудные жизненные ситуации, была апробирована на базе образовательных учреждений разного вида и типа в четырех административных округах города Москвы, включенных в экспериментальную деятельность научно-исследовательской лаборатории «Психологическая безопасность в образовании» Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета.

Предметом мониторинга явились факторы, обеспечивающие психологическую безопасность образовательной среды для детей, попавших в трудную жизненную ситуацию. При этом под «психологической безопасностью образовательной среды» понималась смысловая нагрузка этой категории в определении И. А. Баевой «как состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников».

В построении модели мониторинга были выделены четыре основных фактора безопасной образовательной среды, представленные на рисунке.

В исследовании приняли участие педагоги и учащиеся средних общеобразовательных учреждений, детских домов и школ-интернатов. Коли-

чество детей-респондентов составило 338 человек. Возрастная выборка детей – участников мониторингового исследования составляла от 12 до 14 лет.

Мониторинг безопасности образовательной среды для детей, попавших в трудные жизненные ситуации, проводился в форме анкетирования. Анкета для учащихся включала 24 вопроса, раскрывающих параметры, которые, по нашему мнению, являются условиями, обеспечивающими безопасность образовательной среды для детей, находящихся в трудных жизненных ситуациях: межличностные отношения, защищенность ребенка в образовательной среде школы, эмоциональная комфортность, удовлетворенность образовательной средой.

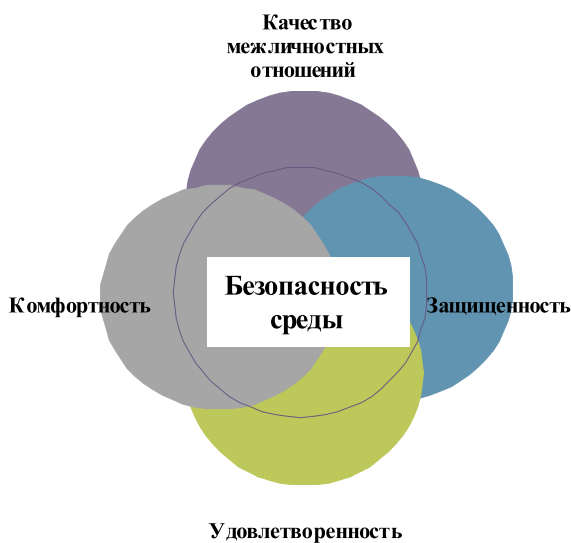
В анкете использовались следующие индикаторы:

– *межличностные отношения*: кому ученик доверяет в школе, является ли ученик свидетелем или участником конфликтных ситуаций, может ли свободно высказывать свое мнение;

– *защищенность ребенка в образовательной среде школы*: был ли ученик свидетелем или объектом агрессивных действий с чьей-либо стороны, был ли свидетелем унижающих действий с чьей-либо стороны, ощущает ли поддержку со стороны взрослых, насколько дружным является класс, в котором он учится, ощущает ли уважение со стороны взрослых;

– *эмоциональная комфортность*: доминирующее настроение в школе, чувство собственного достоинства;

– *удовлетворенность образовательной средой*: возможность иметь свою позицию, образование, как ресурс личностного развития; авторитарность педагогов, насыщенность образовательной среды.

Опрос проводился школьным психологом, заполнение анкет проходило в групповой форме.

Модель была апробирована на разных категориях детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Полученные результаты были учтены при обработке данных в целом по выборке респондентов, а для шести групп детей (дети, оставшиеся без попечения родителей; дети, имеющие недостатки в психическом и(или) физическом развитии; дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев; дети, проживающие в малоимущих семьях; дети с отклонениями в поведении; дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи) – достаточно численно представленных – был проведен сравнительный анализ данных.

Анализ данных мониторингового опроса учащихся (в целом по группе респондентов)

Ключевой вопрос диагностического исследования и последующего анализа полученных результатов анкет учащихся формулировался следующим образом: *в какой мере учащиеся, составившие выборку данного мониторингового исследования, оценивают образовательную среду (далее – ОС) как безопасную?*

Анализировались четыре параметра безопасной образовательной среды (далее – БОС): качество межличностных отношений ребенка; защищенность ребенка в ОС школы; эмоциональная комфортность ребенка в ОС; удовлетворенность ребенка образовательной средой.

Качество межличностных отношений ребенка как критерий безопасной образовательной среды

Для оценки *качества межличностных отношений* изучались показатели и конкретные вопросы к ним, представленные в табл. 1. Качественными маркерами этого параметра выступили оценочные суждения учащихся по вопросам *доверительности, конфликтности и принятия* в отношениях со сверстниками и учителями образовательного учреждения.

Данные по вопросам, раскрывающим показатель *«доверие»*, представлены в табл. 2. Преобладающие ответы выделены цветом.

Анализ показывает, что учащиеся высоко оценивают уровень доверия, существующий между учениками в школе: они готовы поделиться с другими детьми и радостными событиями (74%) и огорчениями (44%).

Не столь однозначно оценивают учащиеся доверительность своих отношений с педагогами. Так, значительное число учащихся готовы обратиться к учителю за помощью, если что-то не получается

Таблица 1

№	Параметры и показатели	Вопросы	Формулировка
1	Качество межличностных отношений (МЛО)		
1.1	1.1.1. Доверие в отношениях со сверстниками 1.1.2. Доверие в отношениях с педагогами	№ 1 № 2 № 16 № 11 № 12	Если у тебя радостное событие, расскажешь ли ты о нем кому-то из ребят? Если тебе плохо, ты расскажешь кому-то из ребят? Если тебе плохо, поделишься ли ты этим с учителем? Если у тебя что-то не получается, ты попросишь помощи у учителя? Если у тебя радостное событие, расскажешь ли ты о нем кому-то из учителей или взрослых?
1.2	1.2.1. Конфликтность в отношениях со сверстниками 1.2.2. Конфликтность в отношениях с педагогами	№ 3 № 4 № 13	Тебе приходилось видеть, что кого-то из ребят в вашей школе били другие ученики? Обычно ребята в вашей школе не уступают друг другу, стараются добиться своего? Бывает, что учитель придирается к тебе?
1.3	1.3.1. Принятие в отношениях со сверстниками 1.3.2. Принятие в отношениях с педагогами	№ 5 № 14	В вашей школе ребята уважают друг друга? В вашей школе можно говорить при учителях то, что думаешь?

Таблица 2

Распределение ответов респондентов по вопросам показателя «доверие»

№ вопроса	Да	Бывает	Нет
	2	1	0
1	251/74,3%	55/16,3%	32/9,4%
2	150/44,4%	103/30,5%	85/25,1%
11	207/61,2%	82/24,3%	49/14,5%
12	95/29,1%	130/38,5%	113/33,4%
16	72/21,3%	109/32,2%	157/46,5%

Таблица 3

Распределение ответов респондентов по вопросам показателя «конфликтность»

№ вопроса	Да	Бывает	Нет
	2	1	0
3	182/53,8%	101/29,9%	55/16,35%
4	126/37,3%	172/50,9%	40/11,8%
13	139/41,1%	113/33,4%	86/25,5%

Таблица 4

Распределение ответов респондентов по вопросам показателя «принятие»

№ вопроса	Да	Бывает	Нет
	2	1	0
5	95	180	63
14	61	124	153

Таблица 5

№	Параметры и показатели	Вопросы	Формулировка
2	Защищенность		
2.1	2.1.1. Агрессия в отношениях со сверстниками 2.1.2. Агрессия в отношениях с педагогами	№ 6 № 15	Часто ли ты видишь, как в твоей школе ученики задирают других ребят, портят или отбирают их вещи? Часто ли ты видишь в школе, что взрослые кричат, отнимают вещи у учеников?
2.2	2.2.1. Унижение в отношениях со сверстниками 2.2.2. Унижение в отношениях с педагогами	№ 7 № 17	Часто ли ты видишь, как в твоей школе ученики обижают, унижают, дразнят других ребят? Часто ли ты слышишь, что учителя твоей школы говорят обидные слова об учениках, их вещах, одежде?
2.3	2.3.1. Поддержка детской группы	№ 8	Можно ли сказать про тебя и твоих одноклассников: «Мы дружный класс»?
2.4	2.4.1. Поддержка взрослого (взрослый – гарант безопасности)	№ 18	Можешь ли ты сказать про большинство взрослых вашей школы: «Взрослые не позволяют другим ребятам меня обидеть»?
2.5	2.5.1. Безопасность личностных границ	№ 19	Можно ли сказать, про учителей твоей школы: «Взрослые меня уважают, они не лезут мне в душу»?

(62%), значительно меньшее число детей готовы поделиться с учителем радостью (29%) и еще меньше – обратиться к взрослому в школе, когда плохо (21%). То есть отношения со взрослыми доверительны в сфере деловых отношений и характеризуются низкой доверительностью в сфере человеческих, межличностных отношений.

В целом по показателю «доверие» преобладают высокие и средние значения.

Данные по вопросам, раскрывающим показатель «конфликтность», представлены в табл. 3. Преобладающие ответы выделены цветом, тревожные показатели – подчеркиванием.

Анализ показывает, что по всем вопросам, раскрывающим БОС через показатели конфликтности, преобладают высокие или средние значения. Конфликтные отношения существуют также между педагогами и учащимися. Отметим, что в целом отношения между педагогами и учащимися чуть менее конфликтны, чем отношения между самими детьми (25,5% респондентов охарактеризовали их как неконфликтные).

В целом по показателю «конфликтность» преобладают высокие значения.

Данные по вопросам, раскрывающим показатель «принятие», представлены в табл. 4. Преобладающие ответы выделены цветом, тревожные показатели – подчеркиванием.

Анализ показывает, что отношения между детьми характеризуются средней степенью принятия и уважения. В целом, большая часть респондентов оценила степень уважительности отношений между учащимися как высокую и среднюю.

Отношения с педагогами характеризуются низкой степенью принятия. Преобладающее большинство учащихся отметили, что не могут в присутствии педагогов открыто выражать свое мнение или не уверены в том, что смогли бы это сделать.

В целом результаты ответов на вопросы параметра «Качество межличностных отношений» дают разнородную, неоднозначную оценку БОС. Отношения со сверстниками дают хорошие положительные оценки по показателям доверия и принятия и довольно низкие – по показателю конфликтности. Отношения с педагогами дают низкие или положительные средние оценки по всем трем показателям параметра. Исключение – высокие показатели доверия к педагогам по воп-

росам, касающимся деятельности учащихся, деловых отношений.

Защищенность ребенка в образовательной среде школы

Для оценки защищенности ребенка в образовательной среде школы изучались показатели и конкретные вопросы к ним, представленные в табл. 5. Маркёрами выступили показатели агрессивности и унижения в отношениях со сверстниками и с учителями, а также субъективная оценка детьми личной безопасности в её психологическом аспекте.

Данные по вопросам, раскрывающим показатель «агрессия», представлены в табл. 6. Преобладающие ответы выделены цветом, тревожные показатели – подчеркиванием.

Таким образом, агрессивность отношений между учащимися может быть оценена как средняя – 48%, примерное равное число учащихся оценили ее как высокую и низкую (24% и 28%).

Агрессивность отношения педагогов по отношению к учащимся большинство учащихся рассматривают как низкую (45%) или среднюю (30%). Однако, учитывая важность и серьезность вопроса, вызывает тревогу значительное число ответов «да» на 15-й вопрос анкеты – 25%. Иначе говоря, 85 учеников из 338 ответивших на этот вопрос утверждают, что были свидетелями открытого агрессивного поведения взрослых по отношению к учащимся. В целом, по показателю «агрессия» преобладают средние показатели.

Данные по вопросам, раскрывающим показатель «унижение», представлены в табл. 7. Преобладающие ответы выделены цветом, тревожные показатели – подчеркиванием.

Анализ ответов показывает, что учащиеся фиксируют большое число актов унижения со стороны своих сверстников и значительно меньше – со стороны педагогов. Однако количество ответов «да» и «бывает» достаточно велико и составляет в сумме 67%. В целом, образовательную среду образовательных учреждений, в которых проводилось исследование, нельзя оценить как безопасную по показателю «унижение».

Данные по вопросам, раскрывающим показатели «поддержка детской группы», «поддержка взрослого» и «безопасность личных границ»,

Таблица 6

Распределение ответов респондентов по вопросам показателя «агрессия»

№ вопроса	Да	Бывает	Нет
	2	1	0
6	81/24%	161/48%	96/28%
15	85/25%	100/30%	153/45%

Таблица 7

Распределение ответов респондентов по вопросам показателя «унижение»

№ вопроса	Да	Бывает	Нет
	2	1	0
7	142/42%	155/46%	41/12%
17	81/24%	115/43%	142/33%

представлены в табл. 8. Преобладающие ответы выделены цветом, тревожные показатели – подчеркнутыми.

Анализ ответов показывает, что в целом учащиеся высоко оценивают такой показатель БОС, как «поддержка детской группы». Они также высоко оценивают проявление уважения к ним со стороны взрослых. В меньшей степени они видят ресурсность взрослого как гаранта их безопасности в отношениях с другими ребятами. 26% учеников ответили «нет» на вопрос, защитят ли их взрослые от других ребят, 46% не уверены в том, что это произойдет.

Таким образом, по параметру «Защищенность» можно констатировать неоднородность показателей безопасности образовательной среды. Настораживают высокие значения показателей «агрессивность» и «унижение» как в отношениях между детьми, так и в отношениях детей и взрослых. Отметим также, что взрослые лишь в некоторой степени выполняют функцию «сдерживателей» опасных ситуаций взаимодействия в школе.

Дополнительную информацию дает выведение средних значений для каждого респондента по показателям, измеряемым с помощью нескольких вопросов, и перевод средних значений в уровни. Низкий уровень – значение средних показателей меньше 0,7, средний показатель в границах 0,8–1,3, высокий уровень – 1,31 и выше среднее значение по показателю. Данные представлены в табл. 9.

Низкий уровень – значение средних показателей меньше 0,7, средний показатель в границах

0,8–1,3, высокий уровень – 1,31 и выше среднее значение по показателю.

Мы видим, что в целом безопасность образовательной среды подтверждается по отношению к такому показателю, как «доверие», и не подтверждается по отношению к показателям «конфликтность», «принятие», «агрессия». По показателю «унижение» получены амбивалентные оценки: для 33% учащихся ОС характеризуются низкими показателями, для 39% – высокими.

Эмоциональная комфортность ребенка в образовательной среде

Для оценки *эмоциональной комфортности ребенка в образовательной среде школы* изучались следующие показатели и конкретные вопросы к ним, представленные в табл. 10.

Данные по этим показателям представлены ниже в табл. 11. Преобладающие ответы выделены цветом, тревожные показатели – подчеркнутыми.

Анализ показывает, что преобладающее большинство учащихся высоко оценивают образовательную среду школы с точки зрения комфортности. Между тем нельзя сбрасывать со счетов мнение 130 учеников, которые не считают, что у них «в школе хорошо» или не уверены в этом, а также мнение 103 учеников, которые не чувствуют себя в школе человеком» или не уверены в этом. Это, соответственно, 38 и 30% респондентов. В целом, образовательную среду школ, в которых проходило исследование, нельзя назвать

Таблица 8

Распределение ответов респондентов по вопросам «поддержка детской группы», «поддержка взрослого» и «безопасность личных границ»

№ вопроса	Да	Не уверен	Нет
	2	1	0
8	112	156	70
18	92	157	89
19	139	129	70

Таблица 9

Распределение ответов респондентов по уровням на основании средних значений показателей «доверие», «конфликтность», «принятие», «агрессия» и «унижение»

Уровни	Доверие	Конфликтность	Принятие	Агрессия	Унижение
Низкий	45	76	133	156	110
Средний	141	139	120	97	96
Высокий	152	123	85	85	132

Таблица 10

№	Параметры и показатели	Вопросы	Формулировка
3	Эмоциональная комфортность		
3.1	3.1.1. Настроение	№ 9	У вас в школе хорошо?
3.2	3.2.1. Человеческое достоинство	№ 10	В школе ты чувствуешь себя человеком?

Таблица 11

Распределение ответов респондентов по вопросам параметра «эмоциональная комфортность»

№ вопроса	Да	Не уверен	Нет
	2	1	0
9	208	90	40
10	235	62	41

безопасной по параметру эмоциональной комфортности для весьма многочисленной группы учащихся.

Удовлетворенность ребенка образовательной средой

Для оценки удовлетворенности учащегося образовательной средой школы изучались следующие показатели и конкретные вопросы к ним, представленные в табл. 12.

Данные по показателям этого параметра БОС представлены в табл. 13. Преобладающие ответы выделены цветом, тревожные показатели – подчеркиванием.

Анализ данных показывает, что по большинству показателей образовательная среда удовлетворяет запросы и интересы учащихся. Наиболее низкие значения удовлетворенности по показателю «авторитетность педагогов»: многие учащиеся ответили, что «среди педагогов нет людей, на которых они хотели бы быть похожими», либо они не уверены в их существовании. Вызывают опасения результаты ответов на вопрос № 20 (показатель «возможность иметь свою позицию»). Большая часть учащихся заявили, что они «не могут свободно высказывать свою точку зрения» или не уверены в этом. Кроме того, значительное число учащихся «не удовлетворены теми возможностями, которые школа представляет для *развития их способностей*», и «характером проходящих в школе мероприятий и событий» – *насыщенностью образовательной*

среды. Однако, в целом, по данному параметру образовательная среда может быть оценена как достаточно безопасная.

В завершение рассмотрим средние показатели по каждому из параметров БОС по выборке респондентов в целом (табл. 14).

Низкий уровень – значение средних показателей меньше 0,7, средний показатель в границах 0,8–1,3, высокий уровень – 1,31 и выше.

Анализ данных табл. 14 показывает, что по параметрам «Качество межличностных отношений» и «Защищенность» в целом по выборке фиксируются средние значения, близкие к 1,0. По параметрам «Эмоциональная комфортность» и «Удовлетворенность ОС» – значения высокого уровня. Можно говорить, что ОС удовлетворяет критериям безопасности по двум из четырех значимых параметров.

Выводы по результатам исследования

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Субъективно воспринимаемый детьми вклад педагогов в создание и поддержку их психологической безопасности гораздо ниже желаемого, возможного. Педагог является для ребенка гарантом безопасности, значимой фигурой, эмоциональным защитником преимущественно в ситуациях делового взаимодействия, в вопросах, касающихся деятельности ребенка. Что касается межличностных отношений, то в этой сфере педагог вносит незначительный вклад в обеспече-

Таблица 12

№	Параметры и показатели	Суждения	Формулировка
4	Удовлетворенность образовательной средой		
4.1	4.1.1. Возможность иметь свою позицию	№ 20	В нашей школе я могу свободно высказывать свою точку зрения
4.2	4.1.2. Образование как ресурс для жизни	№ 21	В нашей школе нас готовят к самостоятельной взрослой жизни
4.3	4.1.3. Возможность развивать свои способности	№ 22	В школе есть интересные для меня занятия, кружки, факультативы
4.4	4.1.4. Авторитетность педагогов	№ 23	Среди моих учителей есть люди, на которых я хочу быть похожим
4.5	4.1.5. Насыщенность ОС	№ 24	В нашей школе происходит много важных, интересных и радостных событий

Таблица 13

Распределение ответов респондентов по вопросам № 20–24

№ вопроса	Да	Не уверен	Нет
	20	165	<u>104</u>
21	242	65	31
22	216	46	<u>76</u>
23	122	84	<u>132</u>
24	198	86	<u>54</u>

Таблица 14

Средние значения ответов респондентов по четырем основным параметрам БОС

Параметры	Качество МЛО	Защищенность	Комфортность	Удовлетворенность
Среднее	1,16	1,03	1,54	1,34

ние психологической безопасности ребенка в школьной образовательной среде.

2. В целом по выборке можно говорить о том, что образовательная среда исследуемых образовательных учреждений обладает невысокими оценками по шкалам безопасности. Очень высокая конфликтность, много проявлений агрессии, фактов унижения, причем не только между детьми, но и между детьми и педагогами. Самая драматичная ситуация складывается по таким параметрам БОС, как «защищенность» и «качество межличностных отношений»

3. В целом, тенденции, выявленные для всей выборки респондентов, характерны и для участников мониторинга, относящихся к различным группам детей, попавшим в трудные жизненные ситуации. Можно говорить о том, что нет принципиальной разницы в том, выстраивать ли мониторинг БОС для всех детей, определенного типа (вида) образовательного учреждения или для определенной категории (группы) детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

4. Наиболее специфичными с точки зрения данных мониторинга оказались две группы детей: дети с проблемами развития и дети с проблемами в поведении. Для первой характерно завышение результатов, некоторая неадекватность в выборах ответов, что может говорить о том, что детям было трудно работать с анкетой, понимать ее содержание и инструкции. Для второй группы характерно снижение значений по всем параметрам и показателям БОС школы.

УДК 159:821

А. А. Мосунова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ЧТЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Поднимается проблема утраты навыков чтения серьезной художественной литературы. Предлагается решение проблемы через реализацию программы специального курса в процессе вузовского образования. Раскрывается содержание и структура данной дисциплины. Рассматривается ряд актуальных теоретических вопросов, которые возникают в области психологии чтения художественных текстов: культура чтения, активизация воображения, актуализация мотивационных ресурсов чтения.

The problem of loss of skills of reading serious fiction rises. The solution through implementation of the program of a special subject matter in the course of high school education is offered. The contents and structure of this discipline reveals. A number of topical theoretical issues which arise in the field of psychology of reading art texts is considered: culture of reading, imagination activation, updating of motivational resources of reading.

Ключевые слова: Психология чтения художественной литературы, культура чтения, активизация воображения, мотивационные ресурсы чтения.

Keywords: Psychology of reading fiction, culture of reading, imagination activation, motivational resources of reading.

В психологии давно используются такие понятия, как «психология мышления», «психология общения», «психология искусства», «психология образования» и т. п. Они применяются для краткого обозначения совокупности психологических проблем, закономерностей, явлений, характерных для мыслительной, коммуникативной, художественной или познавательной деятельности человека. В таком контексте понятно и правомерно выражение «психология чтения художественной литературы», в самом первом приближении указывающее область психологических проблем, возникающих в сферах человеческой деятельности, обеспечивающих функционирование художественных текстов как произведений искусства слова (прежде всего деятельности понимания и осмысления).

Более строгое определение предмета психологии чтения художественной литературы, представляющей собой смежный раздел психологии искусства и педагогической психологии, будет дано ниже. Но уже в начале статьи необходимо сказать о правомерности объединения в одном научном пространстве предметов двух разных областей. Вряд ли кто-то возьмётся оспаривать утверждение, что сегодня становится всё меньше условий для воспитания любви к чтению художественной литературы. По данным Роспечати, в современной России читают мистическую литературу, любовные романы, детективы и мелодрамы; поэзия и серьёзная художественная литература практически не вызывают интереса. Утрата статуса самой читающей страны, отказ от чтения как способа освоения общечеловеческих смыслов и ценностей, отношение к чтению как форме потребления – все эти факты настолько очевидны, что не нуждаются в особых доказательствах.

Среди причин отказа от чтения в первую очередь называют визуализацию культуры и расширение возможности досугового времяпрепровождения, но автору статьи здесь видится ещё один фактор: неготовность прилагать серьёзные усилия для понимания текстов. Восприятие искусства, в частности чтение художественной литературы, представляет собой определённую работу, за которую не каждый человек готов взяться добровольно. Отношение к чтению как форме потребления вырастает на принципах массовой культуры, состоящих в том, чтобы не оказывать долговременного воздействия на личность и не требовать от человека никакой работы, иначе

будет недостижима популярность. В результате складывается объектная позиция читателя: выбор книг для чтения осуществляется под воздействием рекламы; воспитывается некритическое потребление того, что предлагает автор; отсутствует внутренний диалог с произведением. Но дело не только в засилье массовой культуры. Изъяны литературного образования приносят свои печальные плоды. Сегодня всем известна возможность изучать литературу, минуя художественный текст. По данным опросов учащихся средних школ и учителей словесности, источники информации о произведении любые, кроме самого произведения: рассказ педагога, учебник, краткие пересказы содержания, экранизации.

Последствия отношения к чтению как форме потребления мы ощущаем в полной мере. В результате установки на чтение как отдых и упрощение идёт отторжение молодёжи от подлинного чтения. Из-за непонимания глубинных смыслов классической художественной литературы не реализуется её нравственно-ценностный потенциал, преграждается источник трансляции общечеловеческих смыслов и ценностей. Происходит консервация инфантильных, примитивных структур сознания и тормозятся процессы личностного роста. И это проблема всего общества в целом. Вместе с тем существуют сферы человеческой деятельности, где чтение является ведущим видом профессиональной работы, выступает условием овладения профессией, конституирует её содержание и структуру. Именно в этих сферах возникают вопросы, адресованные психологии.

Современная психология является сложно организованной и широко разветвлённой системой знания, которая служит основой для многих гуманитарных практик. Каждая сфера общественной жизни должна выстраивать собственную систему психологического обеспечения, буквально выкраивая её по своим целевым ориентирам из всего массива психологических знаний. В большой степени сказанное имеет отношение к редакторской и журналистской деятельности, поскольку тексты создают, редактируют и читают люди, наделённые психологической неповторимостью восприятия и понимания. Но не в меньшей степени знания по психологии чтения важны для практического психолога в связи с тем, что сегодня активно развиваются такие прикладные области психотерапии, как библиотерапия, арттерапия, терапия поэзией, сказкотерапия и т. п.

В связи с вышесказанным возникла необходимость в разработке специального курса для студентов ряда гуманитарных специальностей. «Психология чтения художественной литературы» сложилась как самостоятельная дисциплина в системе подготовки специалистов книжного

дела, журналистов, филологов, культурологов и психологов, объединив задачи профессионального и личностного развития. Автором статьи была разработана учебная программа, которая представляет собой полное содержание курса «Психология чтения художественной литературы» по профессиональной подготовке специалистов и бакалавров. Программа состоит из трёх частей: «Исторические и эстетические предпосылки психологии чтения художественной литературы», «Чтение – уникальный вид человеческой деятельности», «Чтение как процесс понимания и порождения смысла». Тем самым в программе принята попытка психологического взгляда на чтение художественной литературы. Мы убеждены, что именно такой взгляд наиболее адекватен и принципиально значим для деятельности читателя, для реализации современных целей образования, для решения задач развития в процессе обучения способности к смысловому пониманию текстов. Вместе с тем мы попытались создать профессионально ориентированную учебную дисциплину. Содержание дисциплины в том или ином объёме было также реализовано в курсах «Психология и социология чтения», «Социология книги и культура чтения», «Смысловое понимание художественных текстов».

Предмет «Психология чтения художественной литературы» является учебной дисциплиной особого рода. В ней читатель-студент встречается с учёными и их учениями. Он встречается также с писателями и их произведениями. И очень важно, чтобы встречи были интересными, содержательными, запоминающимися. Ответственность за организацию пространства и содержание встречи лежит на авторе программы. При отборе материала для курса автор руководствовался не столько принципом полноты охвата проблематики данной дисциплины, сколько стремлением отразить наиболее актуальные вопросы психологии чтения, показать основные факторы понимания глубинных, скрытых смыслов текстов. Ещё одним важным критерием при отборе материала было стремление избежать самоочевидных истин, но максимально доступно описать тонкие и сложные процессы понимания и порождения личностных смыслов при чтении художественной литературы. Соответственно, студент встретит развёрнутое изложение тех фундаментальных положений психологической науки, которые играют ключевую роль в практических приложениях. По мнению автора, к ним относятся психология деятельности, психология личности и психология творчества. Тем самым содержание курса составили факты, теории, понятия, относящиеся к различным отраслям психологической науки.

При структурировании учебного материала мы сознательно следовали логике от общего к част-

ному и от простого к сложному. Отбор, синтез и изложение знаний строились с учётом и рефлексией задач, которые предстоит решать специалистам в современном обществе, в своей профессиональной деятельности. Поэтому каждый раздел дисциплины завершается контрольными вопросами и заданиями, а также вопросами к семинару, сопровождён списком необходимой литературы, обеспечен материалами и заданиями для практикума.

Первая часть «Психологии чтения художественной литературы» – «Исторические и эстетические предпосылки психологии чтения художественной литературы» – преследует цель кратко изложить историю возникновения и развития библиопсихологии, раскрыть представления о природе художественной литературы и её функциях в обществе, обозначить ключевые моменты в проблеме понимания художественных текстов. Предмет изучения – содержание и структура понятия «библиопсихология» в связи с содержанием и функциями литературы как искусства слова. Задача этой части курса – показать проблему отношений человека, книги и общества, создать представления о специфике воздействия художественной литературы на личность, сформировать у будущих специалистов интерес к познанию механизмов чтения «как труда и творчества».

Вторая часть – «Чтение – уникальный вид человеческой деятельности» – видится автором как развёрнутый анализ существующих понятий и теорий, ключевых для психологии чтения: о деятельности и её мотивах, о взаимодействии и диалоге, о творчестве писателя и интерпретации читателя. Здесь один из высших и сложных процессов раскрыт в трёх аспектах: чтение как деятельность в целом, чтение как общение и чтение как акт творчества.

В содержание третьей части курса – «Чтение как процесс понимания и порождения смысла» – входят объективно сложные и научно мало проработанные вопросы психологии чтения. Представление о смысловой сфере личности, понятие личностного смысла и дифференциация понятий «значение» и «смысл», структура смысла, понятия смыслообразования и смыслопорождения составляют, в свою очередь, необходимую основу для представлений о культуре чтения, неотделимой от глубокого, смыслового понимания и порождения личностных смыслов. Здесь стоит задача осознания роли осмысленного чтения в развитии смысловой сферы. Важно знать психологические условия смыслового чтения: активизацию воображения, образного мышления; актуализацию мотивационных ресурсов чтения. Эти знания особенно важны для реализации целей развивающего образования, в конечном счёте –

для построения профессионально грамотного процесса в любой сфере деятельности – редакторской, журналистской и тем более психологической.

Выделим наиболее актуальные вопросы психологии чтения художественной литературы, определившие концепцию, содержание и структуру данной дисциплины.

1. Культура чтения

Ключевым фактором, обуславливающим производство смыслов при общении искусством, является способность адекватно его воспринимать. Но полноценного восприятия художественного произведения не бывает без определённой культуры чтения. Понятие культуры чтения включает в себя ряд существенных признаков: культуру «медленного» чтения; эстетическую оснастку читателя; понимание им роли автора; умение воспринимать и воплощать в чтении знаковую систему искусства слова; работу по построению и выражению личностных смыслов и т. п. Речь идёт о чтении не бездумном, а таком, которое требует многообразной аналитической и синтезирующей работы ума и вместе с тем работы чувств, серьёзного эмоционального «подключения». Такое чтение в 20-е гг. XX в. называли «вчувствованием». Иными словами, дело не только в интеллектуальных усилиях читателя. Культура чтения, как показывает анализ её существенных признаков, предполагает напряжённый духовный труд, который по своей сути является производством смыслов. Тем самым построение и выражение личностных смыслов, заложенное в саму природу смыслового чтения, выступает важным признаком культуры чтения.

Культура чтения не формируется сама по себе, а складывается в процессе образования человека. Значимым условием для развития культуры чтения является включение личностного компонента (потребностей, мотивов, ценностей, смыслов) в структуру учебной деятельности. Учёные утверждают: невозможно остановить отторжение новых поколений от мира литературы, избежать формального отношения даже к величайшим писателям и их творениям, если конкретная практика будет исключать личностный компонент из структуры учебной деятельности. Пример такого исключения – «семантическое», «литературоведческое» чтение. Подобное чтение может сформировать определённое знание о предмете, однако возбуждение интереса к нему останется практически недостижимым до тех пор, пока литературное образование будет оперировать значениями объектов и явлений, а не отношением субъекта к ним, то есть смыслами. Нельзя усовершенствовать понимание путём получения навыков литературоведческого анализа, заинтересоваться чтением произведения, для личност-

ного прочтения которого язык значений явно неадекватен. Избегнуть этого помогает лично ориентированный подход, возлагающий субъектность в основу образовательного процесса. Концепция образования как всестороннего развития личности, прежде всего ее высших сфер, определяет такую структуру учебной деятельности, в которую входят не только действия и операции, но и потребности, мотивы, интересы, ценности субъекта. Данная структура учебной деятельности вытекает из её функции – развития сознания и самосознания учащихся. Личность тем самым оказывается включена одновременно в два формирующих ее процесса: обучение, определяющее ее развитие, и учение, обуславливающее ее саморазвитие.

Развитая способность смыслового чтения создаёт фундамент общей культуры чтения. В свою очередь культура чтения художественной литературы, порождая движение смыслов и значений, их видоизменение и преломление в индивидуальном сознании, является средством развития и саморазвития личности, содействует динамике её смысловых структур. Учёные различают «большую» и «малую» динамику смысловых структур, к каковым относят личностные смыслы, ценности и потребности, мотивы, смысловые установки, диспозиции и конструкты [1]. Под «большой» динамикой понимают процессы рождения и изменения смысловых образований личности в ходе жизни человека, в ходе смены различных видов деятельности. Под «малой» динамикой понимают процессы порождения и трансформации смысловых структур в ходе движения той или иной особенной деятельности [2]. Психология чтения обращена к области «малой» динамики. Чтение художественной литературы, являясь уникальной формой человеческой активности, приобщающей субъекта к процессам духовного производства, может рассматриваться как «особенная деятельность», при определённых условиях влияющая на развитие личности. Речь идет о воспитании читателя и – через читательские качества, с их помощью – о становлении его ценностно-смысловой сферы.

Согласно К. Роджерсу, А. Маслоу, Ф. Пёрлзу и другим представителям гуманистической психологии, если есть необходимые условия, то в человеке актуализируется процесс саморазвития, естественным следствием которого будут изменения в направлении его личностной зрелости. Поэтому важно понять связь смыслового чтения с внешними условиями – объективными обстоятельствами, в которых протекает смыслообразовательный процесс. Автор данной статьи различает два обстоятельства, определяющие процессы смыслопонимания и смыслопорождения при чтении художественной литературы: ак-

тивизацию творческого воображения и актуализацию мотивационных ресурсов. Интеграция этих компонентов в процессе чтения служит базой для «малой» динамики смысловых структур: их порождения и трансформации в ходе «особенной деятельности» смыслового чтения. Тем самым от понятия культуры чтения, являющегося общим фактором формирования смысловой сферы читателя, перейдём к частной характеристике психологических условий постижения ценностно-смыслового аспекта литературного произведения. Рассмотрим другие два актуальных вопроса психологии чтения.

2. Активизация воображения, образного мышления

Роль воображения в разнообразных видах человеческой деятельности общепризнана. Альберт Эйнштейн считал, что воображение важнее знания, ибо знание ограничено, воображение же охватывает всё на свете, стимулирует прогресс и является источником его эволюции.

Психологи всегда рассматривали воображение как обязательное условие учебной деятельности: «Никакое обучение не может происходить успешно, если оно не опирается на достаточно развитое воображение. Учебная деятельность предъявляет большие требования к воображению» [3]. Педагоги уделяли особое внимание идее развития воображения, в том числе посредством художественной деятельности: «Фантазия – основной инструмент творчества. Именно этот инструмент искусства лучше всего конструируют и совершенствуют в человеке» [4]. Без активности воображения немислимо познание литературы. Активное творческое воображение, создавая яркие представления на основе образов художественного текста, пробуждает чувства читателей, актуализирует личностные смыслы, порождает новые образы и идеи, тем самым обогащая духовный опыт личности.

Воображение достаточно хорошо изучено на сегодняшний день. Однако в психологии накопилось большое количество разных определений воображения, понимаемого как широко, так и более узко. Не все психологи одинаково решают вопрос о том, что является его продуктом – только образы или ещё и идеи. Нет единого мнения в вопросе, каким материалом оперирует воображение, с чем оно «работает» – только с конкретным, образным, чувственным, или же и с обобщённым, абстрактным. Есть и такая точка зрения, что воображение – не самостоятельный, особый психический процесс, а одна из форм мышления – образное мышление [5]. Но в двух особенно важных пунктах суждения учёных сходятся. 1. Все определения обязательно говорят о том, что воображение направлено на создание чего-то нового, чего нет рядом с человеком как

реальной данности. 2. Подчеркивается связь создания этого нового с тем, что уже было в практике человека, в его жизненном опыте. Особый акцент делается на комбинировании прошлых впечатлений как способе создания нового.

Воображение, как понимает его современная психология, – одна из форм отражения действительности, предполагающая в то же время некоторый отход, «отлет» от нее [6]. Именно потому, что воображение дает нам результат идеально, до его реального воплощения, «овеществления», его называют «опережающим отражением» действительности. Такое опережающее отражение позволяет нам заранее представлять продукт нашего труда, прогнозировать поведение окружающих, выстраивать стратегию собственного поведения в различных обстоятельствах. Благодаря ему мы можем быть готовы к тому, что нас ждёт. В создании этой готовности работа воображения тесно сплетается с работой мысли, потому что мышление – тоже «система опережения» сознанием результатов деятельности. Учёные считают мышление ведущей системой в психике человека. Однако они подчеркивают, что существуют условия, при которых мышление бессильно без интенсивной работы воображения. Такими условиями являются ситуации большой степени неопределённости: «Если исходные данные задачи, к примеру, научной проблемы, известны, то ход ее решения подчинён преимущественно закону мышления. Другая картина наблюдается, когда проблемная ситуация отличается значительной неопределённостью, исходные данные с трудом поддаются точному анализу. В этом случае в действие приходят механизмы воображения. Например, некоторая неопределённость исходных данных сказывается в работе писателя. Недаром роль фантазии так велика в литературном творчестве» [7].

Традиционный взгляд на воображение представлен школой Л. С. Выготского (С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев и др.). С точки зрения авторов этой школы воображение обладает тремя существенными признаками: 1) рождается в творческой деятельности и является её необходимым элементом; 2) есть создание нового в форме образа, представления или идеи; 3) своим источником всегда имеет объективную реальность. Воображение определяется как процесс формирования новых образов, представлений или идей на основе жизненных реалий, явлений действительности. Этот процесс может иметь разный масштаб значения – от рождения замысла фасона блузки до возникновения идеи открытия частного предприятия – но суть его принципиально одна. Воображение «работает» и над созданием мысленной модели не существующей пока в реальности полки для книг, и над

созреванием представления о развитии ситуации завтрашнего экзамена. Оно функционирует и у писателя при рождении замысла будущего литературного произведения, и у читателя при воссоздании образов, воплощённых в художественном тексте. Создание конкретных образов предстает лишь как частный случай, локальное звено процесса воображения в широком смысле слова. Процесс воображения также содержит и абстрактные, обобщенные схемы. Поэтому в контексте данной статьи воображение осмысливается широко, понятия воображения и образного мышления не нуждаются в разведении и являются синонимичными.

Различают два вида воображения – творческое и воссоздающее, которые разнятся по направленности, структуре и функциям. Вместе с тем они взаимодействуют в творческой деятельности: воссоздающее воображение постепенно и незаметно переходит в воображение творческое, а творческое нередко использует образы воссоздающего. По А. Р. Лурия, на путь различения натолкнула психология ребёнка, так как его воображение носит в основном воссоздающий характер, а появление подлинного творческого воображения следует отнести к более позднему развитию [8]. Воссоздающее воображение – это создание образов, соответствующих описанию, а творческое – создание новых образов, без опоры на готовое описание или условное изображение. Воссоздающее воображение не выходит за пределы образной конкретизации того, что сказано в тексте, творческое – воплощается в оригинальных и ценных продуктах деятельности. По А. Н. Леонтьеву, новое, новизна относительно: «Воспроизводящее воображение создает образы того, что уже есть, что уже известно, но нами лично не было непосредственно воспринято. Творческое воображение характеризуется самостоятельным созданием образов новых предметов, мысленным преобразованием действительности. Между ними нет непроходимых граней. С одной стороны, всякое творческое воображение требует воссоздания образов каких-то уже известных предметов и явлений. С другой стороны, часто в процессах воспроизводящего воображения имеются творческие моменты» [9].

Читатели с развитым воссоздающим воображением обладают способностью «входить» в мир литературных героев, рисовать в воображении яркие картины на основе воспроизведенных в тексте деталей. Творческое воображение, в свою очередь, способствует обострению художественного восприятия и более глубокому проникновению в суть произведения искусства, в его ценностно-смысловой аспект.

Психолого-педагогические исследования, посвящённые проблемам воображения, помогают

раскрыть механизмы воображения в процессе смыслового чтения, осмыслить взаимную связь воображения и чувства (Л. С. Выготский), увидеть способы «выманивания» (термин К. С. Станиславского) соответствующих замыслу автора образов и переживаний. Психология изучает воображение как психологическую функцию, исследует виды воображения, возрастные особенности развития воображения, зависимость его характера от специфики литературных описаний и т. д. Педагогику воображение интересует с точки зрения его роли в углублении понимания прочитанного, в воспитании эстетически развитого читателя.

Остановимся теперь на характеристике двух путей активизации творческого воображения в процессе чтения.

Первый путь – образное реконструирование художественного текста. Всякое образное воспроизведение элементов художественного текста: «словесное рисование», составление киносценария, мизансцен, «кадроплана», «диафильма» и т. п. (В. В. Голубков, Н. В. Колокольцев, З. Я. Рез, В. Г. Маранцман и др.) – выступает в качестве средства стимулирования воображения. Оно «рыхлит почву» для адекватного и глубокого восприятия художественного произведения, предопределяя внутреннюю работу, аналогичную той, что совершает писатель. Читатель рисует в воображении картины действительности так, как подсказывает автор, и, наделяя их личностным смыслом, истолковывая, с помощью изобразительно-выразительных средств языка переводит их во внешний, словесный, план. С этой точки зрения воображение сопутствует стержневой деятельности – осмысленному чтению, выступая его первостепенным условием. Рождаясь в творческой деятельности, являясь ее необходимым элементом, воображение возбуждает потребность в особом роде чтения – чтении «как труде и творчестве» (В. Ф. Асмус). В прикладных исследованиях описаны попытки прямого воздействия на процессы воображения. В отличие от фундаментальных трудов по психологии, прикладные психолого-педагогические исследования нередко выражают стремление авторов найти способы непосредственно управлять процессами воображения и влиять на их развитие. Ведется поиск специальных приемов, «запускающих» механизмы воображения и побуждающих субъекта комбинировать образы. Путь стимулирования воображения раскрывают В. А. Кан-Калик, В. И. Хазан, А. Я. Гришина, Н. Я. Мещерякова, Л. И. Коновалова, А. Е. Падалко и многие другие. В их работах представлены оригинальные методики, целенаправленно воздействующие на воображение. Созданы эффективные программы по развитию воображения в самостоятельной рабо-

те; разработана типология упражнений, стимулирующих читательское воображение, эмоциональную остроту и чуткость восприятия образной речи. Данные упражнения интересны, плодотворны и имеют под собой теоретическую почву: «Есть мнение среди психологов, что процесс воображения представляет собой комплекс интеллектуальных умений, поддающихся тренировке. Имеет смысл проводить тренировочные занятия по развитию умений создавать продукты воображения» [10]. Подобные методики не только активизируют творческий потенциал личности, но и расширяют её сознание, так как включают в область осознанного все большее количество жизненных представлений и впечатлений. Понимаемые не как самоцель, а как средство развития адекватного восприятия искусства, «упражнения на воображение» помогают освоению текста и тем самым могут играть важную роль в актах смыслопорождения. Особые действия по формированию читательских образов или представлений способны составить наглядно-образную основу смыслового чтения.

Другой путь активизации воображения, ведущий к динамике смысловых процессов, – проблематизация содержания произведения. Важно понять, что процесс смыслового чтения подчинен определённой логике. Образный слой художественного текста служит по отношению к его ценностно-смысловому аспекту своего рода потенциальной схемой, подобно тому, как сигнальные огни взлётной полосы задают вектор взлёта и приземления самолета. Взлётная полоса направляет к тем самым общечеловеческим смыслам и ценностям, воплощённой формой которых является художественное произведение. Но чтобы самолет взлетел, необходимо уметь видеть и решать конкретные, частные задачи. Постановка и поиск решения духовных, нравственных проблем, совместно или в полемике с автором органичны в чтении литературы. Проблематизация содержания художественного произведения стимулирует работу и мысли, и воображения. Однако, как уже отмечалось выше, существуют условия, при которых мышление почти бессильно без интенсивной работы воображения. Такими условиями являются ситуации большой степени неопределённости. Если ситуация отличается значительной неопределённостью, исходные данные с трудом поддаются точному анализу, как это часто происходит в жизни, а значит и в её отражении – в искусстве художественной литературы, то в действительности приходят механизмы воображения. Тем самым проблемная ситуация есть наиболее благоприятная среда для функционирования воображения. В специальной литературе проблемная ситуация определяется как особый вид мыслительного взаимодействия субъекта и объекта.

Она характеризуется таким психическим состоянием, возникающим у субъекта, которое требует открыть новые, ранее не известные субъекту знания. При чтении художественной литературы такими знаниями прежде всего являются нравственные, духовные категории. Проблемная ситуация в процессе смыслового чтения понимается нами как нравственно-духовная, требующая для своего разрешения не просто интеллектуальных, но духовных усилий, духовного производства. Мы полагаем, что осмысление проблемных ситуаций с нравственным содержанием – надежный способ постижения сложного литературного материала, развития образного мышления, воспитания нравственно-оценочного подхода к явлениям. «Входя» во внутренний мир литературных героев, читатель познает и собственный духовный мир, ведь «бытие книги – это бытие смысла внутри существ, способных выполнить смысл» [11].

Таким образом, решение вопроса об активизации творческого воображения, образного мышления является первым условием «запуска» процессов смыслопорождения и смыслопонимания при чтении художественной литературы, фактором постижения её ценностно-смыслового аспекта. Автору статьи представляются здесь два возможных пути активизации воображения читателя: образное реконструирование элементов художественного текста и проблематизация содержания произведения.

3. Актуализация мотивационных ресурсов чтения

Ещё один актуальный вопрос психологии чтения художественной литературы звучит следующим образом: как в современных условиях побудить молодёжь к серьёзному чтению? Реально ли помочь увидеть смысл в обращении к классической литературе?

В науке сложилось представление о смыслообразовании – придании мотивом смысла целям и обстоятельствам деятельности и, соответственно, действиям и операциям. По С. А. Рубинштейну, в качестве мотива всегда выступает переживание чего-то лично значимого для индивида. Поэтому важное место в иерархии мотивов занимают «смыслообразующие мотивы» (термин А. Н. Леонтьева), так как именно они придают деятельности личностный смысл. Падение интереса к чтению определено как раз отсутствием «смыслообразующих мотивов». В условиях растущего многообразия форм досуга люди не видят смысла в данной деятельности, требующей к тому же серьёзных усилий. Вместе с тем развитие системы внутренних мотивов рассматривается как фактор формирования смысловой сферы личности. Проблема мотивации чтения выступает как проблема создания мотивационного ком-

понента деятельности. По А. Н. Леонтьеву, предпосылкой всякой деятельности является та или иная потребность. Однако сама по себе потребность не может определить конкретную направленность деятельности. «Потребность получает свою определённую только в предмете деятельности: она должна как бы найти себя в нём. Поскольку потребность находит в предмете свою определённую (“опредмечивается” в нём), данный предмет становится мотивом деятельности, тем, что побуждает её» [12]. Чтобы люди восприняли чтение художественного текста как реальную деятельность и могли ощутить её творческие результаты, перед ними возникает задача: возбудить в себе интерес к процессу поиска личностных смыслов, индивидуальных значений и тем самым «найти» свою потребность в предмете чтения.

Отыскать «смыслообразующие мотивы» чтения помогают работы М. К. Мамардашвили, рассматривавшего восприятие искусства в контексте бытийных смыслов. Ключом к поиску служит определение философом психологического значения литературы. Оно заключается в способности художественного произведения быть «духовным инструментом» – влиять на читателя и определённым образом структурировать его внутренний мир. «Искусство прямо связано с изначальным, жизненным для человека смыслом. Искусство словесного построения есть способ существования истины, действительности. Если книгу ты прочитываешь, то только в той мере, в какой она есть зеркало, поставленное перед путём жизни, который по отражениям в нём выстраивается, и зависит, следовательно, от того, что в твоей собственной душе, то есть в этом смысле книга есть духовный инструмент, а не предмет, не вещь» [13]. «Смыслообразующие мотивы», выражающие как раз то, что есть «в твоей собственной душе», помогают соотнести это содержание со звучанием «духовного инструмента», книги.

Развивая мысль о «духовном инструменте», Мамардашвили характеризует литературу как уникальное средство самопознания, самоопределения человека, считая этот акт «самым главным актом» бытия. Чтение помогает «самому обнаружить себя в действительном испытании жизни, уникальном, которое испытал только ты, и кроме тебя и за тебя никто извлечь истину из этого испытания не сможет» [14]. Особо подчеркивая необходимость для этого специальной работы сознания, автор остроумно замечает, что «истина тебя нигде не ожидает, никто тебе её по почте не пришлет, ты должен остановиться и работать» [15]. Но чтобы сообщить смысл такой работе, возникает нужда в поиске «смыслообразующих мотивов», которые переводят восприя-

тие на тот уровень, на котором чтение художественных текстов превращается в акт самопознания. Читатель стоит перед задачей обнаружить в произведении себя, благодаря чему оно приобретает для него смысл: «Любой литературный текст, текст искусства, сводится к жизненным вопросам, то есть к любви, смерти, смыслу и достоинству существования, к тому, что мы реально испытываем в жизни и ожидаем от неё; и, очевидно, читаем мы то, что близко нашему душевному опыту. То, что не западает нам в душу, не является для нас литературой. Какие-то куски литературы для нас закрыты просто потому, что они, наверное, не совпадают с нашим жизненным путем и с самым главным актом – актом раскрытия себя в том, что говорит тебе впечатление от читаемого. Если мы не узнали себя в том, что мы читали, то оно для нас пусто» [16]. Иными словами, побуждением к чтению должна стать потребность в самопознании. Лишь в этом случае данная потребность, «находя» себя в предмете чтения, становится смыслообразующим мотивом, а книга приобретает свойства «духовного инструмента» и перестаёт быть «предметом», «вещью». Человеческие же потребности, по А. Н. Леонтьеву, производятся.

Освоение ценностно-смыслового ряда художественного произведения невозможно без актуализации внутренних мотивов. Согласно теории мотивации, развитие внутренней мотивации чтения происходит как сдвиг внешнего побуждения (мотива) на цель чтения. В нашем случае это полноценное постижение художественного текста и включение его глубинных авторских смыслов в индивидуальный контекст. Высокий удельный вес внутренней мотивации, желание познать себя и мир в процессе общения с книгой превращает чтение в аутотелическую, самоцельную деятельность, когда чтение осуществляется ради самого чтения. Смысл такой деятельности самодостаточен и порождён уникальным переживанием открытия жизни в её бесконечном многообразии. Становится возможным, говоря словами философа, «акт чтения как жизненный акт (и уравнение этого интеллектуального акта с “чтением” смысла любой другой судьбоносной встречи, будь то встреча с цветами боярышника или с несчастной любовью)» [17]. Повышение в структуре мотивации удельного веса внутренних мотивов является важным условием смыслового чтения.

В настоящее время появились новые теоретико-экспериментальные и прикладные исследования, освещающие современные проблемы мотивации деятельности. Они основываются на новейших тенденциях психологии мотивации и саморегуляции, сформировавшихся в последние два десятилетия, и создают теоретическую базу для

разработки современных подходов к развитию личности. Таковы исследования О. Н. Арестовой, И. А. Васильева, В. К. Вилюнаса, А. Е. Войскунского, Т. О. Гордеевой, О. Е. Дергачевой, Г. В. Иванченко, А. В. Калашниковой, Т. В. Корниловой, А. С. Кравченко, Д. А. Леонтьева, Е. Е. Насиновской, Е. Ю. Патяевой, Ф. С. Сафуанова, И. А. Спиридоновой, О. В. Смысловой и др.

Например, в работе Е. Ю. Патяевой речь идет о двух базовых парадигмах понимания мотивации: причинной (детерминистской) и свободы воли (самоопределения). Первая парадигма исходит из того, что человеческое поведение есть процесс сложный, но, по существу, ничем не отличающийся от процессов, изучаемых естественными науками. У каждого действия есть своя причина, побуждающая субъекта действовать определённым образом. Указав на широкий спектр причин, Патяева заключает: «Общим для всех моделей мотивации, строящихся на базе причинной парадигмы, является понимание человеческого действия как следствия какой-либо причины или определённого комплекса причин и явное или неявное убеждение в том, что если мы будем знать все эти причины, то сможем однозначно предсказывать действия человека и успешно влиять на них. Аналогично тому, как, зная законы движения и силы, действующие на движущееся тело, физик может предсказать или изменить траекторию движения этого тела» [18]. Детерминистская парадигма устойчиво доминирует в традиционной педагогике. Совсем иначе предстает процесс мотивации во второй парадигме. Вторая парадигма базируется на представлении о человеке как о существе, способном осознавать свои побуждения, самостоятельно определять свои действия и нести за них ответственность. По Патяевой, это не означает отрицания потребностей, мотивов, ситуативных мотивационных механизмов и других детерминант поведения, как не означает и добавления к их числу каких-то новых детерминант. Речь идет не о трансформации мотивов, а об изменении позиции личности по отношению к этим мотивам: «Парадигма свободы воли предполагает два “измерения” мотивационных процессов: “горизонтальное”, связанное с потребностями, установками, мотивационными механизмами и прочими детерминантами поведения, и “вертикальное”, связанное с осознанием своих мотивов, столкновением разных позиций во внешнем и внутреннем диалоге, осознанным и осмысленным принятием решения и выбором поступка, с самоопределением и ответственностью. Свобода воли (в отличие от произвола) предполагает именно самоопределение человека, то есть проведение им самим границ для своих действий» [19]. Если брать за основу дан-

ную парадигму, то точно предсказывать извне действия человека и полностью их контролировать невозможно в принципе.

Эти две парадигмы легко проследить в чтении. Человек, побуждающий себя к чтению исключительно ожиданием наград или наказаний за его результаты, исходит из причинной парадигмы. Читатель, всерьёз размышляющий о смысле книги, действует на основе парадигмы самоопределения. Тем самым мотивация смыслового чтения есть мотивация самоопределяемого действия. Подобное понимание мотивации человеческих действий представлено в художественной литературе. Понять мотивы самоопределяемых поступков литературных героев способен читатель, обладающий опытом самоопределяемых действий, по сути, аналогичным многообразному человеческому опыту самоопределения, зафиксированному в художественных текстах. Такой опыт органично вытекает из решения главной задачи смыслового чтения – постижения ценностно-смыслового аспекта литературного произведения. Фактически и в самом произведении его автором, и в процессе его постижения читателем решается одна и та же «задача на смысл», «на открытие “значения для меня” моего собственного действия, моего поведения, меня самого» [20]. Задача на смысл характеризуется Леонтьевым как задача осознания тех мотивов, которые сообщают смысл тем или иным объектам, явлениям и действиям. В наиболее общем виде задача на смысл есть задача определения места объекта или явления в жизнедеятельности субъекта. Она может ставиться по отношению к произведению: какое место оно занимает в моей жизни, в моем жизненном мире, для каких аспектов моей жизни оно безразлично, как может повлиять на нее, какие иметь последствия. Задача на смысл также может ставиться по отношению к собственным действиям чтения: ради чего я это делаю или собираюсь сделать; какие мотивы за этим стоят, какие потребности или ценности находят реализацию в этих действиях и к каким следствиям это приведет. Тем самым чтение художественных текстов становится по существу встречей читателя с закрепленным в образно-языковой форме актом самоопределения автора и само является актом самоопределения читателя.

Таким образом, проблема мотивации осмысленного чтения рассматривается нами как проблема создания мотивационного компонента деятельности, личностный смысл которой придает смыслообразующие мотивы. Важнейшие из них – самопознание, самоактуализация, самоопределение личности в процессе чтения. В структуру чтения с необходимостью должен войти этот личностный компонент. Исходя из методологического положения Леонтьева о смысло- и целе-

образовании как ведущих компонентах структуры личности, мы считаем, что создание мотивационного компонента деятельности смыслового чтения возможно лишь как мотивация самоопределяемого действия. Мотивация самоопределяемого действия стимулирует личностное восприятие литературы, помогает открыть в ней смыслы, найти пищу для размышлений и глубоких переживаний, пробуждает потребность выразить себя в трактовке произведения. Отсюда интерес и желание вчитываться в текст, «вчувствоваться», «впитаться» в него, эмоционально пережить его и осмыслить. Актуализация мотивационных ресурсов личности в процессе чтения литературного произведения представляется нам другим важным условием постижения его ценностно-смыслового аспекта. Содержание и структура смыслового чтения, его организация в процессе учебной деятельности, конкретные виды и формы работы с литературным произведением представлены автором статьи в многочисленных публикациях, в том числе монографии [21].

Таким образом, становление полноценного художественного восприятия, являющего субъекту смыслы литературного текста и тем самым формирующего смысловую сферу личности, связано в первую очередь с решением трёх актуальных вопросов психологии чтения. Это воспитание культуры чтения, активизация творческого воображения и актуализация мотивационных ресурсов чтения. При этих условиях чтение становится смысловым, а книга – «духовным инструментом», способствующим переживанию и пониманию своего опыта, определяющим путь к себе. Развивается способность и потребность к порождению в процессе чтения «личных значений», смыслов.

Примечания

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 2003.
2. Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В., Петровский В. А., Субботский Е. В., Хафаш А. У., Цветкова Л. С. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 38.
3. Запорожец А. В. Психология: учеб. для дошк. пед. училищ. М.: Просвещение, 1965. С. 105.
4. Неменский Б. М. Распахни окно: Мысли художника об эстетическом воспитании. М.: Мол. гвардия, 1974. С. 150.
5. Брушлинский А. В. Воображение и творчество // Научное творчество: сб. ст. М., 1969. С. 345.
6. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии: в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1989. С. 22.
7. Петровский А. В. Воображение // Общая психология: учеб. для студентов пед. ин-тов / А. В. Петровский, А. В. Брушлинский, В. П. Зинченко; под ред. А. В. Петровского. М., 1986. С. 349.
8. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. С. 138.

9. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959. С. 99.
10. Розет И. М. Психология фантазии. Минск, 1991. С. 185.
11. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / сост. и ред. Ю. П. Сенокосов. М.: Прогресс, 1992. С. 22.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. С. 303.
13. Мамардашвили М. К. Указ. соч. С. 157.
14. Там же. С. 162.
15. Там же. С. 160.
16. Там же. С. 155.
17. Там же. С. 156.
18. Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 290.
19. Там же. С. 291.
20. Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. С. 237.
21. Мосунова Л. А. Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2006.

ПЕРСОНАЛИИ

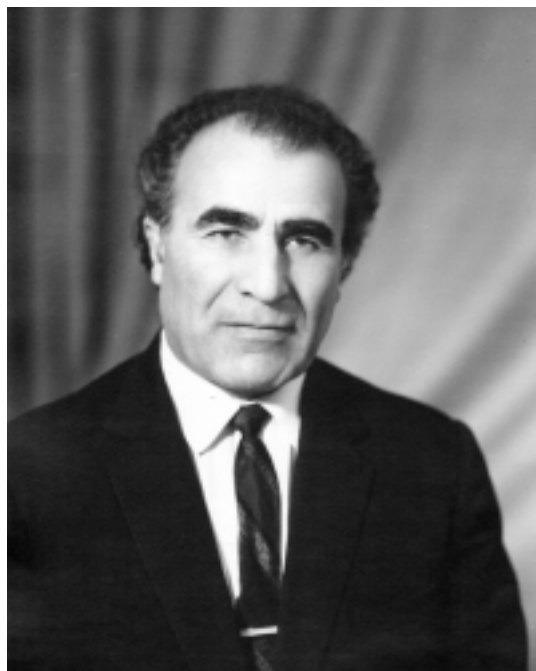
К 100-ЛЕТИЮ ВАРАЗДАТА СУМБАТОВИЧА АРУТЮНЯНА

Моё первое знакомство с Вараздатом Сумбатовичем Арутюняном состоялось осенью 1952 г., когда он, как декан историко-филологического факультета, встречался с нашей группой историков-первокурсников. Особенно запомнилось, что Вараздат Сумбатович говорил о важности для будущего историка постоянно заниматься в библиотеках и архивах. При этом он увлечённо рассказал об уникальном в мире книгохранилище – национальной сокровищнице древних рукописей армянского народа – «Матенадаран». Именно с этой тёплой встречи появились симпатия и доверие к этому человеку, ставшему одним из моих любимых вузовских учителей.

В студенческие годы удивляли его богатые интересными фактами, образные и эмоциональные лекции. Но не менее удивительным было его внимательное и уважительное отношение к студентам. В нём не было ничего авторитарного, начальствующего. Общение студентов со своим деканом всегда вселяло в них уверенность, надежду на лучшее. Он был близок к студентам и в праздники, отзывчив в моменты их индивидуальных трудностей и несчастий. Вспоминаю, как в один из праздников Первомая Вараздат Сумбатович, нисколько не стесняясь, кружился с нами в танцах. Вместе с тем никогда не забуду его и однокурсников моральную поддержку, когда у меня скончался отец. Благотворное влияние научного наставничества Вараздата Сумбатовича я впервые ощутил при написании под его руководством курсовой работы. Но в полной мере мудрость его наставничества, равносильная искренней заботе о молодых коллегах, раскрылась для меня позднее.

В 1957 г., поработав в школе, я стал ассистентом кафедры всеобщей истории, заведующим которой был В. С. Арутюнян. Тогда я и узнал о его многогранной деятельности и как руководителя, и как преподавателя, и как учёного. Вдохновляло то, что под научным руководством Вараздата Сумбатовича прошли аспирантскую подготовку на кафедре и защитили кандидатские диссертации К. Г. Газизов, ставший позднее ректором Кустанайского педагогического института, и Г. А. Глушков, ректор нашего института в 1969–1979 гг.

Весьма плодотворной была деятельность В. С. Арутюняна как любимого населением области лектора-международника. На нашей Вят-

ской земле, ставшей ему родной, он выступал как настоящий патриот и интернационалист. И это было очень важно тогда, в условиях «холодной войны» двух мировых систем. Благодарен Вараздату Сумбатовичу за то, что он и меня приобщил к этой лекторской работе по линии общества «Знание».

Прошло несколько лет моей работы на кафедре, и Вараздат Сумбатович, можно сказать, дал мне путёвку в жизнь. Он добился от ректората моего направления в целевую аспирантуру Московского государственного педагогического института с включением в её срок годичного обучения в Берлинском университете. И в дальнейшем, после публикации диссертационной монографии, назначения проректором по научной работе, он с отеческой теплотой относился к моему жизненному продвижению и напоминал лишь одно: всегда, в любых условиях оставаться человеком.

Для университета и нашей Вятской земли вклад Вараздата Сумбатовича Арутюняна в подготовку научно-педагогических кадров незабываем.

Для меня он по-прежнему дорогой, глубоко уважаемый человек и любимый учитель.

Ю. М. Рябов,
кандидат исторических наук,
доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЙКОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

ВНУТСКИХ Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент по кафедре философии Пермского государственного университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: dekanatfsf@psu.ru

ГРИНЬКО Ксения Михайловна – аспирант Института российской истории РАН. 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

E-mail: vmlavrov@mail.ru

ДАНИЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике ВятГГУ, член-корреспондент РАО. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: kaf_dfm@vshu.kirov.ru

ЖИВОТИЧ Александар – доктор Института новейшей истории Сербии. г. Белград, Республика Сербия.

E-mail: kaa.doc@mail.ru

ЗАБОЛОТСКИХ Екатерина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, зам. директора по учебной и воспитательной работе Института (филиала) Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: zem74@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Ангелина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: angelina_zy@mail.ru

ИВАНОВА Аннета Викторовна – аспирант кафедры эстетики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61.

E-mail: annetaivanova@yandex.ru

ИЖНИНА Лидия Павловна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4.

E-mail: upik-unn@mail.ru

КАЛИНИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КОВРОВ Владимир Викентьевич – кандидат педагогических наук, доцент, профессор Московского городского психолого-педагогического университета, зав. научно-исследовательской лабораторией «Психологическая безопасность в образовании» Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета. 127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29.

E-mail: lev23@list.ru

КОМАРОВА Ирина Алексеевна – преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Российской Федерации Института (филиала) Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: iriska-anfiska@rambler.ru

КУКЛИНА Светлана Станиславовна – доктор педагогических наук, доцент по кафедре английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kss@ssk.kirov.ru

МАКАРОВ Станислав Павлович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

МОСУНОВА Людмила Александровна – доктор психологических наук, профессор по кафедре практической психологии, зав. кафедрой издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ludmila1@mosunova.kirov.ru

НЕНАШЕВ Михаил Иванович – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophi@vshu.kirov.ru

НИКОЛА Марина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой всемирной литературы Московского педагогического государственного университета. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

E-mail: rector.mpgu@ru.net

НИКОЛИНА Нина Степановна – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ, секретарь судебного заседания Октябрьского районного суда г. Кирова. 610046, г. Киров, ул. Московская, д. 70.

E-mail: 2dutsnn@mail.ru

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: slava@pozd.kirov.ru

РЕДИКУЛЬЦЕВА Елена Николаевна – кандидат юридических наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: elena.red@inbox.ru

САВОСИЧЕВ Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре религиоведения и теологии Орловского государственного университета. 302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95.

E-mail: sawositchev@mail.ru

СМИРНОВА Анастасия Александровна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

СОЛОВЬЕВ Евгений Викторович – кандидат социологических наук, доцент по кафедре философии и политологии Марийского государственного университета. 424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.

E-mail: new.marsu.ru

УРВАНЦЕВА Елена Викторовна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ, старший преподаватель юридических дисциплин Кировского филиала Рязанской академии права и управления ФСИН России.

E-mail: ele.urvanceva@yandex.ru

ФАДЕЕВА Ирина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии Коми государственного педагогического института. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.

E-mail: kgpi@kgpi.ru

ХАРУНЖЕВА Мария Александровна – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: iris-ayame@mail.ru

ХОДЫРЕВА Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ur@vshu.kirov.ru

ХОЛМС Ларри – доктор исторических наук, заслуженный профессор в отставке Университета Южной Алабамы. Мобил, Алабама. University of South Alabama – Mobile, Alabama 36688-0002.

E-mail: lehviatka@yandex.ru

ЧЕРНОВА Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

ШАКЛЕИН Николай Иванович – доктор юридических наук, директор Института (филиала) Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: secretarmgua@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAYKOVA Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Assistant professor, Head of the Department of Linguistics and Translation in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

VNUTSKIKH Alexander Yurievich – Doctor of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Philosophy in Perm State University. 614990, Perm, 15 Bukireva str.

E-mail: dekanatfsf@psu.ru

GRINKO Ksenia Mihailovna – Postgraduate student of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, 19 Dmitriya Ulyanova Str.

E-mail: vmlavrov@mail.ru

DANYUSHENKOV Vladimir Stepanovich – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of the Department of Physics and Methods of education in VSHU, corresponding member of Russian Academy of Education. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: kaf_dfm@vshu.kirov.ru

ZHIVOTICH Aleksandar – Doctor of the Institute for Contemporary History of Serbia. Belgrade, Republic of Serbia.

E-mail: kaa.doc@mail.ru

ZABOLOTSKIKH Ekaterina Mikhaylovna – Candidate of Juridical Sciences, Associated professor, Assistant director on educational and pedagogic work in Kirov branch-office of Moscow State Law Academy. 610000, Kirov, 30 Moskovskaya Str.

E-mail: zem74@mail.ru

ZYRYANOVA Angelina Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associated professor of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: angelina_zy@mail.ru

IVANOVA Annetta Viktorovna – Postgraduate student of the Department of Esthetics in Moscow State University named by M. V. Lomonosov. 119234, Moscow, 1 str. 61 Leninskie gory.

E-mail: annetaivanova@yandex.ru

IZHNINA Lidiya Pavlovna – Candidate of Juridical Sciences, Associated professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics in N. Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 603000, N. Novgorod, 4 Ashkhabadskaya Str.

E-mail: upik-unn@mail.ru

KALININA Darya Alexandrovna – Candidate of Historical Sciences, Head teacher of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

KOVROV Vladimir Vikentyevich – PhD in Psychology, Head of the research laboratory “Psychological safety in education” at the Moscow Urgent Psychological Aid Center at the Moscow State University of Psychology and Education. 127051, Moscow, 29 Sretenka Str.

E-mail: lev23@list.ru

KOMAROVA Irina Alekseevna – Teacher of the Department of Constitutional and Municipal Law in Kirov branch-office of Moscow State Law Academy. 610000, Kirov, 30 Moskovskaya Str.

E-mail: iriska-anfiska@rambler.ru

KUKLINA Svetlana Stanislavovna – Doctor of Pedagogic Sciences, Associated professor of the Department of English and German Languages and Methods of education in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kss@ssk.kirov.ru

MAKAROV Stanislav Pavlovich – Candidate of Philosophy, Head teacher of the Department of Publishing business and Editing in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

MOSUNOVA Lyudmila Alexandrovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Practical Psychology, Head of the department of Publishing business and Editing in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: ludmila1@mosunova.kirov.ru

NENASHEV Mikhail Ivanovich – D.Sc. (Philosophy), Professor of the Philosophy and Sociology Department in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: philosophi@vshu.kirov.ru

NIKOLA Marina Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of World Literature in Moscow State Pedagogical University. 119991, Moscow, 1 str. 1, Malaya Pirogovskaya Str.

E-mail: rector.mpgu@ru.net

NIKOLINA Nina Stepanovna – Postgraduate student of the Department of Criminal-Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: 2dutsnn@mail.ru

POZDEEV Vyacheslav Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: slava@pozd.kirov.ru

REDIKULTSEVA Elena Nikolaevna – Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Criminal-Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: elena.red@inbox.ru

SAVOSICHEV Andrey Yuryevich – Candidate of Historical Sciences, Associated professor of the Department of Religious Studies and Theology in Orel State University. 302026, Orel, 95 Komsomolskaya Str.

E-mail: sawositchev@mail.ru

SMIRNOVA Anastasiya Alexandrovna – Postgraduate student of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

SOLOVYEV Evgeniy Viktorovich – Candidate of Sociological Sciences, Associated professor of the Department of Philosophy and Political Science in Mari State University. 424001, Ioshkar Ola, 1 pl. Lenina.

E-mail: new.marsu.ru

URVANTSEVA Elena Viktorovna – Postgraduate student of the Department of State-Law Law Disciplines in VSHU, Head teacher of Law Disciplines in Kirov branch-office of Ryazan Academy of Law and Management of Federal Penitentiary Service.

E-mail: ele.urvanceva@yandex.ru

FADEEVA Irina Evgenyevna – Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culturology in Komi State Pedagogical Institute. 167000, Syktyvkar, 25 Kommunisticheskaya Str.

E-mail: kgpi@kgpi.ru

KHARUNZHEVA Maria Alexandrovna – postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: iris-ayame@mail.ru

KHODYREVA Elena Anatolyevna – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Pro-rector for Education in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: ur@vshu.kirov.ru

HOLMES Larry – Professor Emeritus of History, Doctor (Ph.D) University of South Alabama. Mobile, Alabama. University of South Alabama – Mobile, Alabama 36688-0002.

E-mail: lehviatka@yandex.ru

CHERNOVA Svetlana Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

SHAKLEIN Nikolay Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Director of the Kirov branch-office of Moscow State Law Academy. 610000, Kirov, 30 Moskovskaya Str.

E-mail: secretarmgua@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 3(1)

Подписано в печать 24.08.2012 г.
Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Мysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 1000. Заказ № 294.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674